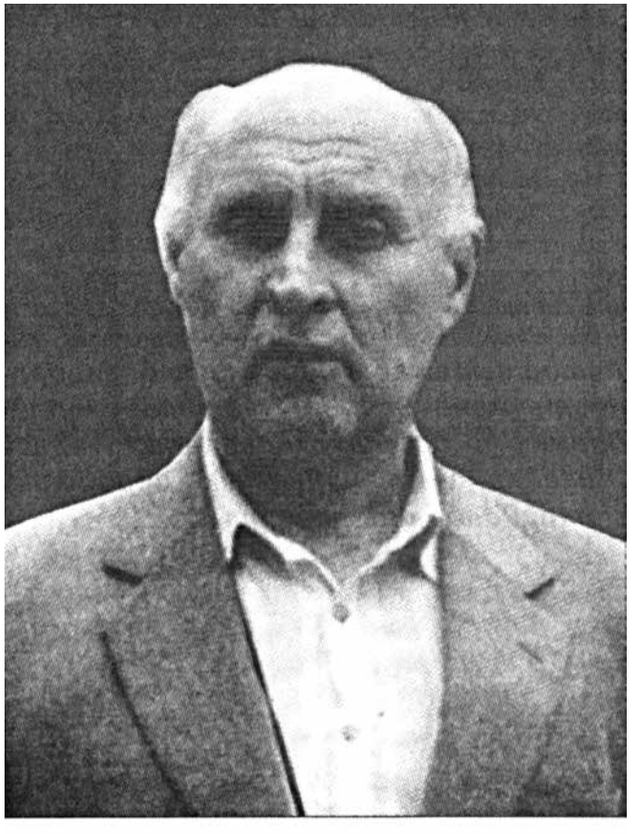
МОИМ ДЕТЯМ И ВНУКАМ

Автор выражает сердечную благодарность жене Бэлле за моральную поддержку и доброму приятелю Тарасу Жигайло за техническую обработку материалов для печати.



ФИЛИПП ТЕПЕРОВ

ФИЛИПП ТЕПЕРОВ

ПО МАРАФОНУ ЖИЗНИ

Слово-Word
New York
2005

Philip Teperov
Marathon of the life

Филипп Теперов
По марафону жизни

Cover design and illustration by Mark Polyakov
Обложка и иллюстрации Марка Полякова

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СЛОВО/WORD

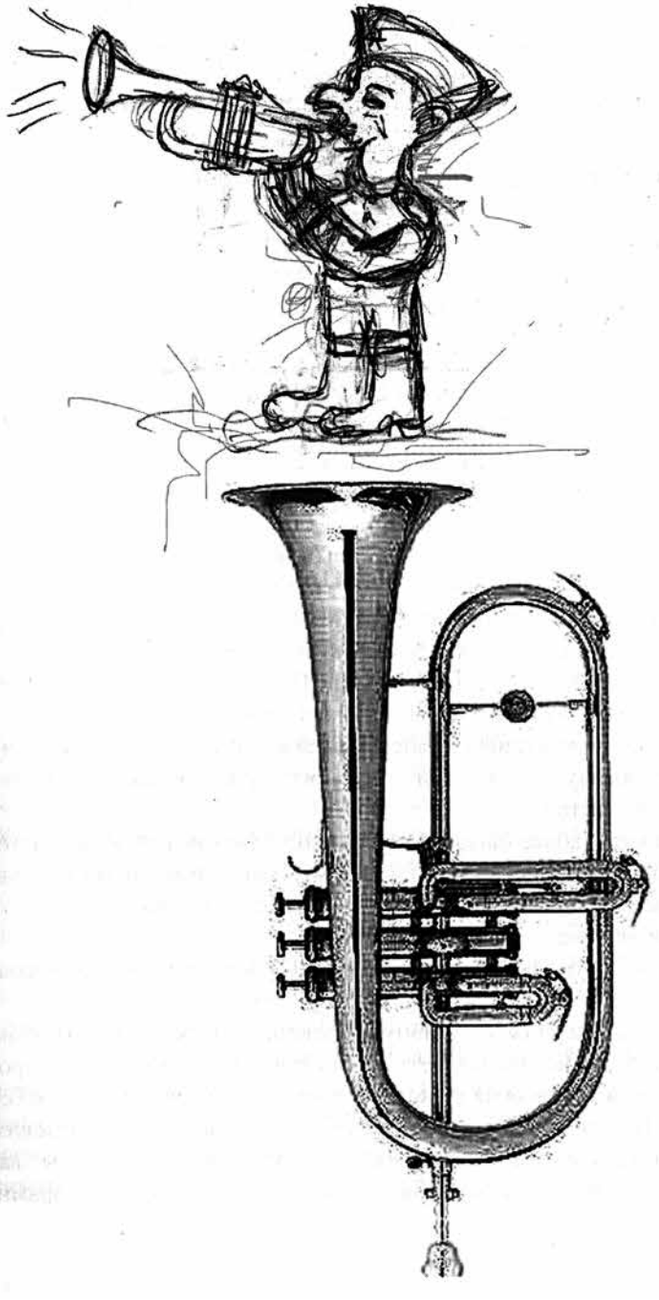
SLOVO/WORD
Publishing House
139 East 33rd Street #9M
New York, NY 10016, U.S.A.
Tel.: (212) 684–2356
Fax/Tel.: (212) 686–0199
E–Mail: slovo.word@verizon.net

Copyright © Philip Teperov
Copyrigh © Publisher House «Slovo-Word»
All rights reserved.
No part of this publication may be translated, reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior permission in writing from the copyright holder.

Library of Congress Cataloging Number: 2005932744
ISBN: 1930308906

Printed in U.S.A.

ОЧЕРКИ МУЗЫКАЛЬНОЙ БУРСЫ



УТРО.

Ровно в семь часов утра маленький, заспанный, щуплый, носатый и черный как грач воспитанник по фамилии Пукель прижимается своими тонкими губами к мундштуку трубы, набирает воздух, тужится, и плевком выпускает струю воздуха в мундштук. Раздается противный, сдавленный, кошачий звук.

– Подъем! – тут же злорадно кричит тощий как жердь и желтый от болезни Боткина дневальный по фамилии Борисовский, голубоглазый мальчик с непомерно большой грушевидной головой, бодрствовавший всю ночь и поэтому вложивший в этот торжествующий крик всю зависть к своим безмятежно спавшим собратьям. И как всегда, с этого момента начинают проявляться характеры. Самые осторожные и трусливые из воспитанников, они же и самые дисциплинированные, вскакивают первыми, лихорадочно заправляют кровати, быстро одеваются и выбегают на зарядку. Другие, более самоуверенные и менее озабоченные, не спешат. Их подгоняют, но они не очень обращают на это внимание.

– Бляхер! Мохорт! Покалнет! Поторапливайтесь, – кричит дневальный.

– Сейчас идем. Не кричи, – спокойно отвечает рослый, крепкий, горбоносый Бляхер, смелый и ловкий драчун.

Третьи же, самые наглые, дерзкие и беззаботные, никак не реагируют на сигнал подъема, особенно когда чувствуют, что это им сойдет с рук. Например, воспитанник Николаев. Дневальный тормошит его, а он посылает дневального к черту и еще дальше.

– Товарищ дежурный, – обращается воспитанник Борисовский к выполняющему обязанности дежурного сержанту Кабаку, – Николаев не хочет вставать.

Сержант Кабак, бывший профессор Московской консерватории, высокий, сутулый, тощий, с вытянутым серым лицом и большим горбатым носом, похожий на пеликана, возмущается:

– Как не хочет вставать? Почему?

– А Вы спросите у него сами, – вызывающе заявляет Борисовский.

– Сейчас мы узнаем, – кивнув головой, неуверенно произносит Кабак и осторожно направляется к постели Николаева. Далее происходит сцена похожая на ту, которая описана в басне Крылова «Кот и повар». Не исключено, что из всех музыкантов, имевших высшее образование, может быть, один Кабак получил во время войны звание сержанта. Все остальные были лейтенантами и даже майорами. Скорее всего, это можно объяснить тем, что профессор Кабак был сугубо штатским человеком. Военная форма сидела на нем как на огородном пугале: вылинявшая гимнастерка, вся измятая и без

пуговицы, была гармошкой заправлена под сбитый набок ремень, пилотку, словно корова жевала и одета она была звездочкой назад, замаранные солдатские брюки мешком висели на тощих бедрах, а на тонких ногах свободно болтались нечищеные искривленные кирзовые сапоги. Подойдя к постели Николаева, дежурный Кабак становится в третью позицию и делает следующее заявление:

– Воспитанник Николаев, как Вам не стыдно! Все Ваши товарищи уже давно делают зарядку, а Вы еще спите.

Этот моральный выпад не производит никакого эффекта. Тогда, выдержав небольшую паузу, Кабак делает строгое лицо и, откинув голову, театральным голосом произносит:

– Воспитанник Николаев, вставайте!

Тот даже не шевелится.

– Растормошите его, – обращается дежурный Кабак к Борисовскому.

Последний начинает дергать одеяло Николаева.

– Отстань, «груша»! – недовольно ворчит Николаев, не поворачивая головы.

– Товарищ Николаев, почему Вы не встаете? – допытывается Кабак.

– Я спать хочу. Не приставайте! – раздражается Николаев.

– А что же мне говорить, если я всю ночь не сомкнул глаз на дежурстве? – с надрывом произносит Кабак, – немедленно вставайте и идите на зарядку!

– Я болен! – неожиданно заявляет Николаев.

– А я смертельно болен! – трагически взвизгивает дежурный Кабак, – и все же продолжаю выполнять свои обязанности. Я требую, чтобы Вы немедленно встали и выскочили на зарядку!

– А пошел, «нос»! – сквозь зубы цедит Николаев, прекращая дискуссию, поворачивается на другой бок и перестает обращать внимание на дежурного Кабака и дневального Борисовского.

Однако в конце концов Николаев все же встает, но не потому, что решает подчиниться требованию дежурного или дневального, а потому что боится остаться без завтрака.

Вышеописанная сцена происходит в большой комнате, сделанной, по всей вероятности, из нескольких маленьких путем удаления внутренних стен, так что остались только ряды побеленных коробчатых колонн, поддерживающих потолок и крышу. В этой комнате почти вплотную друг к другу стоит около сорока металлических кроватей, покрытых тонкими ватными матрасами и грубыми суконными одеялами. Маленькие подушки тоже набиты ватой и одеты в темные жесткие наволочки. Окна комнаты расположены на одной стороне и выходят на голую проселочную дорогу, покрытую слоем желтой пыли. С другой стороны находится внутренний двор, где в

это время проводится утренняя зарядка. И здесь тоже проявляются характеры. Самые робкие и пришибленные из воспитанников стараются изо всех сил повторять те движения, которые им показывает командир, но у них, как правило, плохо получается. А более самоуверенные и беспечные, наоборот, делают все с ленцой, но почему-то довольно ловко. Так что их ставят в пример старательным воспитанникам.

– Вольфленок, не сгибайте ноги в коленях! – кричит проводивший зарядку низкорослый белобрысый крепыш сержант Посохов, – смотрите, как это делает Курников!

Зарядка длится ровно пятнадцать минут и заканчивается либо прыжками, либо бегом на месте, после чего все строем отправляются к умывальнику. Этот умывальник, установленный во дворе школы, представляет собой довольно примитивное сооружение, состоящее из большого чана с самоварным краником, куда дневальный до подъема заливает воду из протекающего по соседству арыка. Вода из краника льется в желоб с отверстиями, откуда и попадает на руки и лица воспитанников. Здесь же производится и так называемая чистка зубов. На подставке умывальника стоит коробка с грязным и окаменевшим порошком, который воспитанники разгребают пальцами и суют себе в рот. Правда, у некоторых есть зубные щетки со слипшейся и черной щетиной, так как ими чистят также пуговицы на гимнастерках. Это школьные аристократы. Иногда между ними разгорается спор о том, какой способ чистки зубов считать правильным. Кряжистый, смуглый, с черными до синевы волосами, похожий на цыгана, Фломбой горячится и утверждает, что зубы надо чистить поперек. Вообще-то фамилия его Фломбойм, но он стыдится своей еврейской фамилии и поэтому, отбросив последнюю букву, наивно полагает, что таким образом превратил свою фамилию в русскую. А рыжеватые неразличимые братья-близнецы Трипутины, у которых тетя была аптекарем, спокойно и убедительно доказывают, что зубы надо чистить вдоль, что поперек чистят сапоги, а не зубы.

– Не учи ученого – не ешь говна толченого, – переходит в атаку Фломбой. Этот выпад остается без ответа. Трипутины снисходительно пожимают плечами и прекращают дискуссию. Спор как обычно остается неразрешенным.

После умывания воспитанники одеваются и замирают в ожидании сигнала на завтрак. А, дождавшись, быстро строятся и отправляются в столовую, которая ничем не отличается от столовых в трудовых исправительных лагерях. Такие же грубые скамейки и столы на десять человек, такие же судки, алюминиевые тарелки и ложки, такая же раздача, пайки, баланда и тому подобное. В общем, все такое же, только разливающего из судков называют дирижером. Войдя в столовую, воспитанники выстраиваются у своих столов и по команде садятся. На столах ничего нет, кроме пустых судков и стопок алюминиевых тарелок. От каждого стола выделяется дежурный. Это, как правило, самый шустрый и пронырливый из воспитанников. Он хватает судки и спешит к раздаточной. Здесь он прибегает к разного рода приемам, чтобы получить побольше и погуще. Потом за столом происходит дележка. Особенно строго делится хлеб, что достигается с помощью довесок. Здесь явно нужны аптекарские весы. После дележки пайки кладутся на стол, и один из сидящих здесь отворачивается и закрывает глаза, а другой наугад тычет пальцем в ту или иную пайку и спрашивает:

– Кому?
– Вулису.
– Кому?
– Хамракулову.
– Кому?
– Розенвальду.
– Кому?
– Мне.

И так далее. Когда пайки оказываются в руках у воспитанников, то каждому, кажется, что его обделили. Темный жуликоватый кривоносый Фишель, который отворачивался, называя фамилии, подозревает подтасовку и недовольно ворчит, что ему досталась самая маленькая пайка.

– Давай махнемся, – весело предлагает деливший пайки упитанный, рослый и вечно околачивающийся возле столовой обжора Цыцылин, у которого очень наметанный глаз.

– Не подначивай! – обиженно отзывается Фишель, – Жри!

– Нет, без булды, честно, – говорит Цыцылин, – положим пайки на стол и отойдем. Пусть твой друг Резник сделает обмен. Ему ты доверяешь?

От неожиданности столь соблазнительного предложения, Фишель теряется, в голове на мгновение возникает тень сомнения, однако пайка предложившего обмен кажется ему больше его собственной и, не видя подвоха, он как-то не очень уверенно кладет свою пайку на стол. Происходит обмен. И тут завистник Фишель видит, что просчитался. Его пайка в руках Цыцылина словно выросла, а пайка, которую он получил, мгновенно сморщилась и оказалась меньше, чем была, когда ее держал Цыцылин.

– Нет, я передумал, – спешит исправить свою ошибку Фишель, но поздно. Победитель уже надкусил пайку Фишеля и ехидно ухмыляется.

Кормят воспитанников плохо. По какой-то третьей норме. В то время во всех военных заведениях страны существовали нормы

снабжения, имевшие номера, которые совпадали с номерами лучших симфоний Бетховена: Третья, Пятая, Девятая. По третьей норме полагалось только пятьсот граммов черного хлеба на день. На завтрак каша и чай с двумя крошечными кусочками рафинада. На обед жидкий суп и каша. На ужин то же самое что и на завтрак. Несмотря на то, что дело происходит в Средней Азии, рисовая каша бывает только по большим праздникам. В основном это или пшенная, или саговая, которую воспитанники называют «стеклянной кашей». Это совершенно безвкусные, как бы сделанные из прозрачного желе, шарики. Даже самые голодные из воспитанников едят эту кашу без всякого удовольствия. Время от времени проносится слух, что школу переводят на Девятую норму. Тогда все приходят в необычайное возбуждение. Ведь это значит, что будет белый хлеб, масло, компот или кисель на третье и вообще больше хлеба, сахара, и всего другого. Но слух не подтверждается и вновь наступает затишье. Что касается пятой нормы, то о ней даже не мечтают. Это норма летного состава ВВС, и там, кажется, полагается даже шоколад. Однако, странное дело, среди воспитанников есть такие, которые не особенно голодают. Например, старший воспитанник Лобовский, рослый, гладкий, который получает откуда-то дополнительные продукты, и даже лакомства. Лобовский пользуется этим своим преимуществом как настоящий садист. Вот он сидит и жует булочку с маслом, а у рядом стоящих воспитанников текут слюнки. Лобовский ухмыляется и издевательски предлагает:

– Кто хочет булочку за три шалабана?

(Так в школе называют щелчки). Это несколько напоминает ситуацию в басне Пушкина «О попе и работнике его Балде».

Надо сказать, что очень немногие воспитанники согласны получить от Лобовского булочку за три щелчка, несмотря на голодуху. Дело в том, что кисть у Лобовского огромная как у Листа или Рахманинова, и пальцы словно свинцовые. Давая щелчок, Лобовский сильно оттягивает длинный средний палец, затем резко отпускает его. Раздается хлопок как выстрел из ружья, и на лбу голодной жертвы сразу же появляется красная полоса, а затем это место тут же опухает. Тем не менее, почти всегда находится великомученик, готовый пострадать за удовольствие пожевать белую булочку.

Среди тех, кто не может добыть себе дополнительно какой-нибудь еды, даже хлопкового жмыха, есть настоящие «доходяги». Например, один из братьев Карасей. В то время как старший Карась, толстогубый и черноволосый красавец, является командиром взвода, сержантом, ухаживает за старшей дочерью начальника школы, и как сыр в масле катается, младший Карась, недавно переболевший дизентерией, представляет собой жалкое зрелище. Это настоящий

доходяга, похожий на высушенного богомола, рядовой воспитанник и с некоторых пор – «сшибатель кусков» – кусочник, жалкий попрошайка. Стоит кому-нибудь из детей раздобыть что-либо съестное, как он уже тут как тут. Вот переросток Клячко, грузный, черноволосый, сутулый с втянутой в плечи головой, похожий на биндюжника, достал где-то редьку и осторожно чистит ее перочинным ножиком.

– Аркаша, дай кусочек редьки, – умоляет его младший Карась.

Обычно воспитанники безоговорочно делятся в таких случаях. Все, но не Клячко. Он должен сначала поиздеваться над попрошайкой.

– Спой и потанцуй – тогда дам, – говорит он доходяге.

И этот несчастный Карась, у которого при виде того, как Клячко жует редьку, текут слюнки, начинает притопывать, щелкать пальцами и ломающимся голосом петь что-то жалкое, сочиняя на ходу:

– Дай редьки! Дай редьки! Будешь пацаном.

Творожок, творожок, помидорчик.

– Еще раз, – безжалостно требует Клячко. И бедный доходяга повторяет свой номер. Лишь после этого издевательства Карась получает крохотный ломтик редьки, который тут же проглатывает, не жуя.

За столом он ведет себя самым отвратительным образом. Мгновенно и жадно съедает свою порцию, потом заглядывает на чужие и попрошайничает. Надо заметить, что вообще все едят быстро, так как на завтрак отводится строго определенное время. И любая трапеза прекращается вместе с командой:

– Встать! Выходи строиться!

Если кто-либо к этому моменту не успел поесть, то ему приходится недоеденное оставить на столе. Команда обсуждению не подлежит, и никакие причины не принимаются в расчет. Правда, некоторые воспитанники пытаются вынести хлеб «на потом», чтобы обменять его на рынке на урюк. Ведь очень хочется поесть чего-нибудь сладенького! Однако редко кому это удается сделать. Старшина Михалин, который часто бывает дежурным по столовой, обыскивает на выходе каждого и, найдя хлеб, отбирает его, при этом ругая виновника, читая ему наставления и повторяя время от времени:

– Где же ваш солдатский советский дух?

Воспитанник по кличке «Арто», уроженец этих мест, белобрысый, веснушчатый, круглолицый крепыш, был одним из немногих, кому удавалось какое-то время обманывать старшину Михалина. Но вот однажды Арто появился на рынке и пошел по рядам, торгуясь и пытаясь выгодно обменять хлеб на урюк. Пошли в ход слова: ничпуль, яман, якши. Между тем, Арто не обратил внимания, что за ним все время следит какая-то узбечка в парандже. И вот когда Арто наконец, договорился и полез за пазуху, чтобы вынуть хлеб, кто-то крепко схватил его за руку. Арто повернулся и остолбенел.

Это был старшина Михалин, который прятался на рынке, надев паранджу, чтобы ловить тех, кто сумел его обхитрить. Не исключено, что старшина Михалин служил до этого в Органах, и у него осталась такая привычка. Арто был наказан и должен был вымыть весь пол в клубе. Такое наказание часто применялось также для тех, кто получал плохую отметку.

Следует сказать, что почти все в этой музыкальной школе делается по команде. Даже хождение в туалет. Для этого существует специальная команда:

– Вольно! Разойдись! Можно оправиться!

По этой команде все нуждающиеся быстро направляются к длинному барачного типа сооружению, находящемуся в дальнем углу внутреннего двора. Это школьная общественная уборная. Она почему-то не имеет крыши и дверей. Возможно, не хватило материала. Стены же сделаны из не строганных досок, так называемых «горбылей». Между досками большие щели, так что, подойдя поближе, можно разглядеть воспитанников, сидящих над рядом круглых отверстий в полу, как воробьи на проводах. Этот туалет – самое демократическое заведение в школе. Сюда ходят все от самого захудалого воспитанника до начальника школы. Правда, начальство ходит сюда лишь в то время, когда воспитанники находятся на занятиях. И только один Кабак не видит такой необходимости и заседает здесь вместе с воспитанниками, не замечая их смущения и насмешек.

В этот день что-то случилось с начальником школы, добродушным толстяком Кирьяновым. Может быть, он съел накануне что-то несвежее или вирус какой-то проник в его организм, но глава школы никак не мог дождаться, пока воспитанники пойдут на занятия, и появился в уборной, когда все ячейки были заняты. Увидев самого начальника школы в уборной, воспитанники смутились и потупили глаза. Только один Кабак не растерялся. С висящим на шее ремнем, поддерживая левой рукой брюки, он приподнялся и, стоя на полусогнутых ногах над отверстием в полу, приложил вытянутые пальцы правой руки к пилотке и дружелюбно отчеканил:

– Здравия желаю, товарищ подполковник! Займите, пожалуйста, мое место.

– Сидите! Сидите, Кабак! – поспешил разрядить обстановку Кирьянов, – все в порядке.

Он заметил, что один из воспитанников в дальнем конце уборной уже отстрелялся и натягивает брюки, собираясь выходить. В общем, все обошлось самым пристойным образом. Подполковник Кирьянов успел снять штаны над отверстием в полу и не осканда-

лился. Однако появление его в уборной привело сидящих там воспитанников в такое смущение, что они поспешили поскорее убраться оттуда, оставив профессора Кабака и начальника школы одних. При этом последние из тех, кто выходил из уборной, услышали, как профессор Кабак обратился к подполковнику с каким-то теоретическим вопросом, на что сидевший в дальнем углу Кирьянов добродушно заметил:

– Не здесь! Не здесь, Кабак! Позже! Давайте помолчим!

– Слушаюсь! – отчеканил Кабак и замолк.

В уборной стало тихо.

ЗАНЯТИЯ.

Занятия в школе состоят из двух частей: общеобразовательной, которая начинается сразу же после завтрака и нескольких минут подготовки, а также из музыкальной, которая проводится после обеда и так называемого «мертвого часа». Общеобразовательные занятия – это обыкновенная школа, только все ученики в ней стриженные, тощие, одеты в солдатскую униформу и приходят туда строем. Учебники старые, рваные и всего по три-четыре книги на класс. Кроме того, в учебниках не хватает страниц. После нескольких дней пользования дети обнаружили, что в одинаковых учебниках почему-то вырваны те же самые страницы. Этот феномен объяснился некоторое время спустя, когда школа получила из местного Районо дополнительно несколько таких же старых учебников. После того, как эти книги были розданы, один из учеников на уроке литературы похвастался:

– А у меня книга целая! Все страницы есть!

– Какие страницы? – удивилась учительница.

– А вот хотя бы эта страница, на которой нарисован военный по фамилии Блюхер, – ответил ученик.

– Не может быть! – в ужасе воскликнула учительница, – вырежи немедленно! Возьми ножницы или бритву и вырежи!

– И у меня тоже целая книга, и есть фотографии каких-то Постышева и Косиора, – заявил другой ученик.

– Что?! – побледнев, закричала учительница и резко вскочила со стула, – Дайте сюда немедленно все полученные книги! Завтра я их вам верну.

– А почему надо вырезать этого Блюхера? – спросил туповатый воспитанник Егоров.

– Это вам не надо знать. Это враг народа, – сурово ответила она. Когда на следующий день изъятые книги были возвращены ученикам, у них исчезли те же страницы, которых не было у первых книг.

Чтобы дополнить картину общеобразовательных занятий надо сказать, что классы маленькие и тесные, парты сдвинуты и сидят за

ними не по два, а по три ученика. Перед партами небольшой стол учителя, на котором стоит чернильница – невыливайка и лежит ручка с пером номер 86. За столом учителя на стене висит грифельная доска, на которой лежит кусочек мела и мокрая тряпка. В классе есть дежурный, который следит за тем, чтобы все было готово к занятиям. Когда открывается дверь и в класс заходит учитель, дежурный командует:

– Встать! Смирно! И строевым шагом идет докладывать, например, так:

– Товарищ преподаватель! Шестой класс готов к занятиям. Отсутствуют Жидовецкий по болезни и Адылов по неизвестной причине. Дежурный по классу Багзин.

Учитель здоровается и предлагает всем садиться. Если это учитель истории, который картавит настолько трескуче, что вороны могут позавидовать, то это звучит примерно так:

– Здхрравствуйте, товахррисци! Пхрредлагаю всем садиться!

В классе наступает оживление. Учителю истории не более сорока лет. Это темноволосый, смуглый, среднего роста человек, увлекающийся и взвинченный. Он кандидат исторических наук, и рассказывая о каких-то событиях, распаляется так, что начинает брызгать слюной во все стороны. Ученики наслаждаются этими моментами, особенно когда учитель истории выкрикивает слова вроде: «Спахртак, похррт Бхрундизий и тому подобное. Урок пролетает быстро.

Вообще, что касается преподавателей, то надо сказать, что ученикам школы здорово повезло. Особенно интересен учитель математики Либензон, заслуженный учитель Щербаковского района Москвы. Ему на вид лет шестьдесят. Это среднего роста сутулый человек с полной головой седых волос и морщинистым добрым лицом мудреца. Он преподает математику настолько увлекательно, что даже самые тупые из учеников проявляют интерес к этому предмету. Учитель Либензон не очень пунктуален и может появиться в классе во время перерыва или продолжить урок после звонка. Так случилось и на этот раз. Была большая переменка, дети бегали по партам, а двое из них, Болячкин и Розенвальд, сидели на корточках у маленькой печурки и поджаривали в ней хлопковый жмых, который где-то раздобыл Болячкин. Надо сказать, что огонь в печурке был разведен не для поджаривания жмыха, а потому, что в классе было холодно. Тем, кто никогда не был в Средней Азии, кажется, что там круглый год сухо и жарко. Это заблуждение. Зимой в этих краях бывает довольно холодно, и часто идут дожди. Слов нет, летом там очень жарко, температура поднимается до семидесяти градусов Цельсия, и говорят, что в этих условиях, если зарыть неглубоко в песок свежее куриное яйцо, то через двадцать минут оно сварится

вкрутую. Босиком по улицам особенно не походишь. Может быть, только хорошо тренированные йоги могут это сделать. А местные узбеки не рискуют. Поэтому летом они обязательно носят легкие сапоги-ичиги, а вот зимой ходят босиком из соображений экономии. Но и летом температура сильно колеблется, что представляет серьезное неудобство для воспитанников школы. Вечером так жарко, что уснуть невозможно. Только намочив холодной водой простыню и завернувшись в нее, воспитанникам удается попасть в «объятия Морфея». Но при этом надо обязательно позаботиться об одеяле, потому что к утру, температура падает настолько, что зуб на зуб не попадает. Учитывая погодные условия, начальство решило топить зимой печи в классах, чтобы воспитанники не озябли, тем более что им не разрешали сидеть там в шинелях.

И вот во время переменки в классе, где ученики бегают по партам, а двое из них нелегально поджаривают в печке хлопковый жмых, появляется учитель математики Либензон. От неожиданности ученики застывают на месте как герои в заключительной сцене гоголевского «Ревизора».

– Приведите себя в порядок и садитесь, – с улыбкой говорит вошедший. Потом с интересом смотрит на Болячкина и Розенвальда:

– А вы что делаете?

– Хлопковый жмых обжариваем, – испуганно отвечает Болячкин.

– А для чего? – спрашивает учитель.

– Чтобы есть, – робко говорит Розенвальд.

– А вкусно? – глядя на жмых голодными глазами, спрашивает Либензон.

– Вроде бы ничего, – пожав плечами, отвечают ребята, а потом, несколько осмелев, предлагают:

– Может быть, хотите попробовать?

Учитель спазматически глотает слюну, нервно потирает лоб и смущенно соглашается:

– Разве что, – маленький кусочек.

Болячкин секачом рубит жмых на колоснике и подает учителю небольшой кусок. Тот берет его слегка дрожащей рукой и пытается откусить своими несколькими оставшимися во рту зубами. Это не так просто сделать. По своей фактуре, а также по вкусу, хлопковый жмых напоминает прессованные древесные опилки, замешанные на машинном масле с добавлением испорченной горчицы. Даже молодыми зубами его не просто разгрызть. Тем временем Болячкин с Розенвальдом продолжают рубить уже поджаренный жмых, и после того, как всем раздали по кусочку, в классе возникает равномерный треск, напоминающий звук работающей камнедробильной машины.

Но вот раздается звонок на урок, и дежурный вскакивает, чтобы

отдать учителю рапорт, однако тот останавливает его:

– Садитесь, Пукель! Об отсутствующих вы мне скажете потом. Да я и сам вижу, кого нет в классе.

Затем начинается урок, и учитель рассказывает о Пифагоре и о древних египтянах, которые были знакомы с соотношением сторон в прямоугольном треугольнике 3:4:5, потом идут примеры, задачи, и математика оживает. Потом у доски стоит худенький, рыжий, лопоухий и вздорный мальчик по фамилии Горкин и решает задачу. Это один из самых отстающих учеников в классе. Что-то он опять напутал, и у него получилось в ответе, что в классе на корень квадратный из двух больше девочек, чем мальчиков. Это, пожалуй, хуже, чем в известном стихотворении Маршака, где получилось два землекопа и две трети. Учитель смеется и спрашивает у сидящих в классе, кто знает, где ошибка и как избавиться от двойки под знаком радикала. Никто не может ответить, так как невозможно разобраться, что написано на доске, настолько все неряшливо и запутанно.

– А я знаю, – с загадочным видом говорит Либензон, – и сейчас вам покажу. При этом он как иллюзионист начинает делать руками пассы, прикрывает часть доски полой своего пиджака и громко бормочет: Карамба-барамба! Шурум-бурум! Фигли – мигли! Берем и незаметно извлекаем двойку из-под знака радикала, а затем осторожно переносим ее в журнал прямо напротив фамилии Горкина.

В классе раздается такой взрыв смеха, что на следующей переменке ученики соседних классов спрашивают:

– Чего вы там реготали?

Так проходят уроки у преподавателя математики Либензона.

Но особенно весело проходят уроки у преподавателя физики Эйдуса. Это тихий, скромный, мягкий человечек с маленькими ручками и ножками и непомерно большой лобастой головой, настоящий карлик. Ростом он меньше любого воспитанника. На его уроках шумно, дети бегают, почти никто его не слушает, хотя рассказывает он очень интересно. Однако все меняется, когда учитель начинает проводить опыты. Здесь все замирают, потому что Эйдус – это настоящий шлимазл и шлимел в одном лице. Чтобы он ни пытался сделать, все идет кувырком. Ни один закон физики в его руках не действует: разноименные заряды не притягиваются, одноименные не отталкиваются, свет в призме не преломляется, а когда Эйдус хочет показать, как атмосферное давление удерживает воду, а перевернутом стакане, то это атмосферное давление куда-то пропадает, и то небольшое количество воды, которое было в стакане, выплескивается и полностью обливает учителя с головы до ног. Да, что и говорить, на уроках физики было весело. Кажется, что если бы Эйдус хотел продемонстрировать действие закона всемирного

тяготения и подбросил вверх шарик, то шарик не упал бы на землю, а унесся бы в космическое пространство. И каждый свой очередной провал Эйдус с виноватым видом заканчивает одной и той же фразой:

– Детки, опыт не удался!

Тогда кто-нибудь из учеников говорит:

– Давайте я попробую.

И он идет к столу. И успешно проделывает опыт. И законы физики восстанавливаются в своих правах. А потом другие ученики выходят, и у всех тоже хорошо получается. А Эйдус только восторгается, кивает своей большой головой и повторяет:

– Видите?! Я же вам говорил!

Вряд ли Эйдус мог без посторонней помощи завязать себе шнурки, забить гвоздь или вскипятить чайник чая. И был до того маленький и легкий, что однажды чуть из-за этого не погиб. Это было уже позже, когда школа вернулась из эвакуации в Москву. Он стоял на платформе в Малаховке, ожидая электрички. Был ветреный день. Вдруг сильный порыв ветра подхватил Эйдуса и сбросил его с платформы на рельсы. Электричка стремительно приближалась, а Эйдлус не шевелился. Тогда двое самоотверженных молодых людей, рискуя собственной жизнью, спрыгнули с платформы и в последнее мгновение успели оттащить в сторону шлимазла Эйдуса. «Великий экспериментатор» был спасен.

А вот преподаватель русского языка Лопицкий представлял собой прямую противоположность Эйдусу. Это был человек огромного роста, настоящий атлет с бычьей шеей и стальной мускулатурой. Кажется, он продолжал заниматься то ли штангой, то ли борьбой, хотя ему наверняка было более пятидесяти лет. Он был грубоват, но не зловреден, тем не менее, все его боялись, и на его уроках никто даже не шевелился. Учитель Лопицкий иногда позволял себе неприличные вольности. Так, например, говоря о падежах, он по секрету предлагает ученикам запомнить следующий шутливый монолог обвиняемого:

Она – Именительный.

Я ей – Предложный.

Она мне – Дательный.

Я ей – Творительный.

Она – Родительный.

В чем же я – Винительный?

О физической силе Лопицкого говорит следующий эпизод. Дело происходит уже после возвращения школы из эвакуации. Два класса, шестой и седьмой, играют на большой переменке в штурм крепости. Шестой класс захватил маленького заложника из седьмого

класса, забаррикадировался, подтащив парты к дверям, и сдерживает натиск превосходящих сил противника из проходного седьмого класса. Участники обороны настолько увлечены, что не слышат звонка на урок. Вдруг невероятной силы толчок отбрасывает их всех вместе с партами к противоположной стене и в дверном проеме показывается громадная фигура Лопицкого с красной физиономией. Дети застывают от испуга и неожиданности.

Встать, коровы! – командует Лопицкий, – хорошо, что я пришел.

Он переводит дыхание и продолжает:

– А если бы пришел Эйдус, которого ветер задул под электричку, – вы бы так до вечера дурака валяли?

– Ты, коломенская верста! – орет он на очень высокого худющего мальчика, – почему не поставил парту на место?!

От этого окрика все приходит в движение, и в классе быстро восстанавливается порядок, после чего Лопицкий командует:

– Сесть, коровы! – и начинает урок, как ни в чем не бывало. Никаких допросов, и никто не наказан. Вскоре дети поняли, что учитель русского языка Лопицкий при всем своем устрашающем виде, человек по натуре добрый, и надо сказать, что на его уроках было по-своему интересно.

Следует упомянуть также преподавателя биологии. Это рослый, крепкий, симпатичный человек лет тридцати. Непонятно, почему он не на фронте. Вообще, очень странная личность. Производит впечатление человека отрешенного, необщительного. И, кажется, что не обращает никакого внимания на окружающих. А все время вроде бы решает в уме какие-то задачи. Возможно, это шахматные задачи. Говорят, что он мастер спорта по шахматам. Входя в класс, учитель биологии полностью игнорирует дежурного, который пытается ему отрапортовать, и обходит его как столб. При этом биолог всегда говорит одну и ту же фразу:

– Здравствуйте, учащиеся! – здесь он делает паузу, обводит глазами класс и продолжает, – многолюдного (или немноголюдного), – в зависимости оттого, что он видит, – такого-то класса.

После этого он садится и непременно делает перекличку, при этом, отчаянно перевирая фамилии, что вызывает у детей приступ веселья.

«Вольфленька» вместо «Вольфленок», «Чиркин» вместо «Горкин», «Болиновский» вместо «Борисовский», и т.д. Кажется, что он это делает нарочно. Проводится перекличка примерно так.

– Багзан! – вызывает учитель.

– Багзин! Багзин! – выкрикивают ученики с разных сторон, пытаясь поправить учителя.

– Багзан есть? – спрашивает биолог, не обращая внимания на

возгласы воспитанников.

– Багзин! – уже без всякой надежды восклицает кто-то.

– Нет Багзана? – серьезно спрашивает учитель и вроде бы собирается сделать в журнале пометку, хотя прекрасно видит Багзина, сидящего прямо напротив него.

– Есть! Есть! – смеясь, восклицает Багзин, приподнявшись.

– Хорошо, – говорит учитель, делает пометку в журнале и продолжает:

– Болиновский! И так далее.

Но учитель замечательный, великолепный рассказчик. Его урок пролетает как мгновенье. Правда, его рассказы имеют мало общего с биологией.

И была в школе всего одна учительница. Она преподавала литературу. Это была немолодая добрая женщина, которая по-матерински относилась к воспитанникам и старалась всеми возможными способами скрасить их однообразные будни.

Что касается музыкальных занятий, то здесь все проходит намного более серьезно. Большинство преподавателей, в том числе бывший профессор Московской консерватории Трахтеров, на индивидуальных занятиях доводят своих учеников до слез. Правда, не всех. Одного ученика профессор Трахтеров, преподаватель по классу кларнета, несмотря на все свои усилия, так и не может заставить плакать. Этот ученик по фамилии Трепов, худенький темноволосый мальчик с длинным как бы перебитым носом, сразу понял, что хорошего музыканта из него никогда не получится и поэтому никак не реагирует на окрики учителя и совершенно не переживает от своих неудач. Более того, когда учитель, выражая недовольство, начинает на него кричать, он вдруг заявляет, что ему надо в туалет. От такого неожиданного поворота профессор на мгновение теряет дар речи, а потом у него пропадает уже весь запал, и вместо окриков идут наставления:

– Нормальные люди ходят в туалет либо рано утром, либо перед сном, упавшим голосом поучает педагог.

– А мне надо сейчас, – переступая с ноги на ногу, говорит ученик, и профессор только разводит руками. Однако справедливости ради надо сказать, что профессор Трахтеров, как впрочем, и некоторые другие педагоги, не совсем теряет время с малоодаренными воспитанниками, так что в конце учебы он с чистой совестью мог сказать свою любимую поговорку: «Терпение и труд все перетрут».

Кроме индивидуальных есть еще оркестровые занятия. Многие знают, что длительные упражнения начинающего скрипача могут довести до безумия человека, не привыкшего к этому. То же самое относится к упражнениям начинающего флейтиста, трубача, клар-

нетиста или тромбониста. А теперь попробуйте представить себе три десятка вот таких начинающих музыкантов, собранных вместе в относительно небольшом помещении и пытающихся под руководством дирижера сыграть увертюру к опере Россини «Танкред». Этот кошмар не поддается описанию. Великий Россини должен был волчком крутиться в гробу. Еще хуже, когда эти начинающие музыканты, готовясь к репетиции, одновременно разучивают в том же самом помещении свои партии. Хорошо, что КГБ не знало об этом. Иначе это исполнение было бы самой страшной пыткой на Лубянке. Просто удивительно, что никто из участников тогда не оглох и не попал в психиатрическую лечебницу. Лишь на занятиях теории музыки воспитанники чувствуют себя несколько более свободно. Эти занятия похожи на школу: такие же уроки, задания, контрольные работы и т. п. Кроме того, обстановка почти либеральная, так как преподает Теорию музыки профессор Кабак. Но на этом сходство со школой кончается. Если за плохое поведение на общеобразовательных занятиях можно отделаться легким испугом, то за такую же провинность на занятиях музыкой дают наряд вне очереди. А это довольно неприятная штука, которая варьируется от уборки помещения до ночного дежурства и даже до очистки выгребной ямы под общественной уборной. Эту последнюю, высшую меру наказания дети называют «ковырянием в верзе» или освоением смежной профессии «золотарей» и стараются избежать всеми возможными путями. Поэтому на музыкальных занятиях и даже на уроках Теории музыки никто по-настоящему не шалит, и уроки проходят нормально. Профессор Кабак преподает на самом высоком уровне и любит ставить своих учеников в тупик, задавая каверзные вопросы, на которые никто не может ответить, за исключением одного воспитанника по фамилии Соломонник. Это коренастый широкоплечий подросток с короткой шеей, большой головой и высоким лбом. Похож на альбиноса: кожа совершенно белая, лицо в редких светлых веснушках, а волосы на голове как оловянные проволочки. Это самый эрудированный воспитанник в школе. Он играет на огромном геликоне, и хотя вполне успешно овладевает этим инструментом, мало вероятно, что он останется музыкантом. Когда профессор Кабак, опросив весь класс, не получает правильного ответа, он откидывает голову назад и вызывающим тоном спрашивает:

– А что нам скажет профессор Соломонник?!

И получает исчерпывающий правильный ответ. Надо сказать, что Кабак как в воду глядел. После окончания школы Соломонник поступил в Военно-инженерную академию имени Куйбышева, блестяще окончил ее, защитил кандидатскую, а потом и докторскую диссертацию, и получил звание профессора.

ПРОПАЛ ИШАК.

Это случилось ясным солнечным утром. Все вроде бы шло нормально, и вдруг обнаружилось, что пропал школьный ишак. Конечно, это может показаться странным, но в школе был свой ишак. Это был обыкновенный серенький ишачок неопределенного возраста, умеренно строптивый и глупый, умеренно упрямый и тупой. К тому же он мог и лягнуть в случае необходимости. Для чего нужен был ишак музыкальной школе, никто не знал и не задумывался над этим. Начальник школы, тучный и малоподвижный подполковник Кирьянов, на нем не ездил. Заместитель начальника – политрук майор Забежанский, горбоносый, смуглый, сутуловатый демагог, – тоже на нем не ездил. Этот любил читать моральные наставления и часто применял фразу:

– Надо ему дать по голове! Но так, чтобы череп остался целым, а мозги зашевелились!

И, наконец, начальник учебной части – белесый, костлявый, черствый и неулыбчивый, – майор Скворцов на нем никогда не ездил. Никто на нем не ездил и ничего на нем не возили. Вообще все перевозки осуществлялись на принадлежавшей школе старой побитой «полуторке». Тем не менее, факт остается фактом – Первая Московская школа военно-музыкантских воспитанников Советской Армии имела своего ишака. Он обычно стоял в небольшом загоне в дальнем углу двора и что-то жевал. Часто воспитанники приносили ему клок травы или охапку сена, стянутую с какой-нибудь арбы. И надо полагать, что ишак был доволен. Правда, по вечерам он громко кричал неизвестно почему, чередуя протяжные звуки с отрывистыми, так что многие воспитанники даже начинали нервничать. Но больше никак этот ишак себя не проявлял. И вот он вдруг пропал, что вызвало в школе сильный переполох. Все занятия были прекращены, после чего началась операция по розыску ишака. Командовал операцией политрук майор Забежанский. Он разбил участников розыска на отряды, в которые были включены школьники узбекского происхождения и те, кто хоть немного говорил по-узбекски. Другие же знали всего несколько слов: урюк, уртак, арык, яман, якши, айва, бельмейды и кизимка, а также счет от бер, ики до игирма, ну и, само собой разумеется, – нецензурные выражения и скабрезные стишки, вроде:

Ам кара кошлы,
Кутак кызыл бошлы.

Ишака надо было опознать по чернильному клейму на левой задней ноге, которое выглядело так: 1 М Ш В М В. И вот поисковые отряды двинулись и разбрелись по всем четырем сторонам света.

Это вызвало целый ряд инцидентов. Прежде всего, потому, что голодные разведчики начали забираться в близлежащие сады. В некоторых случаях это проходило гладко, но чаще всего в саду раздавался душераздирающий крик владельца:

– Вайдот! Карабчук!

Что значит: «Караул! Воришка!» И невезучим «следопытам» приходилось ретироваться, как говорится: «не солоно хлебавши». Правда, не без того, чтобы выразить возгласами свою досаду на бдительных хозяев сада в обидных и нецензурных выражениях:

– Уртак! Ничпуль кутак?

– Юлдаш! Чучка бор? Что значит: «Свинину будешь есть?». Это особенно выводило из себя правоверных мусульман. Они свирепели и, резко выдернув из чехла, висевшего на поясе, кривой серповидный нож, принимались им воинственно размахивать в воздухе, выкрикивая угрозы. Однако дальше этого дело не шло, вероятно потому, что подростков было несколько и в руках у них были узловатые тяжелые саксауловые палки. А те, потерпев неудачу, в сердцах выпаливали все узбекские ругательства, какие знали, и отправлялись в более отдаленные сады. Проводниками были дети узбекского происхождения. Брали все, что попадется: яблоки, урюк, виноград, айву. Особенно сложно было с виноградом. Он здесь растет на довольно высоких деревьях, имеющих кривые переплетенные стволы, и таким образом, что большие тяжелые гроздья крупных «дамских пальчиков» свисают прямо над плоскими крышами домов и сараев. Так что детям приходилось за виноградом лезть на крышу, что практически исключало возможность остаться незамеченными. Надо сказать, что голодающие воспитанники и раньше совершали набеги на близлежащие сады, как в одиночку, так и небольшими группами. Особенно опасно было ходить в одиночку. Пойманных на месте преступления детей жестоко избивали. А однажды произошло нечто из ряда вон выходящее. Один из воспитанников по фамилии Садыков отправился после ужина в одиночку «на охоту» и пропал. На вечерней проверке его не оказалось, и спать он не пришел. В школе, разумеется, забеспокоились, но не очень, так как нередки были случаи, когда воспитанники по разным причинам сбегали со школы. Следующий день оказался выходным, и ребята занимались, кто, чем попало. Одни играли в футбол во дворе, скатав из тряпок самодельный мяч, другие читали, третьи соревновались в упражнениях на турнике, некоторые просто болтались и так далее. Но вот кто-то из воспитанников заметил, что к школе подходит группа взрослых узбеков в национальных костюмах: тюбетейках, ичигах и халатах, подпоясанных кушаками. Узбеки шли кольцом, окружив какую-то маленькую фигурку. Когда они подошли поближе, кто-то из

воспитанников воскликнул:

– Эй! Это они, кажется, Садыкова поймали и ведут на веревке!

Действительно, это был он. Мальчика трудно было узнать. Лицо распухло от побоев и было все в синяках. Пилотки и ремня на нем не оказалось, и вся одежда была изорвана до клочьев. Садыков шел с опущенной головой, еле перебирая ногами. Подойдя поближе, узбеки остановились, после чего кто-то из них выкрикнул:

– Гиде ваша началнык?!

– Я начальник! В чем дело? – крикнул с порога вышедший на шум старший Карась с красной повязкой на левой руке, так как исполнял в этот день обязанности дежурного по школе. Он был в новенькой форме, блестящих хромовых сапогах и с тремя сержантскими лычками на погонах. Так как Карась выглядел взрослым, то темные узбеки вполне могли принять его за генерала.

– Таварыш началнык, – обратился молодой узбек к самозванцу, – ваша малчик яман, карабчук. Мы это карабчук поймал.

– Хорошо, – нахмурив брови, сурово произнес Карась, – давайте ваши адреса и фамилии, мы разберемся и накажем виновника.

– Ны нада фамили, ны нада адрис! – залопотали пришедшие, – ми сам наказал. Ми это карабчук бил.

И далее они начали выкрикивать что-то, что звучало примерно так:

– Онайне кутынгя ске! Кут вараны бала сык! Бельмейды?

Оказалось, что кроме избиения узбеки подвергли Садыкова еще и групповому изнасилованию. Это привело детей в шоковое состояние. – Кыто будит карабчук, очен плоха будит! – на прощание погрозили узбеки. К этому моменту они успели отвязать Садыкова. Когда он почувствовал себя свободным, он рванулся и, сильно хромая, побежал. Было похоже, что он бежит, куда глаза глядят в сторону от школы. Несколько приятелей Садыкова окликнули его, но он не повернулся и скрылся в одной из узких улочек городка. Садыков уже никогда не вернулся в школу. По представлениям тех времен он был опозорен на всю жизнь. Ребята жалели своего однокашника. Однако никому тогда и в голову не могло прийти, что совершивших это насилие и избиение, надо было привлечь к уголовной ответственности за самосуд. Результатом этого происшествия было лишь то, что никто из детей в одиночку уже не рисковал забираться в узбекские сады. Теперь вернемся к розыску ишака. По-настоящему серьезно этим никто не занимался. Все те, кто не пошел промышлять в сады, почему-то встретились на местном базаре. И все же школьный ишак был найден. Правда, совершенно случайно. Шофер полуторки, менявший колесо на машине, обратил внимание на любопытную сцену. Ехавший верхом на ослице старый узбек отгонял палкой преследовавшего их ишака, готового совокупляться.

Когда они приблизились, шофер узнал в преследователе пропавшего ишачка и доставил его в школу.

После этого случая школьное начальство решило огородить школу, тем более что вообще как военное учреждение она должна быть изолирована от местного населения. И вот в ближайший же выходной день началось строительство так называемого «дувала», то есть забора из глиняных голышей. Руководил строительством старый узбек с темно-коричневым как у мумии лицом и тонкими, словно высохшими, ногами. Где раздобыли этого подрядчика, никто не знал. Он отдавал распоряжения, которые тут же переводились на понятный язык. Под его руководством были вырыты во дворе неглубокие четырехугольные котлованы, которые надо было заполнять водой. В эту воду воспитанники бросали лопатами глину, вынутую из котлована, и принимались эту глину месить босыми ногами до образования густой массы. На одном из этапов формирования массы в нее добавлялась рисовая солома. Затем из этой массы лепились похожие на дыню катыши не больше стандартных кирпичей. Эти катыши потом выкладывались в ряд, и под палящим солнцем Ферганской долины быстро превращались в крепкие голыши. Когда строительный материал был готов, в работу включились «каменщики». Под наблюдением старого узбека они выкладывали голыши в два ряда вдоль протянутой веревки с добавлением глинистой массы из котлована. Так, может быть, работали еврейские рабы в древнем Египте. Трудно сказать, как быстро они работали тогда, но воспитанники сумели в течение двух недель построить один забор высотой полтора метра вдоль всей фасадной стороны здания. На этом, кажется, строительство дувала закончилось, потому что школа начала готовиться к возвращению в Москву. А между тем никто не заметил, что снова пропал школьный ишак. Однако на этот раз он то ли был продан школьным начальством, то ли подарен местному колхозу, поэтому его больше не искали и с собой в Москву не повезли. И больше в музыкальной школе уже не было своего ишака.

КОКАНДСКИЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ.

Абраша Полевой был маленький хорошенький мальчик, улыбчивый, веселый, услужливый, доброжелательный. Одна беда – по ночам Абраша мочился в постель. Днем он нравился всем. А вот ночью – другое дело. Никто не хотел спать на одной двухъярусной кровати с ним. И даже не хотели, чтобы его кровать была рядом. Если утром оказывалось, что Полевой оскандалился, то нужно было немедленно вынести матрас на улицу, там замыть его и оставить сохнуть. Конечно, принимались некоторые меры, чтобы избежать этой неприятности. Так одной из обязанностей дневального

было будить Абрашу по ночам, чтобы он сбегал в уборную. Однако не все дневальные успевали это сделать вовремя. Надо сказать, что таких «писюнов», как их называли в школе, было несколько. И если к Полевому днем относились более или менее нормально, то остальных «писюнов» держали в черном теле. Над ними потешались, их дразнили и даже давали им иногда «под микитки». Но особое удовольствие воспитанником доставляла ночная нелегальная процедура, называемая «велосипедом», с помощью которой они вместо дневального будили «писюнов». Заключалась эта забава в следующем. Выбиралась жертва из числа тех «писюнов», которые «не желают исправляться». Одновременно шла заготовка необходимых материалов, то есть бумажных лоскутков и спичек. «Писюн», конечно, догадывался о том, что против него затевается, старался не спать, но у тех, кто решил в эту ночь позабавиться, было больше выдержки. Подождав пока «писюн» крепко уснет, шутники собирались у его постели и осторожно снимали одеяло с ног спящего, после чего те, у которых были бумажные лоскутки, аккуратно вставляли их между пальцами ног «писюна». Затем по команде одновременно поджигались бумажные лоскутки. Надо заметить, что почти все «писюны» спали очень крепко. Когда лоскутки, догорая, начинали жечь пальцы, спящий принимался дергать ногами, не просыпаясь. Особенно хороший эффект получался, когда «писюн» спал на спине – движения ног были точно такими, как при езде на велосипеде. Окружившие кровать «писюна» чуть не лопались со смеху. Это длилось всего несколько секунд, после чего «велосипедист» от нестерпимой боли просыпался и сразу же начинал лихорадочно выдергивать догорающие клочки бумаги. Потом затравленно в бессильной злобе смотрел на окружившую его группу регочущих детей, один из которых непременно становился в театральную позу и трагическим тоном спрашивал:

– Мочилась ли ты на ночь, Дездемона?

Опустив голову, «писюн» вставал с постели и молча отправлялся в уборную. А шутники, повеселившись еще немного, расходились и укладывались спать. Подождав пока все улягутся и в комнате погасят свет, «велосипедист» тихо пробирался к своей кровати и, укрывшись одеялом, быстро засыпал.

Другим ночным развлечением было нанесение татуировок на задние места крепко спящим воспитанникам. Это были художественные работы. Особенно выдающаяся картина получилась на заднице у Бляхера, который любил громко пукать. Там была изображена батальная сцена: стреляющие орудия, рвущиеся бомбы, танки и самолеты. Художники рисовали эту картину, дрожа от страха, хотя знали, что Бляхер очень крепко спит. Если бы он проснулся

во время сеанса живописи, то наверняка здорово накостылял бы художникам.

Вообще говоря, эти развлечения носили эпизодический характер. А натура подростка не терпит однообразия и постоянно нуждается в развлечениях. И поскольку наиболее доступным развлечением для воспитанников были потасовки, то они и возникали чаще всего на ровном месте в результате невинного спора. Вот группа воспитанников затеяла спор о том, что лучше: самолеты или танки.

– Самолеты – это самое главное на войне, – кричит «возмутитель спокойствия» рыжий Горкин.

– Что ты понимаешь, тушкан! – презрительно заявляет туповатый задиристый Ковалев, – танки это самое главное.

– А что ты понимаешь, осел! – еще громче кричит Горкин, – самолеты налетят – и от танков только пыль останется.

– Горшок! – распаляется Ковалев, – у танков есть такие пулеметы, что сделают из твоих самолетов падающие гробы.

– Смурняк! – запальчиво надрывается Горкин, – есть такие самолеты, штурмовики, которые сделают из твоих танков котлеты.

– Слушай, солоп, – с ударением на первом слоге раздраженно кричит Ковалев, – твои самолеты могут захватить город?

– Сам ты солоп, – вызывающе парирует Горкин.

Следует заметить, что слово «солоп» является самым оскорбительным в школе.

– А ну, выйдем, стукнемся! – решительно заявляет Ковалев.

– Пошли! – не менее твердо отвечает Горкин.

На этом дискуссия прекращается. Все участники спора вслед за дуэлянтами отправляются в дальний конец внутреннего двора, где обычно проводятся поединки.

А вот другая группа воспитанников затеяла «научный» спор о том, кто сильнее: лев или тигр.

– Тигр сильнее всех зверей! – уверенно провозглашает кто-то.

– Не говори глупостей, дубина, – восклицает другой, – все знают, что лев – царь зверей.

– Все это басни, – вклинивается третий, – лев боится в одиночку нападать на буйвола, а вот тигр нападает.

– Да знаешь ли ты, болван, что лев перед охотой рычит на всю пустыню? Дескать, мол: «иду на вы», а тигр – трус, нападает исподтишка. Лев ничего и никого не боится.

– Что ты несешь ахинею, идиот, – возмущается четвертый. К твоему сведению, только тигр ударом лапы может сломать быку хребет.

– Солоп, – взрывается противник тигра, – чья бы корова мычала, а твоя бы молчала. Это лев перешибает ударом лапы хребет быку.

– Сам ты солоп, – обижается четвертый.

– А ну, выйдем, стукнемся! – делает вызов сторонник льва.

– Давай! – мужественно принимает вызов сторонник тигра.

Тут спор мгновенно прекращается, и все молча направляются на «арену» в глубину внутреннего двора, где состоится поединок «гладиаторов».

Следует заметить, что схватки проводятся по строгим правилам.

Никакого оружия: ни палок, ни камней, ни свинчаток. Дерутся только голыми руками. Лежачего не бьют. Бой продолжается до первой крови или до капитуляции одной из сторон. За соблюдением правил строго следят участники спора, которые окружают дуэлянтов, чтобы со стороны не было видно, чем они занимаются. В случае если начальство увидит драку, участники будут серьезно наказаны. Тем не менее, это развлечение было почти повседневным.

Начальство, разумеется, понимало, что необходимо как-то развлекать воспитанников, и с этой целью устраивало концерты художественной самодеятельности. В школе были свои певцы, танцоры, чтецы и, конечно, музыканты. Школьный хор включал почти всех воспитанников школы. Кроме того, был организован струнный ансамбль, руководимый «биндюжником» Клячко, в котором были мандолины, балалайки, гитары и даже скрипки. Надо сказать, что «струнники», как их называли в школе, пользовались некоторыми привилегиями. Вот, например, проводится какое-то мероприятие. Заходит Клячко и провозглашает:

– Струнники, – берлнять!

И сразу же все участники струнного ансамбля срываются и без строя отправляются в столовую. И это им почему-то сходит с рук.

Почти всю музыку к концертам, а может быть, и тексты сочинял начальник учебной части Скворцов, который всегда строго следил за подготовкой к концерту. При этом он любил наугад выбрать кого-либо из воспитанников не только на репетиции, но и в любом другом месте, и проверить, знает ли он, например, слова той или иной песни. Вот майор Скворцов идет по двору, а навстречу ему попадается щуплый воспитанник Жидовецкий, который, приблизившись, переходит на строевой шаг и, приложив вытянутые пальцы правой руки к пилотке, приветствует майора. Тот останавливает заморыша и резко спрашивает:

– Ваша фамилия?

– Воспитанник Жидовецкий!

– Скажите мне слова второго куплета песни «Летит мой листочек, родной голубочек».

Жидовецкий испуганно смотрит на костлявое золотушное лицо майора, на его холодные водянистые глаза, и у него от страха отшибло память, в результате чего он бормочет нечто невразумительное.

– Доложите своему командиру, – сухо как робот скрипит Скворцов после небольшой паузы, – что я вас лишил ужина и дал вам двадцать ведер.

Это значит, что Жидовецкому предстоит ночная ассенизационная работа по очистке школьной общественной уборной в количестве двадцати ведер, и притом на голодный желудок. А майор Скворцов продолжает прогулку и вылавливает нерадивых участников самодеятельности, пока не наберется достаточное количество «ассенизаторов».

Но вот, наконец, все готово, успешно прошла генеральная репетиция, после чего все участники почистили свою форму, надраили пуговицы и строем отправились на концерт.

Вот раздвигается занавес, и перед зрителями на сцене стоит школьный хор, выстроенный в три ряда: впереди младшая группа, за ней – средняя, а далее – старшая. Хор без объявления исполняет песню-представление:

Мы в школе специальной,
Военно-музыкальной,
Все учимся нормально
Всему сейчас.

Хором дирижирует автор песни Скворцов.

Затем на сцене появляется конферансье, худенький высокий беленький воспитанник Борисовский, у которого прекрасная дикция. Он хорошо поставленным голосом читает стихотворение:

– «Пусть знает Гитлер!»

Потом выступает струнный ансамбль и исполняет народную мелодию «Светит месяц», а затем этот ансамбль аккомпанирует Борисовскому, который с большим чувством читает отрывок: «О поле, поле…»

Следует заметить, что поскольку это были голодные годы, то особой популярностью на концертах пользовалась тема, касающаяся еды. Вот на сцену выскакивают два резвых воспитанника в поварских нарядах с половниками в руках и, пританцовывая, начинают петь:

Мы ребята – поварята вам споем,
Как варим и печем
Вдвоем
На кухне.

После каждого куплета идут голодные восклицания из хора, которые заканчиваются тем, что рослый старший воспитанник Войтюк басом вставляет фразу: «Чайку попьем!»

Это обычно вызывает смех в зале.

Потом на сцену выходит конферансье и объявляет:

– Следующим номером нашей программы будет исполнен романс «Сухой бы я корочкой питалась». Музыка и слова народные.

Это тоже вызывает смех. Затем чтобы еще больше развеселить публику объявляется следующий номер:

– А сейчас послушайте арию Масла из оперы «Изящный скелет», музыка Загробного.

И концерт продолжается. Идут танцы, пение, декламация. В заключение хор исполняет песню, сочиненную преподавателем ударных инструментов Златовым, где есть такие слова:

– Гамм не знать в нашем классе – плохо и позор!

Следует заметить, что эти концерты были единственным массовым культурным развлечением воспитанников, если не считать одноразового выезда на строительство Ферганского канала. Слов нет – это было из ряда вон выходящим событием. Узнав о предстоящей поездке, дети пришли в необычайное возбуждение, и целый день говорили только об этом. Перед поездкой руководство школы устроило несколько репетиций и долго инструктировало воспитанников, как следует себя вести на стройке. Но вот, наконец, наступил долгожданный момент, когда к школе подъехали грузовики, и началась посадка. Скамеек в кузовах не было, поэтому садились прямо на пол, засыпанный мусором с хлопковых полей. Ехали весело, невзирая на тряску и на то, что песчаная пыль стояла столбом и забивала все полости. Песок был в ушах, во рту, в носу, в сапогах, в раструбах медных инструментов и даже в карманах. Потом от него никак нельзя было избавиться. Ехали долго. Но вот, наконец, грузовики остановились, и воспитанники увидели необычайную картину. Сотни, если не тысячи, женщин разного возраста вытянулись до самого горизонта вдоль широкой канавы, энергично выгребая из нее лопатами песок. Так, кажется, работали заключенные на строительстве Беломорско-Балтийского канала. Правда, в отличие от последнего, на этой стройке была также представлена техника. Несколько поодаль стоял засыпанный песком экскаватор. Но он не работал. То ли горючего не было, то ли запасных частей. А прибывший оркестр воспитанников привел себя немного в порядок и начал играть марши, переходя с участка на участок. По замыслу устроителей это должно было поднять трудовой энтузиазм работающих. Однако случалось, что вместо этого женщины бросали лопаты и начинали танцевать. Правда, надзиратели тут же останавливали их окриками или просили оркестр прекратить игру. Все же случались, время от времени короткие перерывы в работе, и тогда женщины подходили к оркестру, с интересом рассматривая воспитанников. При этом многие из них восклицали:

– Смотри, какие хорошие мальчики!

Особый интерес молодые женщины проявляли к рослому и симпатичному выпускнику Васильеву, которому тогда было лет семнадцать, если не больше. Они толпились возле него и всячески заигрывали с ним. Но тот смущался, стараясь спрятаться в середине оркестра.

К вечеру воспитанники выполнили часть своей миссии, обслужив работающих и подойдя к участку, который охраняли вооруженные солдаты. Здесь уже работали не женщины, а военнопленные немцы, оборванные, грязные, заросшие щетиной. И конечно, здесь уже не надо было играть. Оттуда музыкантов повели в большой караван-сарай, в котором размещалась столовая, и накормили довольно сытным ужином. А спустя какое-то время в этом же караван-сарае состоялся концерт. Оказалось, что кроме оркестра на стройку приехали многие мастера искусств из Ташкента. Кажется, то ли Илья Набатов под аккомпанемент своего «по совместительству» брата, то ли какой-то другой специалист по политической сатире начал веселить публику куплетами вроде:

– Гитлер штурмом взял Ташкент,
– И весь флот на Беш-Агаче
– Потопил в один момент.

Шутка заключалась в том, что Беш-Агач это название района, где нет никакой воды кроме пяти узеньких ручейков. Потом политический сатирик читал письмо, якобы посланное с фронта немецким солдатом своей семье, где были такие строчки:

– Скотом обзавелись мы. Да!
– И если вам сказать не ложь,
– У нас кишмя кишат стада
– Так называемых «Die Вошь».
– Порода этакая есть.
– Без словаря – не перевесть.
– И если я домой приду,
– То много их я привезу.

Вообще весь концерт был выдержан в духе того времени и носил национально патриотический характер. Мастера художественного чтения, то ли Яхонтов, то ли Журавлев, вдохновенно декламировали стихи Симонова и Маяковского, а также отрывки из поэмы «Фархад и Ширин» известного узбекского поэта Калишера Навои. Пожилая еврейка, заслуженная артистка Узбекской ССР Тамара Ханум (что значит: девушка Тамара), о которой говорили, что она поет на всех языках народов мира, слабым домашним голоском исполнила несколько песен на разных языках, в том числе на русском, узбекском и на идиш. Были и другие замечательные номера.

Надо сказать, что во время концерта исчез Васильев. Оказалось, что двум или трем молодым женщинам удалось его отбить

и утащить куда-то. Явился он лишь после концерта, когда оркестр уже начал играть танцы. Васильева трудно было узнать. Он был изможден, бледен, помят, растерян и вообще имел довольно жалкий вид. На все вопросы, что с ним случилось, Васильев только с досадой отмахивался.

Возвращались воспитанники домой довольно поздно. И хотя были сильно возбуждены, тем не менее, усталость взяла свое, и большинство детей уснуло на жестком полу, несмотря на пыль и тряску. В общем, что и говорить – это было незабываемое развлечение!

Пожалуй, к числу культурных развлечений в школе можно отнести также карточную игру, которую иногда по вечерам, а также в выходные дни, проводила учительница литературы, пожилая добрая женщина. Называлась эта игра «квартет». В ней, как и в игре «в дурака» было тридцать шесть карт в колоде, но не было никаких тузов, королей или дам. Вместо этого на каждой карте стояло имя русского писателя и перечень четырех его произведений, причем одно из них выделено. Смысл игры заключался в том, чтобы собрать в одних руках все четыре произведения. Делалось это так. Шести игрокам раздавалось по шесть карт. Начинающий по жребию, у которого есть, например, «Обрыв» Гончарова обращается наугад к кому-нибудь с заявкой:

– Дай мне «Обыкновенную историю» Гончарова.

Если у того есть эта карта, он отдает ее, и начинающий продолжает поиски. Если же эта карта у кого-то другого, то спрашивать начинает следующий по очереди. Победителем объявляется тот, у которого в конце игры набралось больше всех «квартетов». Учительница литературы приносила каждый раз другую колоду самодельных карт с другим набором писателей или другим перечнем произведений. Среди них были такие, о которых воспитанники и слыхом не слыхали. Например, «Юрий Милославский» Загоскина или «Аскольдова могила» и тому подобное. Многие воспитанники увлекались этой игрой. В ней была своя стратегия и свои уловки.

А, в общем, развлечения в школе не отличались большим разнообразием. И лишь однажды произошло нечто из ряда вон выходящее. В школу с фронта приехал военный врач, муж медсестры, который по ее рассказам был гипнотизером. В представлении воспитанников слово «гипнотизер» ассоциировалось с чем-то мистическим, волшебным, странным. Поэтому, предвкушая встречу с гипнотизером, все были необычайно возбуждены, ожидая увидеть жгучего брюнета демонического вида с большими черными пронзительными глазами. Однако появление предполагаемого гипнотизера в школе вызвало у детей сильное разочарование. Это был обыкновенный человек в чине майора, ниже среднего роста, полно-

ватый, светловолосый и даже слегка лысеющий, что особенно не понравилось детям. Сразу же возникло подозрение, что медсестра их разыграла, поскольку в представлении воспитанников человек с такой внешностью не мог быть гипнотизером. Разочарование еще усилилось оттого, что он прошел мимо детей, не обратив на них внимания, а потом целый день где-то пропадал с медсестрой. Когда же он снова появился, группа воспитанников после некоторых колебаний направились к нему, и самый дерзкий из них по фамилии Николаев отдал честь и сказал:

– Товарищ майор, разрешите обратиться!

– Да, – ответил тот.

– Товарищ майор, Раиса Семеновна говорила нам, что Вы гипнотизер.

– Ну, гипнотизер – не гипнотизер, а это я умею делать.

– Что – это?

– Загипнотизировать человека.

– А меня Вы можете загипнотизировать? – возбужденно спросил Николаев

– Можно попробовать, – ответил военный врач.

– И меня! И меня! – закричали дети из толпы.

– Знаете что, – сказал майор после небольшой паузы, – мы попробуем договориться с вашим начальством и, если это возможно, то проведем сеанс гипноза в свободное от занятий время.

– Большое спасибо! – закричали воспитанники и побежали рассказывать всем о возможно предстоящем великом событии.

И вот в ближайший выходной день было объявлено, что приехавший на побывку военный врач проведет в клубе сеанс гипноза. Что творилось! Уже задолго до назначенного времени клуб был набит до отказа возбужденными воспитанниками. Все с нетерпением ожидали чудес. И когда в назначенное время появился майор, зал затаил дыхание. Но вместо того чтобы начать гипнотизировать военный врач стал прохаживаться между рядами и рассказывать о том, что такое гипноз с научной точки зрения, и о том, что многие обладают способностью гипнотизировать, но не знают об этом. Например, великий Фридрих Энгельс узнал об этом лишь тогда, когда случайно загипнотизировал мальчика, придя в гости к свои друзьям. И еще многое говорил лектор, но это было как урок, и дети слушали не очень внимательно. Все что они хотели – это видеть гипноз. Но вот, наконец, майор закончил свою лекцию, вышел вперед и попросил всех присутствующих переплести пальцы рук и крепко сжать их. Потом очень монотонно и настойчиво стал уверять, что пальцы так крепко сжаты, что их нельзя расцепить. А затем предложил всем поднять только правую руку. Одни сделали это сразу, другие

– после некоторых усилий, так как пальцы почему-то не сразу расцепились, а несколько воспитанников вообще не подняли рук. Эти так и не сумели расцепить пальцы и как-то испуганно зыркали по сторонам, покраснев от стыда. К одному из них подошел майор и спросил, как его зовут.

– Воспитанник Муревич, – опустив голову, ответил тот.

Это был относительно упитанный, несмотря на голодный паек, рослый красивый мальчик с большими навыкате карими глазами, черными с блеском волосами, густыми бровями и толстыми красными губами. Так как почти всех, у кого были толстые губы, учили играть на басу, то и Муревич играл на «бейном» басу-геликоне.

Майор что-то тихо стал говорить Муревичу, и тот закрыл глаза. Тогда майор взял его за руку, вывел вперед и спросил, как он учится.

– Не очень хорошо, – ответил тот, не открывая глаз и скорчив гримасу

– А знаешь ли ты какое-нибудь стихотворение? – спросил майор.

– Да. «У лукоморья дуб зеленый».

– Ну, прочти.

– У лукоморья дуб зеленый. Златая цепь на дубе том.
И днем и ночью кот ученый все ходит по цепи кругом.
Идет направо… Нет. Идет налево… Нет. Забыл.

Муревич виновато пожал плечами, все еще не открывая глаз.

– Ну, ладно, – сказал с улыбкой майор и спросил, дружит ли он с какой-нибудь девочкой.

– Да, – неожиданно признался Муревич и смутился.

Зал, в котором до сих пор царило недоумение, сразу оживился. Прокатились смешки. А военный врач между тем продолжал:

– Как ее зовут?

– Зина, – растянув губы в улыбке, ответил воспитанник.

– Знаешь что, – нарви своей подружке букет цветов. Видишь, как тут много растет ромашек?

И здесь произошло нечто странное. Муревич с закрытыми глазами и блаженной улыбкой на лице наклонился и стал как будто бы, в самом деле, рвать цветы и складывать их на руку. Дети заподозрили, что их разыгрывают, что майор заранее договорился с Муревичем. Но потом было проделано такое, что все опешили. Майор взял два стула и положил на них Муревича так, что затылок был на одном стуле, а пятки на другом. И он лежал как бревно, не прогибаясь! Более того, майор посадил еще на него кого-то из воспитанников, и Муревич все равно не прогнулся. Да, это было такое развлечение, что все, кто был тогда в зале, даже много лет спустя, встречаясь, спрашивали:

– А помнишь, как военный врач загипнотизировал губошлепа Му-

ревича? Надо сказать, что у воспитанников было еще одно ночное развлечение. Оно устраивалось почти каждый вечер после отбоя, когда все уже улеглись спать, и в комнате был выключен свет. Тогда в полной темноте начинали раздаваться голоса, одни умоляюще, другие требовательно:

– Ну, чуваки, начинай! Борисовский! Трепов!

Начитанный воспитанник Борисовский отличался тем, что хорошо помнил и талантливо рассказывал всякие страшные истории, в том числе содержание повестей Гоголя «Вий» и «Пропавшая грамота», а также произведений Эдгара По и Конан-Дойля, и еще «Дракулу» и тому подобное. Знал он и никому не известные кладбищенские рассказы, где жертвы вдруг выходили из могил и хватали своих убийц. Слушая Борисовского, дети испытывали сладкий ужас и ежились от страха, а когда он неожиданно свирепым голосом произносил: «Отдай мою руку! или «Отдай мою ногу!» – дети пугались и вздрагивали под своими одеялами.

В отличие от Борисовского воспитанник Трепов развлекал своих однокашников стихами. И хотя он не мог похвастаться мастерством исполнения, но память у него была хорошая, и его репертуар волновал детей не меньше чем страшные рассказы Борисовского. Дело в том, что это были не обычные стихи, а нецензурные сексуальные произведения Баркова «Лука Мудищев», «Дон Жуан», басня «Воробей и кобыла» и аналогичные произведения других поэтов, в том числе почему-то «Гаврилиада» Пушкина. Ничего удивительного, что этот жанр вызывал большой интерес у воспитанников. В закрытых заведениях типа музыкальной бурсы почти непрерывно происходит обмен всякого рода сведениями, и дети знают многое из того, что им еще рано знать, и вместе с тем очень мало из того, что им полезно было бы знать. Большинство из них только что перешло порог зрелости, когда грудки у них болели и наливались соком, и все это время мальчики чувствовали себя неловко и стеснялись того естественного процесса, который происходил у них в организме, и некому было им объяснить происходящее, так как об этом почему-то неприлично было говорить. Но природа брала свое, и воспитанников стали волновать вопросы, касающиеся пола. В результате, слушая похабные стихи в исполнении Трепова, дети не только давились от хохота, но одновременно непонятным образом возбуждались. Это развлечение продолжалось до тех пор, пока дежурный, услышав шум, не заходил в спальню с окриком:

– Прекратить треп! Если еще раз услышу – подыму всех, и будете мыть полы в клубе!

Это была не шуточная угроза. В спальне мгновенно наступала мертвая тишина. После этого мальчики еще какое-то время с удовольствием молча переживали услышанное, а потом комната стала наполняться звуками легкого сопения почти счастливых спящих детей. День прошел.

МЕСТЬ.

С момента своего образования эта музыкальная школа была пристанищем для бедных детей разных национальностей и до некоторой степени – разного возраста. А поскольку школа была рассчитана на трехлетний срок обучения, то между воспитанниками иногда наблюдалась довольно большая физическая разница. И как всегда в такой обстановке младшие и слабые искали покровительства старших и сильных, что было необходимо в часто возникающих конфликтных ситуациях. Так, например, считалось, что большой и на вид сильный Клячко покровительствует маленькому и явно слабому Пукелю и вроде бы дружит с ним. В чем заключалось это покровительство, – трудно сказать, так как никто не видел, чтобы Клячко хоть раз вступился за Пукеля. Однако можно допустить, что сам факт такого покровительства сдерживал иногда желающих нанести Пукелю телесные повреждения. Что же касается дружбы, то она была явно одностороннего характера. Пукель как бы служил денщиком у Клячко: чистил ему пуговицы, подшивал подворотнички, подносил, подавал и так далее. А вот когда Пукель просил о чем-либо своего покровителя, то почти всегда получал отказ под тем или иным предлогом. Если, к примеру, Пукель просит у своего «друга», у которого водились деньги, рубль или несколько копеек для какой-нибудь мелкой покупки с обещанием вернуть долг, то Клячко говорит примерно следующее (при этом надо заметить, что речь Клячко отличалась специфической особенностью: после каждого «л» в середине или начале слова он обязательно вставлял «н», которое произносил с некоторым французским прононсом, так например, свою фамилию он произносил как «Клнячко»):

– Опять ты клнянчишь башлни! Я уже тебе столько раз говорил, что с удовольствием дал бы, но не могу, потому что деньги портят отношение между людьми, а я очень ценю нашу дружбу. Так что, ты уж извини, пожалуйста. И если тебе очень нужно, то попроси у кого-нибудь другого.

Но это было еще полбеды. Хуже того: если Пукель в чем-либо не совсем угождал своему покровителю, то мог получить и дружескую затрещину. Впрочем, Клячко давал такие затрещины и другим маленьким воспитанникам, когда те подворачивались ему под плохое настроение. И надо сказать, что оплеухи Клячко были довольно чувствительны, так как ладонь у него широкая и тяжелая как совковая лопата. Реакция на эти подзатыльники, затрещины и оплеухи со

стороны пострадавших была разной. Самые беззащитные плакали и спрашивали: «За что?» А те, кто посмелее отбегали и кричали: «Дурак!»

И так продолжалось, пока не произошел этот инцидент. Был выходной день. Дети занимались чем угодно, только не музыкой. И лишь два воспитанника находились в студии для занятий. Это был один из братьев Трипутиных, у которого был каллиграфический почерк, и который переписывал какие-то ноты по заданию начальника учебной части Скворцова. Вторым в студии был сухощавый узбекский мальчик по фамилии Алимов. Этот мечтал стать великим трубачом и поэтому использовал любую свободную минуту, чтобы позаниматься на инструменте. В этот день он разучивал этюд композитора Гедике. Все шло нормально. Но вот открылась дверь, и в студию ввалилась грузная фигура Клячко с футляром под мышкой.

– Убирайся отсюда, – скомандовал он Алимову, – я буду заниматься.

– Эта студия для всех, а не для тебя одного, – неожиданно возразил Алимов, оторвав мундштук от губ, – я тоже буду заниматься.

– Ты скажешь – как в лужу перднешь, – удивился Клячко, – а нука выметайся отсюда, пока не схлопотал!

– Никуда я не уйду, – решительно заявил Алимов, – я раньше тебя сюда пришел и не уйду, пока не выучу этюд.

Что?! – угрожающе произнес Клячко. Он перестал выкладывать из футляра части кларнета и подошел к Алимову. Тот продолжал играть. Тогда Клячко схватил его за шиворот и потащил к дверям. Маленький Алимов отчаянно сопротивлялся. У дверей Клячко дал ему сильного подзатыльника, так что Алимов вылетел в коридор и уронил трубу. Он тут же бросился к инструменту, подобрал его и проверил, нет ли на нем вмятины. Убедившись, что труба в порядке, он вернулся в студию и подошел к своему пюпитру. Клячко не мог поверить своим глазам.

– Ты у меня сегодня доиграешься, – рассвирепел он, – если возьмешь хоть одну ноту, то пеняй на себя!

Алимов сделал вид, что это к нему не относится, и начал играть. Клячко взорвался. Он подскочил к Алимову, вырвал у него из рук трубу и сильно ударил его по затылку. Алимов упал, но тут же встал и преподнес Клячко сюрприз. Вместо того чтобы заплакать и спросить: «За что?» или отбежать и крикнуть: «Дурак!» он неожиданно нанес своему обидчику несколько ударов кулачками в лицо. Клячко опешил и пришел в себя лишь, когда почувствовал, что из носу у него течет кровь.

– Ах ты чучмек сопливый! – заорал он и тяжелым ударом в лицо свалил Алимова на пол. Тот попытался встать, но Клячко ударил его

еще раз и начал бить ногами. Удивительно, что Алимов не плакал. Он только закрыл лицо руками и после каждого удара выкрикивал ругательства, какие знал. Вопреки бытующему мнению, что в таких случаях инородцы переходят на русский мат, Алимов пользовался родным языком.

– Онайне ске! Санеке кут! Онайне амингя ске! Джаляб!

Клячко с остервенением продолжал его бить, пока Алимов не замолк. Вероятно, он потерял сознание. Клячко взял в руки свой кларнет, однако при виде неподвижной, скорчившейся, жалкой фигурки на полу у него, видимо, пропало желание заниматься. Он положил инструмент в футляр и с опущенной головой, не глядя на лежащего на полу Алимова, покинул помещение.

Во все это время Трипутин не произнес ни слова. Он сидел, согнувшись над столом и, ни разу не мокнув ручку в чернильницу, делал вид, что пишет. Только когда Алимов очнулся и поднял голову, Трипутин посмотрел на его окровавленное лицо и участливо спросил:

– Больно?

Алимов ничего не ответил. Он встал, поднял с пола трубу, осмотрел ее и, не очень твердо ступая, вышел. У арыка он смыл кровь с лица и пошел в медпункт. Там на вопрос медсестры он сказал, что подрался, не вдаваясь в подробности. Впрочем, медсестра и не допытывалась, поскольку такие случаи были обычным явлением, хотя на этот раз результаты выглядели несколько более серьезно. Надо заметить, что у Алимова помимо всего прочего была разбита губа и шатался зуб, что делало его временно «нетрудоспособным». Поэтому медсестра дала ему какую-то мазь и выписала освобождение от занятий на инструменте, сказав, чтобы он заходил к ней каждый день, что она будет смотреть, как идет заживание, и скажет ему, когда можно возобновить занятия на трубе.

Алимов и раньше не отличался особой общительностью, а после этого случая совсем замкнулся. При встрече с Клячко он не смотрел в его сторону, да и Клячко, похоже, старался избегать его взгляда. Впрочем, встречаться им приходилось не так уж часто, поскольку Алимов был в младшей группе, а Клячко в старшей, спали они в разных комнатах и учились, разумеется, в разных классах. Кажется, Алимов очень переживал оттого, что не может заниматься на трубе, потому что по несколько раз в день являлся в медпункт в надежде получить разрешение возобновить занятия. Во всем остальном он вел себя так, как будто ничего не случилось. Только однажды воспитанник Бляхер, кровать которого была рядом с кроватью Алимова, заметил, что тот прячет какие-то веревки под матрас.

– Ты что, – собираешься повеситься? – грубовато пошутил Бляхер.

Алимов зыркнул на него и промолчал, а Бляхер, которому все было трын-трава, сразу же об этом забыл. Потом кто-то видел, что Алимов возится с чем-то возле загона, где стоял школьный ишачок, но в этом не было ничего особенного, и на это тоже не обратили внимание. Прошло несколько дней. Алимов совсем поправился, следы побоев исчезли, и губа почти зажила, так что медсестра разрешила ему понемногу заниматься на трубе. Все, казалось бы вошло в свою колею.

Но вот однажды среди ночи, когда все воспитанники крепко спали молодым сном, а дневальный, сидевший у столика в тускло освещенном коридоре, прислонился головой к стенке и тоже дремал, приоткрылась дверь, где спали младшие воспитанники, и в коридор на цыпочках вышел Алимов. В руках он держал небольшую ватную подушку и толстую увесистую палку, а также длинную веревку – ту, которую прятал под матрасом. Если бы Алимова в этот момент встретил кто-нибудь из воспитанников, то наверняка спросил бы, не собирается ли он с помощью палки и веревочной петли проверить на ком-нибудь действие пытки, придуманной главным героем популярного тогда фильма «Новые похождения Ходжи Насреддина». Но на пути Алимова никто не встретился, и он тихо открыл дверь в комнату, где спали старшие воспитанники. Там в полной темноте он уверенно и бесшумно прошел по узким проходам между кроватями и остановился возле одной из них, затем наклонился, пытаясь разглядеть лицо спящего. Это был Клячко. Он спал, лежа на животе и повернув голову, и слегка похрапывал. Алимов на ощупь привязал конец веревки к раме кровати и начал обматывать спящего как кокон спиральными витками, пропуская веревку под кроватью и слегка натягивая ее поверх одеяла. Когда он приблизился к изголовью, Алимов сделал две свободные петли и, накрыв голову спящего подушкой, быстро накинул их на подушку, после чего рывком затянул веревку и привязал ее конец к спинке кровати. Клячко проснулся и замычал как под сурдинку. Алимов быстро схватил палку двумя руками и начал методически наносить удары по спеленатому Клячко, начиная с ног. Тот глухо завыл. Алимов бил с остервенением и, достигнув головы, двинулся в противоположную сторону. Но не успел он закончить полный цикл, как вдруг вместо приглушенного подушкой воя, который никого не разбудил, раздался душераздирающий вопль. Это от ударов палкой сместилась подушка и приоткрылась голова избиваемого Клячко. Такой поворот не входил в планы Алимова. Поэтому он тут же прекратил экзекуцию и молниеносно выскочил из комнаты. На пороге он бросил взгляд на дневального и, убедившись, что тот по-прежнему дремлет, пробежал по коридору и скрылся в своей спальне. Там он быстро спрятал палку в кладовке, где хранились швабра, метла и другие хозяйственные принадлежности, потом бросился в кровать и притворился спящим. А в это время в комнате, где произошло избиение Клячко, творилось нечто невообразимое. Все проснулись и столпились возле кровати пострадавшего, потом начали сбегаться дети из других спален, но пока не пришел дневальный и не включил свет, ничего нельзя было разобрать. А Клячко тем временем истерически кричал:

– Это сволочь Алнимов! Убью гада!

Пока Клячко развязывали, кто-то сбегал в комнату, где спали младшие воспитанники, и сказал, что Алимов спит, что это, наверное, кто-то другой учинил расправу. Ведь было известно, что Клячко часто обижает младших воспитанников, так что любой из них, у кого «был зуб» на него, мог это сделать. Начались домыслы. И тут двое соседей Клячко, Бобарыкин и Россихин, которые первыми проснулись от его вопля, сказали, что будто бы заметили какую-то фигуру, которая метнулась к дверям. Однако дневальный не поддержал этой версии, заявив, что не видел, чтобы кто-либо выходил из спальни. А окружившие Клячко уже строили различные гипотезы, в том числе и о ведьмах, которые залетают в печную трубу и избивают спящих своей метлой, и о домовых, которые по ночам истязают тех, кто попал к ним в немилость, и тому подобное. Все это только раздражало пострадавшего. Он сердито реагировал на эти фантазии и время от времени вопил:

– Не заливайте мне галоши! Это подлец Алнимов сделал!

Когда Клячко развязали, он не мог подняться с постели. Вся спина и ноги были в кровавых рубцах. А кое-где рубашка даже прилипла к телу. Прибежавший на шум Бляхер узнал веревку, которую прятал Алимов, но, как положено, промолчал об этом, не желая прослыть «ябедой». Тем более что он сам немножко недолюбливал Клячко. Тут появился дежурный по школе, выяснил в чем дело, учинив небольшой допрос, а затем приказал всем разойтись и лечь спать.

Утром пострадавшего проведала медсестра. Она уже кое-что знала о случившемся, поэтому не задавала лишних вопросов. Медсестра проверила, нет ли серьезных повреждений, потом сделала какие-то примочки и сказала Клячко, чтобы он оставался в постели. Она выписала ему освобождение от всех занятий и обещала навестить его после обеда, чтобы поменять компресс. Между прочим, медсестра увидела метку на подушке, которой Алимов накрыл голову Клячко во время экзекуции, и унесла эту подушку с собой. Это была та самая подушка, которая пропала из изолятора несколько дней тому назад.

Надо сказать, что на этом инцидент не был исчерпан, так как происшедшее не входило в рамки обыкновенной драки, а было ква-

лифицировано как чрезвычайное происшествие (ЧП). Поэтому расследованием этого дела занялся политрук Забежанский. Начались допросы. Как в любом советском учреждении, в школе были свои добровольные осведомители – «сексоты». Пользуясь их услугами, Забежанский узнал причину, почему Клячко подозревал Алимова, то есть об инциденте в студии, о котором кому-то по секрету поведал Трипутин. На допросе Клячко вначале путался в объяснении, почему он кричал, что это сделал Алимов. Но, прижатый к стенке, вынужден был признаться, что накануне жестоко избил того. Однако это было все, что удалось выяснить политруку. Алимов на допросе категорически отрицал свою причастность к ночному происшествию, а доказать ничего нельзя было. Правду знал только Атаджанов, друг Алимова, но он тогда, конечно, ничего не сказал.

Само собой понятно, что на этом дело не кончилось. Когда Клячко поднялся с постели, он разыскал Алимова и, подойдя к нему, сделал зверское лицо и помахал перед его носом своим кулачищем:

– Ну, гнида, держись! – прохрипел Клячко, – задавлю как клопа!

Алимов несомненно, предвидел, что этот разговор состоится. Он с ненавистью посмотрел на своего обидчика и спокойно заявил:

– Если ты меня тронешь, то тебе конец!

Такой реакции Клячко не ожидал. Он был озадачен и даже несколько встревожен. Похоже, что за спиной у Алимова есть какие-то силы, если он так уверен в себе, подумал Клячко. Это было как ушат холодной воды. В результате он начал сомневаться стоит ли приводить свою угрозу в исполнение. Однако вскоре все разрешилось само собой. Состоялся выпуск старшей группы, и Клячко был направлен куда-то в захолустье в один из военных оркестров страны. Только после этого стали известны подробности происшедшего инцидента. В общем, судьба распорядилась таким образом, что пути врагов разошлись. Клячко через год поступил в Институт военных дирижеров, а Алимов после окончания школы попал в Кремлевский оркестр.

МАЛАХОВСКИЕ СТРАДАНИЯ.

В 1943 году после битвы на Курской дуге, когда исход войны уже не вызывал сомнений, музыкальной школе было разрешено вернуться из эвакуации в Москву. Сообщение об этом было воспринято детьми с большим воодушевлением, и началась подготовка к отъезду. Однако предварительно лишь небольшая группа воспитанников была отобрана для поездки в подмосковную Малахову, чтобы отремонтировать и привести в порядок школьные здания, пострадавшие во время войны. Группу возглавил один из начальников, в

помощь которому были выделены два рослых выпускника школы, получившие сержантские звания, которые должны были следить за дисциплиной и порядком в группе. Отъезжающие получили сухие пайки из расчета на двухнедельную поездку, где кроме сухарей была копченая колбаса, какие-то консервы, сахар и зеленый чай. В те годы кипяток можно было приобрести на железнодорожных станциях. Кроме того, детям было выдано по несколько рублей для покрытия непредвиденных расходов. Кое-кто из старших воспитанников, у кого были коммерческие наклонности, перед выездом купил на эти деньги урюк, зная, что в Москве на этом можно будет заработать. А остальные дети решили приберечь деньги на всякий случай.

И вот настал день, когда отобранную группу воспитанников с чемоданами в руках повели по пыльной дороге на вокзал. Дети шли через неказистый городок, похожий на большой кишлак, мимо огороженных глиняными дувалами двориков, внутри которых находились одноэтажные глиняные кибитки с плоскими крышами и где росли абрикосы, айва и виноград, а на огородах лежали огромные дыни и арбузы. Только в центре города было несколько кирпичных зданий – это были административные здания, школы и больница. Пока дети шли, мимо них проехала всего лишь одна машина. Здесь доминировали ишаки, их было много: одни тащили двухколесные арбы с грузом, на других верхом как амазонки ехали узбеки и узбечки. Это однообразие нарушалось лишь тем, что иногда с поклажей на горбах проходили верблюды. Потом по дороге воспитанников обогнал строй молодых призывников в красочных тюбетейках и пестрых халатах, которыми командовал беленький паренек в звании младшего сержанта, вооруженный учебной винтовкой образца 1899 года. Призывники старательно топали и нестройными голосами в восточной манере пели разученную воинственную песню:

Ол габос! Ол габос! Уи ол габос!

Много лет спустя одному из бывших воспитанников случилось по делам службы вновь побывать в этих краях, и он буквально был поражен тем, какие перемены произошли здесь за эти годы. Большая часть города оказалась застроенной многоэтажными панельными домами, на дороге уложено бетонное покрытие, построен новый вокзал с рестораном, над которым красовался большой щит с надписью крупными буквами: Посетитель! Будь взаимно вежлив!

Но особое впечатление на бывшего воспитанника произвела новая чайхана, построенная на воде. Для этого запрудили арык с холодной водой, протекающий мимо бывшей музыкальной школы, так что образовалось очень мелкое узкое озеро, куда предварительно были забиты небольшие сваи, поверх которых чуть выше уровня воды были уложены доски с небольшими щелями между ними. На-

стил был покрыт коврами. Вокруг озера росли большие деревья с густой листвой, от которой над озером создавалась сплошная тень. Это было райское место. Посетители сидели или полулежали на коврах, облокотившись на подушки, причем одни пили горячий зеленый чай, наливая его из чайников в глубокие пиалы, а другие (особенно старики) курили гашиш из больших глиняных трубок, похожих на бас кларнеты.

Однако вернемся к нашим путешественникам. Идя на вокзал, дети не сомневались, что их повезут в «телячьих вагонах». Однако здесь их ожидал приятный сюрприз. Они были посажены в плацкартный вагон по шесть человек в купе, причем на третью полку сложили чемоданы. В основном это были фанерные самодельные чемоданы, но было и несколько потрепанных фибровых и даже один видавший виды кожаный. Часть вагона с зашторенными окнами оказалась перегороженной и закрытой, откуда время от времени выглядывал вооруженный охранник. Никто до конца поездки так и не узнал кого или что там везут. Посадка была суматошной и веселой, каждый стремился захватить вторую полку и никто не хотел ложиться на боковые. Потребовалось немало окриков и угроз, чтобы всех рассадить по местам. Поезд простоял на вокзале добрых три часа и, наконец, тронулся, однако возбужденные воспитанники все еще не могли успокоиться. Но вот постепенно возбуждение улеглось и началось расслоение. Николаев вытащил колоду потрепанных карт, часть которых была самодельной, и пошла игра «в дурака». Трепов достал изорванную замасленную книгу «Таинственный остров» и принялся читать. Крупный рослый Цезарь Весловуцкий, выходец из Западной Украины, сразу же принялся за сухой паек, напевая при этом свою любимую песенку: «На дэрэвах рослы ковбасы, а Цэзарь их ходыв здиймав». Оба сержанта, Васильев и Радзинский, купившие урюк, делали на бумажке какие-то расчеты. Некоторые воспитанники примостились у окна и любовались красотами Ферганской долины. Было довольно жарко. Дети сняли с себя все лишнее и все равно обливались потом. Так прошло несколько часов. Но вот в вагоне стало темно, и после хлопотливого дня все стали укладываться спать.

Начались дорожные будни. Первые два дня прошли незаметно. Но вот на третий день утром обнаружилась неприятность. Готовясь к завтраку, дети достали из своих чемоданов сухие пайки и увидели, что колбаса, которую им выдали, покрылась белым налетом плесени. Пострадали все кроме Цезаря, который к этому времени успел разделаться со всей колбасой и теперь потешался над озадаченными приятелями. Кто-то из младших воспитанников испугался и, боясь отравиться, намерен был уже выбросить колбасу, но, увидев,

что остальные не собираются этого делать, приостановился. А те просто старательно вытирали плесень с колбасы, после чего ели ее как ни в чем не бывало, а один не очень брезгливый обжора даже ел эту колбасу, не обращая внимания на плесень.

Прошло еще несколько дней, и тут оказалось, что ключевым пунктом поездки является район Аральского моря, где на каждой остановке к вагону подходили разного возраста мужчины и даже дети, предлагая купить по дешевке соль, за которую, по слухам, в Москве можно было нажить целое состояние. Здесь надо сказать, что во время войны самыми дефицитными товарами были: соль, спички, керосин и бумага. Поэтому не удивительно, что в вагоне началась «золотая лихорадка». Пошли в ход те несколько рублей, которые дети получили на непредвиденные расходы. Никакой посуды у воспитанников не было. Поэтому брали эту серую грязную соль во что попало: в бумажные кульки, в самодельные мешки, сделанные из рубашек, которым завязывали рукава и застегивали пуговицы, и даже в пилотки. Возбужденные «бизнесмены» воспитанники ликовали, предвкушая большие барыши. Однако судьба распорядилась по-другому, и это коммерческое мероприятие потерпело крах. Не прошло и двух дней как от жары в вагоне соль начала течь и испаряться, так что весь вагон покрылся изнутри белым налетом. Дети лихорадочно пытались спасти положение, но, в конце концов, вынуждены были прекратить борьбу и с болью в душе стали выбрасывать полужидкую грязную соль, которая пропитала насквозь рубашки и пилотки, после чего их никак нельзя было отстирать. Потеряв все свои деньги, воспитанники упали духом, и некоторое время ехали молча. Но такое состояние противно детской натуре, и вскоре наступило оживление, вызванное еще и тем, что в вагоне стало прохладнее. Поездка продолжалась. Поезд останавливался и долго стоял на всяких разъездах и полустанках, пропуская военные эшелоны и санитарные поезда. Но, подергавшись на рельсах почти две недели, он, в конце концов, добрался до Москвы, где на Казанском вокзале группу встретил «великий комбинатор» майор Заславский, заведующий хозяйственной частью, а также старшина Михалин, уехавшие заранее, чтобы добиться получения строительных материалов. Группа пересела на электричку, идущую в Раменские, и высадилась на платформе в Малахове. И уже через час с небольшим дети таскали железные кровати из сарая и устанавливали их в единственной пригодной для жилья комнате в полуразрушенном здании. Потом они набивали наволочки и матрасы сеном, которое оказалось в том же сарае. А после этого дети впервые после долгой поездки глотали захлебываясь горячий суп, который приготовил в походной кухне старенький повар, приехавший вместе с группой.

И начались рабочие будни. Общеобразовательных и музыкальных занятий не было. Воспитанники занимались только тем, что стелили полы, чинили крыши, копали и таскали песок, красили, мазали и так далее. В воскресенье в группе был выходной день. Если удавалось, дети шли в кино на трофейные фильмы: «Багдадский вор», «Египетская гробница» и другие. Их смотрели по несколько раз и запоминали почти наизусть.

После кино воспитанники собирались у чуть теплой печки и делились своими впечатлениями. Те, кто прибежал первыми, захватывали места у печки и прислонялись к ней спинами. Остальные время от времени прижимали к печке свои ладони и это немного помогало. В комнате было довольно прохладно, несмотря на то, что печку топили почти круглосуточно. Везде были щели, и часть окон была забита фанерой. А, кроме того, дрова были сырыми и давали очень мало тепла, и чтобы их разжечь требовалось большое искусство, несмотря на то, что на растопку шли доски, выломанные в ночное время из окрестных заборов. Пострадавшие жители в отчаянии начали приобретать злых собак.

Надо сказать, что особой популярностью у детей пользовались музыкальные комедии, такие как «Джорж из Динки-джаза» и «Серенада Солнечной долины». Собравшиеся у печки напевали мелодии из этих фильмов и старались воспроизвести слова песен, но, не зная английского языка, вынуждены были сочинять на ходу всякую абракадабру вроде:

А поц ин фис,
Перевернись!
Сык яды бу.
Булады бу.

Однако больше всего воспитанники любили ходить на Малаховский рынок. Это было интереснее любого фильма. Главное, там иногда можно было кое-чем поживиться. Малаховский рынок был своего рода «Чревом Парижа». Жаль, что для него не нашлось своего Золя. Жизнь там бурлила и чего только не было на Малаховском рынке. Здесь можно было найти все от патефонных иголок до бриллиантов. Овощей и фруктов, правда, было немного и шли они на вес золота. Например, урюк, привозимый из Средней Азии, продавался здесь по рублю за штуку или по двадцать рублей за стакан. Одной из самых экзотических вещей на рынке было картофельное пюре, которое хозяйки привозили в больших металлических чанах. Пюре дымилось, и голодные воспитанники не могли от него глаз оторвать. Денег у них не было, а просить им было стыдно, да и смысла в этом не было – им бы все равно не дали. Бродившие по рынку бездомные дети не стеснялись просить, но продавцы пюре,

как правило, отгоняли их. Правда, не всегда. Это зависело от того, как ребенок просил. Если жалобно и неуверенно, то не давали. Если же твердо и требовательно, то спешили ублажить просителя. Дело в том, что за спиной ребенка мог стоять бандит. Надо было видеть какой погром учиняли продавщице, отказавшейся дать попрошайке, которому покровительствовали бандиты, тарелку пюре. Воспитанники тоже иногда пробовали не просить, а требовать, хотя за спиной у них, конечно, никаких бандитов не было. Но продавщицы картофельного пюре были тонкими психологами, и этот номер у воспитанников никогда не проходил.

Настоящими хозяевами рынка были советские дезертиры, мордатые, здоровые, во фронтовых полушубках, вооруженные автоматами, пистолетами и ножами. Это была многочисленная и жуткая банда. Их боялись как огня. Эти бандиты дезертиры никогда ничего не покупали. Они просто брали все, что им нравится. Вот одна из сцен, которые часто можно было видеть на рынке. К безногому инвалиду войны, который сидит на подстилке, лежащей прямо на земле, и продает хромовые сапоги, подходят два дезертира. Один из этих бандитов наклоняется и вырывает у инвалида сапоги, после чего оба дезертира поворачиваются и уходят, как ни в чем не бывало. Инвалид поднимает крик и зовет на помощь. Тогда один из бандитов возвращается и бьет инвалида ногой в лицо. Тот падает навзничь, звенят боевые награды, висящие на груди, лицо заливается кровью. Никто не подходит и не заступается. Впрочем, если бы кто и решился, то ничего хорошего из этого бы не вышло. Тех, кто оказывал им сопротивление, дезертиры просто убивали. Часто они сбрасывали трупы в подземный переход, соединявший железнодорожную платформу с рынком. Инвалидов войны они иногда жалели как бывших коллег – фронтовиков. Местная милиция была совершенно беспомощной и даже не пыталась противодействовать. Бандитов дезертиров было много и они к тому же были хорошо организованы.

В 1944-ом году Малаховский рынок закрыли, а спустя какое-то время вместо него открыли рынок в Перове. Хочется сказать несколько слов о том, как закрывали Малаховский рынок. Это была настоящая военная операция. Ночью в Малаховку были введены регулярные войска, включая несколько легких танков и кавалерию. Рынок был оцеплен двойным кольцом и только после этого были развешены объявления о закрытии рынка. Оцепление рынка было круглосуточным и продолжалось несколько дней. Видимо, одновременно с этим началась охота на дезертиров, потому что стало поспокойней. Надо сказать, что в первые дни после закрытия рынка была жуткая суматоха. Электрички, набитые пассажирами, едущи-

ми на рынок, продолжали прибывать. Люди растерянно толкались вокруг оцепления, недоумевали, но постепенно все вошло в норму.

Тем временем велись работы по ремонту и восстановлению зданий, предназначенных для жилья и занятий воспитанников школы. Это был каторжный труд, очень часто не по силам маленьким и слабым детям. Вот двое из них, Трепов и Лисов, тщетно пытаются поднять огромное бревно. Подходит старшина Михалин и возмущается:

– А что здесь трудного?! Один с одного конца – двое, другой с другого конца – двое. И все в порядке.

В течение нескольких месяцев дети работали по десять часов в сутки и на первых порах голодали невероятно. Дневной рацион состоял из трех тарелок жидкой бурды, четырехсот граммов глинистого хлеба, двух кусочков рафинада и половины куриного яйца. Некоторые воспитанники в этот период выглядели не лучше своих сверстников в лагерях Освенцима или Дахау. Об одном из них, очень высоком и чрезвычайно худом воспитаннике по фамилии Одинцов говорили, шутя, что для просмотра его внутренностей не нужен рентген. Но вот кто-то обнаружил частные картофельные посадки вдоль железной дороги, и положение несколько поправилось. Начались тайные ночные походы под названием «Операция Бульба». Договаривались заранее. Надо было ночью встать, одеться и незаметно прошмыгнуть мимо дежурного. Потом бежать к картофельным посадкам, которые находились довольно далеко. Там с помощью палочек и дощечек, а иногда просто голыми руками, стараться быстро нарыть как можно больше картошки. После этого участники экспедиции бежали в кустарник, где были спрятаны дрова и находилось некое подобие шалаша. Там в приямке разводили костер и принимали меры, чтобы снаружи не было видно огня. Москву еще изредка бомбили, и затемнение еще было в силе. Боязнь быть обнаруженными и голод приводили к тому, что участникам «Операции Бульба» никогда не хватало терпения дождаться, пока картошка испечется. Ели полусырую, горячую, обугленную. Потом с испачканными лицами и грязными руками, похожие на маленьких африканцев, дети бежали к ручью смывать со своих физиономий «следы преступлений». Прибежав к школе, надо было незаметно и бесшумно проскользнуть к своим кроватям. В тех случаях, когда отсутствие детей оказывалось обнаруженным, их ожидало серьезное наказание. Однако это не останавливало детей. Они считали, что стоит рисковать и продолжали свои походы. Этим объясняется тот факт, что участники «Операций Бульба» выглядели несколько лучше своих коллег.

В начале 1944-го года в Малаховку прибыл основной состав школы, и начались нормальные занятия. Так как школа готовила

музыкантов для военных оркестров, то здесь кроме общеобразовательных и музыкальных были еще и военные занятия. Дети занимались строевой подготовкой, изучали уставы военной службы и материальную часть винтовки образца 1899 года. Кроме того, воспитанники должны были по очереди стоять в карауле по ночам. Никакого оружия им при этом не выдавали и поэтому в случае какой-либо опасности все, что они могли сделать, это поднять шум, что значительно лучше могла бы сделать обыкновенная собака. Однако таков был порядок в школе, и ничего удивительного, что многие воспитанники не очень серьезно относились к этой службе. Вот два воспитанника, Трепов и Лисов, назначены охранять удаленные друг от друга объекты на территории школы. Им повезло в этот день, так как дежурным по школе назначен сержант Кабак, который после полуночи прячется в каптерке и, кажется, дремлет там. Не теряя времени, закадычные друзья Трепов с Лисовым уходят со своих постов и начинают гулять по территории, оживленно беседуя. Проходит часа два, и вдруг дверь каптерки приоткрывается и в проеме сначала появляется свет карманного фонарика, а затем дежурный Кабак осторожно высовывает голову и сонным голосом спрашивает:

– Лисов, у вас там все в порядке?

Увидев свет фонарика и услышав голос Кабака, друзья решают позабавиться:

– Слушай, – говорит Трепов своему приятелю, – а что если я пойду вместо тебя?

– Можно попробовать, – соглашается Лисов, – интересно, какое это произведет на него впечатление.

И Трепов направляется к каптерке. Когда он подходит к ней, Кабак, озадаченный тем что не получил ответа, быстро прячется, но затем, преодолев страх, осторожно выглядывает и повторяет свой вопрос:

– Лисов, у вас там все в порядке?

– Какой я Лисов! Я ворон здешний! – грозно хрипит Трепов, подражая голосу сумасшедшего мельника.

– Кто? Что? – пугается Кабак, – Кто это?

– Воспитанник Трепов, – бодро отзывается тот.

– Почему? – придя немного в себя, спрашивает Кабак, – здесь же должен стоять на посту воспитанник Лисов.

– Разве?! – удивляется Трепов. Значит, мы перепутали посты.

– Я вам приказываю, – высокомерно в театральной манере провозглашает Кабак, – чтобы вы немедленно стали каждый на свой пост!

Бывший профессор Московской консерватории Кабак, сугубо

гражданский человек, вообще любит представляться в роли командира. Вот он стоит перед строем воспитанников, готовясь отдать рапорт заместителю начальника школы по учебной части майору Скворцову.

– Внимание школа! Слушай команду общую! – упиваясь своей ролью, вдохновенно выкрикивает Кабак. Налево равняйсь! Кто там не равняется, елки зеленые? Смирно!

Затем он поворачивается и, пытаясь по военному отдать честь майору, делает что-то похожее на пионерский салют. При этом сопли обильно текут из его носа.

– Товарищ замнач, школа построена! – докладывает Кабак, сохраняя на лице выражение напускной важности.

По костлявому неулыбчивому лицу майора пробегает еле заметная усмешка.

– Вольно! – командует он.

В конце 1944 года школа переехала в Томилино в более благоустроенное помещение. Там кроме обычных занятий воспитанникам приходилось еще заниматься сортировкой трофейного имущества. В тот период в районе Томилино находился гигантский склад трофейного барахла, занимавший огромную территорию, огороженную колючей проволокой и охраняемую вооруженными автоматчиками. Уже на подходе к складу чувствовался тяжелый смрад. На территории склада под навесами лежали груды военного обмундирования: шинели, гимнастерки, пилотки, брюки, сапоги, ботинки. Были навесы, под которыми лежала гражданская одежда и обувь. Часть вещей, по-видимому, побывала в воде и загнила. Это был источник удушливого зловония. Дети должны были отделять испорченные вещи от годных. Разумеется, это была не очень приятная работа. Надо сказать, что на охраняемой территории были также закрытые склады, возле которых стояли часовые. По слухам на этих складах хранились ценные трофеи: произведения искусства и тому подобное.

Учеба старших воспитанников в школе подходила к концу. В это время им было от четырнадцати до шестнадцати лет. А так как росли они как бурсаки или кантонисты, то при встречах с девочками их возраста неизменно возникал психологический барьер. Это была смесь любопытства, заносчивости, боязни оскандалиться, непонятного влечения и показного безразличия. Если случалось вступать в разговор, то дети конфузились и старались отделаться напускной грубостью. В школе был довольно приличный оркестр, состоявший из выпускников, которых приглашали в местные школы для обслуживания вечеров, где главным элементом были танцы. Когда в оркестре был перерыв, играла радиола. Девочек было много, они жались в углу, хихикали, шептались и бросали на воспитанников

робкие взгляды. А те вместо того, чтобы пригласить девочек на танцы и завязать знакомство, мучились, пытаясь выглядеть индифферентными. Однако во время игры воспитанники все же незаметно зыркали на девочек, а иногда даже засматривались на них. Вот лопоухий Горкин загляделся на какую-то девочку и пропустил свое вступление. В оркестре произошел сбой. Замещавший дирижера сержант Карась взвинтился и угрожающе зашипел на Горкина:

– Играй, рыжий змей! Не отвлекайся!

После таких вечеров дети чувствовали себя неловко.

Однажды профессор Кабак, который ездил с детьми и был ответственным за проведение вечера, начал укорять их за неумение вести себя:

«Вы трусы! – распалялся он, брызгая слюной, – вы дубль трусы!»

«А Вы дубль бемоль», – неожиданно парировал его выпад отчаянный воспитанник Николаев, намекая на большой горбатый нос Кабака. Добродушный Кабак осекся и замолчал. Эта дерзость Николаева осталась как всегда без последствий.

Впрочем, надо сказать, что совсем по другому обстояло дело у самых старших воспитанников, среди которых было несколько переростков. Некоторым из них было более семнадцати лет, и относились они к девушкам по-другому. Когда в школе появилась новая учительница немецкого языка, молоденькая и хорошенькая frau Elza, эти переростки смотрели на нее жадными глазами, а некоторые даже пытались заигрывать с ней. Так один из них, нагловатый воспитанник по фамилии Шмелев, во время показа фильма в клубе, когда погас свет и стало совсем темно, начал потихоньку лапать эту учительницу и нашептывать ей что-то на ухо, демонстрируя при этом свои успехи в освоении немецкого языка:

– Frau Elza, gibt mir trennen. Bitte, gibt mir ficken.

Другой переросток, разбитной смазливый еврейский паренек по фамилии Кункин, был особенно активным в этой области. Как-то он привел на школьный вечер симпатичную девушку в военной форме, которую звали Капа. Она оказалась зенитчицей женского дивизиона противовоздушной обороны, расквартированного в районе Томилино. После этого она довольно часто посещала школьные вечера и спустя какое-то время оказалась беременной. Что там было дальше покрыто мраком неизвестности, так как Кункин вскоре окончил школу и был направлен в один из военных оркестров страны, а Капа после его отъезда больше не появлялась в школе.

А в мае 1945 года, через несколько дней после окончания войны состоялся выпуск тех, кто поступил в школу в 1942 году, то есть большинства героев этих очерков, и бывшие музыкальные бурсаки. Первой МШВМВ «вылетели из гнезда».

ЧЕТЫРЕ ЭПИЗОДА ИЗ ЖИЗНИ ТЕРПОГОСОВА.

Новый педагог и дирижер по фамилии Терпогосов появился у нас в школе где-то в начале 1944-го года. Это был настоящий восточный красавец – черноволосый, курчавый, с большими черными плотоядными глазами, крупным мясистым носом и густыми «брежневскими» бровями. Было ему тогда, думаю, около тридцати лет.

Если следовать религиозной индийской философии и верить в переселение душ, то логичнее всего предположить, что в Терпогосова переселилась душа Буридановой ослицы. Действительно, основной чертой его характера была крайняя нерешительность. Это проявлялось абсолютно во всем. Пожалуй, единственным исключением было его отношение к женщинам, но об этом речь впереди. Казалось, что Терпогосова все время тянет то в одну, то в другую сторону, как маятник. Вот один из характерных эпизодов, запомнившихся мне.

Мы готовились к октябрьскому параду, репетируя военные марши на площади в районе ВДНХ. Вокруг нас, как всегда, собралась большая толпа зевак, любителей бесплатных представлений. Дирижировал Терпогосов. Он стоял на небольшой деревянной подставке, похожей по форме на Мавзолей Ленина, и энергично размахивал руками. Признаться, было довольно прохладно. Очередь подошла к исполнению одного из двух маршей, в которых композиторы применили новинку, а именно: перед началом третьей части оркестр делал паузу и музыканты трижды кричали «Ура», сопровождаемые ударами малого барабана. Это был марш Чернецкого «Герои Сталинграда» и марш Иванова-Радкевича «Гастелло». Однако композиторы, учитывая что «Ура» не везде удобно кричать, предусмотрели запасной вариант, в котором крики «Ура» заменялись ударами большого барабана. Обычно вариант исполнения заранее определялся дирижером. Но на этот раз мы не получили никаких указаний. Поэтому, когда была уже проиграна почти половина марша, один из музыкантов, улучшив момент, озабоченно спросил:

«Товарищ дирижер, «Ура» кричать или не кричать?»

Терпогосов вздрогнул и растерянно уставился на музыканта. Потом как бы очнувшись быстро и нервно затараторил:

«Ура не кричать! Ура не кричать!»

Но не успели мы проиграть несколько тактов, как Терпогосов заволновался, замахал не в такт руками и нервно заголосил:

«Ура кричать! Передайте всем! Ура кричать!»

А еще несколько секунд спустя, буквально перед самой третьей частью, Терпогосов вдруг перестал дирижировать и истерично завизжал:

«Ура не кричать! Быстро скажите всем! Ура не кричать!»

Мы едва успели передать последнее распоряжение дирижера, так что никто из музыкантов не крикнул «Ура». Как и было предусмотрено, в этом месте ударил большой барабан. Но вместе с ударом большого барабана в наступившей тишине вдруг раздался тонкий как писк одинокий возглас: «Ура!» Это Терпогосов голосом Рашида Бейбутова и Бюль-Бюль Оглы исполнял отвергнутый им же первый вариант. Однако, крикнув раз, он тут же осекся, и очумело огляделся по сторонам. Зато несколько музыкантов, решив поддержать дирижера, нестройными голосами прокаркали второе «Ура». Третье «Ура» уже никто не кричал. Было полное замешательство. Барабаны тоже молчали. Что и говорить, зеваки, окружившие нас, потешались от души.

Другой характерной чертой Терпогосова было то, что он почти всегда находился в состоянии какой-то отчужденности от внешнего мира. Казалось, что он постоянно углублен в самого себя и не замечает окружающего. Возможно, поэтому он говорил какими-то загадками, как сфинкс. А может быть он считал, что так надо разговаривать с детьми. Не знаю. Во всяком случае, связанных с этим курьезов было предостаточно. Возьмем, например, хотя бы такой случай.

Терпогосов как и остальные педагоги периодически выступал в роли дежурного по школе. В этот раз ему в помощники был назначен сигналистом некто Пукель, по кличке «Нос». Как положено Пудель добросовестно околачивался возле комнаты дежурного, ожидая очередного распоряжения. Терпогосов вышел из кабинета, прошел мимо Пукеля как лунатик, схватил за рукав кого-то из учеников школы и вместе с ним, пройдя опять мимо Пукеля и глядя на него невидящими глазами, зашел в кабинет. Там он сказал схваченному им ученику: «Вызовите ко мне Пукеля!»

Тот вышел из кабинета и сказал Пукелю:

«Нос, зовет Терпогос!»

«Он же только что прошел мимо меня!» – недоумевал Пукель.

Однако, войдя в кабинет, доложил по форме:

«Товарищ дежурный, сигналист Пукель по Вашему приказанию прибыл!»

Дальше произошел диалог в стиле Терпогосова. Последующий анализ показал, что диалог этот происходил в стихотворной форме с неопределенным ритмом, что не позволило ему подняться до таких высот как, например, четкий пятистопный ямб Васисуалия Лоханкина.

Терпогос: «Пукель, Вы дали?»

Нос: «Дал!»

Терпогос: «Что Вы дали?»

Нос: «Сигнал».

Терпогос: «Какой сигнал?»

Нос: «Предварительный».

Терпогос: «Ну, так дайте ж исполнительный!»

Нет сомнения, что на этот раз Пукель, как Эдип, разгадал загадку Сфинкса. Конечно, весь этот диалог в духе следственных органов Лубянки или Петровки 38 можно было заменить одной фразой:

«Пукель, дайте исполнительный сигнал!»

Но таков уж был Терпогосов.

Другой аналогичный случай произошел при несколько иных обстоятельствах. Было время завтрака. Мы собрались возле столовой, откуда неожиданно появилась сомнамбулическая фигура Терпогосова, который продефилировал мимо нас, как призрак. Он, как всегда, напоминал йога, глубоко погруженного в состояние медитации. Один из воспитанников, маленький и хорошенький Абраша Полевой, видимо что-то хотел спросить у него:

«Товарищ лейтенант! Товарищ лейтенант!» – обратился он к Терпогосову. (У того во время войны было звание лейтенанта).

Терпогосов даже бровью не повел, хотя находился в двух шагах от Полевого. Абраша постоял несколько секунд, глядя в спину уходящему Терпогосову, пожал плечами и вернулся к нам.

Вечером после ужина в нашу комнату заскочил посыльный.

«Полевого не видели?» – спросил он.

«А в чем дело?» – поинтересовались мы.

«Терпогос вызывает», – ответил тот.

Вскоре Абрашу нашли и он, теряясь в догадках, поспешил к Терпогосову. Постучав и получив разрешение, он вошел в кабинет и доложил о своем прибытии. Терпогосов поднял на него глаза, минуту помолчал и спросил:

«Что?»

Полевой в недоумении уставился на него и ответил:

«Что-что?»

Тогда Терпогосов, пристально глядя на Полевого, повысил голос и, раздельно чеканя каждый слог, уточнил вопрос:

«Что? Я Вас спрашиваю!»

Озадаченный Полевой, придя немного в себя, сказал кающимся тоном: «Товарищ лейтенант, я не знаю, о чем Вы меня спрашиваете».

Терпогосов укоризненно покачал головой, встал и развел руками, словно говоря кому-то: «Как вам это нравится?» А потом, обращаясь к Полевому, ядовитым тоном спросил:

«Что Вы хотели мне сказать утром возле столовой?»

«Возле столовой?» – переспросил ошарашенный Полевой и, наморщив лоб, пытался вспомнить, что же он хотел спросить у Терпогосова. Немного помучившись, он признался:

«Не помню».

«Не помните? Я так и знал!» – язвительно произнес Терпогосов и добавил уничтожающим тоном:

«Можете идти!»

«Есть!» – механически ответил Полевой, повернулся и вышел из кабинета.

Четвертый эпизод произошел в самом конце войны. Это была пора оживления. Молодежь пыталась наверстать упущенное за последние годы. Страну захлестнула волна различных вечеров и торжественных собраний, посвященных присвоению всяких званий, вручению переходящих Красных Знамен, награждению орденами и тому подобное. Все это сопровождалось концертами, танцами, буфетом. Конечно, везде нужен был оркестр, и мы были нарасхват. Кто нас только не приглашал: завод «Серп и молот», фабрика «Красная роза», Московский медицинский институт и так далее. Всех не перечислишь. Что касается организационных деталей подобных мероприятий, то нас никогда в них не посвящали. Мы знали только, что во время торжественного собрания будем исполнять гимн СССР, а если придут с поздравлениями пионеры – надо сыграть какой-нибудь марш, а когда будут награждения – требуется играть туш. Потом надо развлекать публику в антракте, а после концерта – танцы.

Деньги, которые мы зарабатывали на этих вечерах, никогда не попадали нам в руки. Обычно они уходили на покупку новых музыкальных инструментов, нот и еще куда-то. Поэтому мы предпочитали, чтобы нам платили «натурой», то есть, чтобы нас покормили, или как говорят музыканты: «дали поберлять». Придя на игру, мы, прежде всего, спрашивали дирижера:

«Берлиоз будет или не будет?»

Другими словами: «Дадут нам поесть или нет?»

Эпизод, о котором я хочу рассказать, произошел на вечере, посвященном Первомайскому празднику и организованном Московским заводом «Каучук». Мы были приглашены обслужить это мероприятие. Дирижером был Терпогосов. Как только мы прибыли на завод, он как всегда куда-то исчез. Мы еле нашли его в одном из темных помещений Дворца культуры, где он зажимал в углу хорошенькую блондинку. Нас не обучали правилам хорошего тона, поэтому мы бесцеремонно дернули Терпогосова за рукав и с голодным пристрастием спросили:

«Товарищ дирижер, «берлиоз» будет?»

Терпогосов не очень удивился нашему вторжению, так как подобные ситуации уже имели место. Поэтому, не поворачивая головы и не выпуская блондинку из рук, он с досадой сказал:

«Дети, отстаньте от меня со своим «берлиозом»! Дайте мне сначала оформить «Еву»!» Но так как мы продолжали его теребить, он повернулся и раздраженно сказал:

«Идите немедленно на свои места! Через пять минут начнется собрание. Я сейчас приду. А вопрос с «берлиозом» уладим в антракте».

Когда мы вернулись, все уже было готово к началу собрания. Из-за кулис вышли члены президиума и заняли свои места как всегда четко и организованно, словно репетировали это десятки раз. А может, так оно и было? Кто его знает. Меня, кстати, как-то интересовал вопрос, каким образом выбирают членов президиума до собрания. Но, в общем, я так и не выяснил, как это делается. Появились другие заботы. Странно, что почти всегда членов президиума собрания можно было без труда разделить на две категории: на тех, кто покраснел и тех, кто побледнел. Никакой середины. Происходило ли это от нервного возбуждения или еще от чего-то – трудно сказать.

Из истории известно, что Александр Македонский, набирая воинов перед походом, приводил их в состояние бешенства. Если воин в гневе краснел – его принимали, если же бледнел – отстраняли. Здесь, то есть на собрании, были, как видите, и те и другие.

В самую последнюю минуту появился возбужденный Терпогосов, и началась набившая оскомину рутина: вступительное слово, открытие торжественного собрания, гимн (все встают, никто не поет), выбор Почетного Президиума в составе Политбюро ЦК во главе с «Великим, Мудрым, Гениальным» и т.д. (все встают, бурные аплодисменты, овация). Потом, естественно, утвержденный доклад, который абсолютно ничем не отличался от всех остальных докладов. Следом шли награждения. Все как положено. Мы в это время находились в состоянии голодного анабиоза и с нетерпением ожидали антракта, как вдруг произошло непредвиденное, что заставило нас на время забыть о «берлиозе». Началось с того, что слово предоставили Герою Социалистического Труда, орденоносцу, стахановцу, бригадиру, выполняющему план в счет двадцать первого века. Признаться, фамилии его я не помню, как впрочем, и те фамилии, которые он называл. Но не думаю, что это столь важно. Назовем его условно «бригадир Колотуха». Из президиума поднялся высокий жилистый мужик лет тридцати с красной физиономией в тесном сером костюме со сбившимся набок зеленым галстуком, неловко отодвинул стул и нетвердыми шагами направился к трибуне. Там он вынул из кармана пиджака бумажку и, сохраняя на лице самодовольную ухмылку, заплетающимся языком прочитал написанное. Зал подбадривал его дружелюбными возгласами. Закончив читать, он поднял голову и уже от себя с нарастающим крещендо воскликнул:

«Да здравствует директор завода товарищ Брюханов! Да здравствует начальник цеха товарищ Давилин!» И после небольшой паузы упавшим голосом добавил: «Да здравствует товарищ Сталин!»

Притворившись, что ничего не произошло, зал разразился бурными аплодисментами, а незадачливый стахановец, опустив голову и слегка шатаясь, пошел на свое место. Мы еле сдерживались, чтобы не прыснуть со смеху, и не сомневались, что в перерыве прославленного бригадира увезут куда следует за «произношение».

Но каково же было наше удивление, когда мы увидели его багровую физиономию у стойки буфета. Он был невредим и в отличном расположении духа. Это противоречило здравому смыслу. Однако нам некогда было заниматься загадочным поведением органов безопасности. Мы искали Терпогосова, чтобы, наконец, выяснить вопрос с «берлиозом». К сожалению, на этот раз нам не удалось его найти. Поскольку деваться нам было некуда, то голодные и расстроенные мы пошли на концерт. Вернее, это был не концерт, а спектакль. Завод «Каучук» не поскупился и пригласил Московский театр оперетты. Те явились в своем лучшем составе, включая Ярона, и угостили нас «Сильвой» Кальмана. Хочу сказать несколько слов о первом акте, так как он был уникальным и вот почему. Прославленный стахановец оказался в первом ряду и под хохот, и одобрительные возгласы зрителей громко комментировал происходящее на сцене. Особенно досталось Сильве.

«Смотри, какая кикимора!» – возмущался знаменитый ударник.

«Ты что, не мог себе лучше бабу найти?» – кричал он Эдвину.

После первых же реплик Героя Социалистического Труда актеры на сцене начали нервничать и хотели приостановить действие. Помощник режиссера обратился к администрации завода с просьбой вывести скандалиста из зала. Но заместитель директора завода уговорил актеров продержаться до антракта и постараться не обращать внимания на знаменитого стахановца, чтобы избежать скандала и не уронить достоинства прославленного бригадира.

«А в антракте будут приняты меры», – пообещал он. Действительно, после первого же акта подвыпивший стахановец куда-то исчез, и больше мы его не видели. Остальная часть оперетты прошла более или менее нормально и без участия зрителей.

Когда спектакль окончился, было уже около одиннадцати часов. Мы ожидали, что к нам подойдет Терпогосов с хорошей новостью, так что танцы мы будем играть с вдохновением. Но вместо него подошел какой-то тип и сказал:

«Дирижер просил передать, что танцы отменяются и «берлиоза» не будет. Можете ехать домой».

Мы были в шоковом состоянии.

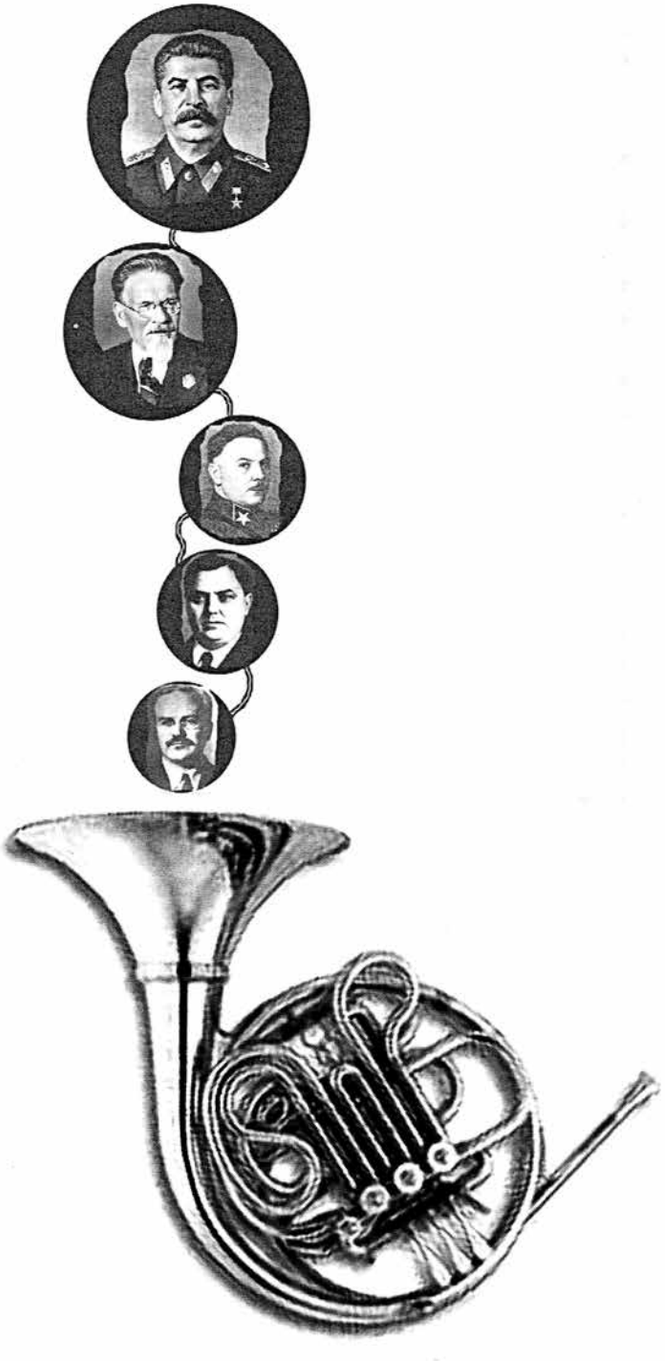
«Этого мы ему не забудем», – решили мы, и я, как видите, не забыл.

После окончания школы я потерял Терпогосова из виду и не знал ничего о его судьбе. И только лет двадцать спустя вспомнил его, встретившись с одним из моих старых друзей. Мы, разумеется, окунулись в воспоминания и он ошарашил меня новостью. Оказалось, что Терпогосов давно уже играет в оркестре Большого Театра на альт скрипке и что, кажется, он не просто музыкант, а солист.

Терпогосов – и скрипка! Это у меня просто не укладывалось в голове. Я долго не хотел этому верить, пока не получил подтверждение из другого источника.

Прошло еще лет десять. Я получил очередное письмо от своего старого друга. В конце письма была приписка, что коллектив Большого театра понес серьезную потерю – умер Терпогосов. Закатилась еще одна звезда.

НАБЛЮДЕНИЯ ИЗ ЯМЫ



ПАРАДЫ.

Весной 1945-го года после окончания музыкальной школы я был принят в состав оркестра с очень длинным названием: «Отдельный Образцово-показательный оркестр Министерства Вооруженных Сил СССР» или ООПО МВС СССР. Спустя некоторое время я стал участником военного парада на Красной площади, где впервые увидел наяву наших великих вождей: Сталина, Молотова, Берию, Ворошилова и других. А появились они словно из-под земли. Позже я узнал, что вожди пользуются специальным подземным переходом, соединяющим Кремлевские палаты с Мавзолеем Ленина.

Трудно передать состояние массового психоза, охватившего всех, кто был на Красной Площади, когда на трибуне Мавзолея появились головы и шеи вождей. Должен честно признаться, что я не был исключением.

Говоря о парадах, мне хотелось бы отметить один анахронизм, существовавший в первые послевоенные годы, а именно то, что во время церемонии командующий и принимающий парад должны были сидеть на лошадях. Это вносило элемент нервозности. Боялись, что либо лошадь обделается, либо какой-нибудь тучный маршал вроде Василевского или Толбухина свалится с лошади и опозорит всю Советскую Армию. Поэтому для парадов подбирались самые смирные и дрессированные лошади, а маршалы, участвующие в церемонии, должны были тренироваться. Эти тренировки часто происходили в Хамовниках на манеже. Пишущему эти строки посчастливилось видеть, как довольно спокойная белая лошадь сбросила на опилки Семена Михайловича Буденного, которому тогда было более шестидесяти лет. Кряхтя и матерясь, он поднялся. Лошадь заменили, а меня выгнали из манежа.

На военных парадах не всегда все проходило гладко, хотя готовились к ним чрезвычайно тщательно. Так на одном из парадов при прохождении военной техники прямо напротив Мавзолея заглох двигатель у одного из танков. Следовавшие за ним танки начали тормозить и даже пытались объехать остановившийся танк. Это вызвало замешательство и полную неразбериху. В эту же минуту всех членов правительства, стоявших на трибуне, как ветром сдуло. Наступила неловкая пауза. Все движение остановилось. Однако довольно скоро стоявший за Историческим музеем мощный тягач выехал и утащил злосчастный танк за Собор Василия Блаженного. Движение возобновилось, но весь парад был испорчен. Представляю себе, какие были последствия.

Конечно, это из ряда вон выходящий случай. Дело в том, что всю военную технику, участвовавшую в парадах, самым тщательнейшим образом проверяли. А накануне парада эта проверка была особенно скрупулезной и заканчивалась она тем, что двигатели закрывались на замок и пломбировались.

Кстати, о пломбировании. Много лет спустя, уже будучи инженером, мне приходилось несколько раз беседовать с конструкторами военной техники. И все они в один голос жаловались на трудности в их работе, связанные с необходимостью обеспечить не только дурако-упорную конструкцию, но также и злоумышленнико-упорную конструкцию. Они утверждали, что обслуживание военной техники в Советской Армии является самым безобразным в мире. Советский солдат, если может сломать что-то или открутить и выбросить, обязательно это сделает. Конструкторы долго не могли найти противоядие, пока не пришли к идее пломбировать все до последней гайки и болта. Только это несколько умерило пыл советских солдат – злоумышленников. Так что куда там чеховскому герою, который все же с умом откручивал гайки с железнодорожного полотна.

За пять лет службы в оркестре я успел побывать на множестве парадов: военных, авиационных и физкультурных. Парадам всегда предшествовали месяцы тренировок. Особенно тщательно готовились к военным парадам, репетируя на площади в районе ВДНХ. Лишь последняя репетиция накануне парада проводилась на Красной Площади ночью. Возвращались мы с этой репетиции домой пешком под утро, когда городской транспорт еще не работал. Москва спала. Все огни были погашены. И только одно здание за высокой каменной стеной было ярко освещено. Это был особняк Василия Сталина на Гоголевском бульваре. Ходили темные слухи, будто Вася любит устраивать ночные оргии.

Василия Сталина я видел несколько раз. Он не произвел на меня приятного впечатления. Кроме выпивки сын Сталина, кажется, увлекался только спортом. И пользуясь своим исключительным положением, сумел собрать в команду ВВС лучших футболистов и хоккеистов страны. Однако особым пристрастием Василия Сталина были мотоциклетные гонки на льду. Он был завсегдатаем этих соревнований и приходил туда с небольшой группой военных летчиков: то ли собутыльников, то ли телохранителей. Видно было, что это зрелище ему по-настоящему нравится, особенно когда кто-нибудь из мотогонщиков на крутом вираже слетал с мотоцикла и, ударившись о заграждение или о глыбу льда, оставался лежать неподвижно. Тогда Василий возбуждался, вскакивал, и его тусклые глаза загорались лихорадочным блеском. А во время парада, когда над Красной площадью появлялись самолеты и диктор торжественно объявлял, что флагманский четырехмоторный бомбардировщик ведет генерал Василий Сталин, наши сердца почему-то наполнялись гордостью.

ТОРЖЕСТВА.

Люди старшего поколения наверное, помнят, что в описываемые мною времена не менее четырех раз в году по стране прокатывалась «эпидемия» торжественных заседаний. Начиналось это, как правило, за несколько дней до праздника с торжественных собраний на заводах, фабриках, учреждениях, колхозах. Затем поднималось до уровня правительств Союзных республик и заканчивалось государственным апофеозом в Москве в Большом Театре, который в те времена имел самую большую вместимость.

Обслуживание этого мероприятия было одной из важных функций нашего оркестра. И здесь, как впрочем, везде, где появлялись члены правительства и лично товарищ Сталин, мы сталкивались с темными силами секретных служб и личной охраны. Как-то я читал воспоминания одного кремлевского охранника, который утверждал, что Сталин не боялся общаться с простыми людьми и что он, дескать, мог это делать практически беспрепятственно. Я не могу себе представить, где и когда такое могло иметь место. Во всяком случае, в послевоенное время это было просто немыслимо. Где мог Сталин встретиться с простым человеком? Разве что на ежегодном Авиационном параде в Тушино. Сталину, кажется, нравилось это представление, и он редко его пропускал. Знаете, все эти акробатические трюки высшего пилотажа, парашютные десанты, демонстрация новых моделей самолетов и вертолетов, а к тому же сын – генерал авиации.

Само собой понятно, что здесь, как и везде, где появлялся Сталин, принимались все меры предосторожности и делалось все, чтобы не было никаких накладок. Участники парада месяцами тренировались, отрабатывая все элементы, а накануне парада проводилась генеральная репетиция. Кстати, на одной из них произошел трагический случай. Два новых реактивных истребителя (кажется, конструкции Яковлева) должны были пролететь на бреющем полете до середины поля, а потом круто взмыть вверх. Первый раз все получилось хорошо, а вот при повторении у одного из самолетов началась сильная вибрация, так называемый «флаттер», и отвалилось крыло. Летчик мгновенно катапультировался, но, к сожалению, было недостаточно высоты, чтобы раскрылся парашют, и летчик разбился, упав на Волоколамское шоссе. А на самих парадах, насколько помню, никаких накладок не было.

Теперь следует сказать несколько слов о том, как Сталин добирался из Кремля в Тушино. Это довольно далеко. Надо проехать по Красной площади, по Манежной, по всей улице Горького и Ленинградскому шоссе. Более чем достаточно места для общения с

простыми людьми. Не правда ли? Однако не тут-то было. Вся эта дорога и прилегающие окрестности в день Авиационного парада превращались в «мертвую зону». Никакого движения. Никаких пешеходов. Вдоль всей дороги с небольшими интервалами была расставлена охрана. А где-то за полчаса до парада из кремлевских ворот на полной скорости вылетала кавалькада совершенно одинаковых черных лимузинов с занавешенными окнами. Поди угадай, в каком из них Сталин! Промчавшись по «зеленой улице», члены правительства появлялись на балконе здания Тушинского аэропорта, и начинался парад.

Ну, а здесь на Тушинском аэродроме общение с народом выглядело так. Все поле было разделено примерно на две равные части. На одной из них находились зрители, отгороженные от другой части плотным кордоном охраны, а в конце безлюдной другой части поля находилось здание аэропорта. Так что, скажем, ближайшее расстояние от простого человека до члена правительства равнялось примерно одному километру. Не побеседуешь, конечно.

А еще забыл сказать, что часа за два до начала представления всякое движение в районе аэропорта прекращалось и возобновлялось только через час после окончания парада и после того, как черные лимузины правительства и охраны отправлялись восвояси. Так что тут все было продумано.

Между прочим, выяснилось, что американцам тоже нравился Авиационный парад в Тушино, и они без приглашения прилетали туда на высоте, недоступной для советской противовоздушной обороны. Помню, как однажды во время парада в массе зрителей стало заметно какое-то беспокойство. Люди перешептывались и задирали головы вверх, показывая что-то друг другу. Мы тоже заметили высоко в небе какую-то движущуюся серебристую точку. Возможно, это и был американский разведывательный самолет. Ну, надо полагать, что после того, как сбили Пауэрса, у американцев пропал интерес к Авиационному параду в Москве.

Другой возможностью общения с народом у Сталина была его ежегодная поездка на отдых в Мацесту Вторую на Черном море. Но и здесь наблюдалась та же картина. Вся дорога от Москвы до Сочи была тщательно проверена и оцеплена. Ни о каком встречном транспорте не могло быть и речи. Специальный бронепоезд Сталина проносился мимо очищенных вокзалов и перекрестков, как по пустыне. Где уж здесь найти место для общения?

А вот как обстояло дело во время торжественных заседаний в Академическом Большом театре СССР. Чтобы пройти туда, нам выдавали специальные пропуска всего за несколько часов до начала торжества. Каждый раз эти пропуска имели другой вид и другой но-

мер, однако на каждом из них было напечатано следующее:

Подъезд № 20
ПРОПУСК №
Выдан _____ имя рек
Действителен при предъявлении паспорта (удостоверения личности)

Главное Управление Охраны МГБ СССР
Начальник Главного Управления Охраны
Генерал-лейтенант Власик.
Далее стояла подпись Власика и печать МГБ СССР.

Рискуя быть наказанным, я сумел сохранить несколько таких пропусков, и лишь перед самым нашим отъездом из России отдал их своему родственнику, который сейчас живет в Нью-Йорке.

Самого Власика я видел несколько раз. Внешне он был похож на перекормленного борова. Где-то в конце шестидесятых годов мне попал в руки журнал «Шпигель», в котором были напечатаны отрывки из воспоминаний личного секретаря Сталина, Поскребышева. Кажется, подлинность этих воспоминаний подвергается сомнению, однако там приведены любопытные детали взаимоотношений Сталина и Власика. Подтрунивая над тучностью Власика, Сталин якобы спросил его однажды:

«Слушай, что у тебя тяжелее, брюхо или задница?»

На что Власик ответил:

«Когда я сыт – то брюхо, а когда голоден – то задница».

Сталин хохотал до коликов. Эта шутка была в его вкусе.

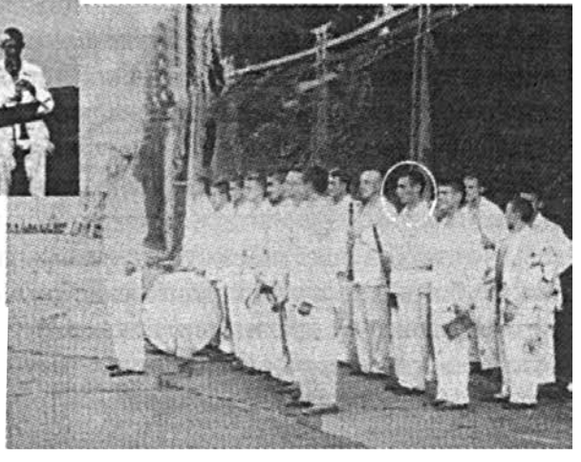
«Ну, уморил, – говорил он, – настоящий клоун. В цирк его надо отдать».

Вот этот Власик нес ответственность за то, чтобы ни одна собака не подходила близко к товарищу Сталину.

Что касается нашего оркестра, то, прорепетировав все в последний раз, получив пропуска и соответствующие инструкции, мы отправлялись в Большой театр. Кто проходил мимо здания Большого театра, мог обратить внимание на большой козырек на той стороне, которая обращена к ЦУМу. Вот под этим козырьком и находился служебный ход, он же подъезд № 20, куда мы должны были являться не менее чем за два часа до начала мероприятия. Опоздавших, разумеется, не было. Открыв двери двадцатого подъезда, мы попадали в вестибюль, где нас хмуро встречали два «цербера» в цивильной одежде, стоявшие по обеим сторонам входа. Тот, что справа, брал у нас пропуск и удостоверение личности в развернутом виде, внимательно изучал их и поднимал глаза на того, что слева.

А за спиной у левого находился наш главный дирижер Борис Григорьевич Миллер, который кивал правому, показывая, что он узнает своего музыканта. Во все это время левый, вероятно, наблюдал, нет ли чего подозрительного в нашем поведении.

↑ *Филипп Теперов среди оркестрантов (в кружках)* →



После этого нас пропускали на несколько шагов до следующего «шлагбаума». Здесь группа непроницаемых парней устраивала нам настоящий «шмон». Один отбирал музыкальный инструмент и подвергал его тщательному исследованию, другой выворачивал карманы, третий ощупывал каждого с головы до ног. В соответствии с инструкцией нам разрешалось иметь при себе кроме музыкального инструмента только носовой платок, карманные деньги и папиросы. Все остальное немедленно отбиралось и возвращалось только на следующий день, а тот, кто это принес, брался на заметку. Честно говоря, я могу припомнить только один случай, когда музыкант пронес что-то запрещенное. Но об этом потом.

Пройдя частокол проверок, который носил у нас кодовое название «чистилище», мы попадали в «рай», то есть в полуподвальное помещение Большого театра, именуемое «Студия имени Сука». Был когда-то такой чех – дирижер Сук в Большом театре. Студию имени Сука мы называли «раем» не столько потому, что в течение двух часов мы абсолютно ничего не делали, но в основном потому, что там был райский буфет. Надо помнить, что это были первые послевоенные годы, карточная система, голод, а в буфете студии имени Сука только птичьего молока не хватало. Здесь было все: колбасы, молочные продукты, икра, шоколадные конфеты и все практически за бесценок. Этих нескольких рублей, которые мы брали с собой, было вполне достаточно, чтобы купить все, что душе угодно. Однако молодежь, как правило, ограничивалась стаканом

сметаны с сахаром и булочкой, а также халвой на десерт. Взрослые же музыканты «выпендривались», поглощая бутерброды с икрой, балык и другие деликатесы.

Надо сразу оговориться, что у Сука в «раю» мы были не одни. Когда мы приходили в студию, там уже находилось около сотни «штатских в сером». Эти не обращали на нас никакого внимания, а мы, признаться, даже смотреть на них боялись. Между собой мы называли их «союзниками». К буфету они не проявляли заметного интереса, особенно в то время, когда мы устраивали там толчею. Друг с другом они почти не разговаривали, лишь изредка обмениваясь короткими фразами, и исчезали из студии примерно за полчаса до начала торжественного заседания, растворяясь в толпе гостей и делегатов.

Потом, будучи в «яме» (так на музыкальном жаргоне называется заглубленное помещение для оркестра в театре), мы узнавали наших «союзников» среди приглашенных. Оказалось, что они были довольно равномерно вкраплены в массу гостей, как изюм в кекс. Даже оркестр не был исключением. Три «изюмины» попадало в «яму».

И вот однажды мы убедились, что они не зря едят свой хлеб. Каким-то уму непостижимым образом один из наших музыкантов пронес в «яму» металлический портсигар, не умышленно, конечно, а по рассеянности. Папиросы разрешалось иметь только в бумажных коробках. Скорее всего, что это нарушение осталось бы незамеченным, если бы у нашего «героя» не было насморка. Случилось это во время доклада, который делал блудливый министр культуры Александров, похожий на слизняка. Вытаскивая в очередной раз носовой платок из кармана, наш незадачливый «авантюрист» нечаянно уронил портсигар на пол. Раздался легкий звон и в то же мгновение вороненая сталь пистолета «ТТ» оказалась прижатой к его затылку, и две другие «изюмины» тоже не дремали.

Сталин, видимо, услышал шум, потому что посмотрел в оркестр и нахмурился. Само собой разумеется, что это происшествие не обошлось без последствий. Виновника уволили, а все дирижеры, включая художественного руководителя оркестра С. А. Чернецкого, получили по нагоняю. Но, в общем, надо считать, что все обошлось благополучно. Во всяком случае, могло быть значительно хуже.

Теперь вернемся в нашу студию – рай, где мы наелись до одурения, разбились на небольшие группы и негромко беседуем на темы, волнующие музыкантов: футбол и женщины. Кроме того, наш репертуар был ограничен присутствием «союзников».

Забыл сказать, что прежде чем попасть в «яму» нам предстояло еще два «шмона», так что и речи быть не могло о том, чтобы купить себе что-либо про запас. Этим объясняется, что мы вели себя как

верблюды в оазисе, набивая до отказа свои «горбы».

Но вот, наконец, после повторной унизительной процедуры обыска мы оказываемся в «яме». Сцена открыта. На ней стоит длинный стол, покрытый красной скатертью. На столе в центре графин с водой и стакан. Справа от стола и немного впереди него трибуна для докладчика. За столом несколько рядов стульев. Зал наполняется возбужденными делегатами. Видимо, их там, в буфете тоже подкормили. Все рассаживаются по своим местам, и наступает напряженная тишина. Все ждут. Так публика может просидеть десять, двадцать, сорок минут. Возможно, это был один из психологических приемов, чтобы подчеркнуть значение и величие «босса». Но вот за правой кулисой произошло какое-то движение, и вся двухтысячная масса гостей взрывается бурными аплодисментами. Проходит еще несколько минут, аплодисменты то замирают, то вспыхивают с новой силой, и начинает казаться, что все это преждевременно, как вдруг из-за той же правой кулисы появляется бегемотоподобная фигура начальника личной охраны МГБ СССР генерал-лейтенанта Власика. Он движется как ледокол, прикрывая своей тушей маленькую фигурку в хромовых сапогах. Зал приходит в неистовство. А Сталин неторопливо идет по сцене, не глядя в зал, в своем полувоенном наряде с одной – единственной Золотой Звездой Героя Социалистического Труда на груди. Как мы были все потрясены его необыкновенной скромностью! Особенно сильное впечатление у меня осталось от первой встречи. Я смотрел на него во все глаза, орал как все, но надо сказать, что при этом я все же кое-что заметил.

Прежде всего, несколько шокировал его очень маленький рост и старческий вид. Потом обратили на себя внимание некоторые почти геометрически правильные составляющие Вождя. Несмотря на свободный покрой кителя, совершенно отчетливо была видна полусфера его брюшка. Потом я с удивлением обнаружил почти идеальную окружность плеши, похожей на гнездо. И, наконец, заметил, что локтевой сустав левой руки образует тупой постоянный угол равный примерно ста пятидесяти градусам. И уж совсем не поверил своим глазам, когда увидел следы оспы на его лице. Что и говорить, портретного сходства не было. Но кто думал об этом в те счастливые минуты. Мы были в экстазе.

Между тем, члены президиума, вышедшие вслед за Сталиным, занимали свои места без проволочек. Каждый сверчок знал свой шесток. В результате расстановка получилась следующая: в центре первого ряда за столом – Сталин, справа от него – члены Политбюро в том порядке, как их расставляли на официальных плакатах, слава от Сталина – председатель Моссовета и его антураж. Во втором ряду – главы министерств и полководцы. За ними – знамени-

тые доярки, шахтеры, металлурги, ученые.

А все это время зал ревел и, конечно, никто не садился. Так продолжалось минут десять, пока «Хозяин» не доставал из своих штанов карманные часы и не показывал их публике. В зале раздавался смех, сопровождаемый еще более неистовыми аплодисментами. Наконец Сталин садится и вслед за ним усаживаются члены Политбюро и остальные члены Президиума. Потом садятся приглашенные, после чего все идет как по маслу.

Из всех торжественных заседаний, которые мы обслуживали, одно было особенно важным. Это был единственный раз, когда я, как Моисей, слышал живую речь «Бога». «Бог» выступал в роли кандидата в члены Верховного Совета от Молотовского избирательного округа города Москвы. Это был 1946 год. «Бог» говорил негромко, медленно и без эмоций, с заметным грузинским акцентом. Весь огромный доклад он прочитал, почти не заглядывая в бумажку. Зал внимал ему, затаив дыхание и взрываясь бурными аплодисментами. А когда Сталин заявил, что скоро будет отменена карточная система, все словно обезумели от восторга.

Во время описываемого доклада некоторые из нас заметили любопытную закономерность. Например, Сталин говорит:

«За прошедший год наш народ добился больших успехов в восстановлении и развитии народного хозяйства».

Здесь он делает паузу, и сразу же где-то справа от Правительственной (бывшей Царской) ложи раздается громовый бас:

«Под Вашим мудрым руководством!»

И вслед за этим из разных мест вырывается несколько других возгласов подобного содержания. Это, разумеется, вызывало бурные аплодисменты, овацию, которые прекращались только по знаку оратора. Успокоив зрителей, Сталин продолжал свой доклад до следующего аналогичного эпизода. Что касается содержания речи Сталина, то я все начисто забыл, хотя мы долго после того изучали ее на политинформациях и всяких кружках.

Как я уже сказал, на других торжественных заседаниях Сталин выступал в роли слушателя. Здесь ему явно было скучно. В сторону докладчика он почти не смотрел. Время от времени Сталин доставал карманные часы, стараясь сделать это так, чтобы из зала не было заметно. Но нам, сидящим с «яме», было хорошо видно, что творится под столом. Посмотрев который час, Сталин захлопывал крышку часов и засовывал их в карман штанов. Потом у него вдруг могло появиться желание порезвиться, и он чуть-чуть поворачивался к рядом сидящему (обычно это был Молотов), а тот, к кому он обратился, мгновенно превращался весь в слух и раболепие. Ухмыляясь в усы, Сталин нашептывал что-то своему соседу, от чего

тот приходил в неописуемый восторг, а в это время все остальные члены Президиума выражали явное нетерпение поскорее узнать, что же сказал «Великий» и «Мудрый». Шутка вождя змейкой передавалась по рядам Президиума, вызывая у всех совершенно одинаковую реакцию – взрыв бесшумного хохота. После этого каждый с обожанием и восторгом смотрел на Сталина, как бы говоря:

«Вот это дал!»

Мы, к сожалению, не могли слышать, что сказал Сталин, но были уверены, что он наверняка переплюнул Бернарда Шоу и Марка Твена. Теперь же, в свете некоторых воспоминаний о Сталине, я бы не удивился, узнав, что он тогда изрекал какую-нибудь пошлость. Ведь любимым его словечком, кажется, было «мудак».

В последнее время Сталин не всегда присутствовал на торжественных заседаниях, посвященных Первомаю, Международному женскому дню 8 марта и даже дню Октябрьской революции. Но был один вид торжественного заседания, который Сталин никогда не пропускал. Это был день смерти Ленина, 21 января. В отличие от остальных, это торжественно – траурное заседание всегда начиналось в одно и то же время, в шесть часов пятьдесят минут вечера. Мы заметили, что во время этих заседаний, посвященных смерти Ленина, Сталин всегда был в приподнятом настроении. Видно было, что это его праздник.

Слышал я и выступления Молотова. Характерной особенностью его речи было заикание, которое особенно проявлялось во время докладов и преимущественно при произношении слов, начинающихся на «С». Молотов то проскакивал такие слова, то натыкался на них, как на неодолимое препятствие. И тогда нам, слушавшим его, становилось неловко. Многие из нас опускали глаза, переживая неприятные минуты. Во время заикания Молотов напоминал застрявший автомобиль: буксовал, отъезжал назад, брал разгон и снова буксовал. Так могло продолжаться довольно долго. Видно было, что он страдает. Потом каким-то чудом Молотов проскакивал дальше, пока не натыкался на следующее слово типа «социализм», «Сталин», «строительство», «соревнование».

Помню, как однажды он без запинки произнес фразу, которая прозвучала как фанфара:

«Мы живем в такой век, когда все дороги ведут к коммунизму».

«Крылатая фраза, – сказал сидевший рядом со мной кларнетист с почти революционной фамилией Свердлик. Мой сосед оказался прав. Потом эту фразу долго мусолили, пока она не набила оскомину. Да, время сыграло злую шутку с этим и подобными пророчествами.

В те годы непременным атрибутом некоторых торжественных заседаний в Большом театре и других местах было пение «Ин-

тернационала». Ответственные за проведение этих мероприятий не очень надеялись, что делегаты знают слова наизусть. Поэтому к пригласительному билету был пристегнут текст гимна мирового пролетариата, напечатанный, как правило, крупным шрифтом.

Во время исполнения «Интернационала» мы ухитрялись прислушиваться к тому, как поют вожди, у которых, разумеется, не было пригласительных билетов и пристегнутого текста. Оказалось, что далеко не все старые большевики знают гимн мирового пролетариата наизусть. Один только Жданов, у которого, кстати, был довольно приятный голос, пел громко с начала до конца. Сталин же изредка шевелил губами, а многие другие члены правительства что-то невнятно бормотали.

После торжественного заседания и продолжительных аплодисментов члены Политбюро и остальные члены Президиума исчезали за кулисами. Затем объявлялся перерыв и публика, естественно, устремлялась к буфету. Мы продолжали сидеть в «яме» и наигрывали что-нибудь для слуха, заполняя паузу, пока сцену готовили к концерту. Потом мы освобождали «яму» для оркестра Большого театра и уходили, кто домой, а кто на «галерку» на приставные стулья.

Концерты всегда были на высшем уровне, где доминировала «тяжелая артиллерия» Большого театра: Пирогов, Михайлов, Петров, Обухова, Максакова, Давыдова, Козловский, Лемешев, Уланова, Лепешинская и другие. Репертуар был ограничен в основном популярными русскими операми и балетами. Между прочим, на одном из этих концертов в «Половецких плясках» впервые заблистала Майя Плисецкая. Редкий концерт обходился без сцены из «Кремлевских курантов» Погодина и чтения стихов Маяковского о советском паспорте. Неизменными участниками концертов были выдающиеся музыканты: Ойстрах, Коган, Гиллельс, Рихтер, Флиер. Академизм концертов несколько разбавлялся чтением басен Михалкова Игорем Ильинским, политической сатирой Ильи Набатова и веселыми выступлениями Любезнова.

Только на праздновании Дня 8-е марта были разрешены некоторые вольности. Так однажды не то Журавлев, не то Яхонтов, помусолив Щипачева, вдруг начал читать «Собаке Качалова». Это сразу наэлектризовало зал, так как Есенин был под неофициальным запретом. Когда чтец закончил, благодарность публики была беспредельной. И некоторые, осмелев, начали кричать из зала: «Шагане! Шагане!» Несколько секунд чтец постоял в нерешительности, а потом сказал: «Что ж, она тоже женщина», – и начал читать. Многие в зале плакали.

Сталин редко оставался послушать концерт, и даже когда оставался, то сидел не в первом ряду правительственной ложи, а где-то

сзади (из скромности, конечно), так что не просто было заметить, есть он или нет. Когда в антракте или после концерта в зале зажигался свет, вся публика обращалась к правительственной ложе, ища глазами Сталина, но его уже там не было. Он и Берия всегда исчезали до окончания концерта.

Только один раз было сделано исключение и вместо концерта состоялась премьера кинофильма «Иван Мичурин», кажется, режиссера Пудовкина. Это был настоящий «шедевр социалистического реализма» эпохи «Россия – родина слонов». Даже дисциплинированные и не избалованные советские зрители не выдерживали до конца.

Кроме обслуживания правительственных мероприятий наш оркестр должен был также обслуживать аналогичные мероприятия Министерства Обороны, которые предшествовали государственным. Постоянным местом заседаний был Второй Дом Министерства Обороны, приютившийся в Хрустальном переулке, рядом с Красной площадью. Обычно доклад делал какой-нибудь крупный военачальник или приглашенная знаменитость. Но вот однажды на торжественном заседании, посвященном тридцатилетию Октябрьской революции, докладчиком был объявлен «участник событий» некто Подвойский.

«А это еще кто такой?» – спросил меня один из приятелей. Ни я, ни другие музыканты понятия не имели, откуда выкопали этого лектора.

«Наверное, какой-нибудь путиловец», – предположил кто-то.

«А может это тот Подвойский, которого упоминает Маяковский в одном из своих стихотворений?» – сказал мой начитанный друг.

«Того уже давно наверняка нет в живых», – сказал кто-то, и на этом наши домыслы прекратились.

Подвойский оказался человеком среднего роста, плотного телосложения и еще не старым. Одет он был, если можно так выразиться, в «партийную форму» – грубого полотна френч с большими накладными карманами, какой носили Сталин и большинство членов Политбюро, брюки – галифе и хромовые сапоги. Такой наряд в те годы был демонстрацией лояльности, а в данном случае еще и подходил к моменту. Читал Подвойский без подъема, вяло и невыразительно. Очень часто упоминал Сталина, несколько реже – Ленина. О себе не сказал ни слова. Правда, раз или два использовал местоимение «мы».

И вот, кто бы подумал, что это был военный руководитель Октябрьского переворота! Об этом я случайно узнал некоторое время спустя. Вероятно, Сталин держал его в черном теле все эти годы.

В круг обязанностей нашего оркестра входило также обслужива-

ние мероприятий Министерства Иностранных Дел, то есть участие в церемониях встреч и проводов официальных зарубежных представителей. Это были времена «железного занавеса» и «холодной войны». Поэтому контакты с западными странами были весьма ограничены, зато из стран так называемой «Народной демократии» поток был почти непрерывным. Кого только мы не встречали в эти годы: Георгия Димитрова, Ким Ир Сена, Анну Паукер, Сланского, Энвера Ходжу, Чой Бал Сана, Иосипа Броз Тито и других, имена которых я уже позабыл. На совещание министров иностранных дел прилетали представители западных стран: Бирнс, Бидо и Бэвин, которые вместе с Молотовым встречались в гостинице на Ленинградском проспекте.

В общем, все высокопоставленные зарубежные представители, кто прилетал или приезжал в Советский Союз с 1945 года по 1949 год включительно, прошли через мои руки. Что касается Иосипа Броз Тито, то он учился в одной из военных академий Москвы, не то им. Ленина, не то им. Фрунзе, и по-моему, был прописан в Москве.

Кстати, число военных академий в бывшем Советском Союзе может поразить воображение неискушенного читателя. Вот далеко неполный перечень:

Общевойсковая академия имени Фрунзе,
Военно-воздушная академия имени Жуковского,
Академия Генерального штаба имени Ворошилова,
Академия Бронетанковых войск имени Дзержинского,
Военно-инженерная академия имени Куйбышева,
Военно-политическая академия имени Ленина,
Академия ракетных войск, Химическая академия и другие.

По утрам московский метрополитен был забит офицерами, едущими на занятия. Думаю, что в этом отношении Америка далеко отставала от своего потенциального противника. А ведь в СССР кроме этого были еще Военно-морские академии, находящиеся в Ленинграде.

Трудно поверить, но в Москве до пятидесятых годов существовало даже Высшее Военно-кавалерийское училище имени Буденного. Похоже, что не все уроки войны были усвоены советским командованием. Между прочим, начальником этого училища был генерал Осликовский, военный консультант большинства советских фильмов тех лет. Поговаривали, что Генерал Осликовский был в связи с популярной исполнительницей русских народных песен Лидией Руслановой. Ходили слухи, что она спекулировала какими-то заграничными вещами, за что попала в «места не столь отдаленные», где вместе с Вадимом Козиным развлекала заключенных как участница художественной самодеятельности.

Из всех церемоний, связанных с обслуживанием Министерства

Иностранных дел и в которых мы участвовали, отчетливо почему-то помню встречу фельдмаршала Монтгомери. Может быть, потому что было жутко холодно. Как всегда, мы прибыли в аэропорт за два часа до предполагаемого прилета. Мало кто знает о существовании этого аэропорта, расположенного почти в самом центре Москвы на Ленинградском проспекте, рядом со стадионом «Юных пионеров». Правда, сохранилось название «Аэропорт», но люди обычно не увязывают это с чем-то реальным. В маленьком здании аэропорта было холодно. Думаю, не более десяти градусов Цельсия. Батареи центрального отопления едва теплились. Было зябко, но как говорится, это были только «цветочки». «Ягодки» появились, когда нас за час до приземления самолета выгнали на открытое пространство к взлетно-посадочной полосе. Ледяной ветер насквозь продувал нашу форменную одежонку. Не было никакой надежды, что наши одеревеневшие пальцы смогут нажимать на клапаны, а бесчувственные губы смогут удержать мундштук.

Кроме нас здесь был еще почетный караул – рослые молодцы, кровь с молоком, косая сажень в плечах, друг от друга не отличишь. Их мы тоже называли союзниками. Этим, видимо, мороз был нипочем. Ну, и то, правда, что держать карабин в этих условиях, несомненно, легче, чем играть на трубе.

Члены Политбюро и другие члены правительства, прибывшие для встречи фельдмаршала Монтгомери, отсиживались где-то в теплом углу аэропорта. Только начальник Протокольного отдела МИД Молочков да маршал Василевский со своей свитой упитанных генералов время от времени выходили из укрытия и проверяли, все ли в порядке. Эти давали нам советы: и прыгать, и размахивать руками, и то, что надо было проложить бумагу в обувь, и тому подобное. Мы же знали, что согреть нас могла бы только хорошая выпивка. Но это было абсолютно недопустимо. Тот спирт, который выдавали в холодные дни музыкантам, игравшим на медных духовых инструментах, нужно было до последней капли залить в кроны. Вообще говоря, если этого не сделать, то пары дыхания во время игры осаждаются и замерзают в изогнутых трубках (кронах) и инструмент перестает функционировать.

Но вот, наконец, из здания аэропорта повалила густая толпа высшей номенклатуры, и мы неистово начали растирать свои губы и пальцы. Ноги безнадежно замерзли. Было около тридцати градусов мороза плюс ветер. Каждая минута казалась вечностью. И в этих условиях надо было сыграть гимны Великобритании и Советского Союза, встречный марш и марш для прохождения почетного караула.

А самолет как назло сделал еще несколько кругов, так что членам правительства, слава Богу, тоже немножко досталось. Но, в

конце концов, самолет приземлился, и как сейчас вижу: открывается дверь самолета, спускается трап и в дверях появляется комическая фигура фельдмаршала Монтгомери, в берете, крагах и без пальто. Нам стало весело и это, по-видимому, помогло нам кое-как сыграть встречный марш. Монтгомери спустился по трапу и мгновенно посинел. Его сияющую улыбку как ветром сдуло. Он неуверенно подошел к микрофону. Молочков, говоривший, по-моему, на всех языках и умевший сглаживать любые шероховатости, на этот раз растерялся. Положение спас один генерал из свиты Василевского. Он быстро и решительно подошел к окоченевшему фельдмаршалу, пытавшемуся что-то сказать в микрофон, снял с себя генеральскую дубленку и папаху, и надел их на Монтгомери. Тот как-то растерянно улыбнулся, начал благодарить генерала, прервав свою речь на полуслове, но потом спохватился и продолжал. А находчивый генерал, напялив на голову берет Монтгомери, поспешил в здание аэропорта. Инцидент был исчерпан. Все остальное прошло более или менее гладко. Даже оркестр не подкачал.

Когда Монтгомери улетал, он был в генеральской дубленке и папахе, хотя было не так холодно. Были ли это те же самые, что надел на него генерал, или ему подарили новую дубленку и папаху, не могу сказать.

Сталин обычно не появлялся на встречах и проводах. Только один раз он соизволил изменить этому правилу, когда во время войны прилетел Уинстон Черчилль. Но это было еще до меня. Визит Черчилля был во многих отношениях необычным. Например, официальные зарубежные представители на встречах и проводах проходили, как правило, мимо почетного караула, как мимо столбов. А вот Черчилль, рассказывали ветераны оркестра, смотрел каждому солдату в глаза продолжительным тяжелым взглядом, как бы пытаясь проникнуть в «загадочную русскую душу». И многие воины почетного караула не выдерживали этот взгляд и опускали глаза. После этого их специально тренировали «есть начальство глазами», и позорный случай с Черчилем больше не повторился.

Следует отметить, что во всех церемониях встреч и проводов основную роль играл начальник Протокольного отдела МИД Молочков, очень подвижный, небольшого роста и аристократической внешности. Он отдавал все распоряжения, первым подходил к гостю и, будь то венгр или китаец, что-то говорил ему без переводчика. Молочков, видимо, обладал хорошим чувством юмора и всегда умел рассмешить гостя, особенно когда создавалось неловкое положение. Он иногда подходил к оркестру, и мы несколько раз недолго беседовали с ним. Другие члены правительства никогда с нами не общались.

Один только раз, вероятно скуки ради, к нам подошел Молотов

и обменялся с нами несколькими незначительными фразами. Что меня озадачило, так это долголетие В. М. Молотова. В те годы казалось, что ему один день до смерти. Лицо было как у выходца с того света, безжизненно белым и болезненно одутловатым. И высокий «молочно-восковой» лоб, придававший Молотову благородный вид, был как у мертвеца. Не было сомнения, что он страдает какой-то серьезной неизлечимой болезнью. И вот тебе на – прожил более девяносто лет!

Честно говоря, мы не очень любили церемонии встреч и проводов, сопряженные с нервотрепкой, с необходимостью выучивать гимн какой-нибудь Монгольской Народной Республики или Албании, изнывать от жары или замерзать от холода.

Зато с приездом высокопоставленного зарубежного гостя часто была связана другая, более приятная церемония – прием. Это обычно устраивалось либо в особняке Министерства Иностранных Дел на улице 25-тилетия Октября, либо в здании Моссовета на улице Горького, либо в Центральном Доме Советской Армии на площади Коммуны. Изредка прием устраивался в Кремле. Вообще говоря, место приема варьировалось в зависимости от характера события или степени важности гостя. Надо сказать, что для обслуживания приема нужен был не весь оркестр, который насчитывал около ста человек, а примерно одна треть состава. К обслуживанию приема готовились очень тщательно, отобрав самых надежных и дисциплинированных музыкантов. Проходили специальный инструктаж и много репетировали. Прием проводился, как я теперь понимаю, по западному образцу. А тогда нам все это было в диковинку. Высокий длинный стол, на котором красочно расставлены вина и закуски. Отдельно стоящие столики со стульями как в ресторане. Вышколенные рослые официанты, разносящие горячие блюда русской кухни: поросенка с кашей, гуся с яблоками и тому подобное.

Мы были заняты только на первом и последнем этапе приема, то есть до банкета и после концерта. А во время банкета мы глотали слюнки где-нибудь на заднем дворе. После банкета начинались развлечения: сначала небольшой концерт, потом танцы. Хотя участники концерта были почти те же самые, что и в Большом театре, характер концерта был совершенно другим. Помню как на одном из приемов пьяный Максим Михайлов и не очень трезвый Иван Козловский пели украинские песни, сидя на полу, так как Максима Дормидонтовича ноги не держали. Помню сольные выступления Сергея Образцова с куклой – пьяницей, исполнявшего цыганский романс «Налей бокал, в нем нет вина. Она уж больше не вернется». А также помню его удивительный номер – любовную сценку, разыгранную с помощью двух головок, надетых на указательные пальцы.

После концерта были танцы. В соответствии с программой мы играли не только вальсы и танго, но также и мазурки, полонезы и паде-катры. И надо сказать, что многие танцевали. Я даже видел танцующим палача Берия. Сталин же никогда не танцевал даже лезгинку.

На одном из приемов, устроенных в здании Моссовета, я стал свидетелем того, как трижды Герой Советского Союза коренастый летчик Кожедуб, танцуя с очень высокой полнотелой девой и будучи совершенно пьяным, упал и потянул за собой свою партнершу. Падали они не очень красиво, так что все нижнее белье дамы было на виду. Она, по-видимому, тоже была не совсем трезвой, но все же ухитрилась встать. Кожедуб, однако, продолжал кататься по полу и придурковато хохотал.

После того, как гости расходились, наступал наш «звездный час». Именно час. Это было точно то время, которое отводилось нам на «растерзание стола». Накормить оркестр – было выражением высшей благодарности. На столе у нас было почти то же самое, что и на банкетном столе, только кормили нас где-нибудь в подвале или подсобном помещении. Почти всегда наш «звездный час» начинался после полуночи. Естественно, что к этому моменту мы были очень голодны, или как говорили музыканты: «Живот прилипал к спине». Поэтому мы жадно набрасывались на еду и лишь потом, немного успокоившись, начинали пробовать различные вина с зарубежными этикетками и незнакомые блюда.

Но были среди нас такие как, например, тенорист Богомолов, который сразу лихорадочно хватал бутылку водки и выпивал ее в три приема за десять минут, почти не закусывая. Потом он сваливался под стол, и несколько дюжих ребят из МГБ выносили его и укладывали в автобус как бревно. Это была их обязанность на данном этапе. Надо честно признаться, что добрая половина музыкантов оркестра после трапезы не смогла бы дойти до автобуса без посторонней помощи. Так что ребята из МГБ здесь были на месте.

И раз уж я затронул эту тему, то нелишне было бы отметить, что умение крепко выпить всегда считалось у музыкантов большим достоинством. Особым уважением у нас в оркестре пользовался тубист Вася Солодов, огромный мужик, лицо которого краснело пропорционально количеству выпитой водки, пока не становилось цвета спелой вишни. Когда Солодов появлялся с красной физиономией, его неизменно спрашивали:

«Вася, сколько принял?»

«Один килограмм и столько то грамм», – отвечал Солодов.

И мы знали, что он не врет.

Володя Богомолов в этом смысле, конечно, не мог состязаться с Васей. Зато он пил значительно чаще и мы, молодежь, по очереди

должны были тащить его домой. Жил он в крохотной комнатушке в районе Марьиной Рощи. Комнатка была настолько мала, что в ней не помещались одновременно стол и кровать. Нужно было сложить стол, чтобы поставить кровать, или наоборот. Богомолов часто спал на столе. Нюх на спиртное у него был необыкновенный. Как-то мы тащили его, когда он был в состоянии «алкогольной клинической смерти». Вдруг он очнулся и, не открывая глаз, пробубнил:

«Здесь где-то должна быть пивная».

И действительно, в этот момент мы проходили мимо пивной. Так что среди музыкантов тоже бывают феномены.

ЦЕРЕМОНИИ.

Еще одной обязанностью нашего оркестра было участие в похоронах крупных и мелких вождей, а также других выдающихся деятелей. Среди тех, кого «отпевал» наш оркестр были: всесоюзный староста Калинин, железный Щербаков, кровавая Землячка, нейрохирург Бурденко и многие другие. Если саркофаг был установлен в Колонном зале Дома Союзов, то наш оркестр обычно располагался на галерке, а Государственный симфонический оркестр или другой симфонический оркестр усаживался на сцене. Играли по очереди, так что музыка Шопена, Бетховена и Чайковского лилась непрерывно, вызывая скорбные чувства у потока ротозеев, пришедших поглазеть на покойного вождя, поскольку живого увидеть почти невозможно. Для нас это была изнурительная и скучная работа. Приходилось играть по несколько часов.

Затем следовала церемония прощания на Красной площади, а дальше уже в зависимости от ранга: кого за Мавзолеем в землю, кого в кремлевскую стену, а кого на Новодевичье кладбище. А один раз нас даже занесло на Ваганьковское кладбище. Кажется, хоронили кого-то, кто в прошлом был вождем, а потом попал в немилость. Таких я встречал. Так вот, очутившись на Ваганьковском кладбище, мы с приятелем пытались разыскать могилу Есенина и, вероятно, так бы и не нашли, если бы случайный кладбищенский попрошайка не показал нам дорогу. Могила поэта была совершенно заброшена. Похоже, что за ней не ухаживали уже много лет. Лишь на ограде, испещренной надписями, было несколько относительно свежих. Все это были отрывки из есенинских стихов. А двустишие:

«В этой жизни умереть не ново, но и жить, конечно, не новей» – повторялось несколько раз.

Поэзия Есенина в те годы замалчивалась, и достать сборник его стихов было почти невозможно. Поэтому мы пытались выучить наизусть то, что было нацарапано на могильной ограде поэта, и таким образом знакомились с его творчеством.

БИТВА ТИТАНОВ.

В течение многих лет художественным руководителем нашего оркестра и Главным дирижером Советской Армии был одноглазый генерал Семен Александрович Чернецкий, представитель плеяды талантливых одесских музыкантов, таких как Давид Ойстрах, Леонид Утесов и многих других. Обстоятельства, при которых Чернецкий потерял глаз, не совсем ясны. По одной версии в глаз ему попал осколок снаряда во время Гражданской войны. По другой версии глаз ему выбили во время драки смычком от скрипки. Семен Александрович служил музыкантом еще в Первой Конной армии у Ворошилова и сохранил с ним приятельские отношения. Кроме того, у Чернецкого были хорошие семейные контакты с Булганиным. Следует добавить, что сын второй жены Семена Александровича ухаживал за дочерью маршала Конева. Положение одноглазого генерала казалось незыблемым. Но это была призрачная надежность. Как сказал Некрасов: «…только тот, кто всех собой давил, свободно и дышал, и действовал, и жил». И вот однажды в сентябре 1947-го года «Хозяин» потянул веревочку, Жданов дернулся и открыл рот, и началась «культурная революция».

Первый удар приняли на себя Ахматова и Зощенко. Затем зацепили Мурадели с его весьма лояльной оперой «Великая дружба» и пошло и пошло. Разнесли в пух и прах репертуар драматических театров и лишили их дотаций, в результате чего почти все театры вынуждены были отказаться от музыкальных спектаклей. Были разогнаны все джаз-оркестры как элемент преклонения перед гниющим Западом. Остался один Утесов. Почему-то заодно разогнали все ансамбли песен и плясок, кроме Краснознаменного ансамбля Александрова. Сотни профессиональных музыкантов были выброшены на улицу, среди них такие выдающиеся как Александр Цфасман. Помню, как унизительно он просил, чтобы мы включили в свой репертуар его произведения. Еще более жалким выглядел Юлий Хайт, который говорил, что у него жадные уши и что он любит громкую музыку. Музыканты подшучивали над ним говоря, что у него не только уши жадные.

Прошло немного времени, и погром культуры перерос в обыкновенный погром, называемый «борьбой с космополитизмом». Убили Михоэлса, арестовали и расстреляли еврейских писателей, закрыли еврейский театр на Малой Бронной, закрыли еврейский вариант газеты «Правда», «Дер Эмес» и так далее.

В этой мутной водичке многие карьеристы начали ловить рыбку. Одним из них был военный дирижер Иван Петров. Поскольку речь здесь идет о военных дирижерах, мне хотелось бы сказать

несколько слов о том, откуда они брались. Еще задолго до войны при Московской консерватории был учрежден факультет военных капельмейстеров. Потом в связи с ростом численности Красной Армии этот факультет отпочковался, и было организовано Военно-дирижерское училище. В конце войны и в первые послевоенные годы начальником этого училища был полковник Иван Петров, ловкий карьерист и пройдоха. Воспользовавшись какими-то тайными связями, Петрову удалось преобразовать Военно-дирижерское училище в Институт военных дирижеров со всеми вытекающими отсюда последствиями. Сам Петров стал профессором, заведующим кафедрой и еще кем-то, сохранив за собой позицию начальника и ректора. Своего сына, окончившего этот институт, он не отправил как других на периферию, а пристроил в Москве дирижером образцового оркестра военной академии имени Фрунзе. В разгаре пресловутой кампании «борьбы с космополитизмом» Петров почувствовал, что пришел его «звездный час». Он выступил в газете «Красная звезда» с резкой критикой своего начальника С.А. Чернецкого, имея, по-видимому, благословление сверху. Нацелившись на «ахиллесовой пятый пункт» Семена Александровича, Петров обвинил его во всех смертных грехах: в космополитизме, в том, что его музыка лишена русского духа, в неправильном подборе кадров, в том что марши у него построены по немецкому образцу и что сам Чернецкий корнями уходит в космополитизм и преклоняется перед Западом.

Чернецкий, конечно, пытался бороться и даже подключил к этому свою дородную и красивую жену, которая забегала по инстанциям. Но все было напрасно. Даже высокопоставленные приятели Ворошилов и Булганин не помогли. Чернецкий был смещен со всех постов и его музыка была исключена из репертуара духовых оркестров. В результате Семена Александровича хватил паралич, и он до конца своих дней оставался инвалидом. Антисемитская машина раздавила еще одну жертву. Раньше Чернецкий отдыхал и лечился в Карловых Варах. Теперь об этом не могло быть и речи. Поэтому он поселился со своей женой на даче под Москвой в Новом Иерусалиме. Надо сказать, что в те годы Подмосковье было далеко не самым безопасным местом в стране. Пошаливали банды, особенно с наступлением сумерек на дорогах от маленьких железнодорожных станций до дачных поселков. Поэтому было решено, что музыканты нашего оркестра по очереди будут охранять своего бывшего художественного руководителя и подвозить ему необходимые продукты. Каким-то образом удалось добиться разрешения на право ношения оружия в опасной зоне. Это было личное оружие Чернецкого. Все, кто охранял опального генерала, получали это разрешение после специальных тренировок, инструктажа и сдачи экзамена. Чернец-

кий, видимо, еще надеялся, что все образуется и вернется на круги своя. Поэтому он продолжал сочинять марши и другую музыку. А поскольку левая сторона у него была парализована, он играл на фортепиано только правой рукой, а нас заставлял играть басовую партию. Вообще говоря, мы охотно ездили в Новый Иерусалим к больному генералу. Обстановка там была приятной. Кроме того, жена Чернецкого подкармливала нас земляникой с молоком и какой-то детской питательной мукой, а к тому же некоторые музыканты завели себе там подружек.

Вообще Чернецкий был жизнелюбом. Как-то один из наших молодых музыкантов трубач Клягин сказал Семену Александровичу, что завидует его благополучию и славе (разумеется, это было еще до его падения). Чернецкий с улыбкой посмотрел на него и сказал почти как Фауст: «Я отдал бы все, что у меня есть, за твою молодость». Но теперь по мере того как одна плохая новость следовала за другой жизнелюбие Семена Александровича начало таять. В конце концов, он слег и больше уже не поднялся.

И взошла звезда Петрова. Он был назначен Главным дирижером Советской Армии, получил звание генерала, сохранив за собой титул профессора и другие звания в Институте военных дирижеров. Вскоре из репертуара военных оркестров были исключены не только талантливые марши Чернецкого, но также и Юлия Хайта и других космополитов. Вместо них теперь нужно было играть бездарные опусы самого Петрова. И возомнил новоиспеченный генерал себя всемогущим, как старуха из сказки Пушкина о Золотой Рыбке. И захотелось Петрову еще и стать художественным руководителем и Главным дирижером нашего оркестра, который назывался Отдельным Образцово-Показательным оркестром Министерства Вооруженных Сил СССР. Чтобы осуществить эту затею, надо было убрать с этого поста полковника Назарова, который в свою очередь оказался в этой роли после падения Чернецкого. Трудно сказать, что сработало, но вначале Петрову удалось стать «Владычицей морской». Но тут он перегнул палку. Назаров оказался «крепким орешком». В отличие от Чернецкого у него не было «ахиллесового пятого пункта» и при этом отличная биография и хорошо налаженные связи «наверху». Откровенно говоря, Назаров был очень слабым дирижером. Всю войну он служил боевым офицером на передовой, в то время как Петров отсиживался в тылу. Это, конечно, было брошено на чашу весов. Но главным оказалось не «арийское происхождение» Назарова и не его боевые заслуги, а многолетняя дружба с генералом армии Маландиным. Знатоки говорили, что во время войны, когда полк Назарова занимал какой-нибудь немецкий город, первый вагон с трофеями отправлялся генералу Маландину.

И как видно последний не забыл этих услуг. Когда распоясавшийся карьерист Петров уселся на кресло Назарова, генерал Маландин встал на защиту своего вассала. И вскоре музыканты почувствовали, что кто-то шатает «трон» Петрова сверху, и на него посыпались анонимки снизу. Вот типичная сценка того периода. Получив сведения об очередном анонимном письме на него, Петров приходил на репетицию мрачный как туча. Вместо приветствия он угрожающе обводил глазами оркестр, всматриваясь в лицо каждого музыканта, и хрипло произносил: «Сидит же здесь какой-то гад и пишет, мерзавец, пасквили. Но мы все равно узнаем, кто это и тогда я ему не завидую!» «Гриша, – обращается он к услужливому подхалиму тубисту Яцуку, – если мы встретим этого подонка на улице, мы не подадим ему руки. Правда, Гриша? Мы перейдем на другую сторону». Но в результате у Петрова оказалась «кишка тонка» или как говорится «молодец – против овец». И вот новый поворот сюжета. Главным дирижером Советской Армии назначен полковник Назаров, вернувший себе также свою должность в нашем оркестре и получивший сверх того звание генерала. А Петров «загремел». Он был смещен со всех занимаемых постов, после чего сослан инспектором в Одесский военный округ, а спустя какое-то время – демобилизован из Советской Армии. Правда, он и после этого пытался сделать карьеру. Ему даже удалось возродить существовавший до войны Государственный духовой оркестр, детище профессора Московской консерватории Блажевича. Профессор Блажевич эвакуировался во время войны в Ташкент и там умер от голода. Любопытства ради, я как-то пошел на концерт Государственного духового оркестра под управлением профессора Петрова, когда он гастролировал в Киеве в конце шестидесятых годов. Это был очень многочисленный оркестр, думаю, человек восемьдесят. Выход самого Петрова был обставлен с «большой помпой». Была выдержана довольно большая драматическая пауза, после чего на сцене появилась знакомая фигура поседевшего и довольно обрюзгшего «Наполеона от музыки». Он прошел знакомой вихляющей походкой, как будто собственные бедра мешали ему идти, и концерт начался. Несмотря на то, что в качестве приманки в Государственный духовой оркестр было приглашено несколько лауреатов международных конкурсов, впечатление от концерта было не очень хорошим. Видимо, тут сказалась рука самого Петрова.

Другой жертвой борьбы с космополитизмом в нашем оркестре пал главный дирижер Б.Г.Миллер, настоящий музыкальный фанатик, а также превосходный аранжировщик и дирижер. Поводом послужила безобидная на первый взгляд фраза, сказанная Миллером. Как говорится: «Язык мой – враг мой». А дело было так. Перед

началом репетиций обычно проводилась политинформация. И вот как-то после очередной политинформации в студию зашел рассеянный и аполитичный Борис Григорьевич и сказал сакраментальную фразу: «Ну, хватит ерундой заниматься! Давайте займемся делом!»

Находившийся в студии второй дирижер Олимпиев, не задумываясь, донес «куда следует», и Миллер был передан в руки «инквизиции». На некоторое время он исчез из поля зрения, потом оказался на пенсии и вскоре, кажется, умер.

Что касается Олимпиева, то ему не удалось в полной мере воспользоваться результатом своего доноса. То ли за аморальное поведение, то ли за какие-то другие грехи он был отчислен из оркестра и направлен капельмейстером в какой-то строительный полк, кочевавший по захолустьям Дальнего Востока. Это была катастрофа. Казалось, что Олимпиева ждет блестящая карьера. Ведь он был женат на дочери Фотиевой, личного секретаря Ленина. Однажды Олимпиев повез нас на Потылицу к своей теще. Жила она в очень маленькой квартире. Когда мы вошли, Фотиева лежала в постели, одетая в бесчисленное количество тряпок. Она была больна и показалась нам очень старой. Подложив под спину несколько подушек, Фотиева присела на кровати, достала альбом фотографий, многие из которых были сделаны выдающимся фотографом Оцупом, и начала рассказывать нам о Ленине. Ничего интересного в ее воспоминаниях не было. Так что вскоре я все это забыл.

ОТДЫХ.

Конечно, нам приходилось много работать, но были и у нас каникулы. Обычно они начинались после Авиационного парада и парада Физкультурников, то есть где-то в середине августа. Надо сказать, что в советской номенклатурной иерархии наш оркестр находился на одной из самых низших ступенек. Поэтому отпуск у нас был всего полтора месяца и выбор был небольшой: санаторий имени Ворошилова в Сочи, санаторий Министерства Обороны в Гурзуфе, а также аналогичные санатории в Кисловодске, Евпатории и Саках. Жили мы в коммунальных палатах, но питались как все остальные, то есть всего шесть раз в день: первый и второй завтраки, обед, полдник, ужин и еще одна трапеза. Эта последняя приходилась примерно на десять часов вечера и носила у нас условное название: «давить птенца». Название происходило от похожей на птенчика маленькой сдобной булочки, которую нам давали вместе со стаканом кефира или киселя.

Это шестое посещение столовой приходилось на очень неудобное время. Надо было прервать игру в карты или свидание с девушкой или еще что-нибудь в этом роде. Поэтому мы часто пропускали эту трапезу. Но поскольку в столовой велся учет посещаемости, чтобы обеспечить отдыхающим прирост веса, то надо было кого-то подставить вместо себя. Таким «дублером» у нас был крупный упитанный здоровяк по фамилии Варламов. Этот никогда не пропускал своего визита в столовую. Были случаи, когда он выпивал более десяти стаканов киселя и кефира и параллельно съедал столько же булочек. Такой у нас был Гаргантюа.

В 1946-ом году я отдыхал в санатории им. Ворошилова, расположенном недалеко от Сочи на довольно высокой горе. Спуск к морю и подъем осуществлялись посредством фуникулеров, но мы, как правило, ими не пользовались, предпочитая пробежать более девятисот ступенек, и часто прибегали раньше, чем вагон фуникулера.

Одновременно с нами в санатории отдыхало довольно много известных людей: дважды Герой Советского Союза летчик Речкалов, народная артистка СССР Алла Константиновна Тарасова со своим мужем генералом, солист ансамбля песни и пляски им. Александрова Олег Разумовский, семья погибшего на фронте генерала армии Черняховского и многие другие.

Алла Тарасова была кумиром нашего поколения. На спектакли МХАТ с ее участием нельзя было достать билеты, А кинофильмы, в которых она снималась, такие как «Без вины виноватые» и «Петр Первый», пользовались огромным успехом. По общему мнению, Тарасова была красавицей. Недаром престарелый Станиславский валялся у ее ног. Однако для нас встреча с Тарасовой была большим разочарованием. Однажды, когда мы играли на пляже в шахматы, к нам подбежал запыхавшийся приятель и сообщил, что на женской половине пляжа видели прославленную актрису Аллу Тарасову. Мы тут же прекратили игру и побежали смотреть.

Вообще-то мы побаивались ходить на женскую половину пляжа. Во-первых, нам не положено было. А во-вторых, женщины постарше валялись там на топчанах нагишом, как на греческих островах, и даже молоденькие девушки часто ходили без верхнего прикрытия. Правда, в самом начале нашего пребывания в санатории один из наших музыкантов, крупный самец, обладавший значительными мужскими достоинствами, решил пощеголять и пошел нагишом на женскую половину пляжа, чтобы якобы попить воды, но в полной уверенности, что произведет там сенсацию. И что же?! Никто из нагих матрон даже бровью не повел, а девушки просто отворачивались. Так что наш герой вернулся совершенно опозоренным. Это положило конец нашему любопытству заглянуть на женскую половину пляжа. Но на этот раз искушение было слишком большим и мы преодолели страх.

То, что нам показали, никак не напоминало знаменитую «жем-

чужину МХАТ». На пляжном топчане лежала рыхлая пожилая женщина, которую никак нельзя было назвать красивой. Вначале мы приняли все это за розыгрыш, но вскоре убедились, что это действительно была Алла Константиновна Тарасова.

С другой знаменитостью, летчиком Речкаловым, произошла презабавная история, поэтому я его и запомнил. Отдыхающие в санаториях, как известно, не отличаются строгостью нравов. А если учесть, что это был первый послевоенный год и истосковавшиеся по любви на фронте и в тылу получили, наконец, возможность компенсировать до некоторой степени потерянные четыре года, то можно себе представить, какой в санатории царил «содом».

Заместитель начальника санатория по политической части не выдержал и решил, наконец, искоренить разврат, для чего принял соответствующие меры. С наступлением сумерек он и несколько его подручных отправлялись на «охоту», вооруженные карманными фонариками и клюками. Надо заметить, что у отдыхающих была разработана система сигнализации: если куст был занят, то на него вешался клочок бумаги или газеты. Замполит уже знал этот код и пеленговал занимавшихся любовью без ошибки. Подойдя к меченому кусту, он освещал лежащих фонариком и, не давая им закончить свидание, стаскивал верхнего клюкой. После выяснения личностей и небольшого скандала провинившиеся вынуждены были досрочно уехать из санатория.

Так было до тех пор, пока замполит не напоролся на Речкалова. В этот день охота шла как обычно, но только замполит начал стаскивать дважды Героя Советского Союза с партнерши, зацепив его за раненую ногу, как тот схватил свой костыль и со всего размаху ударил замполита по лбу. Последнего еле откачали. По слухам, инцидент этим не был исчерпан, но результат оказался неожиданным – Речкалов остался в санатории до конца своего срока, а замполит на какое-то время перестал прочесывать кусты. То ли заслуги героя не были забыты, то ли еще что, но факт остается фактом – на этот раз победила любовь.

История, которая приключилась с Олегом Разумовским, тоже связана с любовью, но здесь это был скорее фарс, чем драма. Олег, крупный полноватый красавец – брюнет, был в свое время очень популярным певцом, хотя и страдал дефектом речи. Он как некоторые маленькие дети не выговаривал букву «р» и так, например, исполнял песенку из кинофильма «Небесный тихоход»: «Пола в путь-дологу! Дологу дальнюю» и так далее. Поклонниц у него была масса и они, конечно, прощали ему этот маленький недостаток. В санатории они ходили за ним стаями, но Олег нацелился на более крупную дичь. В то время у нас отдыхала необыкновенной красоты шатенка, жена какого-то генерала, который как оказалось, был намного старше ее. Красавица отдыхала одна, но по слухам скоро должен был прибыть ее муж. Олег пускал в ход все свои чары, денег не жалел, но впервые в жизни терпел фиаско. Слабая последняя надежда оставалась на прощальный вечер. Путевка Разумовского подходила к концу. Ему удалось организовать прощальный банкет в ресторане на озере Рица и с трудом привлечь к участию очаровательную шатенку. Сначала все было благопристойно, но после того как приглашенные хорошо «набрались», Разумовскому удалось отколоться от общей массы вместе со своим приятелем, танцором ансамбля, и увлечь с собой уже довольно пьяную красавицу генеральшу с подругой. Беглецы захватили с собой несколько бутылок Шампанского и после того как они прибыли на заранее подготовленную позицию прощальный вечер принял более интимный характер.

Вот с этого момента началась какая-то фантасмагория. Ни Олег, ни его приятель танцор, худощавый белесый паренек, случайно оказавшийся замешанным в эту историю, не могли понять и объяснить, что же произошло. Дело в том что, когда компания пришла в себя, оказалось что жена генерала лежит с танцором, а Олег с подругой, и поправить уже ничего нельзя было. Хуже того – не было уверенности, что вообще что-то было. Не знаю, дошла ли эта история до мужа красавицы, но весь санаторий только этим и жил недели две.

Семья генерала Черняховского, насколько мне известно, не давала особого повода для сплетен, хотя сама жена, светловолосая и дородная, была еще в соку, а дочери – прямо пальчики оближешь. Старшая лицом в мать нас мало интересовала, а вот младшая, которую мы между собой называли царицей Тамарой, черноволосая и смуглая, была нашего возраста, и мы вовсю пялили на нее глаза, но, разумеется – безрезультатно.

Вместе с нами в санатории отдыхал Адик, сын (вернее: пасынок) нашего художественного руководителя С. А. Чернецкого. Адик был дружен с детьми маршала Конева, которые отдыхали поблизости в Хосте в санатории Генерального штаба. Адик ухаживал за дочерью Майей и дружил с сыном Гелькой, вместе с которым учился в Военном институте иностранных языков. Это привилегированное высшее учебное заведение готовило всяких военных атташе, переводчиков и профессиональных разведчиков. Преподавание велось на высшем уровне. Между собой Адик и Гелька говорили преимущественно по-английски и распевали популярные тогда песенки из «трофейных» кинофильмов «Джордж из Динки-джаза» и «Серенада Солнечной долины».

Когда Адик приезжал в Новый Иерусалим проведать больного

отчима, с ним вместе иногда приезжал Гелька. Эти левитановские места произвели на Гельку определенное впечатление. Оглянувшись впервые на все эти чудеса природы, он вдруг заявил:

«А где же здесь прекрасные пастушки? Я хочу сыграть с ними пастораль».

У Гельки была слабость – он любил крепко выпить и позабавиться. Как-то после очередного сабантуя в ресторане «Москва» он на спор стащил оттуда огромную вазу, но был пойман с поличным. Прибыла милиция, началась потасовка. Тут Гелька показал им «кузькину мать». Физически очень сильный он сшибал милиционеров как кегли, но в конце концов, и ему досталось. Когда в отделении выяснили личность Гельки, милиционеры наделали полные штаны, долго извинялись и, наконец, с шиком доставили Конева домой.

У меня сохранилось несколько фотографий того периода. На одной или двух из них оба молодца, Адик и Гелька, позируют вместе с Вашим покорным слугой.

ШПИОН.

Наше поколение росло в обстановке постоянно нагнетаемого психоза шпиономании. Пограничник Карацупа и его верная овчарка Ингус были героями нашего времени, а подозрительность и бдительность – основными чертами нашего характера. Газеты тех времен буквально пестрели сообщениями о пойманных шпионах и диверсантах, а также об участии детей в этих операциях. Тому, кто по неосторожности спрашивал дорогу, особенно у подростка, предстояли серьезные неприятности. К нему сразу же приклеивалось несколько ребят, в то время как другие бежали доносить в милицию. А потом пойди, докажи, что ты не верблюд. Нам внушали, что шпионы есть везде и что болтун – находка для врага. Но если у меня и были какие-то сомнения на этот счет, то они окончательно развеялись, когда оказалось, что шпион проник даже в наш оркестр. Фамилия шпиона, если память мне не изменяет, была Самсонов, но мы впредь для краткости будем называть его просто шпион. Он играл на флейте и был превосходным музыкантом. По мнению большинства в оркестре, выраженному после событий, шпион был до глупости неосторожен: увиливал от политзанятий, щегольски, одевался, был непочтителен к начальству, а к тому же курил дорогие папиросы. Однажды шпион позволил себе наглость закурить в присутствии высокого начальства. Разумеется, это вызвало взрыв негодования и шпиону было сделано резкое и угрожающее замечание. Думаете, что он побледнел и задрожал от испуга? Ничуть не бывало! Вынув папиросу изо рта и показав ее разгневанному начальству, шпион с обезоруживающей улыбкой сказал: Так это же «Фестиваль!» (то

есть, очень дорогая папироса). Надо сказать, что шпион был добрым человеком, жалел детей и когда мог, то подкармливал то одного, то другого в коммерческом кафе. И внешность у него была приятная, не шпионская, и сложен он был хорошо. Но вот однажды ночью в общежитие, где жил шпион, тихо вошли несколько человек. Предъявив дежурному удостоверения сотрудников МГБ, они выяснили, где спит шпион. Затем на цыпочках подкрались к спящему, набросились на него, надели наручники и выволокли к стоявшему у подъезда «воронку».

На следующий день в оркестре начался переполох, появились следователи и всех по очереди начали вызывать на допрос, опять надо было заполнять двухметровые анкеты и тому подобное. Оказалось, что представитель «органов» сделал руководству оркестра заявление, в котором утверждал, что арестованный флейтист является немецким шпионом и что под подушкой у него был обнаружен пистолет.

Через несколько дней после этого в оркестре пошли слухи, что приезжает Ворошилов. И сразу же начали сооружать «Потемкинскую деревню» и все было надраено до блеска. Но Ворошилов появился не сразу. Сначала прибыл какой-то подполковник МГБ, который прочитал нам лекцию, где основными словами были «ротозейство» и «бдительность». Лектор обвинял всех музыкантов оркестра в том, что они вовремя не распознали внедрившегося в их коллектив врага и не помогли органам безопасности своевременно изолировать его. После лекции оркестр был выстроен и минут через десять в коридор вошел Ворошилов в сопровождении нескольких высших офицеров. Затем были приветствия и небольшая торжественная церемония, все как положено, после чего Климент Ефремович вызвал из строя тромбониста Булынку и тут же нацепил ему на грудь орден Красного Знамени. Был зачитан Указ Президиума Верховного Совета, в котором говорилось, что Булынка награжден за проявленную бдительность и содействие в поимке крупного немецкого агента. После награждения художественный руководитель нашего оркестра генерал Чернецкий спросил, не желает ли Ворошилов послушать музыку. Тот милостиво согласился, и музыканты быстро уселись на свои места. Чернецкий объявил, что будет исполнена «Торжественная увертюра 1812-ый год» Чайковского. «Нет, нет, Сеня, – запротестовал Ворошилов, – ты мне лучше сыграй что-нибудь свое». Чернецкий быстро перестроился и был исполнен его марш «Биробиджан», построенный на использовании еврейских народных мелодий. Ворошилов остался доволен, похлопал Семена Александровича по плечу и сразу же уехал.

Спустя какое-то время стали известны подробности разоблаче-

ния шпиона. Оказалось, что незадолго до Первомайского праздника шпион пригласил тромбониста Булынку в забегаловку, которая находилась в полуподвале на Садово-Спасской и где подавали странную алкогольную смесь, носившую у музыкантов кодовое название «ФАУ-2». Этот напиток и эта забегаловка заслуживают отдельного рассказа наподобие рассказа Куприна «Гамбринус», но я ограничусь лишь одним эпизодом. Особенностью «ФАУ-2» было то, что он был самым дешевым алкогольным напитком и что его можно было поглощать в большом количестве, правда, при одном условии – никаких движений головой. Пока голова неподвижна, сохраняется относительная ясность ума и веселое расположение духа. Но стоит шевельнуть головой, как человек молниеносно оказывается на полу, почти полностью перестает соображать и тут, конечно, ему не до веселья.

Эпизод, о котором я хочу рассказать, произошел еще до появления магнитофонной записи в СССР. В те времена все трансляции по радио были прямыми, днем и ночью. На этот раз должна была состояться передача для Южной Америки. В таких случаях мы ложились после обеда спать с тем, чтобы к полуночи быть в хорошей форме на радио. Однако двое наших музыкантов, кларнетист Гризбил и трубач Клопов, решили скоротать время в забегаловке. Набравшись «ФАУ-2» и шевельнув головами, оба музыканта оказались на полу и перестали соображать. Справедливости ради надо сказать, что они делали попытки встать, но не тут-то было! Тогда, повинуясь чувству долга, которое оказалось сильнее «ФАУ-2», Клопов и Гризбил поползли.

В это время на противоположной стороне широкой и заснеженной Садовой, под фонарем, где назначались свидания, стояла группа молодых людей. Среди них был один из наших музыкантов. В эти годы Москва была плохо освещена. Тем не менее, один из молодых людей, стоявших под фонарем, заметил, что вроде бы какие-то странные существа переползают Садовое кольцо. Хотя уличное движение в те времена было мало интенсивным, шансы остаться в живых у этих ползущих существ были ничтожными. Поэтому, рискуя собственной жизнью, несколько сердобольных молодых людей бросились спасать этих четвероногих. Подхватив ползущих подмышки, они успешно перетащили их на безопасный тротуар. И тут наш музыкант узнал своих коллег. Было вызвано подкрепление в виде двух дюжих музыкантов, которые поволокли обоих алкашей в общежитие, где они предстали, если можно так выразиться, перед лицом начальства. До начала нашего выступления по радио оставалось менее трех часов, и оба подвыпивших музыканта были незаменимы. Поэтому возникла проблема, как их вытрезвить. Учитывая состояние Клопова и Гризбила, были отвергнуты все известные способы отрезвления. Тогда слово взял веселый ударник Красницкий, ответственный до некоторой степени за дисциплину в оркестре.

«Ломайте сосульки, – скомандовал он, – и чтобы они были не короче двадцати сантиметров.»

«А для чего?» – поинтересовались мы.

«Потом узнаете», – загадочно ответил Красницкий.

Когда мы наломали и принесли требуемой величины сосульки, Красницкий взял бразды правления в свои руки.

«Снимайте штаны у этих шлимазл! – скомандовал он, – будем ставить холодные клизмы».

Я много читал об изощренных пытках средневековой инквизиции, следственных методах Гестапо и рыцарей Лубянки. Но я все же сомневаюсь, что жертвы там кричали сильнее, чем Гризбил и Клопов. Причем если Клопов ревел как раненый динозавр, то в душераздирающих воплях Гризбила можно было разобрать слова: «Не надо больше! Не надо! Я все скажу!» В результате, когда мы прибыли на игру, Клопов и Гризбил были самыми трезвыми из нас.

Вот в этой самой забегаловке, из которой выползли Гризбил и Клопов, состоялось саморазоблачение шпиона. То ли под действием «ФАУ-2», то ли еще от чего-то, но шпион стал обливать грязью советскую власть и лично товарища Сталина, а потом сказал, что собирается в него стрелять на параде и просил Булынку, который стоял в оркестре впереди него, не мешать ему убить Сталина. В благодарность за это Булынка должен был якобы получить от неизвестных лиц огромное вознаграждение.

По общему мнению музыкантов оркестра, это была безумная и абсолютно неосуществимая затея, чистый «камикадзе». Во-первых, мишень была очень маленькой, так как стрелять можно было только в голову, поскольку все остальное было закрыто трибуной Мавзолея. Во-вторых, расстояние от оркестра до Мавзолея было не менее сорока метров. В-третьих, надо было стрелять поверх голов проходящих войск из толпы. Большинство музыкантов относилось с недоверием к рассказу Булынки, так как это выходило далеко за пределы глупой неосторожности шпиона, но Булынка, с которым я прослужил вместе несколько лет, настаивал, что именно так все и было.

ИМЯ.

Мы редко называли друг друга по имени, да часто и не знали как кого зовут. К тем, у кого не было клички, обращались по фамилии, но, в общем, клички были почти у всех. Связаны они были преимущественно с какой-либо особенностью внешности: Пукель – «нос», Цицылин – «жирдяй», Нодельман – «козел», Борисовский

– «груша» (голова по форме напоминала грушу) и тому подобное. А у одного мальчика было сразу три клички: «рыжий», «заяц» и «тушкан». Надо сказать, что он действительно чем-то напоминал этих грызунов. А еще он немножко напоминал питекантропа. Это был небольшой, худенький, веснушчатый мальчик с непомерно большими ушами, узким лбом, вытянутым лицом и торчащими ежиком рыжими волосами. Речь его отличалась, как говорят музыканты, обилием «форшлагов», то есть сквернослов он был ужасный. Каждое второе слово у него начиналось на «б», каждое пятое – на «х» и каждое десятое – на «г». В спор он вступал по любому поводу и никакие аргументы на него не действовали. К тому же он выражал явное презрение к научной информации и к учебе вообще. Правда, он иногда вроде соглашался со своим оппонентом, говоря:

«Так то оно так, б.., но я тебе, б.., вот что скажу, б..»

И далее начинал нести нечто прямо противоположное тому, что говорил собеседник. Споры наши обычно носили отвлеченный характер, как например: кто сильнее – лев или тигр, что лучше – авиация или танки и т.п. Однажды этот «тушкан» так распалился в споре и понес такую чушь, что я не выдержал и назвал его «узколобым кретином», на что он ответил:

«Думаешь, б.., если ты, б.., окончил восемь классов, г.., так ты уже миссия, б..?»

Я, признаться, так и не выяснил, что он имел в виду: то ли, что моя миссия на этом окончена, то ли, что я уже Мессия.

Фамилия этого мальчика была Горкин, и он часто хвастался, что Секретарь Президиума Верховного Совета – его дядя. Конечно, ему никто не верил, так как он вообще любил приврать, да и сама идея, что у «зайца» может быть такой родственник, казалась немыслимой. Кличку «заяц» Горкин получил не только за внешнее сходство с этим зверьком, но и за то, что был ужасно труслив. Помню такой случай. У нас в школе был склад, где хранилось всякое барахло: одежда, обувь, канцелярские принадлежности и еще что-то. Это был сарай, расположенный на территории школы, который мы по очереди должны были охранять после ухода кладовщика и до его прихода утром. В качестве оружия мы пользовались увесистой дубинкой. Горкин не любил это мероприятие и готов был отдать драгоценную «пайку» хлеба, чтобы кто-нибудь подежурил за него. Но в эту ночь он, видимо, не нашел замены и поэтому занял возле сарая позицию, которая хотя не очень позволяла следить за складом, зато обеспечивала возможность быстрого отступления в случае опасности. Здесь надо прерваться, чтобы ввести в ткань повествования еще одного героя, без которого этот рассказ будет неполным.

Фамилия его была Яхвидсон. Его нашли на базаре, умирающим

от голода, и принесли в нашу музыкальную школу. Конечно, никто из нас в эти годы не отличался упитанностью, но Яхвидсон, когда его нашли, был настоящий живой скелет, обтянутый грязной желтой кожей и со слезящимися воспаленными глазами. Одет он был в какие-то лохмотья и жизнь в нем, как говорится, еле теплилась.

Но вот, несмотря на нашу скудную еду, с Яхвидсоном произошла удивительная метаморфоза. Буквально за несколько месяцев пребывания в школе он превратился в настоящего сказочного богатыря, громадного роста и необыкновенной физической силы. Думаю, что среди американских профессиональных борцов он был бы «не из последних удальцов». Не удивительно, что все его боялись. Да к тому же, полагаю, он был старше нас на несколько лет. У Яхвидсона был дефект речи, он не выговаривал некоторые согласные. Помню, как он напевал свою любимую песенку:

«Моя мивка как кобивка, товько вазница одна:

На кобивку едет всякий, а на мивку товько я.»

Нужно ли доказывать, что это был полноценный мужчина.

Теперь вернемся к охране склада. Было, по-видимому, около полуночи, когда перепуганный Горкин ворвался в комнату, где мы спали, подбежал к кровати Яхвидсона и заорал не своим голосом:

«Яхвидсон, б..! На дубину, б..! Какой-то х.., б.., лезет, г.., на склад, б..!»

В комнате поднялся вой:

«Тушкан! Заяц! Рыжий! Чего ты орешь? Разбудил всех!»

Яхвидсон вначале хотел легонько стукнуть Горкина, но потом в нем проснулся дух бойца. Он вскочил, наскоро натянул штаны, схватил дубинку и выбежал из комнаты. Горкин осторожно последовал за ним. Через несколько минут Яхвидсон вернулся, ругая Горкина на чем свет стоит, разделся и лег спать. Видимо, «зайцу» все это со страху померещилось.

Горкин был негативистом и всегда стоял в оппозиции. Если мы, ученики Московской школы, болели, естественно, за московские команды: ЦДКА, Динамо, Спартак и Торпедо, то Горкин почему-то болел за тбилисское Динамо и за Бориса Пайчадзе лично. Это давало ему лишний повод поспорить. Любое мероприятие «рыжий» встречал в штыки (исподтишка, конечно).

«Кому, б.., все это нужно, б..? И какой х.. все это придумал, б..?» – говорил он.

Когда его наказывали, в нем всегда просыпался борец за справедливость, и он мог вдруг со спартанской прямотой и театральным надрывом спросить своего обидчика:

«Арто, б.., чего ты меня бараешь, б..?»

Когда это случилось в первый раз, опешивший от неожиданности Арто ответил в замешательстве:

«Ты что, заяц?! Я тебя не бараю!»

Припоминаю еще один характерный эпизод из биографии Горкина. Когда нужно было сдавать зачет на значок ГТО и требовалось пробежать какую-то дистанцию по улицам Москвы, «рыжий» ухитрился проехать это расстояние на трамвае и присоединился к группе только перед самым финишем.

И все же у Горкина была одна положительная черта – способность к музыке, что, в конце концов, сыграло свою роль, и он оказался в оркестре Большого Театра. Правда, не в «яме», то есть не в основном составе, а в «банде», которая участвует не во всех операх. Но это отнюдь не уменьшает заслуги «тушкана», так как инструмент, на котором он играл, не применяется в «яме».

Там в Большом Театре Горкин познакомился со своей будущей женой, буфетчицей театра. Знакомство состоялось при следующих обстоятельствах. Горкин вошел в буфет с одним из моих бывших приятелей, который впоследствии рассказал эту историю. Видимо, грудастая буфетчица сразу понравилась Горкину, так как он, глядя не на прилавок, а на ее бюст, сказал:

«Хороший товар у нас в буфете!»

А потом, съедая буфетчицу плотоядными глазами, спросил:

«Девушка, что Вы мне посоветуете взять: колбасу или сосиски?»

Дальше все, надо полагать, пошло как по маслу. Вскоре они поженились. Детей, насколько мне известно, им Бог не дал.

Потом я потерял Горкина из виду на много лет. Когда мы встретились опять, я его почти не узнал. Это уже был респектабельный служитель муз. Оказалось, что он не только музыкант, но и парторг Большого Театра и что он собирает членские взносы у Мелик-Пашаева и Плисецкой. А где-то в конце беседы он, между прочим, сказал, что когда они встречаются с Майей Плисецкой, она говорит ему:

«Здравствуйте, Иосиф Моисеевич!»

Так я узнал, как зовут Горкина: Иосиф Моисеевич.

Справедливости ради надо сказать, что был в жизни Горкина эпизод, который не укладывается в «прокрустово ложе» его биографии. Это был его побег из школы вместе с другим мальчиком по фамилии Ковалев на фронт на выручку Советской Армии. Было им тогда по пятнадцать лет. Беглецам удалось добраться только до Бахмача, где их сняли с поезда и привезли назад в школу. Это был из ряда вон выходящий случай, но факт остается фактом.

ЗАКОН ПЯДУХОВА.

Имя Ивана Ивановича Пядухова, музыканта и парторга нашего оркестра, мало известно широкому кругу читателей. А жаль! Ведь он был философом и мыслителем, внесшим значительный вклад в

науку. Из множества научных трудов Пядухова, которые, к сожалению, носили только устный характер, я хотел бы выделить открытый им «Закон сохранения сил». Закон этот гласит:

«Сумма трех сил – физической, умственной и половой, данных человеку, является величиной постоянной, и всякое чрезмерное развитие одной из них неизбежно ведет к ослаблению двух других».

Как и подобает настоящему ученому, Пядухов приводил доказательства открытого им закона.

«Возьми, например, Кочерыгина, – говорил он, – ведь это же настоящий Казанова! И вот тебе результат – ни ума, ни физических сил. Или возьми Тылкина. Умный, ничего не скажешь. Очень умный. Слишком умный. Образованный, начитанный. А к чему это привело? Жена его лупит и постоянно ищет, с кем бы переспать. Или возьми, наконец, Мишку Богданова. Геркулес! А что из этого получается: ума кот наплакал, и в половом отношении – не луч света в темном царстве!»

Примеры, приводимые Пядуховым, были более чем убедительны. Действительно, Мишка Богданов – это была груда мышц! Целыми днями он висел на турнике, выжимал гири и упражнялся с гантелями. И в полном соответствии с Законом Пядухова это отразилось на его половых и умственных способностях. Если у Мишки Богданова и появлялись какие-то мысли, то выражал он их примерно так:

«Отойди, пока не рано!» или «Который урожай летошним годом собрали, столько было репетиций».

Это последнее заявление можно было интерпретировать следующим образом. Дескать, урожай прошлого года значительно превысил норму. То же самое случилось с количеством проведенных репетиций. Умственные способности Мишки Богданова время от времени подвергались тесту любителями шуток. Подходит, скажем, к Мишке кто-нибудь из них и говорит:

«Слушай, Мишка, разгадай такую загадку: Жили два деда, одного барали до обеда, другого – после обеда. Кому из них было хуже?»

Мишка задумывался. Спустя какое-то время он подходил к шутнику, загадавшему загадку, и просил:

«Ну, чувак, давай загадку еще раз!»

Потом, вторично прослушав условие, он морщил лоб и говорил:

«Трудная загадка. Надо подумать».

И с этого момента Мишка Богданов ни о чем другом не говорил, только об этой загадке. Он подходил то к одному, то к другому со своей проблемой:

«Слушай сюда, чувак, – говорил он, – есть такая загадка…»

И дальше, как мог, излагал ее содержание, добавляя при этом свои соображения.

«Понимаешь, – говорил он, – дед голодный, с утра ничего не ел, а его барают. Хорошего мало, правда? А вот другой дед сытно пообедал, хочет полежать или вздремнуть, а его тоже барают. Не нарадуешься. Так как ты думаешь, кому из них хуже?»

«Откуда я знаю? – отвечал посвященный в правила игры собеседник, – это у них надо спросить».

«Да нет, – говорил разочарованный тупостью собеседника Мишка, – это же загадка. Это – вообще».

«Ну, не знаю, – говорил тогда тот, – спроси у кого-нибудь другого».

И Мишка шел к другому со своей проблемой и получал примерно такой же неудовлетворительный ответ. В конце концов, пройдя полный круг, Мишка возвращался к тому, кто задал ему эту головоломку.

«Ну, чувак, сдаюсь, – говорил он, – мы не можем разгадать, какому деду хуже. Так ты скажи», – просил он.

«Ладно, – лениво отвечал шутник ожидавшему с нетерпением Мишке Богданову, – вы не знаете, какому деду хуже». И вдруг резко выпаливал: «А тому деду хуже, у которого задница уже».

От неожиданности ответа у Мишки отваливалась челюсть. Несколько секунд он стоял как в столбняке, пытаясь переварить эту информацию. А потом, обретя дар речи, воскликнул с восторгом:

«Здорово! Вот это здорово! Как же мы не догадались? В самом деле, что до обеда, что после обеда, а тому деду хуже, у которого задница уже. Здорово!» – повторял он. А потом радостно спешил сообщить всем эту сногсшибательную разгадку.

Другой персонаж доказательства Закона Сохранения Сил – Кочерыгин – по своему интеллекту стоял, пожалуй, не выше Мишки Богданова, если не ниже. Что же касается физического развития, то здесь и сравнивать нечего. Кочерыгин даже оторвать гирю от земли не смог бы или подтянуться хотя бы раз на турнике. В соответствии с Законом Пядухова все это было результатом исключительного развития его половой силы. Кочерыгин был настоящим ненасытным Дон Жуаном. Единственая тема, которая его интересовала, была бабы и секс. Он мог подойти к группе беседующих, прислушаться и если речь шла, скажем, о футболе, музыке или политике, то Кочерыгин сникал и с безразличным видом отходил. Но если говорили о любви, он сразу оживлялся и, уловив подходящий момент, вклинивался в разговор примерно таким образом:

«Это что, Алеша, – говорил он, – ты вот побарайся с моей женой! Знаешь, когда я первый раз на нее залез – это было в Нескучном саду в кустах…»

И дальше Кочерыгин подробно в деталях описал, какую удивительную технику половых сношений продемонстрировала его будущая жена во время акта совокупления.

«И вот, – продолжал он, – когда мы были в самом разгаре, в кустах вдруг появился милиционер. От испуга мы не знали, что делать. И вы не поверите, чуваки, – милиционер не стал меня стаскивать, не ругался и не потащил нас в участок. А совсем наоборот. Увидев, что мы бараемся, он повернулся к нам спиной и, вытянув руку в направлении ворот, как Ленин на броневике, громко скомандовал:

«На выход! Парк закрывается!» «Представляете, чуваки?»

«Да, – сказал со вздохом кто-то из слушателей, – моя милиция меня бережет».

«Нам, конечно, пришлось прерваться, но мы в этот же день добарались», – закончил свой рассказ Кочерыгин.

Вообще говоря, можно было бы привести множество примеров, подтверждающих незыблемость Закона Сохранения Сил, но, думаю, что и сказанного достаточно, чтобы убедить читателя в том, что Закон Пядухова можно смело поставить в один ряд с другими великими законами, включая известный Закон сохранения энергии Ломоносова – Лавуазье, который также носит название Первого Закона Термодинамики.

СТОМАТИТ.

На вид это был совершенно никудышней, плюгавый, крохотный еврейчик. И хотя он был таким же музыкантом, как и мы, он никогда, насколько помню, не выполнял никаких обязанностей. От репетиций и от игр он был освобожден по причине якобы больных десен (отсюда происхождение клички «стоматит»). Кроме того, он был освобожден от дежурств, физических работ и т.п. И на все у него были соответствующие справки. Считалось, что он целые дни проводит в поликлиниках, на приемах у врачей и на разных процедурах. Но как выяснилось позже, все было по-другому.

Фамилия этого мальчика была Фарберов, но мы всегда пользовались кличкой «стоматит».

Надо сказать, что проникнуть в тайны подпольной жизни Фарберова было нелегко. Мальчик он был скрытный и, кроме того с ним почему-то никто не дружил. Впервые скрытые таланты Фарберова обнаружились при следующих обстоятельствах. В Москве во многих кинотеатрах с большим успехом шли так называемые «трофейные» фильмы: «Тарзан», «Багдадский вор» и многие другие. Мы страшно завидовали тем, кому удалось посмотреть хотя бы один из них, и поскольку денег у нас не было, то мы довольствовались тем, что в сотый раз слушали пересказы сюжетов этих удивительных фильмов. Как-то мы сидели и слушали один из таких рассказов, как вдруг Фарберов сказал:

«Ребята, в Форуме идет «Джордж из Динки-джаза». Можно по-

смотреть бесплатно».

Мы с удивлением и недоверием посмотрели на «стоматита».

«Как так бесплатно? Как на стадион «Динамо»? Штурмом? – заволновались мы, – не заливай!»

«Нет, ребята, послушайте, – сказал он, – вы знаете, что билеты проверяют только при входе в кинотеатр и что перед последними двумя сеансами в фойе кинотеатра «Форум» устраиваются танцы под оркестр…»

Было что-то завораживающее в голосе Фарберова и мы слушали его не прерывая.

«Значит, план такой, – говорил он, – мы проникаем в фойе во время танцев. Тогда нас не заметят контролеры. А из фойе в зал мы проходим беспрепятственно. Однако одному из вас придется, к сожалению, повторить великий подвиг Александра Матросова. Добровольцы есть? Нет? Ну, тогда надо бросить жребий».

Затем Фарберов посвятил нас в детали плана. Надо сказать, что он прямо загипнотизировал нас, и мы проделали все, как он предложил. В назначенное время мы собрались у кинотеатра «Форум», что на Садово-Спасской, затем обошли кинотеатр и через калитку проникли во двор. Там по пожарной лестнице незамеченными, так как было уже довольно темно, мы забрались на чердак. Здесь Фарберов подвел нас к какому-то люку, подождал пока заиграет оркестр и поднял крышку. Внизу был ярко освещенный зал. На полу чердака Фарберов нащупал толстую веревку и сбросил ее вниз. Она оказалась привязанной к стропилам. Затем по команде Фарберова мы один за другим, как пожарники или матросы на военном корабле, быстро спустились по веревке в фойе и оказались вблизи сцены. Там было мало танцующих и они разинули рты, увидев наш десант, а музыканты на сцене, кажется, не были особенно удивлены, хотя видно было, что они сдерживают душивший их смех. Главное, что контролеров здесь не было. Тот мальчик, который по жребию должен был повторить бессмертный подвиг Александра Матросова, втянул наверх веревку и закрыл люк. Операция была завершена. В зале оказались свободные места и мы, млея от восторга, бесплатно посмотрели замечательную музыкальную комедию «Джордж из Динки-джаза».

Мы потом еще много раз, проникая через люк на чердаке, смотрели и этот фильм, и «Египетскую гробницу», и «Серенаду солнечной долины», но это был первый раз, когда «стоматит» показал свое искусство. С этого момента наше отношение к нему начало меняться.

В другой раз Фарберов предложил свои услуги, когда у одного из наших мальчиков был день рождения, и мы ломали головы, как

его отметить. «Стоматит» как всегда стоял сбоку и слушал, пока мы вынашивали свои скромные планы. Вдруг он предложил:

«А может, пойдем в цирк?»

И словно ударил по больному месту – мы все обожали цирк.

«Безнадега, – со вздохом сказали мы, – даже если бы у нас были деньги, билеты все равно не достанешь».

«А мы пройдем так, – сказал Фарберов, – я знаю ход».

Мы почему-то сразу поверили в успех предприятия и обрадовались. Бесплатные походы в «Форум» убедили нас, что «стоматиту» можно верить. Условились собраться в семь часов. Был довольно холодный январский день, и нам пришлось почти бежать, чтобы не замерзнуть. Когда мы подошли к цирку на Цветном бульваре, до начала представления оставалось еще много времени, и у входа почти никого не было. Фарберов подвел нас к забору метра три высотой, который примыкал к зданию цирка. При других условиях это было бы непреодолимой преградой, но в этом году зима выдалась на редкость снежной и возле забора намело огромный сугроб. Когда мы подошли к забору, «стоматит» скомандовал:

«Забирайтесь по одному на этот сугроб и переваливайтесь на ту сторону забора. Не бойтесь – там сугроб еще выше. Только не шумите! Ну, кто первый?»

По очереди и не без труда мы преодолели первое препятствие. У многих перчаток не было, и руки прямо коченели. Последним через забор каким-то чудом перевалился Фарберов (он был на голову ниже любого из нас) и сказал:

«Теперь идите за мной, только очень тихо». «И не бойтесь», – почему-то добавил он.

Мы пошли задами, утопая в сугробах. Потом «стоматит» открыл какую-то дверь и в нос нам ударил тяжелый и горячий дух смеси коровника, конюшни и свинарника. Рычали тигры Бориса Эдера, ржали кони кабардинских наездников, трубили и выли звери Дурова. В полной темноте, испытывая леденящий душу страх, мы осторожно следовали за нашим проводником. Наконец он открыл еле заметную дверь, и мы оказались в ярко освещенном коридоре. Посреди коридора стояло несколько артистов цирка, окруживших знаменитого клоуна Карандаша (Румянцева) и хохотавших над его шутками.

Когда мы приблизились к этой группе, Карандаш заметил нас и, подражая манере профессионального гида, громко воскликнул:

«Обратите внимание! К нам молодежная организация с черного хода пожаловала!»

А затем по лакейски расшаркался, развел руками, склонился и гостеприимно произнес:

«Милости просим!»

Это не произвело на Фарберова никакого впечатления. Дружелюбно улыбнувшись, он сказал:

«Здравствуйте, Михаил Николаевич!»

«Ба! Знакомые все лица! – ответил Карандаш, взглянув на Фарберова, – рад Вас видеть, дорогой!» – и повернулся к своим собеседникам. На нас больше не обращали внимания, и мы продолжали движение, как неожиданно откуда-то сбоку вышел униформист и спросил:

«Вы к кому, ребята?»

«К джигиту Говоркову», – уверенно и спокойно ответил «стоматит».

Униформист, видимо, удовлетворился ответом и отошел. Мы облегченно вздохнули и пошли дальше, и уже входя в зал, вдруг услышали сзади воинственный клич:

«Держи их!»

Подчиняясь инстинкту самосохранения, мы бросились врассыпную. К сожалению, зрителей в цирке было еще мало, и нас без труда всех выловили и выставили за дверь. Слов нет, все мы были очень расстроены, но вместе с тем испытывали какое-то приятное нервное возбуждение и несомненное удовлетворение от участия в дерзкой авантюре. Никто не обвинял «стоматита» в провале. Все понимали, что нам просто не повезло. Кстати, насколько помню, это была единственная неудача в затеях Фарберова.

Прошло еще какое-то время. Мы сидели в студии и говорили о джазовой музыке. Разговор как всегда носил характер спора. «Стоматит» не принимал участия, но слушал внимательно и вдруг спросил:

«Ребята, хотите послушать Эдди Рознера? Бесплатно, конечно», – добавил он с улыбкой.

«Глупый вопрос! Конечно, хотим! Мало ли что мы хотим. Я, например, хочу булочку с халвой. А как мы туда попадем? Через конюшню? По веревке?» – посыпались вопросы.

«Нет, серьезно, – сказал «стоматит», – приходите к восьми часам к «Эрмитажу» – я вас пропущу».

Это наглое заявление привело нас в состояние ажиотажа и вызвало взрыв хохота.

«А в Собор Парижской Богоматери ты нас не пропустишь? А на прием к Мао Дзе Дуну? А в Белый Дом?»

«Стоматит» спокойно слушал все это, потом повернулся и пошел. И уже выходя, в дверях бросил:

«Я предложил, а вы как хотите».

Вечером кто-то вспомнил об обещании «стоматита» и сказал:

«Чуваки, а что если нам пойти в «Эрмитаж». Может, «стоматит» действительно проведет нас на Рознера?»

«Бесполезное дело! Как это он сможет провести? Трепач!» – заговорили скептики, но не очень уверенно. Было что-то в поведении «стоматита», что вселяло надежду. В результате, после короткой дискуссии мы решили попробовать, тем более, что терять нам было нечего. Когда мы подходили к театру, время приближалось к восьми. Последние посетители спешили войти, чтобы занять свои места. Мы неуверенно плелись за ними, как вдруг увидели контролера и остолбенели – это был «стоматит!»

К нашему изумлению, увидев нас, Фарберов не испугался, не стал воровато оглядываться, а деловито, как хозяин, помахал нам рукой:

«Скорей, ребята, – сказал он, – сейчас начнется. Там сзади слева есть свободные стулья. Садитесь, а я позже к вам подойду».

Ничего не понимая, как в тумане, мы проследовали в зал и не успели сесть, как начался концерт. Легендарный Рознер театрально вышел, бережно неся серебряную трубу на вытянутой руке, как хрустальный бокал с шампанским. Потом он фантастически играл, сопровождаемый оркестром, и брал высочайшие ноты, принимая при этом разные живописные позы, потом играл одновременно на двух трубах дуэтом и творил другие чудеса. Оркестр был ему под стать. Мы млели от восторга. В перерыве к нам подошел Фарберов и буднично предложил:

«Ребята, пойдемте, я вас познакомлю с Эдди Рознером».

От удивления мы пооткрывали рты. Рознер называл «стоматита» Гришей, и все музыканты были с ним на дружеской ноге. Мы не знали, что и подумать. Однако несколько позже выяснилось, что примерно в таких же отношениях со «стоматитом» находился джаз Ренского, оркестр Цфасмана и даже Утесов. А еще какое-то время спустя поползли слухи, что «стоматит» – Фарберов является незаменимым звеном в бесчисленных невероятных сделках. Одним он помогал доставать редкие лекарства, другим – билеты на спектакли, третьим – хорошую мебель и так далее. У него оказались прочные связи и на Московской киностудии. Это он доставал нам халтуры на озвучивание фильмов, конкурируя с тандемом бизнесменов Черток – Горкин. Условия этих халтур по тем временам были фантастическими.

«Значит так, – говорил «стоматит», – тринадцать рублей на нос в час с момента вызова и до конца записи, включая репетиции и время ожидания».

Это было как золотой дождь. В основном мы записывали музыку к хроникально-документальным фильмам, но были и художественные, как например «Александр Матросов». Одна из таких халтур (на музыкальном жаргоне «лаба») мне особенно запомнилась. Мы должны были записывать музыку к кинофильму «Суд народов» о Нюренбергском процессе. Текст читал знаменитый тогда народный

артист СССР Хмара, обладатель неповторимого голоса и великий мастер своего дела. Прямо дрожь пробирала, когда он произносил фразы вроде:

«Не прячьтесь, Геринг!» и тому подобное.

На этот раз нас вызвали к пяти часам, и мы как всегда явились вовремя и отметили свое прибытие. С этого момента нам пошли наши тринадцать рублей в час. Хмара опаздывал, а без него нельзя было записывать. Поэтому мы занялись, кто, чем попало: одни вытащили книги и принялись читать, другие задремали, третьи начали рассказывать анекдоты.

Дирижером на киностудии был человек необыкновенного дарования по фамилии Кан. Он делал прямо уму непостижимые вещи, которые только в незначительной степени можно объяснить большим опытом работы (полагаю, что в момент описываемых событий ему было лет шестьдесят). Попробую рассказать, как это то выглядело. Скажем, студия отсняла новый документальный фильм. Требуется подобрать к нему музыку и наложить ее на пленку так, чтобы она соответствовала по характеру событиям, показанным в фильме, и точно совпадала с отдельными эпизодами. Кан садился и сосредоточенно смотрел фильм и надо полагать, что в это время в голове у него происходила какая-то невероятная работа. После просмотра фильма он несколько минут сидел неподвижно с закрытыми глазами и вдруг как бы взрывался:

«Всем взять в руки карандаши и отмечать! Найдите сборник номер два страница шестая. Играем с начала до первой репризы и делаем купюру на третью часть, играем восемь тактов и перескакиваем на сборник номер пять страница третья и так далее. Закончив перечислять ингредиенты этого сложного музыкального винегрета, Кан спрашивал:

«Все отметили? Приготовиться! Пускаем фильм!»

Я участвовал в нескольких записях, другие музыканты работали на студии почти постоянно, и все соглашались, что не было случая, чтобы Кан не записал все идеально с первого раза.

С другими дирижерами была прямо мука – то музыка кончалась, а фильм еще продолжался, то наоборот, а то не вязались части. Иногда приходилось все менять десятки раз и, в конце концов, результат был неудовлетворительным. Так что Кан остался в моей памяти неповторимым феноменом.

Теперь вернемся к озвучиванию фильма «Суд народов». Прошел примерно час с момента нашего прибытия, и дирижер Кан, который уже привык к опозданиям Хмары, сказал своему помощнику:

«Соберите всех! Будем репетировать без него».

Все зашевелились. Тех, кто спал, разбудили и они пошли умываться. Те, кто читал, спрятали книги, а остальные прекратили треп. Мы уселись и приготовили инструменты. Репетиция заняла, в общем, не более часа, и только в самом ее конце позвонил Хмара и просил извинить, что задерживается. Сказал, что скоро придет. Поэтому мы продолжали оставаться на своих местах, но время шло, а Хмара не появлялся. Тогда Кан решил еще раз прорепетировать, и только после этого устроители записи потеряли последнюю надежду и сказали нам, что запись на сегодня отменяется, так что мы можем идти домой.

И в эту минуту в дверях появился Хмара. Он был явно навеселе.

«Нужно совесть иметь, – посыпались упреки со стороны администрации, – люди Вас уже четыре часа ждут!»

Хмара, который до этого ухмылялся, сразу стал серьезным и обратился к нам:

«Товарищи, простите меня, пожалуйста! Понимаете, я встретил друга, которого не видел очень много лет. Не могли же мы просто так расстаться!»

Вмешался кто-то из администрации:

«Вы могли нас предупредить, и мы бы отменили это мероприятие на сегодня. А теперь, как оформить оплату музыкантам?»

«Ну, это уж совсем просто, – сказал Хмара, – выдайте им из моего фонда».

Мы, естественно, приняли это за шутку. Но оказалось, что у Хмары действительно был свой фонд и при этом немаленький.

«Видите ли, – объяснили нам позже в бухгалтерии студии, – Хмара получает триста рублей за полезную минуту, то есть за чистую запись, и в результате у него накопилась огромная сумма денег. Ведь за каждый фильм он получает несколько тысяч рублей. Куда девать такую пропасть денег? Вот и образовался фонд Хмары. Так что вы не волнуйтесь. С него эти две тысячи, как с гуся вода».

Через несколько дней после несостоявшейся записи нас опять собрали. На этот раз все прошло гладко. Запись получилась безукоризненной.

Фарберов иногда появлялся на студии, но никогда, как я уже говорил, не играл. Я вообще не помню, чтобы он брал в руки валторну. Когда мы однажды спросили его, что он здесь делает на студии, «стоматит» туманно ответил: «Дела, ребята, дела».

Я давно уже не имею никаких сведений о Фарберове, но уверен, что если он жив и не сидит в тюрьме, то наверняка процветает.

САМОРОДКИ.

Нижеследующее произведение по своей структуре напоминает симфонию, то есть: состоит из четырех частей, в которых чередуются минорная часть с мажорной или быстрая часть с медленной.

Часть 1. Скерцо.

Музыкальное сословие как, впрочем, и все другие сословия общества по своей структуре неоднородно. Есть высший класс – музыкальные патриции, есть низший класс – музыкальные плебеи и есть середина – музыкальное болото.

К элите музыкального общества можно смело отнести скрипачей, пианистов и вокалистов. Этих в детстве, если они проявляют исключительные способности, называют «вундеркиндами», они разъезжают по всему свету с концертами, участвуют в различных конкурсах, а когда вырастают, то становятся лауреатами, народными артистами, заслуженными деятелями искусств и даже героями социалистического труда.

Совсем другое положение у музыкальных плебеев. Это те, кто играет на медных духовых инструментах, на мандолинах, барабанах и тому подобных инструментах. Если в детстве они поражают своей игрой слушателей, их называют «способными», «талантливыми» или в лучшем случае – «самородками», но никогда не называют «вундеркиндами». Они не разъезжают по за границам, никаких конкурсов для них нет и когда они вырастают, никто из них не становится лауреатом, а тем более героем социалистического труда. Все что им остается делать это напиваться и в объятиях зеленого змия совершать безобразные поступки.

Я когда-то был музыкантом и мне посчастливилось встретить несколько таких самородков. Одним из них был некто Горобец (не путать с популярным некогда эстрадным певцом или с великим пианистом, носящим ту же фамилию только с другим ударением). Горобец в отличие от своих прославленных почти однофамильцев не был евреем. Это был довольно крупный, грузный, добродушный мужик, похожий на полуобнаженного запорожца с известной картины Репина, только без усов и без «оселедца» на голове. Горобец вне сомнения был украинского происхождения. Он играл на медном духовом баритоне и это был удивительный музыкант. Если бы он играл на скрипке или фортепиано на таком же уровне как на духовом баритоне, то, несомненно, стоял бы не ниже Ойстраха или Рихтера. На своем облезшем и побитом медном инструменте он буквально творил чудеса. Некоторые предприимчивые ребята в оркестре ухитрялись на этом подработать. Так если в оркестре появлялся новый человек, не знавший Горобца, ему предлагали пари:

угадать количество исполнителей музыкального произведения в соседней комнате при условии, что там находится не более трех человек. А там был один Горобец, который с нетерпением ожидал результата переговоров. Если пари заключалось, ему подавали сигнал, и он приступал к исполнению виртуозного произведения с быстрым переходом в разные регистры. И ни разу пари не было проиграно. Называли двух или даже трех исполнителей, а Горобец получал за это всего один рубль.

Любопытно, что он не имел музыкального образования. Возможно, поэтому он иронически относился к тем, кто учился в консерватории или музыкальном училище.

«Що вы там юрындой занимаетэсь, – говорил он, – мудаляции всякие, контрапупы. Мы як учылысь. Я прыйду до свого учытэля. Я йому зыграю вальсок. Вин мэни зыграе вальсок. Ось як мы учылысь. И бачыш – нэ гирше другых граем. А вы там з цымы мудаляциямы далэко нэ пидэтэ».

Конечно, Горобец как настоящий самородок любил выпить, причем выпить он мог довольно много. Поэтому часто денег не хватало. И тогда он не гнушался никакими подработками, чтобы утолить жажду. Однажды он на спор за десять рублей взялся пройти от Зубовской площади до Крымского моста совершенно голым и при этом бить в большой барабан, который по идее должен был частично прикрыть мужской срам. Время действия было выбрано пять часов утра в воскресенье. Горобец рассчитывал, что в это время на Садовом кольце никого не будет. Однако он ошибся. Не успел он пройти и ста шагов, как появились первые зеваки (наша группа не в счет). А потом начали подходить другие. Толпа росла как на дрожжах. Улюлюканье, свист, хохот, веселье. Горобец старался не обращать внимания, но это у него плохо получалось. Он не ожидал такого поворота событий. Он шел, опустив глаза, и бил в большой барабан, который подпрыгивал на его огромном животе, обнажая то, что по идее должен был прикрывать. Публика приходила в дикий восторг. Горобец старался идти как можно быстрее, отчего ягодицы смешно перекатывались, и это еще больше веселило зевак. И вот, когда до моста оставалось всего метров двести, случилось самое неожиданное – появился милиционер. И никакие наши уговоры и мольба не помогли. Пришлось Горобцу одеться и проследовать в отделение. Потом долго спорили, выиграл Горобец пари или нет. Сошлись на восьми рублях. Даже не хватило на три бутылки.

Часть 2. Адажио. Аджитато.

Бодрин был самородком – это, вне всякого сомнения. То, что нам – заурядным музыкантам – давалось с большим трудом после многочасовых ежедневных занятий и после многих месяцев работы, у

него получалось сразу, да так легко и красиво, как нам и не мечталось. Когда он играл, дирижеры и музыканты только качали головами и поднимали вверх большие пальцы. Бодрин был примерно одного возраста со мной. Был он плечист, полноват, ниже среднего роста с круглым, неулыбчивым, смуглым лицом и черными до синевы волосами. Глаза у него были какие-то демонические, темные и взгляд тяжелый, неприветливый. Был он замкнут, необщителен, недружелюбен. И сошелся только с одним тихим пареньком из наших музыкантов, который служил ему как собачка.

Принято считать, что характер человека можно определить по тому, как он улыбается или по тому, как ведет себя после крепкой выпивки. Если он становится веселым, клянется вам в вечной дружбе и лезет целоваться – это хороший человек. Если же он мрачнеет, становится обидчивым и лезет в драку – это плохой человек. А вот Бодрин никак не менялся, независимо от количества выпитой водки. И здесь эти «лакмусовые бумажки» не подходили.

На занятиях молодежного состава оркестра Бодрин буквально издевался над дирижером. Им был слабохарактерный майор Черепов, долговязый, костлявый с болезненным желтым лицом. Несмотря на свою очевидную любовь к музыке, Бодрин старался срывать репетиции, забрасывая куда-нибудь ноты или вдруг прекращая играть. Черепов останавливался и пытался выяснить, в чем дело.

«Не могу играть, – сердито заявлял Бодрин, – в воздухе мешки фальши».

«Какие мешки фальши? – спрашивал оторопевший дирижер, – о чем Вы говорите?»

«Вот они плывут, – надрывался Бодрин, – полные мешки фальши, уши закладывают, душат. Не могу играть в таких условиях!»

«Бодрин, перестаньте валять дурака», – пытался уговорить его Черепов.

Но тот продолжал свою обструкцию, пока ему не надоедало.

Музыканты знали, что Бодрин мстителен, и старались не связываться с ним, хотя он не обладал особой физической силой. Вот характерный эпизод, который поведал нам его приятель.

Бодрин, как говорил Салтыков-Щедрин, «был охоч до особ женского пола». Довольно часто он завязывал знакомства на ледяных аллеях Центрального парка культуры и отдыха имени Горького, пользуясь нехитрым приемом, которым мы тоже иногда пользовались. Заключался он в следующем. Придя на каток и высмотрев хорошенькую девушку, у которой не было партнера, «охотник» должен был выждать ее на перекрестке двух аллей и, двигаясь на полной скорости в перпендикулярном направлении, сбить девушку с ног. Затем, конечно, надо было помочь ей встать, извиниться и так

далее. Номер, как правило, удавался. Но на этот раз Бодрин немного ошибся. Он не усек, что у девушки, которую он приметил, был рослый мускулистый покровитель и что вообще у них была большая компания. Он узнал это лишь после того, как сбил девушку и помог ей подняться. В этот момент к ним подкатил здоровый парень и сильным ударом в голову сбил Бодрина с ног. Тот поднялся не сразу. А когда встал, то посмотрел на своего обидчика долгим полным ненависти взглядом и, ничего не сказав, откатил. Там он обязал своего приятеля следить за этой группой и дать ему знать, когда они поедут к выходу. Сам же он будет возле катка для фигуристов. Группа, в которой был обидчик и девушка, покинула парк не скоро. Сначала они пили какао в кафе раздевалки, потом еще какое-то время катались и лишь после этого поехали в раздевалку, где сняли коньки и пошли к выходу. Бодрин последовал за ними, выставив вперед своего приятеля. Возле Института цветных металлов и золота группа раскололась, после чего парень с девушкой пошли на Калужскую. Он проводил свою подружку, которая жила довольно далеко, постоял с ней, «позажимался», хотя было довольно холодно, и пошел домой. Бодрин незаметно следовал за ним, а когда парень уже собирался войти в подъезд, Бодрин быстро и тихо подошел к нему сзади и со всего размаха ударил тяжелыми коньками по затылку. Парень, который, между прочим, был без шапки, упал. Бодрин постоял немного, затем повернулся, кивнул своему приятелю и зашагал домой.

Прошло несколько лет. Моя музыкальная карьера окончилась и я получал о Бодрине лишь отрывочные сведения, когда встречался со своими бывшими однокашниками, и мы окунались в воспоминания о нашей службе в оркестре. Оказалось, что Бодрин стал одним из лучших кларнетистов страны и что он принят в состав Государственного симфонического оркестра. Я также узнал, что Бодрин был несколько раз женат, но жены уходили от него по причине жестокого с ними обращения. А одна, которая продолжала с ним жить, рассказывала: «Вы не представляете, каков он в постели! Ради этого я готова терпеть издевательства и побои».

Однажды я приехал в Москву в командировку и встретился со своим другом. Мы шли по Сретенке и он вдруг спросил: «Помнишь Бодрина?»

«Да, а что?» – ответил я.

«Пойдем – я тебе что-то покажу», – загадочно сказал он, и мы направились к кинотеатру «Хроника», который находился в конце Сретенки и где шли хроникально-документальные фильмы. Мы приобрели билеты, которые стоили тогда десять копеек (сейчас, наверное, десять тысяч рублей, если не больше) вошли и сели. По-

казывали обычную «муру»: новости с полей и тому подобное. А в самом конце фильма был короткий репортаж «Из зала суда». Приятель толкнул меня, потому что я в это время почти засыпал, и сказал: «Смотри!» И я вдруг увидел на скамье подсудимых Бодрина, несколько пополневшего, возмужавшего, но, в общем, мало изменившегося. «А что случилось?» – прошипел я, хотя в зале кроме нас было не более десяти зрителей.

«Позже расскажу», – сказал он. И мой друг поведал мне следующую историю. У Бодрина была тайная любовница, виолончелистка. Однажды она исчезла и ее поисками занялись следственные органы. И, конечно, как всегда они бы ничего не нашли, если бы не вмешался посторонний. Им был дворник одного из московских домов, который страдал бессонницей и в три часа ночи случайно выглянул в окно. Тут он заметил, что к его мусорному ящику подошел какой-то мужчина и забросил туда довольно большой сверток. Дворнику это не понравилось, и он стал наблюдать за незнакомцем, который вышел со двора и сел в «Жигули». Глядя в окно, выходящее на улицу, дворник успел заметить номер машины. Утром он посмотрел в мусорный ящик. Сверток лежал наверху и от него шел подозрительный запах. Дворник с большим трудом развязал сверток, заглянул в него и чуть не потерял сознание. Там оказалась человеческая голова. Дальше все было просто. Дворник сообщил в милицию. По номеру машины нашли Бодрина и арестовали. С помощью испытанных приемов у него выдавили признание, и он рассказал, как было дело. Это, кажется, была версия защитника, а что было на самом деле – один Бог знает. Бодрин рассказал, что во время полового акта он от страсти откусил виолончелистке нос, отчего у нее случился инфаркт, и она мгновенно умерла. Бодрин от страха, что его обвинят в убийстве, потерял рассудок и разрубил труп своей любовницы на части, которые потом развозил по Москве и разбрасывал в мусорные ящики. Когда мы пришли домой, мой приятель показал мне газету «Вечерняя Москва», где излагалась та же история, которая заканчивалась сообщением, что убийца-садист приговорен к смертной казни. А спустя какое-то время я узнал, что Бодрин расстрелян.

Часть 3. Аллегро. Морендо.

В музыке, как и во многих других областях человеческой деятельности, доминирует узкая специализация. В группе струнных инструментов хороший скрипач, как правило, не сможет удовлетворительно сыграть на виолончели или контрабасе. У медных духовых инструментов хороший трубач не возьмется сколько-нибудь прилично сыграть на тромбоне. А у деревянных духовых инструментов хороший кларнетист не сможет выдуть ничего вразумительного из

фагота. Та же картина наблюдается и среди ударных инструментов. Однако один феномен по фамилии Середа был явным исключением. Он одинаково профессионально играл на ксилофоне, большом и малом барабане, на глекеншпиле, на тарелках, на кастаньетах. А на литаврах равному ему не было во всей стране. Все у него было: и музыкальность, и абсолютный слух, и удивительное чувство ритма. Оркестр Большого театра справедливо гордился своим литавристом. Середа, кажется, был не то украинского, не то чешского происхождения, но это был коренной москвич с Таганки. Был он сухощав, строен, подтянут, опрятен.

В одном из произведений Салтыкова-Щедрина процесс потребления алкогольных напитков делится на три категории: «куликнуть», «дерябнуть» и «закатиться». В зените своей славы Середа «куликал». Он приходил на репетицию или на спектакль слегка навеселе, отчего играл еще более вдохновенно. В этот период никаких претензий к нему нельзя было предъявить. Он был пунктуален, аккуратно одет, чисто выбрит, инструменты в полном порядке, а об игре я уже сказал. Однако после нескольких лет работы в оперном театре Середа перешел во вторую категорию и стал потихоньку «дерябать». Появились случаи опоздания на репетиции и даже на спектакль. Ему, естественно, делали замечания, после чего Середа в течение какого-то времени держал себя в руках, но потом опять принимался за свое и начинал «дерябать». Один раз он так опоздал, что его пришлось заменить. Общественность театра пыталась воздействовать на него, повлиять каким-то образом, помочь – ведь ударник он был замечательный. Но все усилия коллектива пошли насмарку. Ничего не помогло. Чаша терпения была переполнена, когда Середа так «дерябнул», что уснул во время спектакля и проспал свое вступление. После этого главный дирижер Большого театра Голованов повторил известную большевистскую фразу «У нас незаменимых нет!» и выгнал Середу из оркестра. Тот покатился вниз. Правда, его после этого охотно принял оркестр Московской филармонии, не очень докапываясь до причин, заставивших Середу уйти из Большого театра. Кроме того, на первых порах он вел себя прилично и играл великолепно. Так чего же еще желать? Но вот не прошло и месяца как Середа опять начал «дерябать» и притом довольно часто. Ему прощали пропуски репетиций и даже опоздания на концерты. Но через несколько месяцев работы в Московской филармонии знаменитый ударник первый раз «закатился» и целых три дня не являлся на работу, сорвав важное выступление оркестра. Ему сделали последнее предупреждение. И недели две он был в порядке, но потом снова «закатился». Его уволили. После этого Середа еще ухитрился поработать почти месяц в оркестре

Всесоюзного радио и телевидения под управлением Кнушевицкого, но и там не прижился.

Теперь за ним закрепилась дурная слава, и никто не хотел принимать его на работу. Положение было отчаянным. И тогда Середа решил последовать примеру бывшего чемпиона мира по шахматам Алехина и стал пить вместо водки молоко. Конечно, это было противно и Середа страшно мучился, но зато добился, что его приняли в оркестр. Правда, это был не ахти какой оркестр, не Государственный симфонический под управлением Натана Рахлина. Нет, это был военный духовой оркестр Высшего Военно-кавалерийского училища имени С. М. Буденого. Середу приняли туда на должность так называемого «сверхсрочника», выдали ему форменную одежду и паек. Теперь Середа стал играть на большом барабане и тарелках. И все было нормально. Но вот однажды он не явился на службу. Прошел день, другой, а Середы все нет. Решили, что он заболел. Теперь он жил где-то в районе Измайловского парка и телефона у него не было. Послали нарочного. Тот еле нашел квартиру Середы, а когда вошел, то ничего не мог понять. Комната была совершенно пустой, никакой мебели кроме алюминиевой «раскладушки». Середа с опухшим лицом, красным носом и мешками под глазами сидел в одном нижнем белье на кровати, возле которой на полу лежало с десяток пустых водочных бутылок. Оказалось, что он почти два дня ничего не ел. Середа сказал, что его обворовали и украли одежду, так что он не может выйти на улицу. Нарочный, конечно, сразу понял, что Середа все пропил, но ему было жаль его, и он решил поддержать версию о краже. В результате Середе привезли другой комплект одежды, правда, на этот раз не новой, а бывшей в употреблении (БУ), но зато он мог теперь явиться в оркестр. Далее события развивались стремительными темпами.

Дирижером оркестра был майор Калужский, бывший местечковый клезмер. Был он невысокого роста, сутуловат. Калужский отрастил себе настоящие запорожские усы и очень гордился, когда ему говорили, что он похож на генерала Городовикова или на маршала Буденного. Это был чудаковатый, вздорный еврей «полупердун», как сказал бы о нем бравый солдат Швейк. Однако справедливости ради надо сказать, что музыкант он был отличный.

В этот период оркестр Калужского играл так называемый «сезон» в ЦПКиО имени Горького на центральной эстраде. Это были бесплатные воскресные концерты для любителей музыки, гулявших в парке. Перед раковиной эстрады было довольно много скамеек и, как правило, все места во время концерта были заняты. Москвичи любили послушать музыку, особенно бесплатно. В назначенное время музыканты собрались за эстрадой. Подошел дирижер, посмотрел на часы и сказал, что пора расставлять пюпитры и раскладывать ноты. Кто-то из музыкантов заметил, что Середа еще не пришел.

«Как не пришел? – возмутился Калужский, – будет наказан!» и, выдержав небольшую паузу, добавил: «Подождем, пока придет.» Но время шло, а Середа не являлся.

«Что будем делать? – спросил старшина оркестра, – там публика уже возмущается».

«Товарищ майор, – обратился к Калужскому эсный тубист, – я могу немного стучать на барабане. Может быть, мы начнем с какой-нибудь легкой для барабана вещи, пока не придет Середа? А мой напарник бейный тубист пока поиграет за двоих.»

«Хорошо, – сказал Калужский, – садитесь! Начнем с «Оберона».

Оркестр проиграл одну, затем вторую вещь, а Середа все не приходил. Эсный тубист, игравший на барабане, вроде не портил обедни и тогда Калужский, осмелев, сказал: «Приготовьте увертюру Россини к «Вильгельму Теллю». Он взмахнул палочкой и оркестр начал исполнять это довольно трудное произведение. И тут в проходе между скамейками появился Середа. Он шел, описывая какую-то замысловатую синусоиду, натыкаясь на скамейки и наступая сидящим с края на мозоли.

«Ну и нализался», – говорили с улыбкой пострадавшие. В Москве вообще очень благодушно относились к алкашам. Но когда Середа прошел первый ряд и, описывая синусоиду с более широкой амплитудой, направился к сцене, среди публики поднялся ропот: «Хулиган! Надо позвать милиционера!»

Подняться на эстраду можно было по ступенькам, расположенным по обеим ее сторонам. Однако Середа не пошел ни налево, ни направо. Он начал предпринимать попытки влезть прямо по центру. Музыканты, видевшие это, едва сдерживались, чтобы не прыснуть со смеху во время игры. А дирижер, стоявший как положено спиной к публике, ничего этого, конечно, не видел и продолжал махать своей палочкой, как ни в чем не бывало.

Есть явления необъяснимые как, например, природа каналов на Марсе, исчезновение древних скифов или биология непорочного зачатия. Одним из этих необъяснимых явлений было то, что Середа каким-то чудом взобрался на эстраду, которая была ему по грудь. Он поднялся на ноги и, расталкивая играющих музыкантов, роняя пюпитры и ноты, пошел к своему месту. Когда Калужский его увидел, то от неожиданности уронил палочку. Продолжая махать рукой, он с ненавистью уставился на Середу и прошипел: «Говно!» Однако Середа не обратил внимания на реакцию дирижера. Он подошел к барабану, столкнул эсного тубиста, сидевшего на его стуле,

и хрипло спросил: «Что играют?» Разгневанный эсный тубист, решив подшутить над Середой, сквозь зубы процедил: «Божественную рапсодию».

«Знаю», – промычал Середа, кивнул так, что казалось голова у него собирается отвалиться, и приготовился. В этот момент он, по-видимому, абсолютно ничего не соображал, но каким-то непонятным образом усек слово «божественная». Между тем оркестр продолжал играть и подошел к тому месту, где гобой исполняет удивительной красоты соло, изображающее утро в Швейцарских Альпах. Середа выждал, пока гобоист сделает паузу и, сильно ударив в барабан, заорал: «Осанна!» Калужский вздрогнул, плюнул в сердцах и, не спуская глаз с великого ударника, прорычал: «Говно!» Затем с равными интервалами и нарастающим крещендо начал как притчу повторять это слово, забыв на время все остальные слова на свете.

А публика просто ошалела. Молодежь с задних рядов побежала вперед, чтобы лучше видеть и слышать происходящее. Все были до крайности возбуждены. Тем временем Середа что-то сосредоточенно считал и, выждав очередную паузу, снова сильно ударил в барабан и заорал: «Осанна!»

«Говно! – крикнул Калужский так, что слышно было в последних рядах, – на гауптвахте сгною!» Ситуация была скандальной. Тогда эсный тубист наклонился и потянул Середу за ногу. Тот упал вместе со стулом, а эсный тубист навалился на него и придавил к полу. Оркестр перестал играть. Конферансье вышел на сцену и объявил, что по техническим причинам будет сделан короткий перерыв.

Что творилось – трудно передать! Со всего парка начали сбегаться люди. Ажиотаж был невероятный. И еще долго после этого посетители парка вспоминали этот эпизод и со смехом рассказывали своим знакомым, приукрашивая его в меру своих фантазий.

А Середу, конечно, с треском уволили и он опустился на музыкальное дно, то есть стал играть в похоронном оркестре. Он обожал эту работу, особенно – поминки. В этот период знавшие его музыканты считали, что его организм уже полностью проспиртован, не хуже ленинской мумии в Мавзолее, что желудок Середы покрыт слоем концентрированного спирта и что ему достаточно выпить маленькую рюмку водки или даже просто воды, чтобы «закатиться». На этом конечном этапе его карьеры бывшие сослуживцы видели несколько раз Середу в метро. Оборванного, грязного, дурно пахнущего, с опухшим в прожилках лицом, полуоткрытым ртом и закатившимися глазами. И как бы плотно ни был набит вагон пассажирами, вокруг Середы всегда была «мертвая зона», вакуум. Середа стоял в центре и юродствовал. Потом он исчез куда-то и больше его никто не видел.

Часть 4. Анданте. Состенуто.

Витю Петрова скорее можно было назвать талантливым, чем самородком. Во-первых, он был музыкально образован. Во-вторых, играл на инструменте, который хоть и не является патрицианским, все же не может быть отнесен к категории плебейских. Витя был кларнетистом. И, в-третьих, он не так уж много пил. Петров был, безусловно выдающимся музыкантом, однако выше оркестра Большого театра ему некуда было идти. У нас в оркестре он выполнял роль концертмейстера и ждал своего часа. И когда, наконец, был объявлен конкурс на замещение вакансии кларнетиста в оркестре Большого театра, Витя воспрянул духом и начал интенсивно готовиться. Но месяца за два до объявленного конкурса случилось несчастье – в один день погибли от какого-то инфекционного заболевания, жившие на Северном Кавказе два самых близких и любимых Петровым существа, его мать и сестра. Это нанесло страшный удар по эмоциональной и хрупкой натуре Петрова. В жутком состоянии Витя полетел на похороны и через неделю вернулся другим человеком, замкнутым, угрюмым, недоверчивым. А вскоре появились первые признаки. Петров был холост и жил в общежитии оркестра. Однажды ему показалось, что дежуривший по столовой здоровяк Мишка Богданов обделил его. После короткой словесной перепалки Петров бросился на Мишку с тупым столовым ножом, но Богданов легко обезоружил неспортивного Витю и слегка помял его. Петров вроде успокоился.

«Смурняк!» – прокомментировал кто-то из музыкантов происшедшее и никто не придал этому инциденту серьезного значения. Однако следующей ночью Витя тихо прокрался в комнату, где спал Богданов, и пытался подушкой задушить его. Номер опять не прошел, а Витя получил несколько тумаков. И опять этому не придали никакого значения. Следующий эпизод тоже остался почти незамеченным. А было это так. Накануне курящие музыканты получили месячный рацион папирос (некурящие получали взамен сахар). Этой ночью Петров встал, взял в руки весь рацион папирос и, подозрительно оглядываясь, вышел в коридор, где сидел дежурный. Петров бросил на дежурного настороженный взгляд и спросил: «Который час?» Тот показал на часы, висевшие в коридоре, и ответил: «Посмотри сам». Витя не обратил внимания на ответ дежурного и пошел в туалет. Там он положил в раковину умывальника все папиросы и открыл кран, пустив сильную струю воды. Он стоял и ждал, пока все, что он принес, не превратилось в кашеобразную массу, затем вышел в коридор, оставив кран открытым. Петров испытующе посмотрел на дежурного и опять спросил: «Который час?»

«Не валяй дурака, – ответил тот, – вон часы висят. Ты бы луч-

ше кран закрыл». Витя тупо посмотрел на него и, ничего не сказав, пошел спать. Никаких мер не было принято и после того, как у Петрова был обнаружен клочок бумаги, на котором жирными буквами было написано: «Убить!!!» с тремя восклицательными знаками. Далее следовали номера и фамилии. Первым номером был Мишка Богданов, за ним следовала фамилия повара, после него почему-то стояло имя очень маленького и тихого Монахова, тоже очень хорошего кларнетиста, который обычно сидел рядом с Петровым и замещал его, когда возникала необходимость. Затем следовала фамилия одного из дирижеров и две фамилии музыкантов. Всего шесть человек.

«Чувак забрасывает, – сказал кто-то после того, как нашли записку, – закидон!» И все продолжало идти своим чередом. Но как говорится: «Пришла беда – открывай ворота!» За неделю до предполагаемого конкурса на замещение вакантного места кларнетиста в Большом театре было объявлено, что конкурс отменяется. Эта ошеломляющая новость совершенно доконала Петрова. Он стал прятаться по углам, ходил согнувшись, низко опустив голову, или сидел неподвижно в полной прострации. Однако, странное дело, все происшедшее никак не отразилось на качестве игры Петрова. Он играл блестяще.

В этот период наш оркестр давал серию концертов в зале имени Чайковского. Один из концертов назывался: «Вечер старинного вальса», где по программе мы должны были исполнять вальсы Штрауса и Вальдтейфеля вперемежку с такими как «На сопках Маньчжурии» и «Осенний сон». Когда мы начали рассаживаться по своим местам, зал уже был почти полон. В основном пожилой народ, выходцы из девятнадцатого века. Витя Петров проверил настройку инструментов и сел на свое место концертмейстера. Дирижировал оркестром художественный руководитель генерал Чернецкий, бывший одессит. Вышел конферансье, поразвлекал немного публику и концерт начался. Все шло превосходно. Но вот в середине первого отделения во время исполнения вальса «Весенние голоса» Петров вдруг начал подниматься со своего стула, при этом слегка раскачиваясь. Чернецкий от удивления перестал дирижировать, а публика, видимо, посчитала, что у нас, как в джазе, солирующий музыкант встает, и не проявила особого интереса. Но когда Витя полностью встал, продолжая раскачиваться, а потом вынул кларнет изо рта и раструбом сильно ударил по голове сидевшего рядом Монахова, отчего тот упал со стула и остался лежать на полу, в публике произошло замешательство. А Чернецкий просто оторопел. Он стоял с открытым ртом и сверлил своим единственным глазом Петрова, как циклоп Полифем Одиссея. При этом он настолько растерялся,

что начал кричать: «Занавес! Занавес!», которого в зале имени Чайковского отродясь не было. Чернецкий сел и схватился за сердце. Музыканты тоже растерялись и в беспорядке бросили играть. Наступила напряженная тишина. И вот в этой обстановке неожиданно прозвучал голос веселого ударника Красницкого, местечкового балагура, который говорил: «Берегитсах!». «Не тяните локш», «Не умеешь какать – ешь готовое!» и тому подобные выражения. Красницкий знал слабое место Вити. Он подошел довольно близко к продолжавшему стоять Петрову и дружелюбно спросил:

«Витя, хочешь покататься на машине?»

Петров вздрогнул и бессмысленно уставился на Красницкого. А потом как бы очнувшись, посмотрел на кларнет, который продолжал держать в руках, положил его на стул и как-то рассеяно спросил:

«На какой?»

«На эмке», – с улыбкой сказал Красницкий.

«Нет! Не хочу! – капризно заявил Петров, – а после непродолжительной паузы упавшим тоном добавил, – хочу на ЗИСе»

«О, это даже лучше, – с воодушевлением произнес веселый ударник, – мне тоже ЗИС нравится больше. Пойдем покатаемся на ЗИСе». Петров как-то растерянно оглянулся и неуверенно пошел за двинувшимся к выходу Красницким, который на ходу сделал еле заметный знак двум дюжим тубистам, сидевшим в последнем ряду. Как только Красницкий с Петровым вышли, тубисты последовали за ними и там за дверью набросились на Витю, скрутили ему руки и вызвали скорую помощь.

Между тем в зале бушевали страсти, люди нервно переговаривались, вскакивали и что-то выкрикивали. Выход из создавшегося положения был найден конферансье, который за сценой помогал Чернецкому придти в себя. Конферансье сказал:

«Не волнуйтесь! Я сейчас все улажу».

Он вышел на сцену и хорошо поставленным голосом, перекрывая шум в зале, объявил:

«Дорогие товарищи! Прошу внимания! Разрешите объяснить происшедшее. По замыслу организаторов этого концерта разыгранная только что сценка должна была развеселить публику. Однако вопреки нашему ожиданию реакция оказалась другой. Поэтому запланированный на второе отделение концерта аналогичный номер не состоится. Просим извинения за неудачный сюрприз. Просьба занять свои места и успокоиться. Через несколько минут концерт будет продолжен».

Музыканты начали весело перемигиваться, а публика разделилась на три категории: скептиков, которые ехидно ухмылялись и качали головами; доверчивых, которые сразу успокоились и пове-

селели, и основной массы, которая недоумевала и бессмысленно крутила головой. Однако, в общем, напряжение спало. По знаку из-за сцены пришедший в себя Монахов занял место Петрова и все музыканты в этом ряду передвинулись. А когда на сцене появился дирижер, все пришло в норму, концерт продолжился и до конца был на высоте. А Витю в это время везли в психиатрическую лечебницу. Через несколько дней стал известен диагноз – мания преследования на почве сильного нервного потрясения. Врачи заявили, что болезнь излечимая, и они будут делать все возможное, чтобы Петров поправился, но при этом ему необходимо усиленное питание, а лечебница, к сожалению, не может этого обеспечить. Если у нас есть возможность подвозить Петрову такие продукты как масло, сахар, белый хлеб – это может значительно ускорить процесс выздоровления. Без всяких возражений мы начали выделять из общего котла необходимые продукты и раз в неделю по очереди отвозили их на Столбовую. Причем, как правило, ездил кто-нибудь из дирижеров и один – два музыканта.

Из любопытства я тоже как-то поехал туда со своим приятелем и главным дирижером Б. Г. Миллером, который до этого как и мы ни разу не был на Столбовой. Мы не сразу могли найти корпус, в котором находился Петров, и рассеянный чудак Миллер обратился с вопросом к двум прогуливающимся больным. Один из них вытаращил на Бориса Григорьевича глаза, дико захохотал и начал махать руками как птица крыльями. Миллер в ужасе отскочил и от страха, наверное, наделал в штаны. Не знаю, чем бы это кончилось, если бы не вмешался подошедший здоровый парень в распахнутом грязном халате. Он сказал, что это не опасные больные, затем спросил, что мы ищем, и показал дорогу. Мы пошли и оказались в довольно большой комнате, где кроме Петрова находилось еще с десяток других больных. Увидев нас, Витя вскочил и хриплым голосом неожиданно скомандовал:

«Сумасшедшие, встать! Смирно!»

Потом строевым шагом подошел к Миллеру, отдал честь и доложил:

«Товарищ подполковник, за время Вашего отсутствия в сумасшедшем доме никаких происшествий не произошло. Рядовой сумасшедший Петров».

Миллер опять здорово струсил, но по привычке скомандовал:

«Вольно!»

Больные затараторили, забегали, а один обитатель, небольшого роста, пожилой, полноватый, лысый подошел к нам с опущенной головой и, ни к кому в особенности не обращаясь и не поднимая головы, категорически заявил:

«И не просите! Ни хрена не дам бензина!»

Он повторил это несколько раз. Причем, он не говорил: «Ни хрена» а употреблял более грубое и сильное выражение.

«Разрешите представить вам моего коллегу Сашу, – сказал Витя, – он проворовался на какой-то бензоколонке, его судили и конфисковали все имущество, после чего он попал сюда. И теперь целыми днями говорит всем подряд фразу, которую вы только что слышали. Да, между прочим, – продолжал Витя, – у нас здесь много интересных персонажей. Обратите внимание на молодого человека в очках. Это крупный ученый». Витя показал на худенького паренька с длинным носом и всклоченными волосами, который скрючившись, сидел за столом и огрызком карандаша писал что-то на клочке бумаги.

«Этот крупный математик, – продолжал Петров, – был изгнан со второго курса Московского государственного университета за попытку математическим способом доказать не то конец света, не то приход Мессии».

Миллер прервал его, сказав, что мы хотели бы передать продукты, которые ему привезли, а здесь вроде не место. Витя повел нас в свою палату, небольшую комнату, где стояло несколько кроватей. Временами казалось, что Петров совершенно здоров. Он жаловался, что над ним здесь издеваются, бьют, льют холодную воду на голову. Он, между прочим, спросил, улучшилось ли мое стаккато, и обещал помочь, когда вернется в оркестр. А временами он вдруг пугался, становился подозрительным.

«Вы зачем сюда приехали? – кричал он на Миллера – Вы что привезли? Отравить меня хотите!»

Но потом, посмотрев пристально на меня и приятеля, успокаивался. Детям, к которым он всегда очень хорошо относился, он видимо доверял. Витя вообще был очень добрым человеком.

Врачи оказались правы. Петров выздоровел и вернулся в оркестр. А когда подошло время, он блестяще выдержал конкурс в оркестр Большого театра и до пенсии услаждал слух любителей музыки великолепной игрой.

СМУРНЯК.

Есть такое понятие – музыкальный жаргон. Раньше им пользовались только музыканты не очень высокого класса. Однако в пятидесятые годы отдельные слова из музыкального жаргона были взяты на вооружение «золотой молодежью». И вскоре эти словечки замелькали в фельетонах и даже в художественной литературе. Помню фразу из фельетона «Плесень», написанного, кажется, Пархомовским:

«Чув женился на племяннице одного бога, а его сейчас схиляли,

и чувак не знает, как отхилять от чувой».

Многие герои произведений В.Аксенова приправляют речь словечками из музыкального жаргона. Что касается нас, то мы пользовались музыкальным жаргоном в полном объеме.

В нижеследующей зарисовке мне хотелось бы сохранить колорит наших диалогов, поэтому я решил, прежде всего, познакомить читателя с терминологией. Итак:

Башли – деньги. Отсюда: Забашлять – заплатить.
Бемоль – большой горбатый нос, еврей.
Барать – иметь половые сношения, издеваться.
Берлять – есть, кушать.
Верзать – отправлять естественные надобности, какать.
Жмурик – покойник.
Заброс, Закидон – экстравагантный тип, чудак.
Залиговать – украсть.
За диезом – в тюрьме, за решеткой.
Кикс – срыв на высокой ноте, промашка.
Кирять – пить спиртное. Отсюда: Киряльщик – алкоголик.
Кода – конец.
Кочумать – держать язык за зубами, молчать.
Лаба – музыка. Отсюда: Лабух – музыкант.
Лабать – играть на музыкальном инструменте.
Лажа – конфуз.
Лажук – неудачник.
Мелизмы – нецензурные выражения.
Моцарт – дирижер.
Облажаться – оскандалиться.
Облажать – оскорбить, унизить.
Партитура – ордена, знаки отличия.
Смурняк – ненормальный тип, чудак.
Сурлять – отправлять естественные надобности, мочиться.
Сучок – кларнет.
Форшлаги – нецензурные выражения.
Хилять – идти. Отсюда: Выхиливать – получаться.
Чув, Чувак – особа мужского пола.
Чувиха – особа женского пола.
Шпилить – играть на музыкальном инструменте.

Теперь, поскольку Вы знаете, что такое «смурняк», хочу познакомить Вас с одним из них. Было бы естественно предположить, что смурняки более или менее равномерно распределены по всем слоям общества и по всем профессиям. Однако у музыкантов принято считать, что больше всего их среди тех, кто играет на флейте. Это убеждение имеет под собой научную основу. Дело в том, что,

играя на флейте, музыканты в отличие от игры на других духовых инструментах, дуют так, как это делают при попытке разжечь гаснущий костер. Кому приходилось этим заниматься знает, что после нескольких попыток начинает кружиться голова и туманятся мозги, как после хорошей выпивки. Поскольку флейтисты находятся в таком состоянии по несколько часов в день, то ничего удивительного, что они смурнеют.

Ефимов не был флейтистом, и поэтому долго никто не считал его смурняком, хотя вел он себя иногда довольно странно. Это был очень спокойный мальчик, не слишком общительный, с типично славянской внешностью, среднего роста, худощавый. Было замечено, что Ефимов иногда заговаривается или начинает нести околесицу в виде туманного философствования. Однако пока это не стало хроническим явлением, Ефимова не считали смурняком.

Вот один из эпизодов этого периода. Почему-то получилось так, что в этот день в студии, где обычно проходили репетиции оркестра, кроме нас двоих никого не было. Я занимался в одном углу, а он – в другом. Спустя какое-то время он перестал играть, подошел ко мне и у нас состоялся такой диалог:

Он: Слышь, чувак, отдохни.

Я: Не киксуй. Дай пошпилить.

Он: Покочумай немного – это полезно. Знаешь, в Древней Греции это понимали и устраивали Олимпийские Игры, чтобы люди могли отдохнуть, разрядить обстановку. Если была война, она прекращалась, и все внимание народа переключалось на спортивные состязания. Даже старики делали все, чтобы выглядеть как атлеты, для чего одевали специальные чулки, куда насыпали песок, так что ноги выглядели молодыми и мускулистыми. Но как-то один из таких стариков, гордо прогуливаясь по стадиону, нечаянно зацепился за что-то и порвал чулок. Оттуда посыпался песок, и обнажилась худая старческая нога. На стадионе разразился хохот. С тех пор пошло выражение: «С него уже песок сыплется.

Я перебивая: «К чему ты несешь всю эту лажу?»

Он: Чтобы ты не лабал все время. Если ты будешь много лабать, то скоро превратишься в жмурика. Знаешь, что сказал один из великих композиторов? Музыку украшают паузы. Часто они звучат лучше, чем сама музыка. Без пауз музыка становится нудной. Возьми, например, игру шотландцев на волынке или «Perpetum Mobile» Паганини.

Я перебивая: Знаешь что, чувак, иди посурляй! Это ты лабаешь все время, а я вообще редко беру сучок в руки.

Он: Ну, все равно. Сделай паузу, и пойдем со мной поберляем в столовую. Мне одному не в жилу туда идти. Будь пацаном!

Я: Не хочу. Я недавно раздавил батон и полпачки маргарина. Да к тому же у меня нет башлей.

Он: Я забашляю. Ну, будь чуваком. Сделай одолжение. Ну, возьмешь одно второе. Я ведь еще сегодня не берлял. Кишка кишке романс поет.

Я: Смурняк! Я же тебе сказал, что мне там нечего делать в столовой. Кроме того, я хочу пошпилить, пока студия пустая. А через час сюда прихиляет Моцарт со всеми лабухами и ничего не будет слышно.

Он: Ну, я тебя очень прошу. Я так давно не берлял, что у меня спина к животу прилипла. Ну, я тебя умоляю. Компотик какой-нибудь ты же можешь выпить!

После этого Ефимов еще долго меня упрашивал, пока, наконец, не сказал:

«Ну, что тебе стоит? Я тебе дам за это хорошую трость (трость – сменная вибрирующая часть некоторых духовых инструментов, изготовляемая из специального тростника)».

«А пошпилить ты всегда успеешь», – добавил он.

Это положило конец моим колебаниям – хорошую трость достать трудно. Мы пошли. По дороге Ефимов говорил что-то о переходе количества в качество в том смысле, что если сложить много хорошего – получается плохое, а если сложить много плохого – получается хорошее. При этом он приводил какие-то сомнительные примеры. Я не перебивал – это было бесполезно. Однако когда мы подходили к столовой, он неожиданно сам замолчал, после чего сделал несколько шагов, остановился и, кажется, глубоко задумался.

«Лажук, – сказал я, – чего ты стал?»

Ефимов ответил не сразу. Он еще несколько секунд постоял, очень сосредоточенно что-то обдумывая, а потом сказал:

«Знаешь что, чувак? Ты похиляй берлять, а я тебя здесь подожду».

УРЕНЬ.

В конце сороковых годов судьба забросила меня на несколько дней в Урень, небольшой поселок в Горьковской области. Была середина июля. Мы поставили палатки на заранее выбранном для нас месте, на опушке леса. По идее наше присутствие не должно было привлекать излишнего внимания местных жителей. Место было довольно живописным, хотя как позже оказалось – не совсем подходящим. А вначале все было хорошо.

Расположившись и распаковав вещи, мы занялись приготовлением ужина. Собрали хворост, поставили треноги и развели костер. Затем открыли консервные банки и заполнили чайник остатками воды. У нас был с собой походный стол и раскладные сидения, по-

добные тем, на которых сидят режиссеры при съемках фильма. Казалось, ничто не может омрачить нашего праздника. Дымок костра и запах, исходящий из казанка, разжигали наш и без того волчий аппетит. Но только мы взяли в руки ложки, как появились первые «ласточки». Это были не виданные мною ранее гигантские комары. По размеру они едва уступали стрекозам. А кусались они страшно. Было больнее, чем от укола во время прививок. Мы начали прятаться от этих «стрекоз» в дымовой завесе костра. Это немного помогало. И пока мы были на ногах – положение было терпимым. Настоящие муки начались, когда мы легли спать. Хотя было довольно тепло, пришлось укрываться с головой и подворачивать одеяло со всех сторон. Но как бы тщательно мы это ни делали, комары находили лазейку. Как только я начинал засыпать, появлялся отвратительный зудящий звук кровопийцы, исходящий неизвестно откуда. Предчувствуя неизбежное, я сжимался в комок и тут же вздрагивал от пронзительного ядовитого укола. Мгновенно срабатывал условный рефлекс, я резко ударял по больному месту, но комар, как правило, успевал избежать наказания. В конце концов, мы убедились, что дальше так продолжаться не может. Кто-то предложил напустить в палатку дыма и изгнать непрошенных гостей, а затем быстро зачехлиться. Так и сделали. Развели в палатке дымовой костер, затем дружно, быстро и плотно закрыли все щели и улеглись спать в полной дыма палатке. И все было нормально. Но не долго. Спустя какое-то время опять появились эти ночные разбойники. И все вернулось на круги своя.

Много позже я узнал, что комары не погибают от дыма и не улетают. Как известно, дым легче воздуха. В силу этого все инструкции, касающиеся пожара, рекомендуют находящимся в горящем доме лечь на пол и ползти к выходу. Комары поступают аналогично в силу инстинкта самосохранения. Оказавшись в дыму, они падают на землю, а когда дым рассеивается, снова отправляются на охоту.

Когда мы проснулись утром, мы не могли узнать друг друга – следы ядовитых укусов и расчесываний были везде: на лице, на шее, на руках и ногах. Но вскоре кошмарная ночь была забыта, и мы занялись приготовлением завтрака. Понадобилась вода. Поиски родника не дали результата. Кругом были болота, где наверное жили эти жуткие комары. О том, чтобы пользоваться болотной водой, не могло быть и речи. Пришлось идти в поселок. Нам было известно, что в этом районе находится поселение раскольников – старообрядцев. Кое-что я о них знал, хотя в стране безбожия и государственного атеизма религиозная тема была неписанным табу и трудно было разобраться во многих вещах. Правда, в школьных учебниках было несколько строк, посвященных раскольникам. Там было ска-

зано, что в семнадцатом веке патриархом Никоном была проведена религиозная реформа, но многие религиозные фанатики, которых называли «раскольниками», отказались признать эту реформу, и были подвергнуты жестоким преследованиям, а их духовный лидер архиепископ Аввакум был сожжен на костре. Еще говорилось о том, что Соловецкий монастырь, явившийся оплотом раскольничества, был осажден войсками и что осада длилась целых восемь лет и закончилась жестокой расправой с монахами.

Старообрядцы видели в Никоновских реформах приход Антихриста и конец света. Нередкими были случаи массового самосожжения.

Я вспомнил, как старенький гид в Третьяковской галерее объяснял религиозно необразованной советской молодежи содержание картины Сурикова «Боярыня Морозова». От него я впервые узнал, что до реформы патриарха Никона все православные в России крестились двумя перстами, которые символизировали «двуединство Христа», и что поднятые высоко вверх два пальца боярыни Морозовой, указательный и средний, и фанатическое выражение лица говорят о неистовой вере в старый обряд и готовность к самопожертвованию. В дополнение к этому гид рассказал, что по новому обряду надо было креститься тремя перстами, которые символизируют «Триединство Бога»: Бог-отец, Бог-сын и Бог-дух. Раскольники же считали, что три пальца, из которых можно свернуть кукиш, являются символом Антихриста. Многие противники Никоновских реформ бежали куда глаза глядят, спасаясь от преследований. Одним из тех мест, куда укрылись раскольники, был поселок Урень. Теперь здесь жили потомки тех, кто остался верен старому обряду.

Ближайшие к нам дома были несколько на отшибе, образовав нечто вроде микрорайона. Здесь было около сотни неказистых домов, большинство которых было огорожено примитивными заборами. Во дворах бегали крупные и злые собаки, так что мы боялись туда войти. А два дома не были огорожены и в одном из них собака была привязана. Мы решили пойти туда, тем более что за домом мы увидели колодец с «журавлем». Подойдя поближе, мы заметили, что на «журавле» нет ведра и что колодец закрыт крышкой, на которой висел большой замок. Привязанная дворняжка бешено лаяла и рвалась с цепи. Пока мы выбирали самого представительного из нас для ведения переговоров с хозяевами, из дома вышел мужик лет тридцати с окладистой русой бородой, в полотняной рубахе навыпуск и заплатанных штанах, заправленных в сапоги. Был он выше среднего роста, довольно крепкий с виду и с правильными приятными чертами лица. Мы поздоровались и попросили дать нам воды.

«Погодите маленько, – сказал мужик, – я сейчас управлюсь с поросятами и отомкну колодец».

Мужик пошел в сарай, а мы от нечего делать начали осматривать хозяйство. За домом на небольшом огороде возилась какая-то женщина в длинной серой юбке и с косынкой на голове, – видимо, хозяйка дома. Дверь избы была открыта. Проходя, я заглянул вовнутрь. То, что я увидел, запомнилось мне надолго. Нищета в доме была удручающая. Никакой мебели, только старый потрескавшийся сундук у стены. Даже стола не было. Пол дощатый, не крашенный с большими щелями. Единственное, что бросилось в глаза, была большая и хорошо выполненная икона в добротной рамке, висевшая в углу напротив входа. Под ней на небольшой полочке – расшитое полотенце и свеча. Если бы в доме старообрядца, куда я заглянул, были лишь икона и сундук, я бы, пожалуй, прошел мимо, не останавливаясь. Нищету я уже видел достаточно, а к иконам тогда у меня не было особого интереса. Но в этом доме был еще ребенок, который приковал мое внимание. Это был чудный здоровый мальчик лет пяти со светло-золотистыми волосами, стриженными в кружок. Мальчик спал полностью одетый, лежа прямо на полу на какой-то циновке. Его хорошенькое испачканное личико облепили большие жирные навозные мухи. Мне было жаль ребенка. Он спал совершенно безмятежным сном, никак не реагируя на неприятное и назойливое присутствие этих мерзких насекомых. Оказалось, что даже к такому можно привыкнуть.

В это время из сарая вышел хозяин с ведром, и мы направились к колодцу. Мы шли молча. Никто никому не задавал никаких вопросов. Мужик отпер колодец, поднял крышку, повесил ведро на «журавль» и достал нам вкуснейшей холодной воды. Мы заполнили наши ведра, поблагодарили хозяина и направились к своим палаткам.

А через несколько дней, выполнив задание и навоевавшись с комарами, мы начали собираться домой. Накануне нашего отъезда кто-то принес новость, что вечером в клубе поселка будут танцы под баян. Мы решили пойти туда и развлечься немного, тем более, что наше присутствие в Урени уже не было тайной. Клуб помещался в небольшом деревянном здании, где видимо, проходили собрания, так как там находилось много скамеек. Когда мы пришли, скамейки уже были убраны и поставлены вдоль стен штабелями. Танцы были в разгаре. Местный баянист играл из рук вон плохо. Было совершенно невозможно определить, что же он, собственно говоря, играет. Но вот баянист перестал насиловать инструмент и танцующие разошлись, образовав две группы, отдельно парни и отдельно девушки. Ребята были одеты, кто во что горазд, и вели себя довольно развязно. Они обменивались грубыми шутками и очень громко реготали. Девушки вели себя скромнее. Они, несомненно, сделали все возможное, чтобы принарядиться, но даже в те време-

на их наряды выглядели жалкими и убогими. Однако это не мешало им быть в хорошем настроении, веселиться и получать удовольствие от танцев.

Кроме этих двух групп в зале была еще одна маленькая группа, состоявшая из трех девушек и двух ребят, причем одному из них было не более пятнадцати лет. Все в этой группе было странным. Одеты они были во что-то невероятное. Это были, по-видимому, многократно перекроенные и перешитые наряды из каких-то старомодных одежд и материалов. Группа явно смущалась своим присутствием и как-то испуганно жалась в углу, стараясь не привлекать к себе внимания. Одна девушка в этой группе была дивно хороша. На вид ей было лет семнадцать. И хотя одета она была так же бедно и странно, как другие, этот убогий наряд делал ее, пожалуй, еще более привлекательной. Это было как экзотическое растение на пустыре. Стройная, худенькая с высокой лебединой шеей и очаровательной головкой. Умные зеленовато-серые глаза, большие ресницы, вразлет брови, густые темные волосы, завязанные узлом на голове. Раз увидев, я не мог оторвать от нее глаз. Группа, в которой она находилась, была инородным телом в этом зале. Никто с ними не танцевал, сами они друг с другом не танцевали, и вообще непонятно было, зачем они сюда пришли. Разве что – поглазеть и только. Другие две группы уже слились в одну веселую компанию, а эти стояли тихие и грустные, как на похоронах. Я исподтишка рассматривал эту группу, но больше всего, конечно, смотрел на эту девушку. Она, несомненно, заметила, что я ее разглядываю, и старалась не смотреть в нашу сторону.

Я не люблю танцы. Вернее, не люблю танцевать. Этому есть несколько причин. Прежде всего должен признаться, что я никогда не учился танцевать и можно сказать, что не умею этого делать, разве что, топтаться на одном месте и неуклюже крутиться. Кроме того, я очень стеснялся приглашать и, если мне отказывали, то воспринимал это как насмешку и сильно переживал.

Между прочим, тот кто принес сведения о танцах в поселке также предупредил нас, чтобы мы были поосторожнее с местными девушками, так как здесь на этой почве возникают кровавые драки и что не позже чем на прошлой неделе в этом зале погиб паренек, причем убийца ударил его ножом в сердце и два раза повернул нож. Правда, во время танцев в зале почти регулярно находится милиционер, но на это особенно рассчитывать не следует. И все же, несмотря на предупреждение, я не удержался и решил пригласить заинтересовавшую меня девушку на танец, тем более что никаких соперников я не видел. Поэтому, когда баянист заиграл нечто отдаленно напоминавшее вальс «Дунайские волны», я отважился и, пройдя

вдоль стены, подошел к этой странной группе и сдавленным голосом, волнуясь, пригласил девушку на танец. Все, кто был в группе, с удивлением посмотрели на меня, а она словно испугалась, начала оглядываться по сторонам, как бы ища поддержки своих друзей, потом почему-то вопрошающе оглядела зал и лишь после этого нерешительно подала мне руку. Танцевала она удивительно легко, так что я вскоре забыл, что не умею танцевать и почувствовал себя уверенней. Пока я мучился, соображая как сформулировать первую фразу, она спросила:

«Простите, Вы откуда приехали?»

«Из Москвы», – выдавил я.

Она вспыхнула.

«Мы тоже жили в Москве», – сказала она восторженно и вместе с тем с какой-то тоской. Это мне напомнило сцену из «Трех сестер» Чехова. Я поинтересовался, где именно они жили.

«На Неглинной», – ответила она несколько упавшим голосом.

Я сказал, что часто бываю на Неглинной в Нотном магазине и представляю, где находится дом, о котором она говорит. У нас завязалась беседа, причем она в основном спрашивала, а я отвечал. Когда баянист остановился и перестал терзать баян, я поблагодарил свою загадочную партнершу за танец, отвел ее на место и пошел к нашим ребятам. Они встретили меня насмешливо.

«Пока ты там выкаблучивался, – шутили они, – здесь какой-то хмырь подошел и предупредил, чтобы ты больше к этим не подходил, если не хочешь нажить неприятностей».

«Какой хмырь? – встревожился я, – и какое его дело? Я вроде бы ни у кого ее не отбиваю, и, кажется, никому на мозоли не наступил».

«Э, не дрейфь, – уверенно сказали ребята, – отобьем в случае необходимости!» Здесь надо сказать, что среди наших ребят было достаточно таких, на которых смело можно было положиться. Я успокоился. И когда баянист заиграл нечто похожее на танго «В парке Чаир», я подошел к девушке и вновь пригласил ее на танец. И опять она была как-то одновременно и растеряна и вроде рада моему приглашению. И как в первый раз она вопросительно посмотрела на тех, кто ее окружал, и лишь после этого осторожно и нерешительно подала мне руку. И я начал, сбиваясь и смущаясь, второй танец. И на этот раз девушка заговорила первой. Она говорила быстро, словно боясь, что не успеет все сказать:

«Это правда, что Москва пострадала от бомбежек?» – спросила она.

«Не очень, – ответил я, – в Кремль не попала ни одна бомба. Большой театр и другие театры не тронуты. Только Кукольный, кажется, пострадал. В него угодила фугаска. Так кое-что разрушено. Военнопленные немцы отстраивают. На Садовом кольце построили

новые дома этажей двенадцать – шестнадцать. Некрасивые как коробки. Немецкий стиль. На крышах по углам – дурацкие колонки». «Впрочем – жить можно», – добавил я.

Беседа наша продолжалась в том же духе. Говорили в основном о Москве, театрах, концертах, музеях.

Во время танца в зале появился милиционер. Боковым зрением я заметил, что он пристально смотрит на нас. Когда танец закончился, я откланялся и пошел к своей компании. А там что-то происходило. Какой-то белобрысый красномордый парень переругивался с нашими ребятами. Когда я подошел, один из моих приятелей показал мне на красномордого и сказал:

«Послушай, что он мелет! Он говорит, что если ты не перестанешь якшаться с троцкистами, то тебя загребут в кутузку».

Белобрысый кивнул головой в сторону милиционера и добавил:

«Это он поручил мне вам передать».

«Какими троцкистами? Что за ерунда? О чем Вы говорите?» – озадаченно воскликнул я.

«Вот эти, которые в углу, – это троцкисты. С ними нельзя якшаться!» – веско заявил красномордый.

«Вы что – обалдели?! – рассвирепел я, – всех троцкистов еще до войны уничтожили!»

«Ну, может, не сами троцкисты, а их дети или внуки. Не знаю, – раздраженно сказал белобрысый, – их поселили здесь в тридцать восьмом году. На той стороне поселка есть бараки, где они живут. Короче говоря, если Вы еще раз к ним подойдете, милиционер Вас арестует во время танца и дотанцовывать будете в участке».

Я посмотрел на наших ребят. Они пожали плечами и опустили головы. И у меня появилось знакомое чувство безысходности и тоски, словно какая-то темная безжалостная грубая сила придавила меня и ничего сделать нельзя. Мне стало жалко и себя и эту несчастную очаровательную девушку, к которой меня неодолимо тянуло. Я посмотрел в их сторону и поймал ее взгляд. В ее глазах не было насмешки. Там была только скорбь. Я не мог больше оставаться в зале и пошел к выходу. К горлу подкатил комок.

Утром следующего дня мы покинули Урень.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ ЗАРИСОВКИ

ДОРОГА.

Наш поезд, состоявший из двух – трех пассажирских вагонов и нескольких десятков теплушек или так называемых «телячьих вагонов», тянулся от Москвы до станции назначения почти месяц. Я говорю: «до станции назначения», так как мы до конца так и не знали, куда нас везут. Мы только видели направление – на Восток. В нашей теплушке, как и в других, ехало человек двадцать разного рода людей. Здесь были и баптисты, отсидевшие свой срок за отказ взять оружие в руки после призыва в армию, и прибалтийские националисты, и какие-то полууголовники, с которых сняли судимость, кроме того, было несколько недоучившихся студентов, которых изгнали из ВУЗов за свободомыслие, и прочий люд.

Оборудование наших теплушек было нехитрым. Одна половина вагона была занята двумя ярусами нар, на которых лежали матрасы, набитые сеном, и такие же подушки. Простыней не было, зато было по два суконных одеяла на брата. Посреди теплушки стояла чугунная печка «буржуйка», которая топилась углем. Вытяжная коленчатая жестяная труба выходила наружу через маленькое окошко под крышей на другой стороне вагона. Здесь же стоял грубо сработанный деревянный стол с прикрепленными к нему дощатыми скамьями. За столом в углу на закрытых на замок стеллажах хранились ватные штаны, телогрейки, нательное белье, одеяла, а также валенки и сапоги. Рядом стоял примитивный умывальник и бачок с питьевой водой. Туалетов в теплушках не было. Они были только в пассажирских вагонах, где ехало начальство. Нам же разрешалось два раза в день по очереди сбегать в привокзальные туалеты, которые по мере удаления от Москвы становились все более живописными. В одном из вагонов поезда была полевая кухня, куда мы трижды в день бегали с кастрюлями или так называемыми «судками» за похлебкой, кашей, хлебом, сахаром и чаем.

В нашем вагоне, как наверное и в других, образовалось несколько групп, состоявших из единомышленников, но явного антагонизма между группами не было. Замелькали новые словечки: ксивы, шкары, ништяк, баланда и тому подобное. Наш вагон был одним из последних, и я видел, как на подъезде к пологим Уральским горам к нам прицепили сзади еще один паровозик – толкач, и оба паровозика с трудом перетащили нас в Западную Сибирь. Помню еще несколько моментов из нашего недобровольного путешествия на Восток. Так в Чкалове вдоль нашего поезда бегали разного возраста женщины, тщетно предлагая нам купить знаменитые оренбургские вязаные шали. Красноярск я запомнил, так как мы сделали там остановку и нас после более чем двухнедельной поездки

повели, наконец, в баню. Так что и на нашей улице был праздник. А станция «Зима» мне запомнилась потому, что она удивительно соответствовала своему названию. Все пространство было покрыто девственным пушистым снегом, который продолжал медленно падать на землю. Было безветренно и морозно. Возле станции стояли санные упряжки. Хотелось стать на лыжи и катить куда-нибудь. А возле озера Байкал наш поезд буквально облепили тучи мальчишек и взрослых мужчин, предлагая нам по дешевке копченых омулей. Я долго не мог забыть вкус этих уникальных рыб и удовольствие, которое получил, особенно от омулей горячего копчения. Еще я запомнил сибирский холод и дым из труб, поднимавшийся высоко вверх абсолютно вертикально.

В общем, наш переезд из Москвы на Дальний Восток прошел без особых приключений, если не считать нескольких ограблений привокзальных ларьков, а также случаев, когда кого-то избивали и сбрасывали с поезда. Но было и настоящее ЧП, которое случилось почти в самом конце нашего путешествия. Два ординарца, которым ленивое начальство доверило чистку личного оружия, сбежали с поезда, прихватив с собой пистолеты и патроны. Поднялся страшный переполох. В погоню за беглецами включились местные органы безопасности и милиция, а также собаки – ищейки и даже вертолеты. Обо всем этом мы узнали позже, так как не сделали остановки, а продолжали ехать к месту своего назначения. Через два дня беглецов поймали возле китайской границы. Они не оказали сопротивления, которое в той ситуации было бы равносильно самоубийству. Во время допросов пойманные ординарцы утверждали, что зашли в тайгу по большой нужде и заблудились. А оружие они взяли якобы на случай, если на них нападут медведи или тигры. Чем закончилось это дело, я не знаю, так как беглецы к нам не вернулись и вскоре о них забыли.

Как я уже сказал, наша поездка продолжалась почти месяц. Но вот как-то ночью, когда я дежурил, поддерживая огонь в буржуйке, поезд остановился, и вдоль вагонов забегали какие-то люди. Потом кто-то забарабанил в дверь вагона и громко скомандовал:

«Подъем! Выгружайся!»

Когда открыли дверь, в вагон ворвался пронизывающий ледяной ветер, и мы почти мгновенно окоченели. Никто не хотел выходить из вагона первым. Все жались к еще теплой печку «буржуйке». Один из великих полярных исследователей, кажется, Роальд Амундсен или Фритьоф Нансен, как-то сказал: «К холоду нельзя привыкнуть».

Поверьте мне, он знал, о чем говорил. Это был не тот холод, от которого краснеет нос и коченеют пальцы, но который перестает Вас беспокоить после быстрой ходьбы или напряженной физиче-

ской работы. Нет! Это был такой холод, который мгновенно образовывал ледяные заглушки в носу и который, проникая глубоко в легкие, колол их как иглами. И это несмотря на то, что на нас было две пары белья, причем одно из них теплое, ватные штаны, гимнастерка и толстый бушлат. На ногах было две пары портянок и высокие валенки, на руках – огромные рукавицы поверх шерстяных перчаток, а на голове – шерстяная маска с прорезями для глаз и шапка – ушанка. Холод прошибал все это насквозь. Мы стали с подветренной стороны вагона и сбились в кучу. Место, где мы выгружались, было довольно диким. Кажется, это был какой-то полустанок. Позже мы узнали, что нас привезли на станцию «Завитая» Амурской области.

АСП.

Выгрузка вагонов заняла у нас часа полтора, после чего нас посадили на крытые грузовики и повезли по каким-то безлюдным местам, пока мы не оказались перед рядом длинных деревянных бараков, в которых провели остаток ночи. Наутро картина прояснилась. Мы оказались в расположении так называемого Аэродромно-строительного полка (АСП) и стали его частью.

Это была большая и сложная организация. Более тысячи человек, включая транспортное подразделение, состоявшее примерно из трехсот водителей разного рода машин: самосвалов, бульдозеров, скреперов, экскаваторов, катков и тому подобных. Кроме того, были подразделения бетонщиков, геодезистов, подрывников, механиков, строителей и подсобников. Наша задача была простой: в течение восьми месяцев, с марта по ноябрь построить военный аэродром, состоящий из взлетно-посадочной полосы шириной восемьдесят метров и длиной до трех километров, рулежных дорожек и стоянок. Толщина бетона по проекту была сорок сантиметров. Вдобавок мы должны были построить жилые дома для летного состава и семей, а также железобетонное укрытие.

По прибытии мы первым делом занялись заготовкой материалов и сборкой передвижных бетонных заводов и складов. По железной дороге прибывал лес, цемент и другие материалы, а мы по ночам, соблюдая секретность, все это разгружали и доставляли на склады. Подрывники бурили шурфы в скальных породах, закладывали взрывчатку и дробили гранит, необходимый для приготовления щебенки. Работа, как правило, была изнуряющее трудной и далеко не безопасной. Увечья и даже со смертельным исходом были нередки. О технике безопасности заботились очень мало. Я лично был свидетелем нескольких несчастных случаев. Один из них произошел во время разгрузки леса с железнодорожной платформы. Разгрузка велась с помощью нескольких направляющих, так называемых «слег», которые устанавливались под углом к платформе и упирались в землю. Бревна по одному сталкивались на эти слеги и скатывались на землю. Потом их грузили на прицепы и везли на склад. Бревна были громадные, некоторые до полутора метров в диаметре. Одно из таких бревен, которое пятнадцать человек еле столкнули с платформы, сломало одну слегу и уклонилось в сторону, раздавив одного из самых ловких и отчаянных ребят в нашем АСП. На взрывных работах почти каждый день кто-то получал травму. Во время дробления камней осколки могли снести половину черепа. На цементном складе работали без масок. Все это была плата за укрепление боевой мощи Советского Союза.

Дальнейшее дробление гранита и изготовление щебенки производилось на территории бетонных заводов. По идее этот процесс должен был производиться с помощью так называемых щековых и конусных камнедробилок. Но эти механизмы через несколько дней эксплуатации, как правило, ломались, а запасных частей не было. Поэтому дробление гранитных камней производилось вручную. Для этого из состава строителей выбирали самых здоровых и физически сильных ребят. Им выдавали специальные кувалды с длинной гибкой и очень крепкой деревянной ручкой, которая прекрасно амортизировала удары. Кажется, эти ручки делались из специальных сортов вишни.

На работу дробильщиков можно было заглядеться. Они обнажались по пояс, демонстрируя свои литые мощные торсы и играя буграми железных мускулов. Почти все эти здоровяки имели татуировки. Здесь были и традиционные лозунги вроде:

«Не забуду мать родную»,

«Нет в жизни щастя» (через «Щ.» и без мягкого знака),

«Не забуду брата Колю»,

«Кто в море не бывал, тот горе не видал»,

или примитивное изображение голой женщины, карт и бутылки водки, снабженное надписью: «Вот что нас губит».

У двух или трех дробильщиков на груди были изображения Ленина и Сталина, мало похожих и плохо нарисованных.

Значительно более занимательными были татуировки ниже спины, которые раз в неделю демонстрировались в бане. Здесь были и мышки, забегавшие в норку, и кочегары, забрасывающие уголь в топку. Все это приходило в движение во время ходьбы владельца тату. Были и другие интересные вещи.

Однако все это, за редким исключением, было более или менее примитивно. Но были и настоящие художественные татуировки. Самой выдающейся с моей точки зрения была татуировка у литовского

художника Кизниса, с которым у меня были дружеские отношения, о чем, может быть, расскажу в другом месте. На груди у него был изображен великолепный портрет покойной матери в венке с двумя парящими ангелами и надписью по латыни: «MEMENTO MORI». Было поразительное сходство с фотографией, которую мне как-то показал Юра Кизнис. На предплечье правой руки был вытатуирован Факел Свободы, зажатый в мускулистой руке, разорвавшей цепи. На левом предплечье был изображен Витязь в тигровой шкуре, схвативший за горло прыгнувшего на него тигра. Справедливости ради надо сказать, что последний сюжет был заимствован из книги Шота Руставели. Кизнис делал рисунки и татуировки сам, пользуясь зеркалом. В общем, можно сказать, что у нас в бане была настоящая Передвижная художественная выставка.

Но вернемся к строительству аэродрома. Параллельно с заготовкой щебня шла заготовка песка на карьерах. Это была сравнительно легкая работа и тех, кто этим занимался, называли «придурками» наравне с хлеборезами и кладовщиками. К этой же категории относили тех, кто работал на пилораме, где из бревен делали доски и бруски.

А ранней весной на еще заснеженном поле появлялись геодезисты со своими теодолитами и нивелирами. И вскоре на всей площади будущего аэродрома начинали грохотать двигатели бульдозеров, экскаваторов и скреперов. Тяжелые катки уплотняли грунт и вслед за этим в работу включались бетонщики. По утрам было еще очень холодно, и часто, чтобы завести дизели, приходилось разводить под машинами костры из пакли, смоченной в солярке. Одновременно начиналось строительство жилья для летного состава.

Работали по десять часов в сутки с часовым перерывом на обед. Кормили нас скверно. За три года ни разу не было свежих овощей и, тем более, никаких фруктов. Все было сушеное: морковь, картофель, свекла. Трудно было отличить одно от другого. Все это были какие-то черные сморщенные комки, из которых жулики – повара готовили баланду, которую называли то щами, то борщом, то рассольником. На второе давали перловую или пшенную кашу. Изредка было мясо, и только свинина. На ужин почему-то всегда давали соленую рыбу, так что по ночам ужасно хотелось пить. Правда, утром и вечером был еще чай с сахаром и, конечно, хлеб. Этот хлеб был глинистым, недопеченным, но для нас он был как пирожное.

Наша столовая находилась в огромном самолетном ангаре. Чтобы попасть туда, надо было пройти через все летное поле аэродрома и пересечь взлетно-посадочную полосу. К концу лета, когда часть аэродрома была сдана в эксплуатацию, прямо над нашей головой поднимались реактивные самолеты и рев был такой жуткий, что многие из тех, кто шел в столовую или обратно, не выдерживали и падали на землю, зажимая уши. Но это мало помогало. Казалось, что страшный вой реактивных двигателей пронизывает нас насквозь. Некоторые ребята начали глохнуть, но деваться было некуда и жаловаться некому. Кроме того, от недостатка витаминов у многих начали шататься зубы и выпадать волосы. Кто-то из фельдшеров на медицинском пункте посоветовал жевать иглы хвойных деревьев. Должен сказать, что это было довольно неприятным занятием, но я жевал. Много позже я узнал, что совет фельдшера не имел под собой никакой научной основы, но зубы у меня почему-то сохранились.

НЕОЖИДАННЫЙ ВЗЛЕТ.

Дальний Восток – удивительное место, и я уверен, что мне бы там понравилось, если бы не обстоятельства, которые привели меня туда. Каждого, кто приезжал в эти края, в том числе меня, прежде всего, знакомили с дальневосточным кодексом, который имеет свою историю и состоит из двенадцати поговорок. Вот некоторые из них:

«Сто рублей – не деньги»

«Тысяча верст – не расстояние»

«Женщины без огня»

«Цветы без запаха»

«Женщин много. Ходят с косами. А драть – некого».

Эта последняя поговорка несколько адаптирована и требует небольшого разъяснения. Дело в том, что дальневосточный кодекс сложился давно, еще в те времена, когда в этих краях было очень много китайцев – мужчин, которые занимались поисками женьшеня и других лекарственных трав. Эти китайцы не стригли свои волосы, а по традиции заплетали их в косички. Вот их то, как раз эта поговорка и имеет в виду. И это значит, что гомосексуализм тогда не был в моде в этих краях.

Шесть следующих поговорок я, честно говоря, забыл. Лишь помню, что некоторые из них были явно нецензурного характера. А последняя (двенадцатая) поговорка, которую тоже пришлось слегка адаптировать, гласит:

«Кто там не был – тот побудет, а побудет – хрен забудет».

Вообще говоря, мое более или менее приличное знакомство с Дальним Востоком состоялось благодаря одному событию, которое вначале никакого отношения ко мне не имело. Кажется, в начале пятидесятых годов министр обороны издал неофициальный приказ, который гласил, что все офицеры Советской Армии, не имеющие среднего образования, должны подготовиться и сдать экстерном экзамены на аттестат зрелости. Основанием для этого приказа по-

служил тот факт, что многие малообразованные сержанты и даже солдаты получали во время войны офицерские звания ввиду сложившихся обстоятельств, например, когда после тяжелых боев в подразделении не оставалось ни одного офицера. Приказ министра Обороны касался всех родов войск, включая авиацию, где после боевого вылета какой-нибудь стрелок – радист, единственный оставшийся в живых член экипажа, сажал самолет и становился пилотом.

Я до поры до времени ничего не знал о приказе министра Обороны, пока он не коснулся меня. А дело было так. На территории строящегося аэродрома стояла авиационная войсковая часть, для которой, собственно говоря, этот аэродром предназначался. Среди летчиков этого авиационного полка было довольно много тех, кто не имел среднего образования. В соответствии с приказом все они должны были сдать экзамены на аттестат зрелости. А для этого, конечно, надо было подготовиться, и начались поиски репетитора. Вот здесь то и появился я. Кто-то пустил слух, что среди строителей аэродрома есть какой-то чуть ли не академик, имея в виду меня, бывшего студента второго курса, изгнанного из МАИ за болтовню. Меня разыскали и после небольшого «интервью» летное командование договорилось с нашим начальством, и мне приказали подготовить летчиков к сдаче экзаменов на аттестат зрелости. При этом я полностью освобождался от своих обязанностей в АСП. Конечно, я обрадовался. Но вначале не придал этому повороту слишком большого значения и лишь позже убедился, что это был подарок Небес. Я бы сказал, что с этого момента начался период моей «сладкой жизни» на Дальнем Востоке. Правда, несколько часов в день мне приходилось мучиться со своими студентами, особенно с теми, кто не дотянул до седьмого класса. Но зато после занятий наступал мой «звездный час». Летчики катали меня на разных видах военных самолетов, брали с собой на охоту и рыбную ловлю, а также приглашали домой на обеды и ужины. Как-то на наш аэродром пригнали новый секретный четырехмоторный бомбардировщик ТУ-4, который как впоследствии было признано, оказался довольно неудачной копией американской «летающей крепости» – В-29. Самолет был громадный по тем временам. Один только размах крыльев был около шестидесяти метров. Но это была очень тихоходная машина с крейсерской скоростью, не превышавшей четыреста километров в час, а, кроме того, самолет обладал рядом недостатков и самым серьезным из них была его уязвимость. Но обо всем этом летчики узнали позже, а вначале новый бомбардировщик был принят «на ура». Экипаж ТУ-4 состоял из двенадцати человек, шесть из которых, возглавляемые начальником артиллерии, находились в заднем отсеке. Другие шесть человек, среди которых находился командир корабля,

размещались в переднем отсеке. Начальником артиллерии был капитан Голянов, один из моих студентов. Накануне он успешно сдал экзамен и на радостях решил покатать меня на секретном самолете. Слов нет, это было серьезным нарушением соответствующих инструкций, но Голянов надеялся, что все обойдется. Ему удалось протащить меня в самолет так, что командир корабля и никто из переднего отсека меня не заметил, а в заднем отсеке Голянов был хозяином. Это был тренировочный полет, рассчитанный примерно на час, не более. Я примостился в задней части самолета возле хвостового стрелка. Вначале все было нормально, но вот когда мы почти отлетали свой час, с земли поступила команда полететь в район Сихотэ-Алинь и проверить, как ТУ-4 ведет себя в этой зоне, где наблюдаются сильные восходящие и нисходящие потоки воздуха или так называемые «воздушные ямы». Минут через двадцать мы, видимо, прилетели туда, так как нас начало сильно трясти. Несмотря на то, что у меня уже был некоторый опыт полетов, на этот раз я почувствовал себя неважно. Меня начало поташнивать. А самолет продолжал вести себя как эпилептик, его резко бросало во все стороны. В отсеке, где я находился, все, конечно, знали о моем присутствии, но не обращали на меня внимания, поскольку каждый был занят своим делом. А мне становилось все хуже. Я стеснялся сказать об этом кому-либо в отсеке, а в самолете не было никаких кульков, никаких стюардесс и весь он был такой чистый и гладкий, так что я принял единственно возможное в моем положении решение. Я снял бушлат и сделал из рукавов кульки, после чего накрылся с головой и у меня начались конвульсии.

Через какое-то время ко мне подошел Голянов и обратил внимание на мою странную позу и на то, что я, вроде, рыдаю или всхлипываю. Когда он приподнял мое «покрывало» и увидел, что я наделал со своим бушлатом, с ним приключился истерический припадок смеха. Минут пять он катался по полу, а когда немного пришел в себя, то, заливаясь от хохота, начал рассказывать своим подчиненным о моих проделках. Я не мог понять, что в этом смешного. Оказалось, что рядом со мной находится кнопка и что, если ее нажать, то открывается заслонка и появляется довольно большая раковина, куда полагается «спевывать» когда приходит нужда. Другим нажатием кнопки раковина резко убирается и заслонка закрывается. Более того, оказалось, что такие кнопки есть у каждого члена экипажа и что они ими пользовались, пока я сидел, накрывшись бушлатом. Капитан Голянов так развеселился, что не выдержал и решил рассказать эту историю командиру корабля, от которого все это время старался скрыть мое нелегальное присутствие на секретном самолете. Командир корабля оказался «своим парнем». Правда, он не-

много поругал своего легкомысленного приятеля, но, посмотрев на меня, не удержался от смеха и все обошлось.

Еще один нелегальный полет я запомнил потому, что пережил несколько неприятных минут. Это было результатом действий одного из моих не очень прилежных студентов, отчаянного капитана Лажкина, у которого была кличка «баламут». Рыжеволосый Лажкин был летчиком – истребителем, настоящим ассом, героем войны. Но вот беда – все его однокашники уже давно были полковниками и даже генералами, а он все еще был капитаном. Частично это можно было объяснить недостатком образования у лихого капитана, но главная причина, кажется, была его бесшабашность и гусарство. Надо сказать, что в пьяном виде он был совершенно неуправляем. Каждый раз, когда Лажкин совершал очередной серьезный дисциплинарный проступок, его либо понижали в звании, либо подвергали другому наказанию, но все же не увольняли, так как летчик он был фантастический. Свое мастерство Лажкин демонстрировал не только во время войны. Однажды в наш район залетел американский разведывательный самолет. И тут же навстречу ему стремительно поднялись несколько истребителей. Спустя какое-то время выяснилось, что они даже не могут подобраться к незваному гостю из-за нехватки «потолка». Тогда командир авиационного полка, видя такое положение, приказал Лажкину подняться в воздух, хотя тот сидел на гауптвахте. Капитана – баламута сразу освободили, он пришел в возбуждение и быстро натянул на себя летный костюм. Затем, насвистывая, прыгнул в истребитель и взмыл в облака. Через полчаса Лажкин приземлился. Американский самолет был сбит. На следующий день мы услышали по радио сообщение о том, что в районе Владивостока американский военный самолет нарушил государственную границу СССР и был отогнан советскими истребителями, после чего «скрылся в сторону моря». А еще через несколько дней капитан Лажкин был награжден орденом Красного Знамени.

В тот день, о котором я хочу рассказать, рыжий капитан был наказан за пьянку и дебош. Наказание, в общем, было легким и заключалось в том, что надо было совершить многочасовой патрульный полет вокруг аэродрома на двухместном тренировочном «кукурузнике» типа ПО-2. Капитан Лажкин любил летать на сверхскоростных истребителях, а полет на «кукурузнике» был для него очень скучным занятием и настоящим наказанием. Чтобы как-то скрасить унылость полета, он предложил мне полетать с ним и одновременно позаниматься. Я, конечно, согласился, тем более,что здесь было что-то новое.

Наш аэродром находился вблизи двух деревень: Хвалынки и Славинки. Эти две деревни были такими же разными как день и

ночь, как белое и черное. В Хвалынке жили семьи бывших так называемых «кулаков», выселенных с Украины в начале тридцатых годов. И каким-то чудом им удалось сохранить традиции, мораль и обряды дореволюционных времен подобно тому, как это сделали Эмиши в Пенсильвании. Можно сказать, что Хвалынка по духу напоминала капиталистическую ферму. Дома в Хвалынке были крепкие, добротные, под жестяными крышами. Урожаи были богатые, скот ухоженный, люди – зажиточными, техника исправная. Это был колхоз – миллионер, как его именовали в печати.

А в Славинке жил всякий сброд, в том числе те, кто отсидел свой срок и решил остаться на Дальнем Востоке. И это был типичный советский колхоз, образец социалистической системы хозяйства. Колхозники Славинки жили в развалюхах, крытых гнилой соломой. Люди еле сводили концы с концам, скот погибал, кормов не хватало. Поля были покрыты сорняками, урожаи бедные, техника нуждалась в ремонте.

Когда мы с рыжим Лажкиным начали кружить вокруг аэродрома, то обратили внимание на большое стадо коров, щипавших травку на лугу возле Хвалынки. Пас коров, как оказалось позже, довольно нервный старик. Капитан Лажкин, который был не в духе, прервал наши не очень успешные занятия, решив развлечься, и скомандовал мне:

«Приготовиться к атаке!»

А сам бросил самолет вниз и на бреющем полете пролетел над стадом. Коровы шарахнулись, а старик пастух в испуге упал на землю. Баламут Лажкин засмеялся и, сделав очередной круг, снова спикировал на пастуха. Тот в ужасе бросился на землю и схватился за голову. Лихой капитан окончательно развеселился и решил в третий раз проделать свой маневр, но тут он немного увлекся и спустился очень низко, так что одна из шарахнувшихся коров задела «костыль», то есть хвостовую опору с маленьким колесом. Корова упала и, как выяснилось позже, у нее был сломан позвоночник, а «костыль», не рассчитанный на такую нагрузку, тоже сломался.

В момент столкновения я сжался в комок и приготовился к краху, но Лажкин каким-то фантастическим образом ухитрился поднять наш самолет в воздух. Возбуждение его пропало. Он нахмурился и замолчал. Через какое-то время с земли заметили, что «костыль» самолета сломан и подняли тревогу. Лажкину приказано было приземлиться, при этом его спросили, знает ли он, что поврежден «костыль». Капитан ответил утвердительно и изложил свой план посадки. При нормальной ситуации летчики такого класса как Лажкин обычно сажали самолет на «три точки». Теперь это было невозможно. Это была аварийная ситуация. С земли дали «добро» и мы пошли на посадку.

«Держись!» – крикнул мне «баламут» и посоветовал спрятать голову между коленями. Да, и на этот раз асс Лажкин оказался на высоте. Самолет прокатил на двух колесах почти до остановки и лишь в самом конце я почувствовал удар, после чего «кукурузник» развалился на две части. Это я обнаружил, когда поднял голову и открыл глаза. Оба лонжерона и стрингеры лопнули, а ткань, обтягивающая каркас, порвалась. В общем, этот самолет был сделан из соплей. Не успели мы приземлиться, как к нам примчалась машина с красным крестом, в которой мы не нуждались. У меня оказалась небольшая ссадина, а капитан вообще был невредим. И вслед за скорой помощью подъехала машина, из которой вышло несколько высших офицеров. Увидев меня, они были немало озадачены.

«А это еще что такое?» – спросил у Лажкина один из них, указывая на меня.

«Это я позже объясню, – хмуро ответил провинившийся капитан, – отпустите его».

Капитана Лажкина увезли, а я направился в свое расположение.

Через несколько дней управление хвалынского колхоза обратилось с жалобой к командиру авиационного полка. Дело уладили. За корову заплатили, а также прислали письменное извинение с обещанием, что подобное больше не повторится.

Мне, в общем, нравилось, когда мои студенты катали меня на военных самолетах, но много интересней было, когда они брали меня с собой на охоту. Для этого мне выделили шестнадцатого калибра двуствольное ружье «зеркалку», кажется, тульского производства. Один ствол у ружья был цилиндрический, из которого дробь вылетала россыпью, другой ствол конический, из которого дробь вылетала кучно. Россыпью полагалось стрелять по летящим уткам и другим птицам, кучно стрелять по зайцам и лисам, а для охоты на дикого кабана, медведя и другого крупного зверя ружье надо было зарядить «жоканом». Надо сказать, что ружье было только у меня. Сами же летчики были вооружены карабинами и даже автоматами. Благодаря нашим походам за дичью я немного познакомился с Приморским и Приамурским краем, с удивительной там природой, с очень богатым растительным и животным миром. Между прочим, я был немало удивлен, увидев тропические лианы в Уссурийской тайге, и просто поражен, обнаружив виноградники и рисовые поля на юге Приморского края. Охота была разнообразной: то на уток, то на зайцев, а иногда на диких кабанов и даже на медведя. Старик – удэгеец, который был нашим проводником, рассказывал, что до войны в Уссурийской тайге было несравненно больше диких животных, и что охота тогда была значительно более успешной и легкой, и что не было необходимости заходить далеко в тайгу. Но во время

войны, как рассказал нам старый удэгеец, были почти полностью истреблены стада диких кабанов, и было убито очень много медведей и оленей. Причиной хищнического истребления диких животных был голод. В те годы господствовал лозунг: «Все для фронта! Все для победы!» И все снабжение шло на Запад. А многочисленная Дальневосточная армия, которую держали на случай нападения Японии, получала крохи. Солдаты и даже офицеры буквально голодали. Поэтому Командующий армией принял решение перейти на самообслуживание. Были выделены небольшие отряды стрелков – охотников. Наш старик – удэгеец был проводником одного из таких отрядов. Охота была безжалостной. Сотни диких кабанов, оленей и медведей были убиты и пошли в солдатские котлы. Боевой дух Дальневосточной армии был поднят. Как говорил Наполеон: «Путь к сердцу солдата лежит через его желудок.

Что касается длиннорылых черных медведей, то их все же осталось много в дальневосточной тайге, и некоторые из них до того обнаглели, что околачивались возле нашей столовой и приходили к умывальнику пить воду. Одного из таких медведей чуть не застрелил дежуривший по полку офицер. Стреляя в упор в медведя, он выпустил в него всю обойму и непонятно каким образом – промахнулся. Лишь после этого медведь решил ретироваться, хотя очень просто мог задрать нашего полкового «снайпера». В погоню за медведем отправилось, чуть ли не все подразделение и загнало его в болото возле Хвалынки, где он был убит единственным выстрелом, сделанным местным охотником из допотопного ружья. Пока удачливый охотник торжествовал, один из наших ловких парней ухитрился незаметно срезать шкуру с лап убитого медведя, из чего позже сделал себе что-то вроде больших рукавиц. Я в жизни слышал много матерщины, но ни до, ни после не слышал ничего подобного тому, что извергал из себя охотник, обнаружив, что шкура медведя испорчена. Но потом он немного остыл и все же угостил нас медвежатиной. Несколько позже другой ловкий паренек из нашего АСП поймал маленького медвежонка, кормил его и держал на привязи как собачонку, пока тот не вырос и не убежал в лес.

В наших походах старик – удэгеец часто брал с собой на охоту своего внука, который был примерно одного возраста со мной и очень ко мне привязался. Фамилия у него была почти украинская: Ким Ань Ко и звали его Володя. Он мне сразу похвастался, что у них в стойбище всех мальчиков зовут Володя в честь Ленина. Володя Ким Ань Ко был ниже среднего роста, кругленький, улыбчивый, с желтоватым скуластым лицом, узкими раскосыми глазами и широким плоским носом. Он жил в стойбище охотников – удэгейцев, о чем рассказывал много удивительных историй. Стойбище охотни-

ков как всякое советское учреждение имело план, который требовал поставки определенного количества пушнины и мяса государству.

«Выполнять план очень трудно, – рассказывал Володя без всякой тени недовольства, – на все стойбище у нас есть только три ружья».

Оказалось, что охота у них ведется так же, как это делали пещерные люди в каменном веке, а именно с помощью самодельных пик и рогатин. Это, конечно, не только малопроизводительно, но и весьма опасно. Однако надо выполнять план, и охотники со своим примитивным оружием бродят днем и ночью по тайге, чтобы добыть требуемое количество пушнины и мяса. Если везло, то удавалось обложить стадо диких кабанов, о которых мой друг Киманько говорил с каким-то особым уважением. Он считал, что это самые благородные и гордые животные на свете.

«Дикие кабаны, – рассказывал Володя, – это не волки. Они не нападают на человека стаями. И это не тигры, которые нападают исподтишка. Дикие кабаны – вепри никогда не нападают на человека первыми. А если человек угрожает им, то они атакуют его только один на один. Когда погибает один вепрь, его сменяет другой. Если у охотника на диких кабанов есть только пика, то он должен выбрать позицию на холме или на пригорке, чтобы вепрю было труднее к нему подбежать. Свое копье охотник должен упереть в дерево или большой камень и держать его на уровне небольшого пятна, которое есть на груди у каждого дикого кабана. Атакуя, вепрь не хитрит. Он бежит прямо на охотника и, наткнувшись на копье, погибает. Но если охотник неопытен и копье не попадет в пятно на груди, то разъяренный раненый вепрь сделает из охотника окровавленную тушу».

Я видел довольно много диких кабанов и они, особенно взрослые самцы – вепри, казались мне похожими на маленьких мамонтов с отрубленными хоботами.

Володя рассказывал мне также о капканах и силках, об охоте на ценного пушного зверя и о замечательных стрелках, метивших кунице или соболю в глаз, чтобы не испортить шкуру. Все это было ново для меня, и я слушал Киманько с большим интересом. В те годы я плохо разбирался в возрасте людей и мне казалось, что нашему проводнику лет сто, но сейчас я думаю, что ему было не более семидесяти лет. Все же он был намного старше любого из летчиков и ему часто было трудновато угнаться за ними, особенно в горах Сихотэ-Алинь. Однако лишь изредка старый удэгеец просил сделать короткий привал. Это было, когда он уж совсем выбивался из сил. Тогда наш проводник усаживался на какое-нибудь упавшее дерево и вынимал из рюкзака довольно большую стеклянную банку, в которой был заспиртован трехлетний корень женьшеня. Отвинтив крышку,

старик наливал себе в алюминиевый стаканчик граммов тридцать из банки и медленно маленькими глотками выпивал этот настой. Потом, посидев минут пять, старик вскакивал и легкой пружинистой быстрой походкой шел по бурелому. Мы еле поспевали за ним.

Я как-то попросил старого удэгейца дать мне попробовать настойки женьшеня. Он не отказал и налил мне в кружку немного этой прозрачной жидкости. Я выпил залпом, а потом закашлялся и с минуту не мог набрать дыхания. Как сказано в одной бездарной симоновской пьесе: «Ощущение было такое, как будто мне выстрелили в живот». Признаться, женьшень не оказал на меня ожидаемого эффекта.

Бродя по тайге, мы несколько раз встречали небольшие группы искателей женьшеня, среди которых были даже женщины. Все эти искатели в один голос жаловались на трудности поиска этого удивительного корня. Во-первых, надо было знать места, где он водится, а во-вторых, если даже удавалось его найти, то надо было быть чрезвычайно осторожным, чтобы не повредить корень при выкапывании. За неповрежденный корень можно было получить несколько сот рублей, а за поврежденный ничего не давали.

Здесь же в тайге где-то неподалеку бродили знаменитые тогда тигроловы Трофимовы, отец и сыновья. Эти занимались охотой на уссурийского тигра. При этом они пользовались не ружьями, а рогатинами, сетями и веревками. Трофимовы не убивали тигров, а старались поймать их живьем и доставить в зоопарк или цирк. За взрослого живого тигра семья Трофимовых могла получить до пяти тысяч рублей. Это были большие деньги, и стоило рисковать.

Во время наших походов Володя Киманько много говорил о своей невесте – красавице, у которой «носа не было – одно лицо», и о бесхитростной жизни в стойбище, где «люди не мылись, чтобы не смыть своего счастья».

Как я уже упомянул ранее, мои ученики – летчики брали меня с собой не только на охоту, но и на рыбную ловлю. Это было менее интересно. Однажды ночью мы пытались ловить рыбу в пограничном озере Ханка. Рыба ловилась плохо, а летчики не любили возвращаться с пустыми руками. Поэтому они очень обрадовались, когда кто-то из них обнаружил в озере вентеря, которые, как оказалось позже, принадлежали близлежащему рыболовецкому совхозу. Когда летчики подняли вентеря, в них оказалось полно рыбы, которую мои студенты вытащили и перегрузили в лодку, так что она чуть не затонула. Потом, вернувшись в расположение, летчики устроили настоящий пир с ухой, жареной рыбой и водкой. В тот день жены офицеров были по уши в рыбьей чешуе, а у котов был рыбный день. Но вот спустя какое-то время стало известно, что кто-то видел, как летчики воровали рыбу, и правление совхоза написало жалобу в

райком партии и летному начальству. Как и в других подобных случаях дело обошлось без скандала. Совхозу возместили убытки, а участников похищения рыбы наказали. Я же, как посторонний и на этот раз вышел сухим из воды.

Не думаю, что женам офицеров очень нравились наши походы, особенно когда мы возвращались после ночной охоты, увешанные дикими утками. Тогда весь следующий день все женщины без исключения занимались ощипыванием уток, и перья носились по летному городку как после погрома.

Один из моих студентов старший лейтенант Хорошилов не летал. Вернее, раньше он был летчиком, но то ли по состоянию здоровья, то ли еще по какой-то причине его списали, и в момент нашего знакомства он ведал культурной частью полка: клубом, библиотекой и т. п. Это был стройный, спортивного вида офицер с приятной внешностью и веселым нравом. Хорошилова в полку знали как мужа самой привлекательной и аппетитной женщины во всех ВВС, которую звали Лена и на которую засматривались буквально все мужчины.

После успешной сдачи экзаменов на аттестат зрелости Хорошилов считал своим долгом как-то отблагодарить меня, а поскольку он не летал как другие, то предложил мне поехать с ним в Хабаровск, где находился книжный распределитель и где мы должны были отобрать книги для пополнения полковой библиотеки. А, кроме того, нужно было заехать в район Биробиджана в расположение другой войсковой части и получить там несколько музыкальных инструментов, в том числе баян, аккордеон и мандолину. Я молниеносно согласился, предвкушая удовольствие от посещения новых мест, и на следующий день мы выехали. Водителем у нас был коренастый болтливый сержант Чернов, уроженец то ли Сибири, то ли Краснодарского края. Речь его была довольно цветастой и изобиловала всякого рода поговорками и прибаутками. Он говорил: «Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала. Раз дадим – и лапти кверху. Спинжак. Стаканья ослобонились» и тому подобное.

Когда мы въехали в Хабаровск, он напомнил мне Днепропетровск своей длинной прямой и довольно широкой главной улицей, которая тоже носила имя Карла Маркса и тоже тянулась от вокзала до городского парка. Правда, на этом сходство кончалось. Хабаровск оказался довольно гористым. Боковые улицы, носившие боевые названия «Перекопская», «Баррикадная» и т.п., уходили круто вниз. Больше ничего не осталось в моей памяти, если не считать гигантского скелета голубого кита, установленного на склоне городского парка вместо монумента.

Книжный распределитель мы отыскали без труда, и я с удовольствием окунулся в работу по отбору книг. Помню, что среди отобранных мною книг был великолепно изданный и прекрасно иллюстрированный двухтомник критических статей Стасова, полные собрания сочинений Гейне и Маяковского, «Воспоминания Панаевой» и несколько других интересных книг. Уложив отобранные книги в машину, мы отправились обедать. Правда, у нас был с собой сухой паек, но Хорошилов решил доставить мне небольшое удовольствие за мои труды и повел нас в столовую, которая носила громкое название «Ресторан». Помню, что еда показалась мне божественной, но ведь все познается в сравнении. Когда мы выходили из так называемого ресторана, за нами увязались две смазливые девицы легкого поведения. Они шли на несколько шагов позади нас и громко обменивались замечаниями такого рода: «А тот крайний – очень симпатичный», – говорила одна. «Я бы их всех поцеловала», – говорила другая. Я чувствовал себя довольно неловко в этой ситуации, а сержант Чернов возбудился до предела и, не выдержав, спросил:

«Товарищ старший лейтенант, может, погреем ватрушек?»

«Отставить! – скомандовал Хорошилов, – никаких ватрушек!»

Чернов сразу как-то сник и с виноватым видом посмотрел на девиц, а затем уныло изрек одну из своих прибауток:

«Так и сделаем! Так и сделаем! Проведем по ж… мелом – будет бела полоса».

Девицы, которые время от времени напевали куплет из популярной тогда песенки: «Догоню. Догоню. Ты теперь не уйдешь от меня», вскоре поняли, что «кина не будет» и, сделав несколько язвительных замечаний в наш адрес, отстали.

К Биробиджану у меня, естественно, был особый интерес, и я был бесконечно рад случаю, давшему мне возможность увидеть столицу Еврейской автономной области. Однако меня ожидало разочарование. За те несколько часов, что мы провели в Биробиджане, я не увидел ни одного еврейского лица. И сам «одноэтажный» Биробиджан оказался не больше местечкового Василькова. Впрочем, это было не совсем так. Мы не могли не обратить внимания на интенсивное строительство огромного «микрорайона» с крупнопанельными домами высотой до пяти этажей. Мы полюбопытствовали, чем вызвано такое интенсивное строительство, и спросили у человека, показавшего нам дорогу, кто живет в этих домах.

«Пока никто кроме строителей», – ответил он. И лишь много позже я понял, кому предназначались эти дома.

Лет двадцать спустя, будучи в командировке в Москве, я столкнулся лицом к лицу с человеком, который показался мне удивительно знакомым. Он тоже остановился и уставился на меня. Это был грузноватый средних лет мужчина с моложавым лицом и легкой проседью в висках.

«Извините, но мне кажется, что мы с Вами где-то встречались», – сказал я почти как Райкин в своем одноименном спектакле.

«Я в этом совершенно уверен», – подтвердил он.

Мы начали перебирать места, где могли пересечься наши жизненные пути. Замелькали географические названия: «Владикавказ», «Рязань», «Андижан», «Днепропетровск» и многие другие.

«А на Дальнем Востоке Вы не были?» – спросил он. И я вдруг прозрел.

«Старший лейтенант Хорошилов!» – вырвалось у меня.

Он чуть прищурился и просиял:

«Ошибаетесь, студент Филипп, – сказал он с улыбкой, – подполковник Хорошилов в отставке».

Мы пожали друг другу руки, и он мне рассказал, что благодаря аттестату зрелости, который я помог ему получить, он попал на высшие офицерские курсы, а потом пошел в гору и дослужился до подполковника, работал в Политотделе Управления ВВС, а сейчас демобилизован и живет в Москве.

«А Ваша жена Лена все так же хороша?» – спросил я. Он улыбнулся.

«Лена уже дважды бабушка, но, в общем, пока ничего, – сказал он.

«Знаешь что, – воодушевленно предложил он, – поехали сейчас ко мне, посидим, вспомним старину, Лена будет очень рада».

«Я бы с удовольствием, но у меня через два часа поезд, – сказал я и показал ему билет.

«Очень жаль», – упавшим голосом сказал мой бывший ученик. Мы обменялись адресами и телефонами. Я обещал позвонить и посетить их, когда буду в Москве, но больше с Хорошиловым мне не довелось встретиться. После этого я был в Москве всего только один раз, когда нужно было получать визы, но тогда мне было не до встреч. А вскоре я покинул страну.

СВАДЬБА.

Одним из моих сослуживцев был некто Витька Горев, баянист из поселка Щелково, ставшего впоследствии районом Москвы. Должен сказать, что трудно себе представить что-либо более несовместимое чем, Горев и баян (или гармонь). Обычно когда говорят о гармонисте, то представляют себе веселого, разбитного, неутомимого парня с густой копной волос, расстегнутым воротом рубахи, в которого влюблены все девушки района или села. Наш Горев никак не соответствовал этому образу. Это был вялый, сонливый, белобрысый парень с коротенькой прической довольно редких мягких волос и с постоянно безразличным выражением лица. Витя засыпал при первой возможности и спал, где только можно было: на политзанятиях, во время пятиминутных перекуров, сидя на стуле, лежа на

мокрой земле, прислонившись к стене и даже на ходу. А однажды я видел его крепко спящим на утыканной гвоздями узенькой доске, которая была не шире гимнастического бревна. Лицо Горева было всегда заспанным, а глаза полузакрытыми. И вместе с тем он был превосходным баянистом, популярность которого выходила за пределы нашего АСП. Справедливости ради надо отметить, что играя, он никогда не засыпал. По выходным дням Витя развлекал строителей, играя популярные песни и танцевальную музыку. Кроме того, он участвовал в художественной самодеятельности, аккомпанируя певцам и танцорам и играя соло.

Ко мне Горев относился как к существу высшего порядка, так как у меня было музыкальное образование, и я помогал ему разбирать незнакомые ноты. Поэтому, когда после согласования с начальством его попросили поиграть на свадьбе в Хвалынке, он, зная мое любопытство, предложил мне пойти с ним, а организаторам свадьбы сказал, что согласен при условии, что с ним будет дружок. Возражений не было, и мы отправились в Хвалынку.

Женихом был механик, демобилизованный из соседнего авиационного полка, единственный оставшийся в живых участник попойки, организованной его коллегой татарином. Напиток, который этот «химик» предложил своим приятелям, был профильтрованный по его рецепту антифриз. Будущему жениху, который вообще мало пил, этот напиток не пришелся по вкусу и он ограничился несколькими глотками. А татарин, который пил больше всех, после второго стакана вдруг схватился за живот, упал и начал кататься по полу. Изо рта у него пошла пена. Пока добрались до медпункта и начали промывать желудок, было уже поздно. Спасти не удалось. Другой участник попойки скончался несколько позже. А наш жених отделался легким испугом. Это он, слышавший ранее игру Горева, был инициатором приглашения его на свадьбу.

Время для гулянки было подходящим. Все работы на полях были закончены, урожай убран, зерно обмолочено и засыпано в закрома, силос заготовлен, сено заскирдовано. Так что спешить было некуда и свадьбу в Хвалынке по традиции справляли целую неделю. Гуляли по очереди в разных домах, начиная от самых близких родственников и кончая самыми дальними. А поскольку невеста была сиротой и у нее были только дальние родственники, а у жениха вообще никого не было, то в этом случае в роли близких родственников выступили председатель колхоза, начальник МТС и другие официальные лица. Гуляли весело. Пили и ели много. Еда была простой и обильной: борщ, вареники, сало, картошка, рыба, галушки и тому подобное. Никаких деликатесов. Самогон подавали в канистрах. Пели украинские песни и танцевали гопак. Никаких

танго, фокстротов или вальсов. Витя играл, а я наблюдал. Время от времени, конечно, возникали драки, но не жестокие, без поножовщины, и, кроме того драчунов быстро разнимали. Веселье временно прекращалось только тогда, когда большинство участников бесчувственными колодами валялось под ногами в разных не очень живописных позах. А на следующий день, очнувшись и похмелившись, гуляющие на свадьбе с помятыми и опухшими лицами веселой процессией под баян Горева направлялись в другой дом, и там все повторялось сначала.

В один из последних дней гулянки состоялась церемония поднесения подарков. Предварительно гостям был подан кисель, и это было сигналом к тому, что все дети и незамужние девушки должны разойтись по домам. Этой акцией устроители свадьбы ограждали их от непристойностей, которые были непременным атрибутом во время поднесения подарков. Отправив детей и девственниц по домам, гуляющие собрались в школе, где и состоялся этот обряд. Нечто аналогичное имело место и на еврейских свадьбах, как например, это показано в кинофильме «Скрипач на крыше». Но здесь в Хвалынке эта церемония носила какой-то каррикатурно-бюрократический веселый характер. Для приема подарков были избраны председатель и секретарь. Председателем оказался директор местной школы, очень худой и высокий, с длинным и острым носом, длинной шеей, острым подбородком и гладко зачесанными темными волосами. Поверх украинской вышитой рубахи на нем был короткий широкий пиджак, так что плечи свисали, а рукава едва закрывали локти. Брюки тоже были короткими. И вообще председатель был похож на перезрелого подростка. В руках он почему-то держал большую кочергу.

Секретарем была избрана пожилая доярка, небольшого роста, кругленькая, с маленькими заплывшими глазками и темно-красными, словно надутыми щеками. В руках доярка держала вареную свеклу, и думаю, что щеки она накрасила именно этой свеклой. Одета секретарша была в традиционный украинский праздничный наряд.

Представлять подарок должен был сам дающий, а не тамада – председатель, и при этом обязательно надо было сказать нецензурное двустишие. Если в представлении подарка отсутствовала рифма или название подарка, или если это представление было недостаточно нецензурным, то председатель провозглашал: «Нэ трэба!» и опозоренный даритель под свист и улюлюканье толпы отправлялся в конец очереди, где ему предстояло переделать свое двустишие, так чтобы оно соответствовало требуемому стандарту. В представлениях подарков особенно доставалось укромным местам жениха и невесты. В общем, это выглядело так. Очередной даритель, на неверных подкашивающихся ногах, шатаясь, выходил

вперед и заплетающимся языком провозглашал:

«Даю тры мишка проса, щоб п….. нэ була косо!»

Общий смех. Возгласы одобрения. Председатель громко утверждает:

«Так и запышем!» и кочергой водит по грифельной доске, после чего секретарь в правом нижнем углу ляпает вареной свеклой печать. И мешки с просом перекочевывают на сторону, куда складывают подарки. И вслед за этим из очереди выступает другой не менее трезвый мужичок и провозглашает:

«Даю два пуда сала, щоб п…. на мисто стала!»

Общий смех. Возгласы одобрения и так далее.

Когда обряд поднесения закончился, в углу, где складывали подарки, кроме мешков оказались куры, гуси, свиньи, копченые окорока и другое. Только корова, которую подарил новобрачным председатель, осталась на улице.

В общем, свадьба удалась. Это была очень веселая и многолюдная свадьба. Конечно, о том, чтобы все участвующие поместились в одном доме, не могло быть и речи. Поэтому справляли свадьбу во дворах, поставив там примитивные деревянные столы и скамейки, так что можно было посадить несколько сот человек. А погода осенью в этих краях просто великолепна. Это так называемая «Золотая осень Востока». В течение двух, а иногда даже трех месяцев стоит безоблачная, теплая и безветренная погода. Другие времена года здесь оставляют желать лучшего. Зима холодная и ветреная. Весна холодная и мокрая. Лето жаркое и влажное. Но осень замечательная. Листья на деревьях меняют цвет, но не опадают иногда до января месяца. Прекрасное время для праздника. А спать можно на сеновале, в амбаре и где попало.

За время свадьбы Горев выпил почти два ведра парного молока, а я ведро кваса. Самогон нам не понравился.

МОИ СОСЛУЖИВЦЫ.

Я уверен, что любой человек может стать героем интересного повествования, даже если ничего особенного в его жизни не произошло. Все зависит от мастерства писателя. Правда, иногда недостаток мастерства удается в какой-то мере компенсировать занимательностью сюжета. Но это – как получится.

Человек, о котором я хочу рассказать, был фигурой довольно колоритной. Звали его Костя Бурмистров, и кто-то когда-то дал ему кличку «фашист». Судя по фамилии, он происходил от деревенских старост – бурмистров, которые, кажется, не отличались высокой нравственностью. Помните некрасовское: «У бурмистра Власа тетушка Ненила починить избенку леса попросила…?» Внешность у

Бурмистрова была не очень привлекательной. Был он среднего роста, туловище квадратное, плечи широкие и по-татарски прямые, шея короткая, ноги кривые. Лицо у Кости было каким-то эклектическим. Здесь было что-то и от простого деревенского парня и что-то от матерого уголовника. С одной стороны – белобрыс, веснушчат, курнос, скуласт, глаза водянистые, а с другой стороны – низкий покатый лоб, мощные надбровья, глубокие глазные впадины и тяжелый выдвинутый вперед подбородок. Что касается натуры, то она у Бурмистрова тоже была довольно эклектичной. В нем как-то удивительно сочетался добродушный подонок с трусливым бандитом. Родом Костя был из Серпухова, сто первый километр от Москвы, куда селились после освобождения из тюрем и лагерей многие москвичи, осужденные по 58-ой статье с поражением в правах. Как известно, уголовники называли этих узников совести «фашистами». Поскольку Бурмистров жил в Серпухове и кличка у него была «фашист», можно подумать, что он тоже был узником совести. Но смею Вас уверить, что здесь имело место чистое совпадение. Кличку «фашист» Костя получил по той же причине, по которой отец Бени Крика слыл между биндюжниками грубияном.

То, о чем я хочу рассказать, произошло в период, когда мы строили военный аэродром в Уссурийском крае. Бурмистров был одним из строителей, и я помню несколько чрезвычайных происшествий (ЧП), прямо или косвенно связанных с его именем. Одно из них произошло во время празднования годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Весь наличный состав строителей, за исключением дежурных, был собран в большом самолетном ангаре, который служил у нас одновременно и клубом и столовой. После торжественной части по программе должен был состояться концерт художественной самодеятельности. И только так называемый «конферансье» вышел на подмостки, чтобы объявить первый номер, как вдруг погас свет, и не только в ангаре, но и вообще во всем гарнизоне. Послали гонцов для выяснения причин. Те принесли противоречивые объяснения. Одни говорили, что кажется трансформатор подстанции вышел из строя, другие – что предохранители перегорели, третьи – еще что-то. Однако примерно через полчаса как-то сам собой появился свет, все стало на свои места и концерт продолжился. И только позже выяснилось, что за эти полчаса, что не было света, произошло загадочное ограбление магазина, который находился на территории нашего аэродромно-строительного полка (АСП).

Магазин был ограблен полностью и очень профессионально. Весь товар был вывезен на грузовиках, следы которых остались на подмороженном грунте. Следствие велось несколько месяцев, но как ни бились работники следственных органов и СМЕРШ (контрразведки), никаких концов найти не удалось. Как грузовики прошли через Контрольно-пропускной пункт (КПП) незамеченными, куда они скрылись, кто вырубил свет, кто взламывал, кто грузил, где реализовали товар – ничего так и не узнали. Все как в воду кануло. Но вот спустя какое-то время я стал замечать, что мои сослуживцы подмигивают друг другу каждый раз, когда Костя Бурмистров получает денежный перевод от загадочных родственников. Однако дальше этого мои сведения об ограблении не пошли.

Другое ЧП тоже случилось во время строительства аэродрома в Уссурийском крае. Место расположения аэродрома находилось между двумя историческими городами Гражданской войны – Спасском-Дальним и Ворошиловом-Уссурийским. Спасск-Дальний даже воспет в песне: «штурмовые ночи Спасска, Волочаевские дни… « Вот здесь Костя Бурмистров и совершил свой очередной «подвиг». Как-то раз он ушел в «самоволку», то есть отправился без разрешения в Спасск, пользуясь попутными грузовиками. Обычно это сходило ему с рук, но на этот раз он попался. А дело было так. Прибыв на железнодорожный вокзал в Спасске-Дальнем, Костя сразу же направился в буфет, где выпил несколько стаканов вина. Водки в этот день в буфете почему-то не оказалось. Кажется, не успели завезти. Этот товар пользовался там большим спросом. А вообще-то в этих краях чаще продавали спирт в четвертинках с синими наклейками. Захмелев немного, Бурмистров стал проявлять интерес к окружающему. Здесь он обратил внимание на довольно пьяную, обтрепанную и грязную бабу – попрошайку. Когда она подошла к Косте, он предложил ей стакан вина в обмен на акт совокупления. Пока эта баба пыталась переварить полученную информацию, к Бурмистрову подскочила другая, еще более мерзкая баба и хриплым пропитым голосом сказала, что она согласна за половину стакана вина. Началась склока с употреблением нецензурных выражений и применением физической силы. В конце концов Костя помирил женщин сказав, что берет обеих. Он угостил их, как условились: одну – полным стаканом вина, а другую – только половиной. По словам самого Бурмистрова, первой было лет сорок, вторая – постарше будет. Однако мы были уверены, что он скромничает. Ему самому в это время было не более двадцати пяти лет. Да, договориться то он договорился, но как осуществить задуманное? Другими словами, как в анекдоте: есть – кого, есть – чем, но где? Место открытое, народ кругом ходит. И тут у Кости возникла гениальная идея. На привокзальной площади, в стороне находилось небольшое дощатое сооружение, от которого несло за версту. Это был невероятно загаженный общественный туалет. Вот его Костя и выбрал для своих любовных утех. Ту бабу, что постарше, он поставил «на стреме»,

чтобы она никого не подпускала под предлогом, что нужник чистят, а сам с «молодухой» отправился в «альков».

Расчет его был прост: если сбежит баба, стоявшая «на шухере», то пропадет всего половина стакана вина, если же баб поменять местами, то может пропасть целый стакан. Но опасения Бурмистрова были напрасны. Полстаканная баба оказалась принципиальной и честно выполняла свои обязанности, отгоняя тех, кто пришел по большой и малой нужде, пока Костя управлялся с «молодухой». Потом произошла смена караула. И тут все началось. Полностаканная баба тоже честно и до конца пыталась выполнить свой долг, но воевать ей пришлось уже с целой оравой тех, кому уже было невтерпеж. В результате вызвали милиционера, он взломал дверь, сорвал крючок и ворвался в «будуар мололодоженов». Костя в это время почти отработал свои полстакана вина. Дальше произошла безобразная сцена. Бурмистрова со спущенными штанами вытащили на улицу. После небольшой потасовки вызвали патрулей. Косте скрутили руки и доставили в наш АСП, где он был передан в руки местных карательных органов. Наказание было не очень суровым – несколько суток простой гауптвахты. И все снова вошло в норму, только сослуживцы еще долго потешались, вспоминая Костины похождения.

Третье ЧП произошло в конце декабря. Все начальство с семьями по традиции собралось в офицерском клубе, чтобы отпраздновать завершение строительства аэродрома, передачу его в эксплуатацию представителям ВВС и для получения всяких премий. В эту ночь, как и в случае с ограблением магазина, неожиданно вырубился свет, но на этот раз не во всем гарнизоне, а только в той его части, где находились жилые дома начальства. Гулявшие в офицерском клубе этого не знали, так как у них там все было в порядке. Когда же они после гулянки разошлись по домам, одного из них, а именно капитана Чиликина, ожидал неприятный сюрприз – его квартиру полностью обворовали. Здесь тоже были следы грузовика, но на этот раз они шли не к проходной, а к летному полю, где терялись на автомобильной трассе. Обнаружив кражу, Чиликин впал в неистовство. Через несколько минут он связался с начальником военной разведки (СМЕРШ) и сразу же были расставлены по всем дорогам посты вооруженных автоматами солдат и началось прочесывание всей территории.

Здесь надо прерваться и сказать несколько слов о пострадавшем. Думаю, что дом Чиликина был выбран для грабежа не случайно. Во-первых, этот дом стоял несколько в стороне от других домов. Во-вторых, в ночь ограбления в доме никого не было. А в-третьих, это был сам Чиликин, о котором не мешает рассказать несколько подробнее. Кажется, он был представителем малых кавказских на-

родов. Очень смугл, черноволос, глаза темные, лицо костлявое, нос горбинкой. Чиликин был маловат ростом, поэтому всегда носил сапоги на высоких каблуках, и, тем не менее, ходил на цыпочках, высоко задрав голову. Был он щеголеват, сапоги всегда начищены до блеска, пуговицы надраяны, одежда отутюжена, на руках дорогие часы, на безымянном пальце перстень с драгоценным камнем.

Чиликина у нас не любили. Кличка у него была «бобер». Это был довольно мерзкий тип, злой, тупой и придирчивый. Чиликин буквально упивался своей властью. Он мог часами держать подчиненных в строю на улице и читать им идиотские нотации, будь то холод, жара или дождь. Однажды во время такой экзекуции стоявший в строю Костя Бурмистров решил пошутить и произвел губами звук, напоминающий звук исходящих газов при несварении желудка. Чиликин дернулся и свирепо уставился на стоявших в строю. Потом медленно угрожающим тоном прорычал: «Кто прдел?!»

Никто не ответил. Тогда Чилика – бобер дико рявкнул:

«Кто прдел – выйти из строя!»

Никто не шелохнулся. Атмосфера накалялась. Лицо капитана стало багровым. Сделав небольшую паузу, он стал вызывать по одному из строя, злобно задавая один и тот же вопрос: «Ты прдел?!» Получив отрицательный ответ, вызывал следующего. Не добившись результата, Чилика – бобер взбесился.

«Нэ сазнаетес, – закричал он, – всэх пэрэвэдом на начную разгрузку вагонов!»

Это была серьезная угроза. Ночная разгрузка огромных бревен или насыпного цемента была настоящим каторжным трудом, изнурительным и опасным, почти на пределе человеческих возможностей. Поэтому Костя, зная, что сослуживцы не простят ему его шутки, вышел вперед и доложил:

«Товарищ капитан, это я нечаянно губами сделал».

Чиликин с ненавистью посмотрел на Бурмистрова и рявкнул:

«За нечайно – бьют атчайно! Наказание нэ атмэняется! Разайдыс!»

Посыльные, побывавшие в доме у Чиликина, рассказывали, что стены у него увешаны коврами, на полу ковры, что у него целая коллекция каких-то кинжалов и сабель. Все это могло быть еще одной из причин, почему ограбили именно квартиру Чиликина.

В описываемый мною период мы, рядовые строители, жили в палатках. Круглый год. Летом и зимой. Летом температура поднималась почти до сорока градусов Цельсия при очень высокой влажности. Зимой же температура падала почти до минус сорока градусов, иногда в сочетании с довольно сильными ветрами. Летом в палатках было невыносимо жарко, но мы как-то терпели. А вот зимой было совсем плохо, хотя делалось все возможное, чтобы не околеть. Пе-

ред тем как поставить палатку рыли прямоугольный котлован шесть на шесть метров, глубиной один метр. Пол засыпали хвоей. Над этим котлованом ставили двойную армейскую палатку, одну поверх другой, с центральной мачтой. Посреди котлована устанавливали чугунную печку «буржуйку» с вытяжной трубой, обмотанной асбестовым рулоном, которая шла вдоль мачты и выходила наружу. Почти половину площади в палатке напротив входа занимали дощатые нары, установленные на уровне земли. На них лежали набитые сеном тюфяки и ватные подушки, а так же по два суконных одеяла на человека. Это мало помогало. Спали в одежде. В холодные дни печку надо было топить углем почти круглосуточно. Для этого назначался дежурный. Он же следил за порядком в палатке, где размещалось до восьми человек. Буржуйку накаляли добела, но тепло мало распространялось. Когда ложились головой к печке, жар в лицо бил нестерпимый, а ноги ужасно мерзли. Когда же ложились наоборот, что делали чаще, ногам было тепло, а голова мерзла, и иногда от паров дыхания волосы на голове примерзали к палатке. Когда это случалось, то надо было, встав поутру, лить кипяток на палатку снаружи, чтобы оттаять примерзшие к палатке волосы.

В нашей палатке жили шесть человек, среди них Костя Бурмистров и некто Толя Михеев, молчаливый скрытный парень, который пользовался у сослуживцев непонятным мне авторитетом. Михеев страдал от ревматизма ног, но на публике не показывал вида. Ко мне он относился хорошо, и я несколько раз пытался поговорить с ним о его болезни, но он отмалчивался и лишь однажды бросил несколько слов: «Такой ревматизм не лечится. Я заработал его на Севере, на лесоповале, стоя по колена в холодной воде по двенадцать часов в сутки». И это все, что я узнал о прошлом Толи Михеева.

В ночь ограбления капитана Чиликина дежурным по палатке был я. После вечерней проверки и отбоя все улеглись спать. Но примерно через час Михеев с Бурмистровым встали, оделись и кратко проинструктировали меня:

«Если кто-то из начальства придет и спросит, где мы, скажи, что, дескать, только что встали и пошли в уборную. И это все. Больше ничего не говори».

Я уже хорошо знал, что лишние вопросы задавать не следует. Поэтому просто сказал: «Все понял».

Прошло часа два. Вдруг Бурмистров с Михеевым заскочили в палатку, быстро разделись и легли спать. Мне они ничего не сказали, а я не проявил любопытства. Но не успели они захрапеть, как в палатке появились гости – капитан Чиликин, офицер из СМЕРШа и двое солдат с автоматами. Вошедшие быстро и бесшумно проверили, все ли на месте, потом шепотом спросили меня, все ли во-

время легли спать. Я ответил утвердительно. Одновременно ночные гости почему-то освещали фонариком валенки, которые сушились на стеллаже. После этого, поставив в сторону один за другим четыре валенка, офицер из СМЕРШа спросил меня, чьи это валенки. Я ответил, что знаю только свои. Тогда он поставил валенки на место и резко скомандовал всем встать и одеться. Меньше чем через две минуты все уже стояли одетыми. Офицер из СМЕРШа, внимательно наблюдавший за тем, кто какие валенки одел, подозвал к себе автоматчиков и приказал им взять под стражу Бурмистрова и Михеева, а заодно и меня. Был назначен новый дежурный по палатке, а нас повели в «кутузку». Меня как, впрочем, и других поместили в одиночную камеру, два с половиной метра на полтора, с очень высокими бетонными стенами и маленьким окошком с железной решеткой под самым потолком. Голый бетонный пол. Ни кровати, ни табурета. На ночь приносили матрас, набитый сеном, и суконное одеяло. Больше ничего. Трижды в день давали по двести граммов хлеба и по кружке холодной воды. На допрос вызывали всегда неожиданно, преимущественно ночью, изредка днем. Допрашивали по всем правилам следственных органов СССР с применением метода «кнута и пряника» и каждый раз пытались запугать, давая мне подписывать протокол следствия, где говорилось, что за дачу ложных показаний мне грозит срок до семи лет. Но я стоял на своем, утверждая, что все в нашей палатке были на своих местах, что некоторые вставали на несколько минут, чтобы пойти в уборную, и в том числе Михеев и Бурмистров.

На второй день следователь заявил, что я идиот, подставляю за кого-то свою задницу, что Бурмистров с Михеевым уже сознались и отделаются «малой кровью», а вот мне грозит серьезное наказание, если я не скажу всю правду. Если бы следователь назвал одного Бурмистрова, я бы еще засомневался, но в том, что Михеев не признается, я был совершенно уверен. Это убедило меня, что следователь пытается «взять меня на пушку», и я продолжал твердо держаться своей линии. В одиночке я просидел трое суток. А утром тридцать первого декабря наступило облегчение – меня перевели в общую камеру, где кроме меня уже находилось четыре человека. Одного из них я знал. Это был художник Юра Кизнис, литовский националист. Мы поздоровались. Сразу подошли другие и стали расспрашивать, за что «загребли». Я уклонялся от прямых ответов. К этому времени я уже хорошо усвоил истину, что слово – серебро, а молчанье – золото. Этому меня научил внук купца Первой гильдии Мишка Окороков, человек с уголовным прошлым, которому очень нравились мои шутки. В самом начале нашего знакомства он по секрету как-то сказал мне, когда мы были одни:

«В моем присутствии никаких крамольных разговоров не веди –

я у них «на крючке» и обязан стучать (доносить). Я не знаю, кто еще у них стучит. И если он донесет, а я нет, то мне «хана». Только один на один можно говорить то, что думаешь».

Мишка также рассказал мне, что следователи пользуются «подсадными утками» – провокаторами в общих камерах, чтобы «расколоть» тех, кто «запирается». В общем, я уже был не «лыком шит».

Через несколько часов после моего перевода в общую камеру туда привели Бурмистрова, а несколько позже – Михеева. Войдя, Толя сделал мне незаметный для других знак, чтобы я с ними не разговаривал. Я так и сделал. Вскоре принесли обед, и я впервые за три дня поел горячей похлебки. А когда наступил вечер, Юра Кизнис, который все время что-то рисовал на куске картона, прекратил свое занятие, так как было уже темно, встал и в сердцах воскликнул:

«Что же, мы так и будем сидеть? Ведь это же новогодняя ночь!»

«А что же еще нам остается?» – сказал я как бы с иронией.

Тогда Юра подошел к дверям и позвал охранника. Когда тот открыл, Кизнис попросил его дать нам две метлы, швабру и чистое ведро. Охранник оказался покладистым парнем и принес все, что просил Юра, даже одну лишнюю метлу. Немного повозившись, Кизнис соорудил из этих предметов совершенно великолепную елку. Полюбовавшись на нее немного, он сказал:

«Теперь нужны игрушки», – и укрепил на верхушке елки звезду, которую смастерил из картона, на котором рисовал. Затем он повесил на импровизированную елку свою алюминиевую кружку. Мы оживились и стали украшать нашу «елку»: кто повесил на нее свои портянки, кто еще что-то в таком же роде. Получилось очень красиво. Тогда Михеев, который не принимал участия в украшении, улыбнулся, встал и обратился к нам:

«У кого есть какие деньги – давайте сюда».

Собрав небольшую сумму из наших скромных сбережений и добавив свои деньги, Толя постучал в дверь. Вошел охранник. Михеев сказал ему что-то тихо, после чего оба вышли за дверь и там о чем-то пошептались. Затем Михеев вернулся в камеру и, подмигнув нам спокойно произнес: «Все будет в порядке!»

Мы заволновались в предвкушении чего-то необычного, но расспрашивать не стали. Часа через два охранник вызвал Толю в коридор и передал ему кошелку, в которой оказались три бутылки водки, вяленая вобла и халва. Михеев вынул одну бутылку и подарил ее охраннику, а нам сказал, что сегодня бояться нечего, сюда никто не придет – все начальство гуляет. Вскоре после этого мы услышали звуки радио, которое очевидно охранник поставил где-то за дверью. Мы были возбуждены до предела и хотели сразу же начать пиршество, но нас остановил Юра Кизнис, сказав: «Не надо портить

праздник. Подождем еще немного». Действительно, до полуночи оставалось меньше двух часов. Мы согласились и стали с нетерпением прислушиваться к радио, а когда до двенадцати часов оставалось меньше пяти минут, Костя начал разливать водку по кружкам. После краткого оживления все замерли. И ровно в полночь Юра поднял руку и произнес тост:

«С Новым Годом, дорогие друзья по несчастью! Да здравствует Свобода!»

Мы чокнулись, выпили и закусили воблой. Потом был десерт – халва. А после этого по инициативе того же Юры Кизниса наша «великолепная семерка» стала вокруг импровизированной елки. В бушлатах, валенках и шапках-ушанках мы взялись за руки и весело хороводом пошли вокруг ведра с вениками, напевая популярную детскую песенку:

«В лесу родилась елочка, в лесу она росла…»

Вскоре начала действовать водка. Наши щетинистые физиономии раскраснелись. В детской песенке замелькал мат. Костя Бурмистров пошел в присядку. Так я встретил 1952-ой год.

ИЗ РАССКАЗОВ ТАНЦОРА БЫКОВА.

Хороший рассказчик – явление редкое. Здесь не обязательно быть умным или образованным. Надо только иметь талант, который наряду с природным артистизмом проявляется в ритме повествования. Интересно, что талантливый рассказчик никогда не требует к себе внимания. Он просто начинает что-то говорить, словно размышляя вслух, и даже в самой пестрой и шумной компании, где царит полный разброд, и никто никого не слушает, наступает тишина, и все внимание компании приковывается к рассказчику. А он, вроде бы и не замечая интереса публики, продолжает свое бесхитростное повествование, да так увлекательно, что нельзя оторваться.

Таким талантом обладал Витя Быков. Это был добродушный рослый красивый парень с правильными мягкими чертами лица, большими голубыми глазами и коротко стриженными льняными волосами. В течение ряда лет Витя был танцором в Ансамбле песни и пляски Подмосковного угольного бассейна, который находился в бывшем городе Сталиногорске или Бобрик-Донском. В те годы в Подмосковном угольном бассейне еще были остатки залежей малокалорийных бурых углей и еще теплилась весьма нерентабельная их разработка. Все это дышало на ладан, но Ансамбль песни и пляски, выросший на этой базе, процветал.

В силу своей внешности, Быков исполнял в постановках роли первых любовников. Следует заметить, что он был немного тяжеловат и не мог выделывать таких трюков как его приятель Капустин, но в об-

щем он был приличным танцором, умеренно трудолюбивым и на хорошем счету в ансамбле. Разумеется, у Вити была масса поклонниц, готовых прыгнуть в его постель при малейшей возможности. Эти поклонницы терпеливо ожидали его у выхода после каждого концерта и в любую погоду. Сам же Быков не проявлял к ним особого интереса, окрестив их «хорьками» и «телками». Вообще-то он предпочитал выпивку, которая немного веселила его, но больше действовала как снотворное, что не очень нравилось его мимолетным любовницам. Однако все эти достоинства Быкова бледнеют по сравнению с его талантом рассказчика. Воспроизвести его устные повествования в письме – это все равно, что попытаться передать человеку, далекому от музыки, впечатление от прослушивания симфонии Бетховена. Зная заранее, что эта затея обречена на провал, я все же попытаюсь передать хотя бы содержание его рассказов. Тем более что древняя поговорка гласит: Verba volant, scripta manent.

То есть: Слова улетают, написанное остается.

Вот, например, что Витя рассказывал о своих коллегах в ансамбле.

– Директор наш Цурюта раньше был начальником шахты, пока эту шахту не закрыли из-за того, что нечего там было уже добывать. Тогда его как номенклатуру обкома перебросили в искусство и назначили директором нашего ансамбля. Конечно, в этом деле он ни уха, ни рыла не смыслит, но для этого ему прислали художественного руководителя Бориса Аркадьевича. Вообще, Цурюта неплохой компанейский мужик, однако с двойным дном. Ну, понятно: член обкома партии, большая шишка. И если надо что-либо выколотить – добьется. Правда, категорию нам ему пока не удалось поднять. Но вот Кольке Капустину квартиру добыл. Тот жил со своей матерью как крот в подземелье. Не повернуться, сыро, темно. Так Цурюта ему сделал двухкомнатную на третьем этаже со всеми удобствами, почти в центре города. Колька ему чуть ноги не лобызал. Еще Шурочку обеспечил однокомнатной квартирой. Она вместе с родителями и сестрой теснились в тринадцати квадратных метрах. Да еще кой-кому Цурюта добился улучшения жилищных условий. А потом путевки в санатории достает тем, кто нуждается. Ну, премии разные. В общем, на это грех жаловаться. А вот когда что не по нему, если ему наступить на мозоль или вожжа ему под хвост попадет, тогда только держись. У него своя рубашка ближе к телу. Вот Петька – лучше танцора у нас никогда и не было. Такого «бедуинского» как он никто и у Моисеева или Вирского не сделает. Ну, выпил Петька немного перед концертом. К нему дружок из Бронниц приехал. А на концерте, как сговорились, из обкома, райкома, начальник управления и другое начальство. Петька решил класс показать, разошелся со своим «бедуинским» и немного не рассчитал. Его занесло на конец рампы, и он свалился в оркестр. Грохот! Шум! Надо сказать, что Петьке повезло. Он упал задницей на литавры. При этом немного зацепил ногой литавриста. Но тот – ничего. Небольшой ушиб. А Петька даже царапины не получил. Только кожу на литаврах пробил. Так Цурюта его выгнал из ансамбля без всякого разговору, хоть и самый лучший танцор. Не потому что оскандалился, а потому что опозорил Цурюту перед высоким начальством. Тут я думаю, он бы и родную мать не пожалел. А так, вообще, мужик неплохой. И выпить не дурак. И всегда спросит, как родители, где брат работает и всякое другое. Свойский мужик! И как бык здоровый. Не то, что Борис Аркадьевич, наш художественный руководитель. Тот, кажется, вообще не жилец на свете, хотя и не такой старый. Лет сорок пять, не больше. Тощий – одни мослы. Когда мы поехали в Крым, он на пляже разделся, так мы чуть со смеху не померли. Грудь впалая, ребра выпирают как колосники, и ноги как жерди. А говорят, когда-то был хорошим танцором. Солистом в оперном театре то ли в Новосибирске, то ли в Перми. Там и жену себе подхватил, Зару, нашу солистку. Моложе его лет на двадцать. Лицо вытянутое, глаза узкие, темные. Щеки впалые, скулы торчат и губы как ниточки. А фигура божественная. Пластика. Гибкость. Руки, шея, плечи – загляденье. Ноги высокие, стройные. В разговоре с кем-то может, между прочим, прислониться спиной к стене, взять себя пальцами за пятку и поднять ногу совершенно вертикально, как солдат ружье. И при этом продолжает разговаривать, постоит так с минуту, а потом с другой ногой сделает то же самое. Талия как у осы. А ведь была беременной и, кажется, не раз. Где там у нее ребенок помещался? Мишенька. Ее сын. Отцом считается Борис Аркадьевич. А может, так оно и есть. Этому Мишеньке лет пять. Забавный мальчик. Беленький, пухленький, рыжеволосый, смешно картавый. Ни на мать, ни на отца не похож. Артисты балета любят с ним забавляться. Даже Цурюта не обходит его своим вниманием и балует то леденцами, то пряником, то мороженным. Как-то Мишенька был у нас. Пришел Цурюта и стал с ним заигрывать. Тут кто-то из танцоров подсказывает директору:

– Спросите у Мишеньки, где его мама.

Цурюта не увидел подвоха, не почувствовал, что его заманивают в ловушку, и так игриво спрашивает:

Мишенька, а где твоя мама?

Посла балаться, – не задумываясь, ответил Мишенька, как его подучил шкодник танцор Васька, известный у нас по кличке «Кот».

О-хо-хо! – зареготал Цурюта, и даже слезы появились на его глазах. Молодец, Мишенька! – похвалил он, давясь от смеха, – а кто это тебе сказал?

– Не то! Не то! – весело закричали окружившие Цурюту и Ми-

шеньку танцоры, – спросите его, с кем она пошла.

Цурюта и здесь не увидел подвоха и, продолжая хохотать, спрашивает:

– Мишенька, а с кем мама пошла?

– С Цулютой, – серьезно ответил мальчик.

От неожиданности у Цурюты отвисла челюсть. Лицо налилось кровью, и в глазах появился недобрый огонек.

– Ты что?! Ты что?! – закричал он на Мишеньку, – нельзя так говорить. Скажи: с Быковым, с Капустиным. Эти дяди тебя плохому учат. Не слушай их больше.

Цурюта оглядел всех нас, стоявших вокруг, и криво улыбаясь, угрожающе процедил сквозь зубы:

– За такие шутки можно хорошенько схлопотать.

Ребята сникли, виновато пожали плечами и потихоньку разошлись.

А вообще, была ли Зара у Цурюты, никто не знает. Вполне возможно. Она ведь покладистая баба, и это дело любит. Как-то мы с ней сошлись на часок, хотя она мне была, в общем, не по душе. Гонористая, колючая и лицом непривлекательная. Однако, как говорят, с лица воды не пить. Муж ее, наш худрук, тогда оказался в больнице, а у нас как раз по случаю окончания сезона был банкет. Ну, я захмелел немного. Вот она и притащила меня после банкета к себе домой. Там в постели мы разговорились немного. Между прочим, она мне говорит:

– Понимаешь, Витя, я могу не пойти с молодым человеком, но уж если я с ним пошла, то не дать ему я не могу.

Вообще эта Зара – баба скрытная. У нее все концы в воду. Один только Васька «Кот» хвастается, что знает о ней кое-что. Его послушать – так он обо всех знает. Трепач! Язык как помело. Этот Васька – самый старый танцор в нашем Ансамбле. Лет тридцать ему, не меньше. Женат на нашей костюмерше Оле. Она ему всегда целую сумку жратвы дает на репетицию. Там и термоса, и бутерброды. Васька, когда с этой сумкой лезет в автобус, обязательно кричит:

– Осторожно! У меня горячее жидкое!

Люди шарахаются в сторону. Ведь черт его знает, что у него там в сумке. И этот нахал Кот всегда без очереди залазит в автобус. А крепкий как коряга. Он у нас на поддержках работает с солистками, как в балете. И вроде бы не очень тужится, когда подымает танцовщиц в воздух или ловит их на лету. Однако наши девки не любят с ним работать. Мало что он им шкодничает, так еще и жалуется, что они слишком много едят и стали тяжелее, чем положено, что следовало бы их перед каждой репетицией взвешивать, ведь приходится их таскать там по несколько часов. А девки жалуются, что он издевательски их ловит. По правилам надо ловить балерину левой рукой

за талию, а правой за бедро. Кот вроде бы так и делает, но при этом шкодливо исподтишка выставляет вперед большой палец правой руки. Особенно он любит это проделывать с Шурочкой. Она ведь какая. Если другие девки могут матом послать или пакость какую сделать, то Шурочка только глаза опустит и тихонько пожалуется:

– Вася, зачем ты так?

Она вообще у нас на особом счету. Сама тоненькая, беленькая, глаза синие. Наденет кокошник, красные сапожки, выплывет в русском танце – все мужики в зале просто балдеют. А вообще, ее чуть прижмешь – она тут же закатит глаза, обмякнет и сразу кончает. И почему-то больше всего на свете любит высоких мужчин в кожаных пальто. Неважно какой внешности. Ребята иногда после концерта подшучивают над ней:

– Шурочка, там тебя спрашивал какой-то очень высокий мужчина в кожаном пальто.

Так она бледнеет и чуть в обморок не падает.

– Какой? Где? – и готова бежать к нему, хоть на край света.

Что и говорить, Васька «Кот» большой баламут, но и наши девки тоже хороши. Им положено три дня отпуска в месяц по женским делам. Так они часто берут этот отпуск не вовремя, а когда им для чего-то надо, а потом, когда у них начинается, Ваське приходится с ними возиться. Иногда его в этом деле подменяет Ленька, но он хоть и здоровый бугай, но совершенно бестолковый, и танцовщицы у него падают и не хотят с ним работать. Этот Ленька младший брат Яна. Таких несхожих братьев я в жизни не видал. Ленька с меня ростом белесый увалень и тугодум. А Ян маленький, черный, верткий как волчок и смышленный. И оба, кажется, евреи. Эти братья на концертах выступают с шуточным номером вроде Пат и Паташон. Когда они отрабатывают номер, Ян командует, а Ленька его слушает как собачка. Я думаю, что если бы Ленька как-нибудь дал своему брату разок, у того бы и лапти кверху. Вообще-то Ленька очень много работает, но толку почему-то нет. У него даже двойной пируэт не получается. И Ян на репетиции его всегда ругает:

– Что ты, дубина, не можешь минуту в воздухе повисеть?!

Другой раз Ленька мучается, старается сделать украинскую присядку, а Ян в это время сидит и ест сало с хлебом. Ленька его просит:

– Ян, дай кусочек хлеба с салом!

А Ян ему на это:

– Не умеешь какать – ешь готовое! Ты так не любишь хлебушек с салом, как я его люблю. Иначе присядка у тебя давно бы получилась. Пока не сделаешь – ни крошки не получишь.

И Ленька смиряется. Он вообще слабохарактерный и добродушный мужик. Когда раньше я жил в общежитии, койка Леньки была

рядом с моей. Как-то я подвихнул ногу, был на бюллетени и не пошел на концерт. Лежу и слушаю радио. Вдруг смотрю: ко мне в общежитие заваливается какая-то незнакомая «телка». Здоровая – на ней пахать можно. И горячая, потная как паровой котел. Я думаю: зачем я такую буду класть на свою кровать? Взял и лег с ней на Ленькину. А вдвоем у нас не меньше ста пятидесяти килограммов будет. Тут эта «телка» возьми да и начни вытворять разные фокусы. Кровать не выдержала и «хруст!» пополам. И стала похожа на букву «М». Мы завалились в самый неподходящий момент. И смех, и грех! Как тут быть? Можно было, конечно, лечь на мою или какую-нибудь другую кровать, но мы сумели кое-как пристроиться на сломанной кровати и довели дело до конца. А поздно вечером, когда ребята пришли после концерта в общежитие, Ленька подошел в темноте к своей кровати и завопил:

– Ой-ой-ой! Кто-то сломал мою кровать!

На этот крик тут же прибежал Ян, взглянул на сломанную кровать и набросился на своего брата Леньку:

– Что ты ойкаешь как Машенька и три медведя из сказки? Это и козе понятно, что Быков сломал. Он один оставался в общежитии. Его задницы дело. Здесь, наверняка, был настоящий кагал и, может быть, трое или четверо творили на твоей кровати чудеса. Буди этого красавца. Пусть починит твою кровать или отдаст свою.

Тем временем сбежались ребята, и началась потеха. А я притворяюсь, что сплю и все слышу. Ленька потоптался вокруг своей сломанной кровати, повздыхал, а потом и говорит:

– А может, это не Быков сломал. Жалко его будить. Очень крепко спит. Я как-нибудь устроюсь. А завтра попрошу коменданта дать мне другую кровать.

– Как хочешь, – с досадой говорит Ян, – смотри, чтобы нам не пришлось завтра разгибать тебя перед репетицией.

Ребята еще повеселились немного и улеглись на свои постели. А Ленька долго еще возился, что-то подкладывал под сломанную раму, кажется, книги, а потом и он захрапел. А утром он покружил, покружил, потом подошел ко мне и пожаловался:

– Знаешь, Витя, вчера кто-то сломал мою кровать.

Ну, прямо настоящий святой. С таким бы я пошел в разведку. Вот такие дела. Ребята! У кого есть закурить?

Перекур.

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

ЭКЗАМЕН.

Профессор Гомеля был старше Сталина. В тот год и месяц, когда последнего хватила кондрашка, и он наделал в штаны, а затем торжественно – траурно отправился в тартарары под стоны и вопли обездоленных, но пока еще не погубленных им людей, профессору Гомеле исполнилось ровно восемьдесят лет. К моменту же описываемых здесь событий ему было уже восемьдесят два года. Это был крохотный, чистенький, пухленький, сонливый старичок с серебристым полумесяцем коротко подстриженных волос на зеркальной маковке головы и заросшими седым мохом ушами. В разговорах между собой студенты ласково называли его гномиком. Доктор технических наук Гомеля часто засыпал на собственных лекциях, и каждый раз, когда это случалось, в аудитории наступала мертвая тишина. Студенты делали все, чтобы не нарушить мирный сон уважаемого профессора. Однако надо сказать, что эффект от этого был незначительным, так как на своих лекциях профессор Гомеля никогда не спал более десяти минут. Возможно потому, что положение его в кресле было не совсем удобным и залеживалась рука или нога. А проснувшись, он всегда доставал карманные часы, открывал крышку и долго смотрел на циферблат мутными глазами. Затем захлопывал крышку часов, засовывал их в карман и, задав вопрос: «Так на чем мы остановились?», – продолжал лекцию, как ни в чем не бывало.

Надо сказать, что свою научную карьеру профессор Гомеля сделал на тормозах. Еще задолго до Октябрьской революции он разработал теорию колодочного тормоза, что и послужило трамплином для его будущих успехов. Он стал доктором технических наук, профессором, заведующим кафедрой и еще кем-то. И все это шло от его исследований колодочного тормоза. Правда, были и другие научные теории этого устройства, но доктор технических наук Гомеля их не признавал и всегда раздражался, когда их упоминали.

А вообще это был очень добрый старичок, жалевший студентов и никогда не ставивший им плохих отметок. Это знали в институте, и многие бессовестные студенты злоупотребляли добротой уважаемого профессора, пропускали его лекции, не учили материал и, проваляв дурака целый семестр, спокойно шли на экзамен. Там они старательно переписывали шпаргалки, а потом только и делали, что подобострастно поддакивали доброму профессору. И получив незаслуженную четверку или даже пятерку и не испытывая никаких угрызений совести, дули на свежие чернила в зачетке и весело отправлялись гулять.

Следует заметить, что добренький Гомеля выручал не только

одиночных студентов, но иногда и целые группы. Так случилось и на этот раз. Одна из групп, где расписание экзаменов оказалось слишком плотным, сделала попытку ослабить напряжение, сдав один из экзаменов досрочно. Для этого выделили ходатая, старосту группы, который отправился в кабинет к старенькому профессору Гомеле с просьбой разрешить их группе сдать досрочно экзамен по его предмету. Когда староста зашел в кабинет, доктор технических наук Гомеля дремал, сидя в кресле у небольшого письменного стола, заваленного бумагами. За спиной профессора на стене симметрично висели два портрета среднего размера. На одном из них был изображен Великий Ленин, а на другом гениальный русский механик-самоучка Кулибин работы неизвестного художника Герасимова или Лактионова. Гомеля спал, облокотившись и подперев голову ладонью левой руки. В правой руке он держал карандаш, которым изредка постукивал по столу, не просыпаясь.

«Товарищ профессор», – тихо сказал вошедший. Гомеля не пошевелился. Он был глуховат. Впрочем, видел хорошо и даже не носил очков.

«Товарищ профессор», – громче произнес студент после небольшой паузы. Это тоже не произвело ожидаемого эффекта. Гомеля продолжал дремать. Тогда подождав немного, ходатай почти крикнул:

«Товарищ профессор!»

Спящий вздрогнул и открыл мутные глаза.

«Товарищ профессор, – сказал староста, преданно глядя в сонные вылинявшие глаза Гомели, – все студенты нашей группы очень просят Вас разрешить нам досрочно сдать экзамен по Вашему предмету. У нас просто убийственное расписание и очень мало времени на подготовку к другим экзаменам».

«Я бы с удовольствием, – прошамкал добрый старик, – но без ведомости я не имею права принять, а, кроме того, насколько мне известно, свободных аудиторий не будет до конца экзаменов».

«О, это мы уладим, – уверенно сказал ходатай, – главное, чтобы Вы не возражали».

«Ну, хорошо, – сказал Гомеля, – если будет ведомость экзамена и если вы найдете аудиторию и, конечно, если вся группа организованно придет на экзамен, – я согласен принять».

«Большое спасибо, товарищ профессор!» – возбужденно воскликнул студент и радостно выскочил из кабинета.

Таким образом, первое препятствие было преодолено. Однако два других оказались более трудными.

Получить ведомость на досрочную сдачу экзамена или зачета по административным каналам было почти безнадежным занятием. Оставался лишь нелегальный путь – сделать попытку выдурить

ведомость у секретарши факультета, немолодой кокетки, носившей короткое и сильно злоупотреблявшей парфюмерией. Эта секретарша отличалась тем, что как-то неприлично хихикала и строила глазки в разговоре с мужчинами любого возраста, от первокурсников до уходящих на пенсию преподавателей.

Так вот, чтобы склонить эту секретаршу к незаконной выдаче ведомости без разрешения декана факультета был направлен студент Гена, институтский сердцеед, в которого были влюблены почти все девушки института. Был он заметно выше среднего роста, строен, худощав, модно одет и всегда ходил как павлин, гордо неся свою красивую голову на высокой шее. Популярность Гены была чрезвычайно высокой еще и потому, что он участвовал в художественной самодеятельности института и замечательно плясал на сцене, выполняя пируэты не хуже танцоров ансамбля Игоря Моисеева. Кстати, этот Гена, окончив институт и получив диплом инженера, ухитрился избежать поездки по распределению к черту на кулички, а вместо этого оказался в балетной студии Большого театра. Спустя какое-то время он уже был танцором в балете этого театре. Правда, не стал корифеем и не поднялся до высот Лиепы или Васильева, но в общем был крепким середняком и в течение нескольких лет участвовал во многих спектаклях.

Вот этот Гена и понес секретарше купленный в складчину букет цветов и там пустил в ход чары из своего богатого арсенала, наговорил секретарше кучу комплиментов, делал какие-то туманные соблазнительные намеки и через полчаса заговорщически подмигивая, вынес нам желанную ведомость.

Теперь предстояла последняя, и как оказалось самая трудная задача – найти свободное помещение в перенаселенном корпусе института. Здесь в поиски включились все студенты группы и начали прочесывать корпус института пядь за пядью. При этом были просмотрены все расписания экзаменационного периода во всех факультетах. К сожалению, поиски были безуспешными. Ни одной свободной аудитории до конца экзаменов. Было до слез обидно, что из-за такой ерунды не удастся досрочно сдать экзамен, но больше ничего нельзя было сделать и студенты группы в отчаянии уже готовы были прекратить борьбу, как вдруг один из них вышел на коменданта корпуса.

И тут обнаружилось еще одно помещение в корпусе института. Это был заброшенный полуподвал, вход в который был завален мусором и закрыт массивной заросшей паутиной дверью. Еле нашли ключи к огромному покрытому вековой пылью заржавленному замку. Немалые усилия потребовались, чтобы открыть этот замок и повернуть тяжелую стальную дверь на ржавых петлях. Когда, наконец, от-

крыли дверь, из темного полуподвала на первооткрывателей повеял тяжелый сырой застоявшийся дух подземелья. И было слышно, как по бетонному полу пробегают тяжелые крысы. Электричества в подвале не было. Где-то достали карманный фонарик и спустились по скрипучей лестнице вниз. Почти все помещение подвала было завалено старым, ржавым, сломанным, негодным оборудованием, покрытым толстым слоем пыли: всякими бетономешалками, камнедробилками, ленточными транспортерами и тому подобным.

Но выбора не было – надо было почистить эти Авгиевы конюшни. И началось. Прежде всего, раздобыли переносную электрическую лампочку и подвесили ее под потолок. Затем перетащили из передней части в глубину подвала весь этот кошмарно тяжелый старый хлам, после чего подмели кое-как пол и несколько убрали паутину с потолка. Закончив это, начали скрытно перетаскивать мебель из аудиторий в полуподвал. И когда расставили столы и стулья, эти Авгиевы конюшни приобрели академический вид. Однако оставался вопрос, согласится ли профессор Гомеля принимать экзамен в таком помещении. Это был критический момент. Была собрана вся группа, после чего староста пошел в кабинет Гомели, чтобы пригласить его посмотреть аудиторию. И когда старенькому профессору помогли спуститься в полумрак подвала, поддерживая его с двух сторон за локотки, и когда он увидел всю эту обстановку, он – что и говорить – был заметно шокирован и сильно поморщился, но это был добрый старичок и, поворчав немного, он согласился принять экзамен в этом мрачном подземелье. Тем более, что два других условия были выполнены: ведомость была на столе и все студенты группы без исключения были в сборе.

Профессор Гомеля осторожно уселся на стул, предварительно подув на него, а затем положил билеты на стол. Экзамен начался. Гомеля вызвал по списку несколько студентов и предложил им тянуть экзаменационные билеты. После этого он записал номера билетов, вытянутых студентами, предложил вызванным сесть и готовиться, сказав, что дает им на подготовку двадцать минут. Закончив эту процедуру, профессор Гомеля облокотился о стол, положив голову на ладонь левой руки, и задремал. В правой руке он как всегда держал карандаш, которым изредка постукивал по столу. Взявшие билеты открыли книги, вынули шпаргалки и начали скрупулезно переписывать ответы.

Прошло какое-то время. Вдруг Гомеля зашевелился и открыл глаза. Размяв немного руку, он вытащил из кармана часы, внимательно посмотрел на циферблат и захлопывая крышку сказал:

«Достаточно. Пора отвечать. Кто готов?»

Вышел первый студент. Бойко ответил и получил пятерку. Вышел

второй студент и что-то напутал. Получил четверку. И так далее. Время от времени профессор засыпал ненадолго и тогда у студентов наступала передышка. Во время одной из таких передышек неожиданно со скрипом приоткрылась дверь подвала и в образовавшемся проеме появилась голова студента смежной группы Калинина.

Этого студента знал весь институт. Не потому что он был каким-то выдающимся футболистом, ярым комсомольским вожаком или музыкантом в студенческом джазе. Отнюдь нет. Популярность Калинина была другого происхождения. Не было в институте ни одного скандала, в котором он так или иначе не был бы замешан. И в силу этого много раз был на грани исключения из института, но всегда каким-то образом ухитрялся выйти почти сухим из воды. Это его застукали днем в чердачном помещении фотолаборатории во время половых сношений с лаборанткой. В результате ее уволили, а он уцелел. Это он, получив на складе спортивного оборудования коньки с ботинками, в качестве залога сдал свою зачетную книжку, а потом после экзамена положил на стол преподавателю вместо зачетки эти коньки с ботинками сказав, что тот может поставить ему отметку на коньках, так как они эквивалентны зачетной книжке. Преподавателя чуть не хватил апоплексический удар, а Калинин отделался легким выговором. Это он в пьяном виде устроил драку в вестибюле Дворца студентов, потому что его отказались пропустить без пригласительного билета. Потребовались значительные усилия нескольких дружинников и подоспевшего милиционера, чтобы справиться с ним. Эту ночь Калинин провел в КПЗ. А потом на собрании с повесткой дня «Персональное дело студента Калинина» он невозмутимо отвечал на все провокационные вопросы. Так на вопрос: «Вы дрались?» Калинин, как бы задумавшись и почесывая висок, спокойно ответил: «Не помню. Я оборонялся». А еще Калинин был известен своим странным любопытством. Все свободное время он бродил по институту как бы в поисках кого-то или чего-то и при этом был похож на щенка, обнюхивающего комнаты в новом доме. Бродя по институту, Калинин по очереди подходил то к одной то к другой двери и заглядывал в помещение, а если дверь была закрыта, то тихо открывал ее и просовывал голову в щель. Если в аудитории не было занятий, то Калинин заходил туда и тщательно обследовал помещение, заглядывая во все углы. Поэтому студенты прозвали его Блуждающим форвардом. Был он выше среднего роста, довольно плотного телосложения, темноволос, лицо чуть вытянутое и скуластое. И хотя Калинин был довольно общительным, он, как сказал бы Кант, оставался Вещью в себе – выражение его темных глаз было абсолютно непроницаемым. Вот этот самый Блуждающий форвард и заглянул в подвал во время экзамена. Когда глаза его несколько

привыкли к сумраку в подвале, и он разглядел обстановку, и спящего профессора, и студентов, которые показывали ему знаками, чтобы он не шумел, Калинин спустился вниз и шепотом спросил:

«Что вы здесь делаете?»

«Экзамен сдаем», – тоже шепотом ответил кто-то из студентов.

«Я тоже хочу», – неожиданно заявил Калинин.

«Тогда допиши себя в ведомости и возьми билет на столе», – прошептал тот же студент.

Калинин так и сделал. Дописал себя в ведомости и взял лежавший несколько на отшибе билет. Потом сел на крайний стул в первом ряду и попросил снабдить его шпаргалками. Получив необходимое, он начал сосредоточенно готовиться к экзамену.

Прошло минут пять. Вдруг профессор Гомеля дернулся и открыл глаза. Он размял залежавшуюся руку и вытащил карманные часы. Открыв крышку часов, долго рассматривал циферблат мутными глазами. Потом, поморгав немного, захлопнул крышку и сунул часы в карман.

«Все! Достаточно! – сказал он решительно, – идите отвечать. Вот Вы, мне кажется, уже давно сидите, идите сюда, « – и показал пальцем на сосредоточенно переписывающего шпаргалку Калинина. Блуждающий форвард, увлеченный этим занятием, не заметил жеста профессора. Пришлось соседу его немножко толкнуть. Когда Калинин поднял глаза и увидел направленный на него палец Гомели и понял что происходит, он несколько растерялся. К этому моменту он успел ответить только на первый вопрос и на часть второго. Калинин замотал отрицательно головой и руками и взмолился:

«Товарищ профессор, знаете, я не из этой группы. Я зря попросил, чтобы меня включили в список для досрочной сдачи Вашего экзамена с этой группой. Я не совсем готов. Знаете, я лучше буду сдавать этот экзамен вместе со своей группой. Вычеркните меня, пожалуйста, из списка».

«Чего Вы волнуетесь, голубчик? – начал успокаивать Блуждающего форварда старый профессор, – не нервничайте. Все будет в порядке. Лучше покажите мне, что Вы успели сделать».

Калинин замялся, не зная как поступить, а затем поборол себя и нерешительно протянул профессору двойной лист бумаги, на котором успел заполнить только одну страницу. Бегло взглянув на исписанный лист, Гомеля пожал плечами и решительно заявил:

«У Вас здесь все правильно. Вам нечего волноваться. Идите сюда. Скажите только, из какой литературы взята эта формула?»

«Из Вашей книги «Тормозные устройства», – не задумываясь, ответил Блуждающий форвард.

«Замечательно, замечательно, – прошамкал профессор, – вот и начало ответа на второй вопрос у Вас тоже правильное. Действи-

тельно, устойчивость башенного крана зависит от опрокидывающего момента, равного произведению вылета стрелы на величину подвешенного груза. А вот чтобы уменьшить этот опрокидывающий момент, что делается? Оборудуется противовес. Не так ли?»

«Да, конечно», – подтвердил Калинин.

Сдача экзамена дальше шла в таком же ключе.

«Ну, третий вопрос совсем легкий, – говорил экзаменатор. Вы его наверняка знаете». И вслед за этим старенький профессор подробно осветил третий вопрос, а студент в паузах вставлял фразы вроде:

«Разумеется», «А как же», «Из Вашей книги» и тому подобное.

«Ну, вот замечательно! – закончил отвечать на экзаменационный билет Калинина профессор Гомеля, а Вы нервничали, дорогой. Я Вам ставлю «хорошо». Извините, но на «отлично» Вы немножко не дотянули, голубчик. Можете идти».

Блуждающий форвард ухмыльнулся в сторону и скорчил гримасу, а затем подмигнул сидевшим студентам, слегка поклонился экзаменатору и, улыбаясь, произнес: «Спасибо. До свидания».

В общем, этот экзамен прошел блестяще. Больше половины студентов получило отличные отметки, а остальные – «хорошо». И только у одного студента произошла осечка. Это был самый лучший студент в группе. Круглый отличник. Повышенный стипендиат. Стопроцентная посещаемость. Активный член студенческого Научно-технического общества. Обладатель печатных трудов. И вот на этом экзамене он как обычно решил щегольнуть своими глубокими знаниями и, между прочим, сослался на работы других ученых в области тормозных устройств. Как только это произошло, профессор Гомеля покраснел и прервал льющуюся непрерывно речь студента – отличника:

«Простите, но Вы, кажется, пользовались не рекомендованной нами литературой. Поэтому у Вас такая путаница в голове».

После этого Гомеля начал засыпать студента каверзными вопросами. В результате наш отличник полностью растерялся.

«Ставлю Вам удовлетворительно, – ошарашил студента в конце беседы Гомеля, – Вы недостаточно хорошо подготовились».

Нашего отличника чуть не хватил инфаркт.

«Товарищ профессор, – захныкал он, – я повышенный стипендиат. У меня по всем остальным предметам только отличные оценки. Я очень тщательно готовился к этому экзамену. Я не могу позволить себе получить посредственную отметку. Тогда, пожалуйста, лучше поставьте мне неудовлетворительно. В таком случае я буду иметь право на пересдачу экзамена. А так у меня это посредственно застрянет в зачетке и я не только повышенной, но и нормальной стипендии буду лишен».

Добрый старик заморгал глазами.

«Знаете что, – сказал он, смягчившись, – я Вам вообще ничего не поставлю. Скажем, что Вы не могли сдать экзамен по состоянию здоровья и сдадите его с другой группой».

Благодарность оскандалившегося отличника была беспредельной. Спустя несколько дней он сдал этот экзамен на отлично. На этот раз он не щеголял своими обширными познаниями в области сомнительной литературы, а как все ссылался только на труды доктора технических наук профессора Гомели.

СИЛА ПРИВЫЧКИ.

Заведующим кафедрой «Оснований и Фундаментов» в нашем институте был человек с красивой украинской фамилией «Кныш». Был он довольно высокого роста, худощав, подтянут, с моложавым лицом и модной прической подкрашенных волос. Кныш очень следил за своей внешностью, одет был всегда «с иголочки» и неизменно носил галстук-бабочку. Поговаривали, что он не без успеха волочился за студентками. С этим, вероятно, была связана одна странность в поведении Кныша. В нашем институте, как и в других подобных заведениях, была Доска Почета, где почти постоянно висели одни и те же фотографии преподавателей и студентов. Но вот однажды мы обнаружили новое странное фото, помещенное среди фотографий преподавателей. Это была довольно выцветшая старая фотокарточка снятого в профиль какого-то восторженного вихрастого хлопчика лет восемнадцати типа Павки Корчагина в гимнастерке Гражданской войны. Под фотографией стояла подпись: «Зав. кафедрой ОФ Кныш». Мы, естественно, предположили, что здесь какое-то недоразумение, но старшекурсники объяснили нам, что Кныш всегда и везде дает только эту фотографию тридцатилетней давности, так как ему, по-видимому, не нравится как он выглядит на поздних фото.

Хорошо известен перефразированный отрывок из стихотворения Некрасова, ставший поговоркой среди людей с высшим образованием: «Ученым можешь ты не быть, но кандидатом быть обязан».

Вот Кныш как раз и был представителем такого неученого кандидата технических наук. Читал он удивительно бездарно и даже безграмотно, но студенты прощали ему этот маленький грех, так как в общем он был хоть и неквалифицированным, но не вредным преподавателем. Кныш никогда не наказывал и даже не ругал студентов, а как-то журил их и увещевал. При этом он иногда начинал говорить в рифму как Васисуалий Лоханкин.

Зав. кафедрой Кныш не изменил своему правилу даже тогда, когда буквально на следующий день после смерти Сталина один

из студентов устроил в общежитии танцы. Представляете?! Весь прогрессивный мир в трауре, а тут веселье и развлечения. Пир во время чумы. Акт безумия. Настоящая оргия. Трудно было себе представить, что ожидает организатора этих танцев. Дело еще осложнялось тем, что у этого студента было три «ахиллесовых пяты». Во-первых, он был евреем хоть и с полу-русской фамилией. Во-вторых, был академически неуспевающим студентом, катался на одних «тройках», которые очень походили на «двойки». И, в-третьих, нерегулярно посещал лекции, потому что был ужасным бабником, что в известной мере являлось одной из причин его плохой успеваемости. Возрастной диапазон «невест» этого ловеласа, которого звали Боря, был необычайно широк – от пионерок до пенсионерок. Случалось, что какая-нибудь матрона, годящаяся ему в матери, говорила с укоризной, пока он ее раздевал:

«Боря, когда ты, наконец, возьмешься за ум и начнешь серьезно относится к занятиям?»

Но, как говорится: «Васька слушал да ел».

В связи с вышесказанным естественно возникает вопрос: каким образом Боря все же ухитрился получить диплом инженера да еще с оценкой «хорошо»? Здесь, как говорил Шота Руставели, сработал принцип:

«Не имей сто рублей, а имей сто друзей». Другими словами, Боря переполз с курса на курс с нашей помощью. Один только раз произошла осечка и то не по нашей вине. А дело было так. Шла сдача экзамена по «Строительной механике». Запускали в аудиторию небольшими группами. На этот раз ответственность за успешную сдачу экзамена Борей лежала на мне. Когда мы вошли и вытянули экзаменационные билеты, Боря сел впереди меня и незаметно передал мне свой билет, а затем начал сосредоточенно писать неразборчивыми каракулями какую-то чушь на бумаге в ожидании пока я закончу работу над его билетом. Я довольно быстро решил задачу и ответил на теоретические вопросы, оставив без внимания лишь вопрос о вкладе Белелюбского в науку. Обычно такого характера вопросы не интересуют экзаменатора, а в случае необходимости всегда можно отделаться общими фразами. Скрытно передав Боре ответы, я начал лихорадочно работать над своим билетом, не поднимая головы. А когда поднял, то увидел, что Боря как-то суетится и нервничает. Улучшив момент, когда профессор отвернулся, Боря недовольно посмотрел на меня и вопросительно поднял вверх указательный палец. Дескать, а где же ответ на первый вопрос? Возмущенный наглостью своего подопечного, я изобразил на лице язвительную ухмылку и повертел указательным пальцем у виска. Лицо Бори покраснело. Он явно обиделся. Боря не ожидал от меня такой

«подлости» и решил выразить свое негодование самым идиотским способом. С мрачным видом, опустив голову, он встал и положил на стол экзаменатора свои бумаги, а затем, не сказав ни слова и сохраняя на лице нелепое выражение оскорбленного достоинства, зашагал к выходу.

«Вы что – нездоровы? – спросил экзаменатор и, быстро взглянув на мою рукопись, добавил, – мне кажется, что Вы могли бы сдать экзамен сейчас».

«Нет, я здоров», – утробным голосом произнес Боря и вышел из аудитории.

После этого он какое-то время со мной не разговаривал и раз пять пытался сдать экзамен по «Строительной механике» без моей помощи. Этот «хвост» тянулся за Борей до конца нашей учебы в институте. В конце концов, долгожданная «тройка» была ему поставлена только из гуманных соображений.

Вообще говоря, Боря был компанейским парнем, любителем соленого анекдота, горячим энтузиастом всяких веселых мероприятий и танцев. В этих делах он всегда принимал активнейшее участие. А поскольку Боря к тому же страдал еще хронической аполитичностью, то он не допускал и мысли отменить запланированные танцы, которые пришлись на следующий день после смерти Сталина. Боря просто не понимал, какая может быть связь между тем и другим. Поэтому он как обычно принес в ленинский уголок общежития проигрыватель и подключил его. Находившиеся в помещении студенты помогли убрать стулья и расчистить комнату. Услышав музыку, со всех этажей сбежались другие обитатели, а вскоре появились и девушки из женского общежития. Танцы прошли на высшем уровне. О смерти Сталина на время забыли.

Но на следующий день слухи об этой «вакханалии» достигли ушей партийной организации и Боря попал «под колпак». Было созвано экстренное комсомольское собрание, которое вел делающий быструю карьеру секретарь комсомольской организации института Шкварко, ставший впоследствии секретарем Днепропетровского обкома партии. В своем выступлении он сказал, что Боря совершил безобразный поступок, несовместимый с пребыванием в рядах ленинского ВЛКСМ, и предложил исключить его из комсомола, чему без сомнения последовало бы исключение из института. Это понимали почти все присутствовавшие.

После Шкварко слово взял Кныш как представитель партийной организации института и в общих чертах, сбиваясь, время от времени на стиль Васисуалия Лоханкина, между прочим, сказал следующее:

«Скоки в нас ищо мещанства!

Детства скоки що у нас!

Разгильдяйства! Фулюганства!

Скоки? Я спросю у вас!»

Во время выступления Кныша мы еле сдерживались, чтобы не прыснуть со смеху. Затем выступило несколько студентов в поддержку предложения Шкварко. Но вот слово взял один из приятелей Бори, очень успевающий студент с хорошей репутацией и начав «за здравие», закончил «за упокой». То есть, вначале он вроде набросился на Борю, но потом сказал, что если уж исключать, то надо изгнать из комсомола всех, кто танцевал и кто убирал стулья, так как они все это делали добровольно. В конце своего выступления приятель Бори заявил, что этот безобразный поступок был совершен по недомыслию, и предложил дать провинившемуся строгий выговор с предупреждением, занести это в протокол и поставить на голосование.

Здесь надо сказать, что друзья и приятели Бори, которых оказалось довольно много, провели до начала собрания большую работу среди комсомольцев с «пятой графой» и сочувствующих. В результате, большинство проголосовало не за исключение, а за строгий выговор с предупреждением.

Узнав об этом, секретарь партийной организации института, он же заведующий кафедрой Марксизма-Ленинизма, Варицкий буквально взбесился. Это был почти квадратный литой могучий старик с бычьей шеей, бульдожьей физиономией и густым ежиком седых волос.

Решение комсомольского собрания просто ошарашило все партбюро. Варицкий немедленно объявил это собрание неправомочным ввиду якобы отсутствия кворума и назначил новое собрание. Началась подготовка в виде обработки отдельных комсомольцев с применением угроз и посул. Между тем лагерь бориных друзей тоже не дремал.

И вот в назначенное время все собрались в актовом зале главного корпуса института. Это здание, построенное в эпоху конструктивизма, по замыслу архитектора должно было иметь форму самолета, но то ли денег не хватило, то ли материалов, но корпус остался без одного крыла. Впрочем, это мало кого беспокоило, разве что тех, кто, глядя с вертолета, удивлялся причудливости формы здания. Актовый зал или конференц-зал, как его часто называли, находился в носовой части «самолета», там, где кабина пилота. Этот зал, похожий на римский амфитеатр, был застеклен от пола до потолка, и я не помню, чтобы там включали свет в дневное время.

Второе комсомольское собрание прошло более напряженно. Варицкий, присутствовавший на собрании, назвал поступок Бори «вражеской вылазкой и политической диверсией». Другие члены партбюро и комсомольские активисты долбали Борю безжалостно. Но, несмотря на давление и угрозы у «возмутителя спокойствия» Бори нашлись защитники, которым удалось протащить в протокол второе предложение – строгий выговор с занесением в личное дело. И видимо были уже в воздухе какие-то новые флюиды, так как собрание снова проголосовало за строгий выговор, правда, при незначительном большинстве. Варицкий рвал и метал, но сделать ничего не мог. Позже мы узнали, что он обвинил во всем Кныша (которого, кстати, не было на втором собрании) за то, что тот не сумел направить первое собрание в нужное русло.

Прошло совсем немного времени и началось разоблачение культа личности Сталина. И тогда Боря был провозглашен нами ясновидцем. Слов нет, 1953-ий год был богат событиями. Так однажды в институте в середине занятий вдруг заговорило внутреннее радио и всем предложили немедленно явиться в актовый зал на митинг. Все всполошились, недоумевая, что бы это могло значить. Впрочем, некоторые студенты догадывались, о чем пойдет речь, но не понимали, почему это делается в пожарном порядке. Когда мы вошли в зал, все места и даже проходы были заняты. Мы еле пробились на самый верх, чтобы оттуда наблюдать происходящее.

На маленькой сцене оказалось несколько сдвинутых столов, покрытых скатертью, а за ними десятка полтора стульев. Немного в стороне находилась трибуна для докладчика. Шум в зале стоял невероятный. Но вот на сцене появились члены президиума и стало тихо. Председательствующий Варицкий поднялся и коротко провозгласил:

«Митинг студентов, преподавателей и обслуживающего персонала института объявляю открытым. Слово предоставляется заведующему кафедрой «Оснований и Фундаментов» товарищу Кнышу.»

Тот поднялся, пригладил прическу, поправил гастук-бабочку и направился к трибуне. Там он положил и аккуратно расправил свою бумажку, а затем поднял голову и заговорил каким-то дрожащим сдавленным голосом с заметным украинским акцентом, искажая и перевирая слова.

«Товарищи, – сказал он и сделал паузу, – с чувством глубокого возмущения, негодования и гнева воспринял весь советский народ сообщение партии и правительства о том, что в ряды нашего Центрального Комитета проник коварный вражеский лазутчик, товарищ Берия». Я и еще несколько человек в зале коротко засмеялись. Стоявшие рядом посмотрели на меня с удивлением и даже с некоторым испугом, как на потерявшего рассудок. Председатель Варицкий поднял тяжелую голову и угрожающе обвел глазами зал. Между тем уткнувшийся в бумажку Кныш ничего этого, конечно, не заметил и продолжал читать с прежним энтузиазмом.

«По усей стране, – говорил он, – проходят митинги трудящих, на которых они клеймят позором подлого изменника, английского

шпиона, товарища Берия».

На этот раз смех в зале был более продолжительным, смеялись многие, и Варицкий усек в чем дело. Он нахмурился и, не поднимаясь, рявкнул в зал:

«Тихо! Чего вы регочете?! Товарищ Кныш оговорился!»

Кныш мгновенно застыл и озадаченно уставился на Варицкого. Но тот махнул рукой и процедил с досадой:

«Продолжайте!»

Теперь Кныш стал читать медленно, не отрываясь от бумажки.

«На етих митингах, – осторожно продолжал он, – рабочие, колхозники и интеллигенция единодушно требуют высшей меры наказания этому скрытому дашнаку и мусаватисту, врагу народа товарищу Берия».

Теперь уже хохотала добрая половина присутствующих. У меня от смеха начались колики в животе, так что я должен был присесть. Лицо Варицкого налилось кровью. Он встал, со злостью посмотрел на Кныша и прорычал в зал:

«Прекратите это безобразие! Товарищ Кныш сделал ошибку! Он сейчас поправится!»

Кныш не на шутку испугался. Он как-то сразу постарел и сник. Он стоял бледный как мертвец и остановившимся безумным взглядом смотрел на Варицкого, ожидая какого-нибудь знака от него, но тот сидел, опустив голову. Кныш впился глазами в бумажку, лежавшую на трибуне, потом поднял глаза, ища поддержки Варицкого, но не найдя ее, снова уткнулся в бумажку. Пауза становилась неприлично длинной. Тогда Варицкий поднял голову, свирепо посмотрел на Кныша и махнул рукой. Дескать, мол, заканчивай уже, болван! Держа трясущимися руками бумажку и сильно заикаясь, Кныш закончил свое незабываемое выступление.

«Коллектив нашего института вместе со всем советским народом требует смертной казни этому мерзкому оборотню, гнусному предателю товарищу Берия!»

Весь зал взорвался от хохота. Я смеялся истерически и до того ослабел от смеха, что приятели должны были поддержать меня за руки, чтобы я не упал.

Варицкий побагровел. Казалось, что его вот-вот хватит апоплексический удар. Он резко встал, опрокинув стул, затем отбросил этот стул ногой и опустив голову покинул сцену. Кныш был на грани обморока. Стеклянным взглядом он смотрел в пустоту и открытым ртом ловил воздух. Он ничего не понимал.

В ИНСТИТУТЕ.

Когда-то в своих беседах со студентами и выпускниками различных ВУЗов я обнаружил любопытное совпадение, я бы даже сказал – закономерность. Почти во всех случаях у преподавателей «Гидравлики и гидравлических машин» были клички: либо «Капелька», либо «Струйка». Нашего звали «Капелька». Это был худой и очень высокий или, как сказал бы Наполеон, длинный преподаватель. Обычно, когда говорят «высокий», то представляют себе также нечто прямое. Наш же Капелька отнюдь не был прямым. Голова словно висела на тонкой и длинной изогнутой шее, как у фламинго. Грудь была впалой, спина – сутулой, а ниже, несмотря на худобу, был довольно приличного размера животик и несколько преувеличенный вислый зад, из которого торчали тонкие и длинные ноги. Лицо было не очень здорового желтовато-серого цвета с мелкими чертами, только уши были большими и торчали в стороны, как у Чебурашки, а редеющие волосы были какого-то неопределенного цвета. Чтобы закончить портрет нашего Капельки, скажу только, что одет он был всегда чрезвычайно неряшливо: рубашка мятая, галстук сбит набок, брюки в морщинах и короткие, туфли нечищеные, а локти и спина куцего пиджака всегда испачканы мелом.

Надо еще сказать, что наш Капелька был чудаковат. Часто разговаривал сам с собой, при этом энергично жестикулируя. Казалось, что он все время решает в уме какие-то задачи. А рассеян он был до курьезов. Много раз в состоянии глубокой задумчивости заходил в женский туалет. А когда находившиеся там начинали визжать, он как бы просыпался, вздрагивал, сильно краснел и суетливо выскакивал в коридор. Но через несколько минут Капелька опять погружался в свои размышления и, поскольку ему не дали возможности отправить свои естественные надобности, он мог снова по ошибке зайти в женский туалет или в кладовку уборщицы. Что касается характера нашего преподавателя «Гидравлики», то он хоть и не был вредным, но и добрым его тоже нельзя было назвать. Был он, как говорится, ни рыба, ни мясо. Капелька был холост и жил один. И хотя ему было более сорока лет, он никогда не был женат. Как-то на одном из вечеров, посвященных какому-то празднику, будучи в состоянии раскованности мы его как-то спросили, почему он до сих пор не женился. Ответ Капельки был более чем неожиданным. Он сказал:

«Как я могу жениться и ввести в дом чужого человека? – У меня там ценные вещи!»

А к своей работе Капелька был предан до самозабвения. И хотя, в общем, он читал довольно интересно, его практически почти ни-

кто не слушал, так как никакой дисциплины в классе не было. Даже самые прилежные студенты, которые обычно сидят на первых партах, во время лекций Капельки ближе второго ряда не садились. Может быть, еще и потому, что во время лекции Капелька настолько увлекался, что начинал брызгать слюной и мог оплевать весь первый ряд. Это был очень добросовестный преподаватель, который старался скрупулезно выполнять свои обязанности. Читал он от звонка до звонка и даже немножко в перерыве. Экзамены у него затягивались настолько, что иногда группу в тридцать человек он принимал с девяти часов утра до полуночи. Студенты несколько раз пытались отучить его от такой практики и выключали свет на этаже, где проходили экзамены. И каждый раз, когда это случалось, Капелька вскакивал со своего стула и резко бросался на стол, чтобы прикрыть своим телом экзаменационные билеты. При этом он кричал своему ассистенту:

«Скорее выясните в чем дело и вызовите электрика!»

Студенты, вырубившие свет, знали, что если их засекут, то последствия могут быть неприятными, вплоть до исключения из института. Поэтому через несколько секунд они опять включали свет и убегали от распределительного щитка, где находились рубильники. Как только снова появлялся свет, Капелька сползал со стола, приводил в порядок билеты, слегка поправлялся и экзамен продолжался. Несмотря на свою слабохарактерность, на экзаменах и зачетах Капелька был суров. Таков был наш старший преподаватель «Гидравлики и гидравлических машин» к.т.н. Капелька.

Студент Шкута был почти такого же роста как Капелька, но прямой, словно оглоблю проглотил. Это был физически сильный, жилистый парень. Лицо веснушчатое, кирпичного цвета, скуластое. Волосы цвета прелой соломы, коротко подстрижены. Шкута был немножко переростком, как Ломоносов. По слухам, он после школы провел годика два в тюрьме, не то за хулиганство, не то за грабеж. Поэтому в институт поступил несколько позже. Поскольку Шкута был исключительно тупым и безграмотным студентом, я подозреваю, что вступительные экзамены в институт сдавал не он.

Я лично знал нескольких студентов, которые при поступлении в институт пользовались услугами так называемых «дублей». Чтобы обеспечить себе проходной бал, абитуриент находил в каком-нибудь удаленном институте хорошо знающего студента и тот за соответствующую плату сдавал за него один или несколько вступительных экзаменов. При этом с экзаменационного билета отклеивалась фотокарточка абитуриента и приклеивалось фото «дубля». Заодно подделывалась печать. Один из таких абитуриентов, который тоже, кажется, побывал в трудовых исправительных лагерях, рассказывал мне:

«Представляешь? Запускаю «дубля» и он мне выносит «тройку»! Я ему сразу – бац по морде! Как ты думаешь? Конечно, не заплатил! Хорошо, что по всем остальным предметам были «пятерки». Иначе бы не приняли в институт».

Однако в связи с этим возникает вопрос. Положим, в институт можно поступить с помощью «дубля», а как же дальше? Ведь там «дубль» не поможет. Это правда, но здесь может помочь шпаргалка. Шкута в этом смысле был чемпионом. Для экзаменов он пользовался специальной одеждой, в которой были десятки карманов. В каждом из них – отдельная глава. А в кармане с носовым платком – указатель, в каком кармане – какой раздел. Ничего не надо было искать. Все было на месте. Шкута был родом из какого-то шахтерского городка Донбасса. Здесь у него в различных ВУЗах было несколько земляков полу-уголовного типа. Все они во время сессии приходили «болеть» за своего кореша – земляка и по возможности старались ему помочь.

Так было и на этот раз. Шла сдача экзамена по «Гидравлике». Запускали в аудиторию по одному в алфавитном порядке. Шкута был одним из последних. За ним были только Щекунский и Якименко. Подошла его очередь. Он тщательно проверил раскладку шпаргалок. Они оказались у него также в манжетах, в воротнике и даже в туфлях. Шкута похлопал себя по всем карманам, затем перекрестился и пошел сдавать экзамен.

Здесь надо заметить, что в институте существовала кроме основной также вспомогательная шпаргалочная система, заключавшаяся в следующем. Студент, сдавший экзамен, старался замешкаться у своего стола, собирая свои пожитки. Это делалось для того, чтобы только что вошедший студент успел вытянуть билет, переписать вопросы на клочке бумаги и незаметно передать их студенту, сдавшему экзамен. Тот выносил вопросы и передавал их группе экспертов, которые готовили ответы и передавали их очередному студенту, который заносил их и незаметно передавал ожидавшему.

Шкута всегда пользовался двойной системой. Так было надежнее. Вот и на этот раз он, пользуясь двумя источниками, обстоятельно ответил на все вопросы, переписал решенную задачу и вывод формулы. И когда Капелька вызвал его к столу, он был полностью готов. Капелька взял у него зачетку и бумаги и углубился в их изучение.

«Так – так», – приговаривал он. «Ну, что ж, очень хорошо, – сказал он, просмотрев бумаги, – теперь скажите мне только, как в этом случае определить скорость истечения через насадку с учетом уровня жидкости в сосуде».

Шкута сжал губы и нахмурился. Он не любил дополнительных вопросов. Он поднял глаза к потолку, а затем медленно обвел гла-

зами аудиторию пока его взгляд упал на входную дверь метра два с половиной высотой. Над этой дверью был застекленный проем, в котором Шкута надеялся увидеть ответ на заданный дополнительный вопрос. И ответ действительно появился. Капелька, сидевший боком к дверям, понятия не имел, что происходит. Дверь аудитории была чуть приоткрытой и стоявшие за дверью кореша Шкуты, болельщики и эксперты услышали вопрос. Один из экспертов взобрался на плечи корешей и начал знаками показывать Шкуте корень квадратный из 2 умноженные на «Н» и на «9». Посмотрев несколько раз, Шкута решил, что понял.

«Чтобы получить скорость истечения, – сказал он, – надо взять интеграл от 9 х Н».

«Что?!» – в ужасе крикнул Капелька.

«То есть надо продифференцировать, – замахал руками Шкута.

«Придете в следующий раз, – решительно заявил Капелька, – можете идти».

Шкута не двинулся. Он поднял глаза на Капельку и вызывающе заявил:

«Вам что – надо по плану кого-то погнать, так Вы – меня? Что я Вам – козел отпущения? Не хочу «посредственно»! Ставьте «хорошо!»

«А я Вам не «посредственно», я вам двойку ставлю», – как-то растерянно произнес Капелька.

«А что, я Вам на «тройку» не ответил?» – повысил голос Шкута, – покажите, на какой вопрос в билете я неправильно ответил!»

«Не о билете речь, – нервно сказал Капелька, – Ваш ответ на дополнительный вопрос свидетельствует о том, что Вы совершенно не знаете этого материала».

«При чем здесь дополнительный вопрос? – воинственно заявил Шкута, – Вы просто зуб на меня имеете. Вам только нужен повод, чтобы погнать меня, лишить стипендии, чтобы я ушел из института».

«Какой зуб? – обалдело воскликнул Капелька, – о чем Вы говорите?»

«А Вы знаете, что я живу на одну стипендию, что я должен по ночам разгружать железнодорожные вагоны, чтобы платить за общежитие, – надрывался Шкута, – а потом после бессонной ночи идти усталый на Ваши лекции и на экзамены? И после того, как я правильно ответил на все вопросы в билете, правильно решил задачу и правильно вывел формулу, Вы хотите лишить меня стипендии».

«Хорошо, хорошо, – в смятении сказал Капелька, – я поставлю Вам четыре с минусом, но Вы все же подучите этот материал».

«О чем речь! Конечно, подучу», – наглым тоном произнес Шкута.

Получив зачетку, Шкута подул на «четверку» и пошел к выходу. Там он попал в объятия своих корешей.

«Придавил Капельку, – сказал он весело, – пошли, обмоем!»

ОТ ТРУДОВ ПРАВЕДНЫХ

АЛКАШ И ДРУГИЕ.

Когда-то мы работали вместе в небольшом ЦКБ. В те времена эта организация была спасительным якорем для инженеров с поражением в пятой графе. Правда, ставки были существенно ниже, чем в аналогичных конструкторских бюро, имевших более высокую категорию, но зато сюда можно было устроиться. Все: и главный конструктор, и зав. отделом, и его заместитель, и несколько заведующих секторами и большинство ведущих инженеров – все были евреями. А директор и главный инженер, конечно, не были евреями. Тогда из всех предприятий Киева только в одном еврей еще оставался на посту директора. Это была трикотажная фабрика «Киянка» и директором ее был Борис Рахлин, родной брат Натана, знаменитого дирижера Государственного симфонического оркестра. Директором же нашего ЦКБ был некто Иван Иванович. Это был грузноватый полнокровный мужик, приятной внешности, властный, хитрый и в меру либеральный. Разумеется, Иван Иванович был не прочь выпить, особенно когда был повод. Однажды он чуть-чуть перебрал на одном из праздников, и кто-то из наших сотрудников осмелился и спросил нашего директора, не ругают ли его там «наверху» за неправильный подбор кадров, ведь почти половина сотрудников ЦКБ – евреи.

«Пробовали, – ухмыляясь, сказал директор, – но я им объяснил, что на наши ставки никто не хочет идти, а работу то кому-то делать надо. После этого они отстали».

Да, действительно, работу мы делали, всегда с полной отдачей сил, часто допоздна и в выходные дни, когда требовалось, и даже можно сказать – с увлечением. Правда, загрузка проектами не всегда была одинаковой. Зимой – побольше. Летом – поменьше. Зимой наш директор почти всегда был в своем кабинете или изредка прогуливался по отделам ЦКБ и как Генри Форд интересовался личными делами сотрудников: поступил ли сын в институт, нашла ли жена работу и т.п. А вот летом кабинет Ивана Ивановича часто был пуст, особенно когда стояла хорошая погода. В такие дни наш директор вызывал к себе трех сотрудников, наделенных особыми качествами, и заявлял своему заместителю:

«Я уезжаю в ГОСПЛАН. Проследите, чтобы все было в порядке».

У одного из вызванных, зав. сектором Сени, был новенький автомобиль «Волга»; у другого, ведущего инженера Яши, был приличного размера катер; а третий сотрудник, зав. сектором, которого тоже звали Иван Иванович, умел ловить рыбу и у него были необходимые снасти. Этого сотрудника все звали Ваней в отличие от директора, которого всегда звали Иван Иванович.

Пока вызванные сотрудники собирались в кабинете, директор звонил куда-то, после чего он и трое вызванных спускались во двор, садились в кремовую «Волгу» Сени и ехали в гастроном, где запасались водкой и закусками. Затем эта «великолепная четверка» ехала на причал, оставляла автомобиль на стоянке и пересаживалась в голубой катер Яши. Дальше путь беглецов лежал вниз по течению Днепра до безлюдного живописного острова. Там катер Яши пришвартовывался и «ходоки в ГОСПЛАН» расстилали подстилки, ставили треногу, доставали казанок и посуду, раздевались до плавок и, улегшись на подстилки, начинали делиться производственными сплетнями и травить еврейские анекдоты. Тем временем зав. сектором Ваня наживлял червей и забрасывал свои удочки. Место было проверенным, так что меньше чем через час в казанке уже варилась завернутая в марлю мелкая рыбешка и все кроме директора Ивана Ивановича чистили крупную рыбу для двойной ухи. Пока шел весь этот процесс, две бутылки водки уже покоились в прохладной днепровской воде в авоськах, прибитых колышками.

Теперь можно оставить наших беглецов в покое и посмотреть, что происходило в это время в ЦКБ. А происходило здесь следующее. Начальником нашего отдела был толковый еврей лет пятидесяти пяти с хорошим чувством юмора, говоривший о себе, что он уже едет с ярмарки (фурн фром ярыд). Он был участником войны, где получил серьезное ранение, от которого полностью не излечился. Минут через двадцать после ухода «великолепной четверки» начальник нашего отдела вдруг вспоминал, что ему необходимо разрешить какой-то технический вопрос в Институте Патона. Он передавал свои полномочия заместителю, маленькому талантливому еврейчику, картавящему на все согласные, и шел к трамвайной остановке. И с этого момента в нашем отделе начиналась цепная реакция.

Заведующим сектором у нас был огромный еврей, бывший не то боксер, не то борец тяжелого веса. Этот «полтора жида» увлекался игрой в шахматы в обеденный перерыв, у него когда-то был первый разряд и поэтому он очень не любил проигрывать. А когда какой-нибудь Изя, который вообще не имел разряда, случайно выигрывал у него, наш зав. сектором становился багровым. Он хватал своей огромной лапой худенькую и бледную ручку Изи, который чтобы остаться в победителях хотел прекратить игру, и пытался его уговорить сыграть еще одну партию.

«Ну, Изя, – ласково говорил он, – не валяй дурака, садись. У нас еще куча времени».

Если же Изя выпендривался и говорил, что уже поздно или что ему не интересно со слабаком играть, наш завсектором переходил от уговоров к угрозам:

«Если ты сейчас же не сядешь, говно, – рычал он, сцепив зубы, – я тебе всю морду разобью!»

Так вот, через несколько минут после ухода начальника отдела у нашего тяжеловеса вдруг начинали болеть зубы и он отправлялся к дантисту. И как только он исчезал из поля зрения, конструктор Люсик без всяких объяснений оставлял свое рабочее место и испарялся. Этот Люсик был удивительно суетливым непоседой, имевшим одно хобби – волейбол. Он кого-то тренировал, сам играл в какой-то сборной и мог один выиграть партию чуть ли не у целой команды, особенно под интерес. Это был среднего роста, худой, темноволосый паренек, обладатель холерического темперамента. Говорил быстро, нервно, нечленораздельно, захлебываясь и брызгая слюной и при этом энергично жестикулируя. Понять его было почти невозможно. У этого Люсика была одна мистическая черта, какое-то необъяснимое сверхъестественное чувство ситуации и присутствия начальства.

Обычно все начальники, ушедшие вслед за «ходоками в ГОСПЛАН», являлись на работу только на следующий день. Но было несколько случаев, когда кто-либо из них по каким-то причинам возвращался в организацию в тот же день. И во всех этих случаях буквально за несколько минут до их прихода в ЦКБ появлялся Люсик. При этом он заявлял, что у него такое чувство, что кто-то из начальников должен явиться сегодня. И как в воду глядел!

А «ходоки в ГОСПЛАН» никогда не прерывали свой пикник, при этом одну бутылку водки выпивал Ваня, а другую все остальные. Возвращались беглецы только с наступлением сумерек. Начальник ЦКБ, Сеня и Яша являлись к своим женам и детям, а куда уходил Ваня – одному Богу известно. Этот Ваня был довольно интересной личностью. Рыжеват, бледнолиц, остроумен. Талантливый конструктор, правда, без высшего образования. Увлекающаяся натура. Ваня мог ночи напролет играть в преферанс, домино или шахматы под интерес и даже без интереса. В шахматы он играл как Алехин, то есть почти всегда в пьяном виде и очень изобретательно. Когда оставались играть после работы, Ваня обычно предварительно запасался спиртным. Играли допоздна. Если партнеры, несмотря на уговоры Вани, прерывали игру и уходили домой, Ваня не уходил вместе с ними, а оставался в помещении ЦКБ. Здесь он ковылял в туалет, после чего возвращался в отдел и ложился спать либо на составленных стульях, либо на полу в зависимости от своего состояния. Утром приходила уборщица и будила Ваню. Он шел умываться в туалет, вытирался куском ватмана или рукавом и был готов к новым трудовым подвигам.

Уборщицы у нас не всегда были одни и те же. Однажды у нас

появилась новая уборщица. Она, как положено, подмела полы, помыла окна и пошла убирать туалет. Все было нормально, пока она не дернула одну из дверей кабинки. И вдруг эта уборщица чуть не потеряла сознание – из кабинки вывалилось человеческое тело. В ужасе уборщица завизжала и отскочила к дверям. Но тут она заметила, что тот, кого она приняла за труп, вдруг зашевелился и начал натягивать штаны. Это Ваня нечаянно уснул на стульчаке, проспал так всю ночь и был выведен из этого состояния неловкой уборщицей. Увидев, что труп ожил, уборщица выскочила из туалета и спряталась за угол. А Ваня встал, полностью натянул штаны, после чего плеснул на лицо и руки немного воды, вытерся рукавом и пошел в отдел. После этого случая уборщица боялась одна зайти в туалет.

Вообще по утрам, если оставалась водка, Ваня похмелялся, закусывал сен-сеном, а когда открывался буфет, он запивал все это крепким стаканом чая и был полон энергии и энтузиазма начать новый трудовой день. Начальство старалось не замечать постоянно экстравагантного поведения Вани, так как он был нужен.

Прошло года два, мне удалось найти работу в институте более высокой категории, который находился в другом конце города, и с тех пор я потерял Ваню из виду. Однако несколько лет спустя я оказался в компании со свои бывшим сотрудником из ЦКБ и он мне, между прочим, сообщил, что Ваня окончательно спился и его вынуждены были уволить, хотя всеми силами пытались удержать не столько из-за его замечательного конструкторского таланта и умения ловить рыбу, сколько потому, что он был одним из немногих не евреев в организации. А еще какое-то время спустя я узнал, что с Ваней случилось несчастье. Будучи как всегда в нетрезвом состоянии он нечаянно упал с Воздухофлотского моста на Брест-Литовское шоссе. Это метров десять полета и жесткое приземление. Никаких шансов остаться в живых, разве что – у кошки.

Однако не надо забывать, что наш Ваня был феноменом. И вот в нарушение всех законов физики он не только не убился, а можно сказать, отделался легким испугом, ограничившись переломом обеих ног. Человек, который сообщил мне об этом, направлялся в больницу, где Ваня находился на излечении и предложил мне пойти с ним. Я согласился, купил несколько яблок, и мы пошли проведать Ваню. Он был трезв. Лицо бледное, осунувшееся, страдальческое. Он лежал в постели, укрытый одеялом, и читал журнал «Новый мир».

Ваня очень обрадовался нашему приходу и через каждые две минуты повторял:

«Все! Завязал! Больше ни капли в рот!»

По сведениям, полученным мною позже, Ваня пролежал в больнице около двух месяцев. Потом он ходил какое-то время на ко-

стылях, затем с палочкой и, в конце концов, сумел обходиться без нее. Однако врачи во время операции не очень правильно срастили кости, так что Ваня не то чтобы хромал, а как-то волочил за собой ноги. К сожалению, все это не изменило Ваниных привычек. Он по-прежнему пьянствовал без меры.

Однажды он явился в проектный институт, в котором я заведовал сектором. Ваня искал работу. Был он грязным, обтрепанным, лицо опухшее, волосы слипшиеся. Смрад от него шел как от помойной ямы. Я едва узнал его. Увидев меня, Ваня воспрянул духом. Он отвел меня в сторону и шепотом попросил дать ему рекомендацию и замолвить словечко перед начальством. Он сказал мне, что недоброжелатели выжили его с последней работы в какой-то артели и что ему нечего жевать. Я обещал помочь. В этот период нам требовались конструкторы и я рекомендовал нашему начальнику отдела принять Ваню, сказав, что он замечательный конструктор и хороший парень. Этого было достаточно, чтобы наш начальник подписал заявление, после чего я позвонил Ване и обрадовал его. Однако наш начальник был не лыком шит. Лет десять он провел в трудовых исправительных лагерях на Севере за то, что, будучи главным инженером какого-то конструкторского бюро, выполнял «левые заказы». Как обычно бывает в таких случаях он был предан одним из своих сообщников, которому показалось, что его обделили.

Так вот, подписав заявление, наш начальник не спешил занести его в отдел кадров. Сначала он позвонил своему знакомому технологу в ЦКБ, где мы с Ваней когда-то работали, и, между прочим, задал ему несколько вопросов, касающихся Вани (так сказать: доверяй, но проверяй). После этой беседы наш начальник вызвал меня к себе в кабинет и набросился на меня:

«Ты почему не сказал мне, что он алкоголик и непутевый человек?!»

«А Вы меня спросили, алкоголик он или нет? – отбивался я, – Вы меня спросили, какой он конструктор и какие у него были взаимоотношения с сотрудниками. Я Вам сказал правду. А о том, выпивает он или нет Вы не спрашивали».

Мой начальник полу сердито, полушутя погрозил мне пальцем и сказал:

«За то, что ты чуть не подложил мне свинью, я переведу в твой сектор этого скандалиста Вовку. Помучайся с ним. В другой раз будешь умнее». Я побледнел. Худшего наказания он не мог придумать.

Так получилось, что на следующий день я улетал в командировку и не знаю, как Ваня воспринял изменение решения после того, что заявление было подписано.

Когда я вернулся из командировки, мы не касались этой темы, Ваня мне больше не звонил и куда он делся, я не знаю.

КОМАНДИРОВКА.

Я любил командировки в России. В них было что-то приключенческое, авантюристическое. А здесь в Америке командировка – это будничное заурядное мероприятие, которое, как правило, проводится не по Вашей инициативе. И начинается оно обычно с нудного и детального обсуждения задания, после чего определенные службы получают инструкцию обеспечить Вас всеми необходимыми атрибутами: билетами, гостиницей, прокатным автомобилем и прочим. Потом Вам звонят и дотошно спрашивают, на каком самолете Вы предпочитаете лететь, в семь тридцать или девять сорок пять, хотите ли Вы сидеть у окна или у прохода и в какой секции, для курящих или для некурящих. После того, как с Вами согласованы все эти вопросы, проходит немного времени и девушка, развозящая почту по предприятию, вручает Вам конверт, в котором находятся билеты туда и обратно, расписание командировки и карманные деньги. Потом Вы едете домой, наряжаетесь как принц, вызываете такси и отправляетесь в аэропорт, заходите в самолет и садитесь на свое место. Во время полета Вам предлагают выбор напитков от самых слабых до самых крепких и в зависимости от времени дня и продолжительности полета Вас кормят завтраком, ленчем или обедом. Прилетев по месту назначения, Вы садитесь в зарезервированный автомобиль, причем Вас спрашивают, какую машину Вы предпочитаете, американскую или японскую. Потом Вы приезжаете в гостиницу, называете свою фамилию, расписываетесь в карточке и отправляетесь в одиночный номер с двуспальной кроватью, ванной, цветным телевизором и многим другим. Утром Вас угощают бесплатным завтраком или на худой конец чашкой кофе с бубликом, и Вы отправляетесь в прокатном автомобиле на предприятие. Правда, не интересно? Буднично. Заурядно. Ничего увлекательного.

То ли дело в России! Там командировку надо выколачивать, ведь так просто не пошлют, разве что – в Тьмутаракань с клопами. Но, скажем, что Вы каким-то образом добились командировки в Ригу, Ленинград или Одессу и теперь ждете конца рабочего дня, так как все командировочные полеты и поездки должны осуществляться, как правило, в нерабочее время. Затем Вы на трамвае, автобусе или метро едете на вокзал, а там километровая очередь за билетами, и нет никакой надежды, и Вы тычетесь в окошко для военнослужащих, где очередь поменьше, и Вас отгоняют, и Вы клеитесь к закрытому окошку, где по слухам должны разбронировать какие-то райкомовские или обкомовские билеты, но это глупое занятие, тем более, что мягкий вагон Вам все равно не оплатят, и, в общем, у Вас безвыходное положение и надеяться можно только на чудо.

Другое дело, если у Вас есть знакомый, у которого есть знакомая, которая работает на вокзале. Тогда по Вашей просьбе Ваш знакомый звонит своей знакомой и после пятиминутного разговора доверительным шепотом сообщает Вам, что все в порядке и что Вам надо поехать на вокзал и вызвать такую-то и такую-то, и что она передаст Вам билет, и что, разумеется, надо заплатить за него, и что, сами понимаете, надо принести ей коробку хороших конфет или приличный торт.

«А может быть цветы?» – робко предлагаете Вы, зная, что цветы легче достать.

«Это отпадает!» – категорически заявляет Ваш знакомый.

Тогда Вы мчитесь в кондитерский магазин, и там тоже очередь, и там тоже надо иметь знакомую, чтобы купить приличную коробку конфет и так далее. В конце концов, Вы как-то устраиваетесь. Теперь, если Вы человек невезучий, то билет, который Вам вынесут, будет на боковую полку в плацкартном вагоне. Если же Вы более или менее везучий, то получите билет на вторую полку в плацкартном вагоне, а если Вы родились в рубашке и с серебряной ложечкой во рту, то Вам вручат билет в купейный вагон. Но, так или иначе, Вы, слава Богу, едете и, выпив свои два стакана чая с сахаром, приезжаете на место назначения. Там Вы сошли с поезда, выяснили, где находится предприятие, куда Вам следует явиться, и сели на трамвай или автобус, поскольку такси не оплачивается, и приезжаете на место.

Вообще, конечно, вначале следовало бы позаботиться о гостинице, но у Вас уже есть некоторый опыт и Вы знаете, что поиски гостиницы утром – абсолютно безнадежное дело. Поэтому Вы сразу отправляетесь на предприятие, надеясь что, может быть, там помогут. И если среди тех, кто будет с Вами в контакте, оказываются чуткие люди, то они непременно спросят Вас: «Ну, как – устроились на ночлег?» Тут-то Вы и попросите их помочь.

«Вряд ли, вряд ли, – скажут они, – у нас тут черт знает что творится: Всесоюзные конференции свиноводов, астрофизиков, «золотарей» и множество других. Все забито. Но Вы все же попробуйте гостиницу «Космос». Там, кажется, легче устроиться». И вот Вы после работы отправляетесь в этот самый «Космос», который, как и следовало ожидать находится на другом конце света, и Вы втискиваетесь в вестибюль, упакованный бездомными гостями города, как коробок спичками, и Вы устали до изнеможения, и не в силах искать другую гостиницу, и это бесполезно, поэтому, заметив освободившееся кресло, стремительно усаживаетесь, опередив рванувшихся к нему соперников, и проводите ночь в этом кресле, боясь покинуть его даже на минуту, чтобы пойти в туалет. И все это лишь в том

случае, если Вас не выгонят из гостиницы. Если же Вас все-таки выгонят, то в худшем случае Вы всегда можете поехать на вокзал и скоротать там ночь на лавочке или на полу. На следующий день, скорее всего, будет то же самое и так до дня отправления в родные пенаты. Теперь начинается второй этап Вашей командировки и он полностью аналогичен первому, с той лишь разницей, что все идет в обратном порядке. Согласитесь, что во всем этом есть что-то приключенческое, авантюристическое.

Лично у меня было много таких командировок. Одну из них я помню до сих пор. Это было мое посещение Мингечаурского завода Строительных машин в Азербайджане и Проектного института в Тбилиси. Дело было в конце июля. Пройдя через начальную фазу описанных выше этапов командировки и выпив два стакана минеральной воды в самолете ТУ-124, я приземлился в аэропорту столицы Азербайджана, Баку. Конечно, там оказалась жуткая неразбериха, никто ничего не знает, по-русски не говорят, я ошалело бегаю по аэропорту, но, в конце концов, как говорится, «терпенье и труд – все перетрут», и я стою у кассы, и слава Аллаху, мне достается билет в Мингечаур, и я бестолково мотаюсь в поисках выхода на посадку, но каким-то чудом все же нахожу его, а затем радостно взбегаю по маленькой металлической лестнице в биплан типа «кукурузник» и облегченно вздыхаю.

Внутри в самолете все просто, никаких излишеств. Вдоль стен установлены две алюминиевые лавочки, рассчитанные на двенадцать человек, по шесть с каждой стороны. Между кабиной пилота и пассажирским салоном нет никаких перегородок, только пол кабины несколько приподнят над уровнем салона. Единственная роскошь – это привязные ремни, которые, как оказалось впоследствии, не помешали полету. Когда я вскочил в самолет, там уже находилось восемь каких-то работяг в кошмарно замасленных спецовках. Они сидели друг против друга по четыре человека с каждой стороны и нервно перебрасывались непонятными репликами. Кажется, это были нефтяники с промыслов. Я уселся на самый краешек лавочки, чтобы не испачкать свой единственный приличный костюм, так что между мной и ближайшим работягой оставалось еще место для одного пассажира выше средней упитанности. Должен сказать, что лавочка тоже была не стерильной, поэтому я подложил под себя журнал «Знание – сила» и стал ждать. Было невыносимо жарко и дух в салоне стоял тяжелый, так что я время от времени высовывал наружу голову, чтобы глотнуть свежего воздуха, но это мало помогало.

Прошел час, если не больше. Конечно, я не надеялся, что мы вылетим по расписанию, но здесь пауза становилась уж чересчур длинной. А когда я почти потерял надежду, что мы когда-либо выле-

тим, появился пилот и залез в кабину. Но это ни к чему не привело. Мы продолжали стоять на одном и том же месте, и на пилота никто не обращал внимания. Прошло еще минут двадцать. От жары и духоты я готов был потерять сознание, как вдруг мне показалось, что я услышал блеяние баранов. И вслед за этим в самолет поднялся довольно грузный старик – азербайджанец в большой и высокой каракулевой папахе и широкой грязной бурке. В руках старик держал какие-то веревки, и по команде снизу (как потом выяснилось, это был второй пилот) начал тянуть. В результате совместных усилий старика и второго пилота в самолете появились два крупных барана, которые отчаянно блеяли и которых старик расположил напротив меня, привязав их веревками и ремнями. Закончив эту операцию, старик тяжело уселся на свободное место, обдав меня тяжелым запахом овечьего загона и испачкав мой драгоценный пиджак. Между тем второй пилот убрал лестницу, закрыл дверь и влез в кабину. Все это время я не мог понять, что происходит, и находился в каком-то оцепенении. А когда операция с посадкой баранов завершилась, я пришел в себя и начал неистово кричать на летчиков:

«Какое право вы имеете везти в пассажирском самолете баранов?! Это форменное безобразие! Я буду жаловаться вашему начальству!»

Тогда один из летчиков встал, подошел ко мне и начал меня успокаивать:

«Суши, зачэм ти крычишь? Видыш – ныкто нэ крычит? Адын ты крычиш. Панымаеш, челавэку нада литеть? Что тибэ жалка, еслы старый челавэк везот дэтям падарок? Это бараны – это падарок. Панымаеш? И пачиму ти так нэрвнычаеш? Оны тэбе нэ укусит!»

Закончив свою тираду и видя, что я продолжаю протестовать, летчик добавил:

«Суши, дарагой! Еслы тибэ нэ нравытся этат самалот, можеш литэт на другой».

Мы в это время набирали высоту. Что было делать? Я смирился, замолчал и отвернулся. Когда мы поднялись, сильный ветер с Каспийского моря начал швырять наш самолет как щепку. Бараны метались, блеяли и делали под себя. Старый азербайджанец позеленел и его начало тошнить. Работяги тоже выглядели не лучшим образом. Я был на грани обморока. Но, слава Богу, полет длился всего полчаса, хотя мне он показался бесконечным. Когда самолет еще выруливал, я, не дождавшись полной остановки, открыл дверь и выскочил как ошпаренный.

Мингечаур мне понравился. Трудовой, спокойный городок. Однако на предприятии, куда я приехал, мне рассказали, что раньше тут были жуткие беспорядки. И что ни делали – ничего не помогало.

Тогда этой проблемой занялись социологи и нашли корень зла – сильное нарушение баланса между мужским и женским составом населения. В результате решили построить в Мингечауре крупное текстильное предприятие, куда съехалось со всей страны более пяти тысяч женщин. И город успокоился. Преступность резко упала и все стало на свои места.

Но что мне особенно понравилось в Мингечауре так это водохранилище, куда я ездил каждый день после работы купаться. Здесь был какой-то неземной фантастический пейзаж. Большое чистое голубое озеро, окруженное с трех сторон голыми серыми остроконечными «марсианскими» скалами, и только с одной стороны был пологий спуск, покрытый редкой растительностью, куда съезжались все отдыхающие. Это было популярное и довольно оживленное место. Особенно большое скопление людей было возле небольшого открытого фанерного ресторанчика, рядом с которым дымились жаровни и находились столики. В первый же день я пошел туда на разведку, но сразу же убедился, что с моими 2 руб.60 коп. в день, выделенных мне на пропитание, мне туда не подступиться. Однако тут я заметил одно блюдо и твердо решил, что лучше буду несколько дней сидеть на голодном пайке и выложу свои кровные деньги, но это блюдо я должен попробовать. Это был шашлык из осетрины. Я не очень представляю себе, какой вкус имела амброзия, которую ели боги на Олимпе, но готов биться об заклад, что шашлык из осетрины вкуснее. После того, как я его попробовал, я только и думал о том, как бы полакомиться еще хотя бы разок. И только в самом конце моего пребывания в Мингечауре я, подсчитав свои гроши в кармане, позволил себе роскошь вкусить еще раз это истинно гурманское блюдо. Конечно, потом пришлось два дня жить впроголодь, но я не жалею. Игра стоила свеч!

В своих поездках на мингечаурское водохранилище я обратил внимание на несколько необычное поведение пассажиров, которые, входя не платили и не брали билетов, а лишь здоровались с водителями. Вначале я подумал, что автобус бесплатный, но потом увидел, что, выходя пассажиры все же бросали какие-то деньги в большую круглую металлическую коробку, а не в кассу, которая стояла рядом в кабине, прикрытая чехлом. При этом водитель даже не поворачивал головы. Я не стал экспериментировать и, выходя, положил в коробку 20 копеек. Номер прошел. После нескольких поездок у меня сложилось впечатление, что билетов вообще нет, и только в конце своего пребывания в Мингечауре, возвращаясь на последнем автобусе, я понял, что это не так. Я сидел и дремал в середине автобуса, но видел, как напарник водителя повернул заслонку над входной дверью, а там оказалось углубление, где лежа-

ло несколько роликов билетов. Достав довольно большой ролик, напарник водителя отмотал от него какое-то количество билетов, оторвал их и выбросил в окно. В это время мы проезжали по безлюдному и пустынному месту. Затем он отсчитал некоторую сумму денег и засыпал в кассу, предварительно сняв с нее чехол. После этого напарник водителя разделил оставшиеся деньги на две равные кучки, одну дал водителю, а другую засыпал себе в большой женский ридикюль. Мне все стало ясно.

Вопрос о том, как на Кавказе делают деньги, периодически возникал перед нами. Помню, что много лет тому назад я не раз слышал, что люди, привозившие с Кавказа мимозы, цитрусовые и другие экзотические вещи в Москву и другие города, увозили домой деньги в тех же мешках, в которых они привезли товары, и почти в таком же объеме. Несколько позже, когда на Кавказе пытались навести порядок, стало известно о существовании в Грузии подпольных фабрик по изготовлению «импортных» товаров типа плащи «Болонья» и некоторых других. Так что вся контрабанда теперь готовилась не в Одессе на Малой Арнаутской, а в Тбилиси. Во время своей командировки на Кавказ я немного расширил свои познания в этой области после нескольких бесед с местными жителями. Например, участковые врачи, идя к пациенту, непременно берут с собой верхнюю одежду с карманами: плащ, пальто или куртку, независимо от состояния погоды. Эту одежду они снимают в прихожей у пациента. Пока участковый врач смотрит больного, один из членов семьи выходит в прихожую и кладет врачу в карман минимум пять рублей. Таким образом, участковый врач может заработать в месяц тысячу рублей и больше, то есть эквивалент тройной зарплаты директора завода где-нибудь в Москве или Киеве. Это я понял, а вот как, например, кладовщик на складе горючих материалов может подработать, этого я пока не мог себе представить и спросил у одного из них.

«Очень просто, – ответил он, – каждому предприятию в конце квартала нужно списывать израсходованные горючие материалы. Тогда они идут ко мне. В результате я получаю в год, может быть, не столько, сколько врач, но жить можно».

Из Мингечаура мне нужно было поехать в Тбилиси, чтобы согласовать в Проектном институте один технический вопрос. На маленький мингечаурский вокзал я прибыл примерно за час до прихода поезда и сразу же, естественно, пошел в кассу, чтобы купить билет. К моему удивлению касса была закрыта и в зале никого не было. Я постучал в фанерное окошечко кассы. Никакой реакции. Тогда я вышел на перрон и увидел, что там слоняется несколько человек, очевидно, в ожидании поезда. Спросить у них что-либо я постеснялся и поэтому опять зашел в зал и снова постучал в фанерное окошко. Опять молчание. Я обошел зал и увидел, что дверь в помещение кассы закрыта на замок. Там явно никого не было. Я начал нервничать и бегать туда – сюда. Когда уже стали слышны гудки паровоза и я потерял всякую надежду попасть на этот поезд, возле кассы появился какой-то человек. Я лихорадочно бросился к нему и, заикаясь от волнения, спросил:

«Скажите, пожалуйста, где я могу приобрести билет на этот поезд?» Он уставился на меня, а затем коротко бросил:

«Билэты нэт!»

«А как же мне быть, – запричитал я, – ведь мне абсолютно необходимо завтра утром быть в Тбилиси, у меня командировка».

«Папрасы правадныка – он пасадыт», – сказал незнакомец и направился к выходу. В это время поезд уже замедлял ход и я выскочил на перрон. Когда поезд остановился, я с удивлением обнаружил, что только два общих вагона более или менее заполнены, в остальных же вагонах было полно свободных мест. Почти все ожидавшие поезда на перроне направились к общему вагону и входили в него, не предъявляя билетов проводнику, а лишь здороваясь с ним.

«Похоже, что здесь такая же система, как на автобусе», – подумал я, но не пошел к общему вагону, а обратился к проводнику ближайшего ко мне вагона. Это был довольно крупный мужчина средних лет, полный и усатый.

«Помогите, пожалуйста, – сказал я, – в кассе нет билетов, а мне обязательно надо завтра быть в Тбилиси, у меня командировка. Мне сказали, чтобы я обратился к Вам.»

«Захады», – сказал проводник, кивнув головой и не дослушав моих причитаний.

«Большое спасибо!» – воскликнул я и радостно влетел в тамбур. Там я перевел дыхание и стал ждать. Спустя несколько минут поезд тронулся и проводник поднялся в тамбур.

«Идом», – сказал он мне и открыл дверь вагона. То, что я увидел, привело меня в некоторое замешательство. Кругом были зеркала, резное дерево, на полу красивые ковры. Кажется, это был международный вагон. В конце вагона проводник открыл дверь купе, в котором никого не было, и коротко провозгласил: «Здэс будыш ехат!» В купе были мягкие диваны, зеркала, инкрустация.

«Товарищ проводник, – взмолился я, – боюсь, что у меня не хватит денег, чтобы заплатить за такое место».

«Даеш сколко можеш», – сказал проводник и вышел в коридор. Я бросился за ним и стал говорить ему в спину:

«Понимаете, я должен отчитаться за командировку и мне нужен билет».

«Я тэбэ дам билэт», – сказал он не поворачивая головы и ушел в

свою кабину. Я был в полном смятении, тем более, что мне показалось, что в вагоне кроме меня никого нет. Я не знал, что и подумать. Однако в этом состоянии я находился недолго. В купе появились гости. Это было трое молодых ребят не старше двадцати пяти лет, щегольски одетых, двое безусых, а один с усами. Они поздоровались и сказали, что их купе по-соседству и они пришли познакомиться. Один из безусых говорил правильно по-русски и почти без акцента. Я на время забыл о своих тревогах, и мы разговорились. Ребята поинтересовались откуда я и что делаю на Кавказе. Узнав, что я собираюсь провести всего один день в Тбилиси, они выразили сожаление:

«Такой красивый город! Проспект Шота Руставели. Мать-Грузия и многое другое. За один день ничего не успеешь посмотреть».

Я согласился с ними, но сказал, что не имею права больше задерживаться, что надо возвращаться на работу. Потом мы говорили о том, о сем и случайно коснулись вопроса о зажиточности людей на Кавказе. Ребята согласились, что в Грузии народ живет лучше, чем в России.

«У нас, конечно, люди имеют больше денег, – сказали они, – но здесь есть одно место возле Тбилиси, где живут по-настоящему богатые люди.

«Это такые луди, что еслы нам надо что-нибуд: английски кастюм, французски духи, итальянски плащ, японски прыемник, – ми едэм туда и у ных всо есть. Лубой размер. Жалко что тэмно. Ми би тэбэ паказали в какых раскошных дамах аны живут. Ми будэм проезжат мимо».

«А кто это такие?» – спросил я.

«Это такая нацыя, – стал мне объяснять один из ребят, – ну, как это? – пытался он вспомнить и обратился к своим приятелям. Но они тоже были в затруднении.

«Знаешь, – сказал мне второй безусый паренек, – это такие же люди как Ленин».

«А Лэнын кто был?» – спросил меня усатый.

«В каком смысле?» – попытался я уточнить вопрос.

«Ну, какой нацыи?» – прояснил он.

«Русский», – сказал я, не понимая к чему он клонит.

«Нэт, ти нэ знаеш», – сказал он разочарованно, махнув рукой.

Я не стал спорить.

«Еврэй! Еврэй! – вдруг радостно закричал усатый, – я вспомныл, здэсь живот еврэй. Вот кто багатый!»

«Это интересно», – сказал я, ухмыльнулся и замолчал. После этого тот парень, который хорошо говорил по-русски, сказал:

«Нам еще долго ехать. Чтобы не было скучно, давайте поиграем немного в карты». «Если хочешь – можешь поиграть с нами, – обратился он ко мне, – это очень простая и совершенно безобидная игра». Кажется, он назвал ее «сека».

«Вообще можно играть втроем, – добавил он, – но четыре игрока лучше. Слушай, тебе все равно нечего делать. Садись, я тебе объясню. Это очень просто. Совсем безобидная игра. Нужно всего несколько копеек, чтоб было интересно. Ну, давай, садись!»

Я долго сопротивлялся. Мне почему-то не очень нравилась ситуация, но, в конце концов, ради приличия я взял карты в руки. Мне объяснили правила игры, которые действительно оказались очень простыми, и мы приступили. Минут через двадцать оказалось, что я выиграл целых два рубля.

«Сматры, кацо, тэбе вэзот. Ти уже лучше нас играеш», – поздравил меня усатый. Я смутился и даже немножко покраснел.

«Ну, знаете, – виноватым тоном сказал я, – это же игра». И мы продолжили. Однако следующие полчаса оказались для меня менее успешными. Я проиграл все, что выиграл, и вдобавок почти три рубля своих кровных денег. Я уже чуть раньше начал понимать, что происходит, но как-то стеснялся прервать игру. Однако здесь я положил карты на стол и сказал, что больше не играю.

«Пачэму? – заволновались они, – увидыш, ти сейчас будиш выигрывать. Это такая игра. Нэмножко выиграеш, нэмножко праиграеш. Вот увидыш, кацо. Очень бэзабидная игра».

«Нет-нет, – упорствовал я, – играйте сами». Они еще долго меня уговаривали, но видя, что я не поддаюсь, один из них встал и повторил сказанную вначале фразу о том, что вчетвером играть интересней и что они пойдут искать четвертого игрока, что у них есть приятель в соседнем вагоне и они его сейчас приведут. Затем они сложили карты и вышли. И вместе с ними ушли мои трудовые выстраданные три рубля. Разумеется, больше я этих ребят не видел.

Когда мы подъезжали к Тбилиси, в купе, где я сидел, зашел проводник. Он вынул из сумки комок билетов и, порывшись в них, вытащил один и протянул его мне.

«Это хароши билэт, – сказал он, – новий, Мингечаур – Тбилиси».

Взяв билет, я одновременно положил в ладонь проводнику заранее подготовленную «красненькую» десятирублевую купюру. При этом я трусливо заглядывал в лицо проводника, пытаясь разгадать его реакцию. Но лицо проводника оставалось непроницаемым. Ни недовольства, ни удовлетворения нельзя было прочесть. Он молча сложил десятку вдвое, опустил ее в сумку, повернулся и вышел. И все же когда мы прибыли на место, я, выходя из вагона, старался не попасть проводнику на глаза.

В Тбилиси я очень быстро справился со своими делами и пошел гулять по городу. На проспекте Шота Руставели было оживленно,

несмотря на жару. Почти у каждого перекрестка стояли небольшие группы франтовато одетых молодых парней, которые жадными хищными глазами провожали любую проходящую женщину, а если она была без спутников и к тому же молода, то один или два молодых человека откалывались от группы, затем пристраивались к одинокой женщине и пускали в ход все свои чары. Дальнейшее развитие событий находилось за пределами моих наблюдений, так как я продолжал свою прогулку. Там же на проспекте я имел неосторожность зайти в какую-то забегаловку, где меня буквально обобрали за несколько кусочков подошвы, поданных в скисшем и дурно пахнущем соусе в давно не мытой тарелке. Все это носило красивое название «Чохохбили из цыплят». Но в общем Тбилиси мне понравился. Однако, погуляв несколько часов, я выбился из сил и поехал в аэропорт. А здесь было что-то невероятное. Это была не просто неразбериха. Это был сущий ад. Разгар курортного сезона – как объяснили мне позже. Народ метался из конца в конец. Билетов не было. Самолетов не было. Расписания не было. Плюс непреодолимый языковый барьер. Беременные женщины, инвалиды, военнослужащие, женщины с грудными детьми, толстосумы – все шли впереди меня. Абсолютно никакой надежды попасть на самолет. Что делать? – как говорил Чернышевский. Звонить в организацию и сказать, что мое возвращение задерживается на неопределенный срок? А как тут жить? Ведь у меня едва хватает денег на обратную дорогу. Разве что – спать в аэропорту и попрошайничать?

Из этого тупика меня вывел один прилично одетый северянин, который видя мое отчаяние посоветовал:

«Поезжайте на железнодорожный вокзал. Может быть, Вам там повезет». И я помчался на вокзал. Там действительно было поменьше народа, но это не вселяло больших надежд, так как в поезде, идущему на Север, был всего только один вагон киевского направления, и все билеты были проданы. Поскольку до отправления поезда оставалось не более полутора часов, я решил подождать. Тем более что проводник киевского вагона, к которому я обратился с просьбой, обещал, что если кто-то из пассажиров не явится, то мне будет разрешено занять его место. Но уже за двадцать минут до отхода поезда вагон был заполнен. И проводник, которого я продолжал умолять, окончательно осадил меня, сказав:

«Там не Грузия. Там русский контролер».

Поезд тронулся, и я в подавленном настроении снова поехал в аэропорт. А там была та же ситуация, что и прежде, только людей стало побольше. Я опять начал метаться по аэропорту, пока не наткнулся на диспетчера, к которому уже обращался несколько раз со своей проблемой. Но поскольку он никак не реагировал на мои

причитания, я решил, что он либо глухонемой, либо ни бельмеса не смыслит по-русски. И вдруг, к моему изумлению, этот диспетчер заговорил со мной на чистом русском языке:

«Пока Вы где-то бегали, – сказал он, – здесь начали продажу билетов на дополнительный самолет, который сегодня полетит в Киев». И он сказал, в какой кассе можно приобрести билет. Я чуть не подпрыгнул от радости и понесся к кассе. Но когда я увидел, что кассу окружила небольшая группа военнослужащих, которые что-то энергично обсуждали, но билеты никто не покупал, мое воодушевление как ветром сдуло. Я решил, что вероятно все билеты проданы и волнуясь спросил об этом стоящих у кассы. То, что я услышал, было весьма неожиданно. Оказалось, что билеты то есть, но никто не решается их брать, так как самолет этот нуждается в ремонте, для чего, собственно говоря, и летит на Киевский авиационный завод.

«А что у него неисправно?» – упавшим голосом спросил я.

«Этого они не говорят, – сказал один из солдат, – но утверждают, что самолет надежный».

Получив такую информацию, я остановился в нерешительности. Кроме того, я узнал, что самолет должен сделать промежуточную посадку в Краснодаре. Между тем солдаты видимо все же решили лететь, и начали брать билеты. Потом подошли какие-то ребята и тоже купили билеты. А когда к кассе подошла молодая женщина с ребенком и приобрела билет, мою нерешительность как ветром сдуло. Я нервно подскочил к кассе, боясь, что возможно упустил свой шанс, и заискывающим тоном спросил, есть ли еще билеты на этот самолет.

«Есть, есть», – сказала кассирша, и я облегчено вздохнул. А когда я держал в руках этот неказистый билет, я был готов петь и плясать. Теперь начался следующий этап – попытка выяснить, когда предполагается вылет нашего самолета. Этого никто не знал. Все же спустя некоторое время трое грузинских ребят, купивших билеты на этот самолет, где-то получили не очень приятную информацию. Оказалось, что наш самолет должен вылететь лишь после захода солнца, так как второму пилоту необходимо налетать ночные часы, чтобы получить повышение. До наступления темноты оставалось еще много времени, так что я мог бы поехать и досмотреть Тбилиси, но я боялся рисковать, поэтому продолжал маяться в аэропорту. И только когда стало совсем темно, что-то прогнусили по радио и наша группа потопала на посадку. К этому времени погода испортилась, и пошел довольно сильный дождь. Плаща или зонтика у меня не было, так что я основательно промок, пока мы шли по летному полю. Увидев очертания нашего самолета, я мгновенно сник. Таких самолетов я давно не видел. Это была архаическая модель

типа «Дуглас» военного образца с маленьким задним колесом на «костыле». Созерцание интерьера самолета не повысило моего тонуса. Внутри было установлено несколько рядов обтрепанных кресел, что по идее превращало этот транспортный самолет в пассажирский. А тронувшись, мы долго елозили по рулежным дорожкам, пока, наконец, не оторвались с трудом от земли. И сразу же на взлете обнаружились особенности этого самолета. Во-первых, не было звукоизоляции. Гул в самолете стоял такой, что приходилось кричать друг другу прямо в уши, чтобы понять что-либо. Во-вторых, в самолете было неприятно холодно. Лишь кабина пилота более или менее обогревалась. Когда мы начали жаловаться на шум и холод, летчики сказали, что нас должны были предупредить об этом в аэропорту и что они ничем не могут нам помочь.

В самолете я оказался рядом с грузинскими ребятами. Мы познакомились и, несмотря на страшный шум, пытались вести беседу. Узнав о том, что я два года работал инженером на Кавказе на Садонских рудниках в Северной Осетии, ребята прониклись ко мне доверием и симпатией. Как выяснилось, мои собеседники были выпускниками одной из тбилисских школ и собирались поступать в институт. Поведав об этом, они пожаловались на трудности, с которыми приходится сталкиваться абитуриентам при попытках поступить в любое Высшее учебное заведение Тбилиси.

«Сматры сам, – говорили они, – чтобы паступить в Тбилиский мэдыцынский институт, нада дать дэсят тысяч рублэй, в Палытэхныческый – восем тысяч, в паршывый Сэлхоз (последнее говорвший произнес в сердцах и с отвращением) нэ паступиш мэньше чем за шэсть тысяч рублэй. А ми савсэм бэдны. У нас нэт такые дэнги. Я магу дать нэ болшэ чем пять тысяч рублэй, – сказал похожий на теннисиста Славу Метревели паренек, – у Гоги (он показал на высокого худого парня в очках) всего три тысячи, а у Автандила савсэм мала – адна тысяча и ящик «Двин» (это такой очень дорогой коньяк). Паэтаму ми лэтим в Краснодар. Там лэхче паступить в институт, асобэнно в юрыдычэский».

Мне было интересно послушать ребят, и мы говорили до тех пор, пока я не почувствовал, что охрип. И было отчего. Во-первых, я промок до нитки от дождя, пока мы шли к самолету. Во-вторых, как я уже сказал, в самолете было довольно холодно. И, в-третьих, что я тоже упомянул выше, приходилось все время кричать, разговаривая с ребятами, чтобы по возможности перекрыть гул самолета. Почувствовав, что мне становится трудно говорить, я замолк и потерял ощущение времени. Вдруг самолет начал проваливаться.

«Это наверное Краснодар», – прокричал один из солдат. И действительно, было похоже, что мы идем на посадку. Все взбодрились. Через несколько минут мы почувствовали сильный удар (это, по-видимому, второй пилот осуществлял посадку) и наш Дуглас покатил по посадочной полосе. Когда мы почти остановились, кто-то из грузинских ребят, смотревший в окошко, начал что-то кричать и энергично размахивать руками. Сразу же к окошку подскочили двое других ребят и на их лицах появилось выражение полного недоумения. Затем они отшатнулась от окошка и закричали:

«Сухуми!»

«Что?» – крикнул я, не понимая о чем они говорят.

«Ми сдэлали пасадку в Сухуми!» – растерянно повторяли они.

Услышав это солдаты начали барабанить в кабину пилота. И буквально сразу же в дверях кабины появился один из летчиков и коротко сообщил:

«Вынужденная пасадка. Адлер нэ прапускает. Там сильная граза». Потом, посоветовавшись с другим летчиком, объявил:

«Ми нэ знаем кагда Адлер прапустит. Как только палучим разрешение – сразу лэтим. Паэтаму все аставайтесь на мэстах. Ми никаго нэ будем ждать. Это нэ рэгулярный рэйс». После этого заявления оба пилота сошли с самолета и направились в здание аэропорта.

«А что мы здесь будем сидеть, – сказал один из солдат, – пойдем погуляем, а когда пилоты пойдут к самолету, тогда и мы пойдем».

Все сразу согласились, и мы вслед за пилотами побежали в здание аэропорта, прикрываясь кто чем попало от дождя. Вбежав в здание, будущие студенты сразу же направились в ресторан, который, кажется, работал круглосуточно. Увидев, что я пытаюсь отколоться, ребята буквально вцепились в меня. Я начал бормотать, что мне врачи не разрешают пить, но, в конце концов, пришлось признаться, что мои финансовые ресурсы истощились. Услышав такое, ребята просто возмутились:

«Суши, кацо, зачэм ти нас абижаешь? Ти же наш гость, – сказали они, – ми угащаем».

После этого я недолго сопротивлялся, и мы заняли столик. Здесь специалистом оказался Автандил. Он сказал несколько слов официанту и тот быстро принес четыре бутылки вина, три – белого и одну – красного. Автандил открыл бутылки и налил всем белого вина, кроме меня. Мне почему-то он налил красного. Я попробовал пошутить сказав, что, вообще говоря, предпочитаю белое, имея в виду водку. Но ребята не поняли о чем я говорю.

«Ти что? – удивились они, – зачэм тэбе бэлае вино? Пасматры какой ти мокрый и холодный! Тэбе надо толко красное вино!»

«А какая разница, – сказал я, – вино есть вино».

«Ти же два года жил на Кавказе! – восклицали они с укоризной, – как же ти жил, если нэ знаешь, какая разница! Бэлае вино пьют,

кагда жарко – оно холодит, а красное вино пьют, чтоби било тепло – ано гарячит. Пасматры сам. Ну, випей свае вино. Ну, как? Правда, гарячит? А тэперь пасматры как дэйствует бэлае вино. Налэй ему, Гога. Ну, випей! Чувствуешь как халадит? Зачэм же тэбе такой вино? Ти савсэм мокрый и халодный».

После этого мне налили стакан красного вина, я выпил и действительно почувствовал себя лучше. В это время к нашему столику подошел новый паренек и поздоровался. Кажется, он был знаком с одним из ребят. Ему налили стакан вина. Он сел, затем подозвал официанта, посчитал количество сидящих за столом и заказал пять бутылок вина, таким образом ответив на гостеприимство, что является традицией на Кавказе. И мы продолжили наше пиршество. Ребята, видимо, рассказали новоприбывшему о моем невежестве в области потребления вина и он, которого звали Руслан, тоже занялся моим образованием. В результате я здорово накачался. Впрочем, ребята тоже были сильно навеселе. Прошло часа два, а может и больше. За это время я успел выпить около трех бутылок вина и, кажется, вздремнул, так как не заметил, что к нашему столику подошел солдат и весело скомандовал: «Подъем! По самолетам! – и кивнув головой в сторону выхода добавил, – летчики зовут».

Убедившись что мы еще что-то соображаем и поняли, что надо идти к самолету, солдат похвастался, что пока мы бражничали, они успели искупаться в море, куда их повез водитель микроавтобуса с согласия летчиков. Мы поднялись и неуверенной поступью, шатаясь, поплелись за бодрыми солдатами и заспанной женщиной с ребенком. Дождь давно прошел. Было тепло и чувствовалось приближение рассвета.

Здесь надо сказать несколько добрых слов о летчиках, которые оказались славными ребятами, отнюдь не черствыми и бесчувственными, какими хотели показаться вначале. Они не пошли на взлет, пока не проверили, все ли на месте. Мы опять с трудом набрали высоту, но далее все пошло более или менее нормально. Почти все расположились на двойных креслах, привязавшись ремнями, и я сразу же уснул, но спал, кажется, недолго. Проснулся я от сильной тряски. Наш самолет лихорадило, да так, словно он исполнял пляску святого Витта. Мне стало нехорошо. И не только мне. Почти все охали да ахали. А хуже всех, кажется, было женщине, которая летела с ребенком. Один из солдат обратился к летчикам за помощью. Но у них, к сожалению, не оказалось кульков. Все, что летчики могли дать, это две маленькие бутылочки нашатырного спирта. Однако это не исключало потребности в кульках. Кто-то нашел старую газету и пытался сделать из нее кулек, но она вряд ли смогла бы удержать даже семечки подсолнуха. А нам становилось

все хуже и я увидел, что у женщины начинаются конвульсии. Тогда во мне проснулся Добрый Самаритянин. Я вынул из портфеля журнал «Знание – сила», вытащил из него двойной лист и передал его страдалице. По дороге кто-то успел сделать из него конический кулек и почти вовремя дал его женщине. Но это только частично решило проблему. Я видел и понимал, что кульки могут понадобиться всем, особенно одному из ребят, который, казалось, вот-вот взорвется. Тогда я перестал колебаться и начал вытаскивать из журнала по двойному листу и передавать по очереди всем нуждающимся. Себе я оставил один двойной лист и обложку. Кульки получались замечательные, хорошего размера и довольно плотные. Я был очень рад, что взял с собой именно этот журнал, а не журнал «Наука и жизнь», который ни по формату, ни по плотности бумаги не подходил к данному моменту.

Не знаю, сколько времени нас трясло. Весь нашатырный спирт был вынюхан и кульки заполнены. Но всему приходит конец. Пришел конец и нашей тряске. С появлением солнечного диска наш самолет успокоился и мы повеселели. Посадка в Краснодаре была отнюдь не мягкой. Подозреваю, что и на этот раз это было делом рук второго пилота. Здесь сошли все кроме меня. Я тепло распрощался с ребятами и пожелал им успехов. В ответ они осыпали меня щедрыми витиеватыми пожеланиями и приглашениями. А когда ребята отошли метров на двадцать, Автандил повернул голову и остановился.

«Эй, кацо, – крикнул он мне, – я забил у тэбя спрасить. У вас в городе ти знаешь какой-нибудь институт, куда можна паступить за тысячу рублэй и ящик «Двин»?»

Я пожал плечами и покачал головой. Автандил постоял несколько секунд, потом махнул рукой, повернулся и пошел догонять своих друзей.

В Краснодаре мы простояли довольно долго. Шла заправка самолета и техосмотр. Сначала только два механика возились, а потом целая туча их облепила самолет. Что они там делали – не знаю. Только летчики сказали мне, что неизвестно, когда мы вылетим, и если я спешу, то они попробуют найти мне место в другом самолете. Я выразил свою благодарность. Однако позже они огорчили меня сообщением, что раньше чем завтра ни один самолет на Киев не полетит и что даже на него нельзя надеяться. Ничего не оставалось делать – только ждать. Вот когда я по-настоящему пожалел, что нет со мной журнала «Знание-сила», но он уже сослужил свою службу. А на покупку какого-нибудь другого чтива у меня не было денег. Поэтому я продолжал слоняться по аэропорту, время от времени интересуясь, когда мы продолжим наш полет. Только где-то во второй половине дня механики закончили работу и мы поднялись

в воздух. Я дремал, но сквозь сон замечал, что не все в порядке с самолетом. Пилоты метались, что-то открывали, что-то закрывали и нервно переговаривались. Я ни о чем не спрашивал, предпочитая оставаться в неведении. А к вечеру все закончилось. Наш самолет грохнулся о полосу в Святошинском аэропорту и начал выруливать. Через несколько минут я с удовольствием почувствовал под своими ногами твердую почву. Когда я уходил, то увидел, что летчики сошли с самолета и пожали друг другу руки. Я крикнул им: «Всего доброго!»

Они помахали мне руками и один из них крикнул мне: «Маладэс!»

Не знаю, что он хотел этим сказать, но это как-то соответствовало моему приподнятому настроению. Крикнув еще раз:

«Всего доброго!» – я повернулся и с чувством выполненного долга пошагал к автобусу.

ХУД. САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.

Репетиция.

Очередная репетиция как обычно начиналась сразу после работы. Предстоял смотр художественной самодеятельности и не за горами были праздники, а, кроме того, надо было еще в составе культбригады посетить подшефный колхоз и порадовать своим искусством доярок и свиноводов. Всему этому администрация придавала серьезное значение и надо было поработать.

Первым на репетицию явился измученный, захлопотанный руководитель и стал лихорадочно и примитивно расписывать ноты какой-то новой популярной песенки. Вскоре после этого пришел похожий на ремесленника саксофонист-тенорист, недавно вернувшийся из армии. Это был молчаливый, сутулый, довольно крепенький паренек и как потом стало известно – большой любитель выпить. Он раскрыл футляр и, как всегда, там чего-то не оказалось, то ли трости, то ли мундштука. Начались поиски. Через несколько минут на сцену впорхнул возбужденный контрабасист, напевая свою любимую песенку:

«Мой мне. Хочу еще раз, дорогая…»

Вообще-то он играл на гитаре, но поскольку в оркестре был другой гитарист, который лучше разбирался в нотах, то первый был назначен контрабасистом и выполнял эту функцию, дергая наугад разные струны. Особых претензий к нему не предъявлялось. Это было как в старом анекдоте:

«Новый дирижер проверяет настройку инструментов в оркестре и просит контрабасиста взять «ля». Тот дергает струну и раздается глухой звук неопределенной высоты как из подземелья. Дирижер застывает в недоумении, пожимает плечами и просит контрабасиста взять «ре». Тот опять дергает струну и раздается звук очень

похожий на первый. Дирижер начинает нервничать.

– Возьмите «соль», – говорит он растерянно. Снова дергается струна и снова вроде бы тот же звук. Дирижер потирает лоб, а затем, махнув рукой, говорит с досадой: – Э, играйте что хотите».

В силу этого наш «контрабасист» был оставлен в покое. Был он среднего роста с женоподобной фигурой, но при полном отсутствии талии, с широким тазом и грудью кормящей матери, а также с небольшим брюшком. Ноги были странной формы – в бедрах толстые, а ниже колен тонкие. Лицо круглое и одутловатое. И, кроме того, контрабасист был лысоват. Тем не менее, это был отчаянный бабник. Все что он делал – играл на гитаре, пел и ходил в турпоходы – имело одну лишь цель: закадрить какую-нибудь бабу. И, в общем, удавалось. Несколько раз был женат, но все – неудачно. Был он говоруном и пересыпал свою речь перефразированными с сексуальным уклоном русскими поговорками типа: «Что посмеешь – то пожмешь», «Взялся за грудь – говори что-нибудь» и тому подобными. Как обычно, придя на репетицию, контрабасист сразу же поведал несколько сплетен. В этом деле он был мастак.

За контрабасистом, сутулясь и втянув голову в плечи, вошел маленький, щупленький, рыжий заика – ударник, волоча за собой большой барабан. Этот участвовал в художественной самодеятельности в силу необходимости, поскольку ему нужна была ударная установка для халтур, а на покупку собственной у него не было денег. Надо было кормить пятерых детей и на одну скромную зарплату печатника этого не сделаешь. Правда, когда жена не сидела в тюрьме и работала, то было намного легче. Во-первых, доход семьи более чем удваивался, а во-вторых, жена таскала ударную установку на халтуры и защищала мужа, когда возникали драки. К сожалению, на свободе она была не так часто. Через несколько минут с выражением угрюмого недовольства на лице и, не поздоровавшись, вошел и сел жилистый, костлявый, желчный художник – гитарист. Этот оживлялся только когда рассказывали антисоветские анекдоты, и поклонялся двум богам: в живописи – Сальвадору Дали, в музыке – Брубеку. Справедливости ради надо сказать, что рисовал он замечательно и прилично играл на гитаре. Вслед за гитаристом, жеманясь и сохраняя на лице бессмысленную улыбку, вошла молоденькая копировщица – певица. Была она тоненькой, стройной, голубоглазой, светловолосой, с лицом гладким и бело-розовым как у ребенка. Но как ни странно при всем этом не вызывала особого интереса у ребят. Конечно, не потому, что была несколько глуповатой, а, скорее всего из-за отсутствия в ней того, что называется charm, или другими словами, она была не секси». Правда, легко и без особого желания вышла замуж за какого-то рыжего еврея, который как

Отелло ее безумно ревновал. Эта стремилась к популярности и с большим энтузиазмом участвовала в художественной самодеятельности, хотя голосок имела слабый и никакой вокальной школы. Затем появился рослый и стройный тромбонист – конструктор какой-то категории. Несмотря на свою хорошую внешность, был абсолютно индифферентным по отношению к женщинам, в том числе и к собственной жене, из-за чего она, в конце концов, ушла от него. У тромбониста была одна страсть – кухня. Это был ненасытный обжора. Нельзя было понять, куда девается все то несметное количество блюд, которое он мог поглотить за один присест. О подобном явлении говорилось в психиатрической лечебнице у Йосифа Швейка, что якобы ученые обнаружили внутри земного шара другой шар, который оказался значительно больше земного. Что же касается музыки, то здесь наш герой был далеко не феноменом. Играл он на тромбоне из рук вон плохо. Вместе с тромбонистом тихо вошла пианистка – крупная, рослая, полнотелая, с рыхлым серым лицом, побитым не то оспой, не то прыщами. Была она флегматичной, малоразговорчивой и как говорится – себе на уме. И, вероятнее всего, играла в самодеятельности на фортепиано в надежде, что это поможет ей выйти замуж. Пришел трубач. Молодой, энергичный, деловой, общительный, приятной внешности и не лишенный чувства юмора. Этому для карьеры нужен был партбилет, а участие в художественной самодеятельности было одним из козырей в анкете. За ним вошел толстенький весельчак аккордеонист, рассказывая на ходу новый анекдот. Последним явился альт – саксофонист, начальник нового компьютерного отдела. Подтянутый, спортивного вида, светловолосый, слегка лысеющий, с правильными и довольно приятными чертами лица. Он хорошо играл в теннис и увлекался джазом, особенно – саксофоном. Знал всех великих саксофонистов и все джазы в США. Большинство девушек в его отделе были от него без ума.

Пока шел сбор участников художественной самодеятельности захлопотанный руководитель сидел у фортепиано и, не поднимая головы, лихорадочно расписывал ноты. Это было не очень простым делом. Надо было учесть, что трубач не берет нот выше соль второй октавы, что тромбонист не всегда знает на какой позиции брать ноту, что гитарист понимает только буквенное обозначение аккордов и что никому, кроме аккордеониста, нельзя писать никаких шестнадцатых, а тем более – тридцать вторых. Восьмушки – как максимум. И, в общем, чтобы расписать даже самую простую песенку, надо было проявить изобретательность.

Когда появился альт – саксофонист, кто-то сказал:

– Ну, вот все в сборе. Давайте начнем. Чего тянуть?

Руководитель поднял голову и засуетился.

– Быстренько садитесь. Вот ноты новой песни. Многие из вас ее, вероятно, слышали.

И дальше руководитель начал по очереди объяснять каждому, что и как играть. Закончив это, он попросил всех приготовиться, начал считать и взмахнул рукой. Раздалось что-то дикое: смесь воя шакалов, сирены скорой помощи и скрежета ножом по стеклу. Душераздирающая адская какофония! Никто из музыкантов, если не считать аккордеониста, дома не занимался. Пальцы не двигались, губы не слушались. В общем, эта репетиции была не для слабонервных. Руководитель остановил оркестр и начал очумело бегать от одного к другому с возгласами:

– Что вы играете?! Какую ноту ты взял?! Это же ля-бемоль! и т.д.

Нужна была железная выдержка и большой опыт, чтобы верить в успех этого мероприятия. Даже тогда, когда кто-либо из музыкантов играл правильно, это были ужасно противные хриплые или гнусные звуки, но руководитель уже к этому привык. Потом певица, у которой начисто отсутствовало чувство ритма, то забегала вперед, то опаздывала. В общем, это была обычная репетиция. И только в самом ее конце появился некоторый просвет.

– Спасибо, – сказал в заключение руководитель, – на сегодня хватит. Завтра в то же самое время. Прошу никого не опаздывать.

Все зашумели, задвигали стульями. Первым сорвался рыжий ударник и, потащив за собой барабан, поспешил на халтуру. За ним ушел аккордеонист, которому тоже надо было успеть на халтуру. Пока альт саксофонист складывал инструмент, певица стояла над ним и что-то ворковала. Положив гитару в чехол и что-то буркнув, вышел художник гитарист, сохраняя на лице недовольное выражение. Пианистка помогла тромбонисту сложиться и пошла за ним. Ушел саксофонист и словно испарился контрабасист. На сцене остался один опустошенный руководитель. Репетиция окончилась.

Свидание.

Участниками художественной самодеятельности были в основном молодые люди и, вполне естественно, были подвержены любовным страстям, которые возникали как внутри самого коллектива, так и выходили за его пределы. Электрические любовные разряды происходили то здесь, то там. Вышеупомянутый альт – саксофонист периодически одарял своим вниманием ту или иную поклонницу из своего отдела. Тогда в отделе устраивали поход за грибами и ягодами или пикник. На лоне природы альт-саксофонист получал возможность удалиться в кусты со своей избранницей и там разрядить любовное напряжение. Иногда удавалось обслужить сразу двух поклонниц.

Пианистка охотилась за тромбонистом с настойчивостью голодной гиены. Контрабасист нацелился на хрупкую, тихую, смазливую копировщицу и начал таскать ее в турпоходы. Трубач, ответственный по партийной линии за какой-то склад и имевший от него ключи, часто запирался там с хорошенькой кладовщицей. Певица бесхитростно плела паутину вокруг альт – саксофониста. Хромой исполнитель украинских песен начал сближаться со своей начальницей, женщиной другого вероисповедания. В общем, страсти кипели. Однако при этом почти всегда возникала одна серьезная проблема, которая называлась хата. Это были сложности, связанные с поисками места действия. Только у контрабасиста этой проблемы не было. Он часто был холост и в силу этого привлекал всеобщее внимание как обладатель пустой изолированной квартиры. Ситуация была очень похожей на то, что показано в американском фильме «APPARTMENT» с Жаком Леманом. Так один приятель контрабасиста, часто летавший в командировки, принимал в этой квартире стюардесс. Другой «Дон Жуан» встречался здесь с сотрудницами разных отделов. Сам хозяин – с кем придется. Когда квартира сдавалась посторонним, обладатель ее категорически требовал, чтобы не трогали его продуктов и не ложились на его постель, а пользовались только раскладным диваном, стоявшим в другой комнате. Однако часто влюбленные опустошали холодильник хозяина и оставляли квартиру в жутком беспорядке. Конечно, хозяин сердился и ворчал, но не отказывал просителям.

И вот однажды наступил момент, когда любовные заряды, возникшие в сердцах у копировщицы и начальника компьютерного отдела, накопились и притянули молодых людей друг к другу, в результате чего было назначено свидание на конспиративной квартире у контрабасиста. Были припасены и переданы владельцу квартиры бутылка вина и небольшая коробка конфет. В этот день должно было состояться общеинститутское собрание, и это было хорошим алиби в случае, если у симпатичной жены начальника компьютерного отдела появятся какие-то подозрения. Копировщица же пока была незамужнем и не нуждалась в алиби. Сжигаемая страстью она явилась несколько раньше назначенного срока, нашла ключ в условленном месте под ковриком и открыла дверь. Войдя, певица прежде всего, прошлась по квартире и ознакомилась с обстановкой. Первая комната была заставлена мебелью работы чешских мастеров. Здесь была столовая, состоящая из непокрытого полированного стола и четырех стульев с гнутыми ножками. У одной стены стоял сервант, в котором сверкали хрусталем рюмки и вазы. У другой стены был раскладной диван или «диван-кровать», как его называли. Этот предмет был главным фокусом для тех, кто назначал здесь свидание. На стене висел довольно большой портрет хозяина с гитарой на фоне Карпатских гор, а в углу в чехле стояла эта самая гитара. Еще на стене висело несколько акварелей, выполненных каким-то художником-любителем. В этой же комнате был книжный шкаф, в котором красовались нетронутые собрания сочинений Диккенса, Алексея Толстого и Куприна, а так же отдельные книги. Из комнаты стеклянная дверь вела на балкон, заваленный всяким хламом. Другая комната была заставлена мебелью работы румынских мастеров. Здесь стояла составленная из двух частей низкая кровать с подголовником и прикроватными тумбами, затем большой платяной шкаф и комод для белья. На стене висел ковер и несколько фотографий. Певица осмотрела все это и заглянула на кухню. Тут тоже все было заполнено. Стоял холодильник «Ока», стол, табуретка, низкий широкий шкафчик для посуды, высокий посудный шкаф (так называемый «пенал») и газовая плита. Окно из кухни выходило во двор. Осмотрев квартиру, певица – копировщица вернулась в первую комнату, достала из книжного шкафа какой-то красочный журнал, села на диван и в ожидании возлюбленного стала без интереса листать страницы. Прошло минут сорок и певица начала сильно нервничать. Она стала все чаще поглядывать на часы и прислушиваться к звукам на лестнице. Но там все было тихо. Певица знала, что квартира была им сдана только на полтора часа и теперь оставалось совсем немного времени. Что делать? Срывалось такое долгожданное свидание! Однако она решила ждать до конца и стала мучительно маяться по квартире. Время свидания подходило к концу и певица в отчаянии уже решила уйти, как вдруг раздался звонок. Она вздрогнула и со смешанным чувством обиды и радости побежала открывать дверь. От волнения руки тряслись и защелка долго не поддавалась. Наконец дверь распахнулась и сердце у певицы упало. У порога стоял не возлюбленный саксофонист, а владелец квартиры, контрабасист. Он пришел на несколько минут раньше в полной уверенности, что свидание влюбленных давно закончилось и был немало озадачен, не найдя ключа под ковриком, поэтому позвонил.

– Ну, как? – спросил он, подмигнув.

Она опустила голову и убитым голосом произнесла:

– Никто не приходил. Наверное, не мог уйти с собрания.

– Бывает, – сказал он, – что ж, в таком случае возьмем по капельке вина. Не пропадать же добру.

– Как-то не хочется, – грустно промолвила певица, – я лучше пойду.

– Да ну, брось унывать, – подбодрил ее контрабасист, – все образуется. Промочи горло. Певцам полезно.

Он закрыл дверь, взял ее за руку и бесцеремонно потащил за

собой. Она слабо сопротивлялась. Контрабасист открыл припасенную саксофонистом бутылку вина и принес из кухни два стакана. Когда он наливал вино, певица энергично показывала знаками, чтобы ей налили чуть-чуть, но хозяин квартиры не обращал внимания на ее жесты и продолжал лить, пока не наполнил стаканы до краев.

– При каждой неудаче давать умейте сдачи, – бодро сказал он, – выпьем за наши будущие успехи.

Он выпил до дна, а она лишь пригубила.

– Ну, я пойду, – сказала она неуверенно и поднялась.

– Да куда ты спешишь? – пожав плечами, заявил гостеприимный хозяин дома, – посиди! Знаешь, есть новые песни Высоцкого. Хочешь послушать?

– Да, конечно, – сказала она и оживилась, – я люблю Высоцкого.

Он принес гитару, настроил ее и присел на диван. Затем прокашлялся и начал петь, аккомпанируя себе на гитаре. После первой же песни она восторженно захлопала в ладоши и попросила еще.

– Есть такая поговорка, – сказал он весело, – «хочешь петь – пей!»

Она засмеялась. Теперь они оба выпили по полному стакану. Потом он еще пел. Затем она пела, а он ей аккомпанировал. После этого они пили из другой бутылки. Потом им стало жарко и он начал ее раздевать. Она хихикала и шутливо отбивалась. Потом они оказались на раскладном диване. И дальше она не помнит, что произошло. Очнулась она в ванной, откуда вышла завернутая в полотенце и опустив глаза.

– Что мы наделали! – раскаянно-игривым тоном сказала певица.

– Ничего мы не наделали, – решительно заявил контрабасист, – Все в порядке. От перемены мест слагаемых сумма не меняется.

Она смущенно улыбнулась. Пока певица одевалась, грешники обменивались короткими фразами и в заключение контрабасист пообещал ей переписать слова новых песен Высоцкого. Он проводил певицу до трамвая и поспешил домой. Контрабасист опаздывал на свидание.

Шефский концерт.

Ответственным за проведение культурного мероприятия в подшефном колхозе был, как и прежде назначен культсектор месткома Штанько. Это был среднего роста смуглый, темноволосый парень лет тридцати с костлявым лицом, тонким носом, острым подбородком и глубокими глазными впадинами. Почему ему поручили ведать культурной работой в институте – одному Богу известно. Был он малообразован и в искусстве разбирался не больше чем верблюд в логарифмах. Однако это не мешало ему высказывать иногда свои суждения, касающиеся искусства, что потом долго служило предметом шуток среди участников самодеятельности. Впрочем, со своей основной задачей – следить за дисциплиной и порядком в художественной самодеятельности – он пока справлялся.

Надо сказать, что в составе культбригады был человек, занимавший значительно более высокую позицию, чем Штанько. Им был представитель партийной организации института, начальник отдела Шлапак. Это был внешне привлекательный круглолицый, полноватый, крупный мужик, приветливый и довольно общительный, но чрезвычайно примитивный и тупоголовый, так что его имя даже стало нарицательным. Когда в институте во время игры в шахматы страсти разгорались, и соперники начинали обливать друг друга словесными рафинированными помоями, часто случалось что кто-нибудь из них, израсходовав запас шахматных оскорблений, не выдерживал и называл своего соперника шлапаком. Противник, который до этого с улыбкой переносил все шахматные оскорбления, на это раз обижался и гневно парировал:

– Сам ты шлапак!

Нельзя наверняка сказать, кого имели в виду шахматные бойцы: своего Шлапака или директора Полиграфического института, носившего ту же фамилию и отличавшегося глупостью и скандальной популярностью. Надо сказать, что директор института Шлапак как член райкома партии иногда позволял себе такие штучки, что начальнику отдела Шлапаку, рядовому члену партии, и не снились. Так на одном из праздников упившийся до риз директор института Шлапак забрался на ступеньки ювелирного магазина «Каштан», вынул свой детородный орган и стал поливать гуляющих по Крещатику обильной струей. Милиционеры еле спасли высокопоставленного проказника от разъяренной толпы, готовой устроить ему Суд Линча. Как и в других аналогичных случаях это не имело для Шлапака никаких серьезных последствий. Директор Шлапак был надежно прикрыт райкомовским иммунитетом. Так что обидное прозвище шлапак имело двойную силу.

Надо сказать, что снятие ответственности с начальника отдела Шлапака за проведение культурного мероприятия было продиктовано отнюдь не его тупостью или слабохарактерностью, а явилось следствием того, что Шлапак ехал, чтобы прочитать лекцию о международном положении не только в подшефном колхозе, но и в соседнем совхозе, и таким образом не мог физически следить за дисциплиной и порядком в культбригаде.

Поездка в подшефный колхоз должна была состояться в субботу, и в назначенное время все участники культбригады собрались в вестибюле института. Здесь были представлены почти все виды искусств: музыканты, певцы, танцоры, чтецы – декламаторы и даже фокусник. Культсектор Штанько проверил по списку, все ли на месте, затем почему-то пересчитал участников и лишь после этого скоман-

довал всем выходить к стоявшему у подъезда автобусу. Началась посадка. Жена рыжего ударника втащила барабаны в конец автобуса, а сама с мужем села на переднее сидение. Пианистка подсела к тромбонисту, а певица к альт-саксофонисту. Шлапак сел сзади, открыл портфель, вынул папку и начал знакомиться со своей лекцией. Контрабасист оказался рядом с аккордеонистом, а трубач рядом с исполнителем украинских песен, членом партии. Остальные расселись по одному. Последним поднялся в автобус культсектор Штанько. Он стал в проходе, опять пересчитал всех и заволновался. Одного человека не хватало. Штанько снова медленно пересчитал сидящих в автобусе и успокоился. Все были на месте. Он просто забыл включить себя при первом подсчете. После этого культсектор дал команду водителю ехать, а сам уселся рядом с ним. Минут пятнадцать автобус дергался по городским улицам, потом вышел на шоссе и равномерно покатил по асфальту. Промелькнули пригородные дачи со своими огородиками, садиками и заборами. Одни дачи представляли собой капитальные кирпичные сооружения с верандами, беседками, антеннами и прочим. Другие, наоборот, были сделаны из фанеры и по размерам и архитектуре мало отличались от собачьих будок. Потом проехали через какой-то районный центр, после которого появились колхозные поля, утопающие в сплошных зарослях сорняков. Еще минут через десять автобус притормозил и свернул на проселочную дорогу. Началась тряска как на тренажере для родео, симулирующем езду на диком мустанге или быке. Весь автобус окутался серой завесой пыли. Пришлось закрыть окна, но это не помогло. Пыль проникала сквозь щели и равномерно садилась на лица, одежду, инструменты. Многие в автобусе начали чихать. В таких условиях пришлось ехать довольно долго. Но вот, наконец, автобус остановился у какого-то одноэтажного вытянутого здания. Как потом выяснилось, здесь помещались вместе правление колхоза, клуб и кабинет председателя. Культбригадовцы начали вываливаться из автобуса, отряхиваясь и смахивая с инструментов пыль. В этот момент к ним подошел коренастый мужик в заплатанных штанах, заправленных в покрытые пылью кирзовые сапоги, и в бывшей когда-то белой рубахе с расстегнутым воротом. Он сказал, что председатель разрешил им расположиться в его кабинете, что собрание в клубе только что закончилось и люди их ждут.

Кабинет председателя колхоза оказался небольшой комнатой с дощатым полом, покрытым ковровой дорожкой. Потолок и стены были побелены. Вдоль стен стояли разнокалиберные стулья. Странными выглядели в этой комнате большой добротный полированный стол и широкое кожаное кресло. За креслом на стене висел портрет Ленина. Когда все члены культбригады собрались в кабинете председателя, Штанько объявил, что доклад, который сделает Шлапак, рассчитан на пятнадцать минут и что потом могут быть какие-то вопросы. В общем, надо следить за временем, чтобы все были готовы и никого не надо было звать. Между тем Шлапак взял свои бумаги и направился в клуб. Музыканты вынули из футляров и чехлов инструменты и разобрали пюпитры. Танцоры достали свои костюмы, а фокусник проверил свое хозяйство. После этого все занялись кто чем попало: одни застучали в домино на полированном столе председателя колхоза, другие пошли в село в надежде купить по дешевке овощи или фрукты, а трубач и хромой певец пошли в клуб послушать Шлапака.

Примерно через двадцать минут из клуба пришел трубач и сказал, что доклад подходит к концу и что пора собираться. Все засуетились. Руководитель раздал ноты. В руках у него осталась только партия саксофониста-тенориста. Того не оказалось в кабинете. Посмотрели на улицу. Никаких следов. Трубач сказал, что в клубе саксофониста тоже не было. Тогда жена ударника вспомнила, что видела, как тот заходил в какую-то хату. Руководитель вместе с тромбонистом поспешили на поиски пропавшего музыканта. Жена ударника не ошиблась – саксофонист был в этой хате. Он сидел в сенях на табурете у самодельного дощатого стола. Он был не один. Напротив него, согнувшись и положив голову на стол, сидел культсектор Штанько. Между ними на столе стояла опорожненная литровая бутылка самогона и две алюминиевые кружки. Здесь же лежали ошметки сала и шелуха от луковицы. Когда руководитель с тромбонистом вошли в сени, Штанько не пошевелился, а покачивающийся на табурете саксофонист повернул голову и, приподняв с трудом веки, посмотрел мутными глазами на вошедших. Кажется, он еще что-то соображал, так как, качнув несколько раз головой, пробубнил: «Сейчас иду». Руководитель с тромбонистом не стали тратить понапрасну слов, а, подхватив саксофониста подмышки, потащили его в кабинет председателя. При этом он вяло перебирал ногами и что-то бормотал. Конечно, было ясно, что толку от упившегося саксофониста будет мало, тем более, что времени на вытрезвление не оставалось, но саксофонист был необходим и руководитель надеялся на чудо. Вместе с тем руководитель решил принять меры, чтобы во время концерта пьяный саксофонист не свалился со стула. Поэтому он попросил пианистку сесть за спиной саксофониста и держать его за ремень, но так чтобы из зала не было заметно. Вообще-то пианистке здесь нечего было делать, поскольку в клубе не было фортепиано и это знали заранее, но она все же решила поехать из солидарности с тромбонистом. После того как притащили саксофониста участники самодеятельности поспешили в клуб.

Только фокусник и танцор, не занятые в начале концерта, вместе с женой ударника пошли за культсектором Штанько. Они нашли того в той же позе, в какой его оставили руководитель и тромбонист, схватили культсектора за руки и поволокли по пыльной дороге как тряпку. Втащив Штанько в кабинет председателя, фокусник и танцор аккуратно положили того на подстилку в углу возле стола, а сами, захватив свои причиндалы, поспешили в клуб.

Помещение клуба было небольшим, вместимостью не более ста человек. Здесь стояло с десяток скамеек, изготовленных из толстых строганных досок, а на маленькой сцене был простой стол и несколько стульев. Конечно, стол пришлось убрать и, тем не менее, участники самодеятельности едва поместились на сцене. Пока музыканты занимали свои места, от группы колхозных ребят, стоявших у дверей, отделился паренек, одетый в отличие от остальных «по городскому», и, подойдя к сцене громко заявил:

– Хлопци, жарьтэ одну твыстяру.

Этим он хотел сказать, чтобы оркестр исполнял только твист – один из двух ставших тогда популярными танец. Другим был шейк. Это публичное заявление паренька по замыслу должно было возвысить его в глазах темных односельчан, не имевших никакого понятия о твыстяре. К сожалению, оркестр не мог выполнить просьбы колхозного модника – твиста в программе не было. И вообще весь концерт прошел далеко не на самом высоком уровне. Впрочем, могло быть и хуже. Во всяком случае, пьяный саксофонист, который бесчувственными губами пытался удержать мундштук и бессмысленно дул мимо саксофона, несколько раз был на грани падения на пол, и лишь благодаря героическим усилиям пианистки оставался на стуле.

После концерта к сцене подошел председатель колхоза и, сказав: «дякую» участникам самодеятельности, направился в свой кабинет. За ним потянулись культбригадовцы. При этом танцор был приставлен «телохранителем» к нетвердо державшемуся на ногах саксофонисту и потащил его как медведя на цепи.

Председатель колхоза был явно в хорошем настроении, однако стоило ему открыть дверь своего кабинета, как он тут же окаменел как жена Лота. То, что он увидел, было страшнее картины гибнущего Содома. Это был культсектор Штанько. Он успел к этому времени очнуться и стоял в углу в положении неустойчивого равновесия, как матрос на палубе в штормовую погоду. При этом корпус Штанько качался во все стороны, ноги подгибались, а голова болталась как на привязи. В правой руке культсектор держал что-то и этим зигзагообразно мочился на стенку. В кабинете стоял резкий запах плохо переваренной желудком пищи.

– Що цэ робыться?! – в ужасе закричал председатель, – немного придя в себя, – Як вам нэ соромно?! Цэ ж хвормэнэ бэзобразие! А щэ культурна брыгада называеться!

Участники самодеятельности, столпившись в дверях, не знали что предпринять, а председатель тем временем распалялся. Культсектор Штанько, видимо, каким-то образом почувствовал, что гневные филиппики председателя адресованы ему. Поэтому, закончив орошать стенку и выпустив из рук то, что он держал, и, не заправив это в ширинку, Штанько в несколько приемов повернулся и сделал попытку приподнять голову. Однако она не удержалась и упала на грудь. Тогда Штанько удвоил свои усилия. На этот раз ему удалось на короткое время удержать голову почти в вертикальном положении. При этом Штанько с трудом разлепил веки и посмотрел осоловелым взглядом на своего обидчика.

– Вы, – пробубнил он непослушными губами и отрыгнул. После этого он сделал паузу, еще раз отрыгнул и закончил фразу:

– Вы – свыня!

– Що?! – рассвирепел председатель, – я ще свыня! Ах ты мэрзотнык! Ах ты паскудныk! Ах ты нэгидныk! Як вам цэ подобаеться?! Я ще свыня! Ах ты фулюганська морда! Я тоби покажу «свыня»! Поклычьтэ нэгайно милицонэра!

Исполнитель украинских песен понял, что надо разрядить обстановку, и дал знак двум дюжим молодцам из культбригады выволочь Штанько на улицу, а сам при этом тоже принялся ругать культсектора Штанько, даже громче чем председатель колхоза. К нему присоединился трубач. Остальные члены культбригады с интересом наблюдали происходящее, оставаясь нейтральными. А трубач и хромой певец, выбив таким образом оружие из рук председателя и овладев его вниманием, сказали ему, что это дело так не будет оставлено, что виновник будет сурово наказан и изгнан из коллектива с плохой характеристикой. Кроме того, они пообещали от имени парторганизации института возместить все убытки, касающиеся ремонта и уборки кабинета.

– И вообще, – сказали они, – если у колхоза будут какие-либо трудности с ремонтом оборудования или с запчастями, институт пойдет навстречу и окажет посильную помощь.

Под напором этих обещаний председатель колхоза начал медленно остывать. Тогда певец с трубачом попросили его не подымать шума вокруг этого инцидента, сказав, что в вопросе, касающемся недостойного поведения участника культбригады, будут приняты все необходимые меры и что председатель будет информирован об этом. Все еще сохраняя на лице гневное выражение, председатель вышел из кабинета и, процедив сквозь зубы: «Добрэ. Побачымо»,

сел в машину и укатил.

Тем временем участники художественной самодеятельности быстро собрали свои вещи, так как смрад в кабинете стоял невыносимый, и тоже выскочили на улицу. Там они окружили сидящего на земле культсектора Штанько, чтобы оградить его от любопытных взоров выходящих из клуба колхозников. Минут через десять подошел автобус с вернувшимся после лекции в совхозе Шлапаком. Культбригадовцы начали быстро садиться, причем первым втащили в автобус Штанько и положили его на заднее сидение. Увидев это, Шлапак выразил недоумение и беспокойство. Тогда хромой певец подсел к нему и начал шепотом объяснять, что произошло. Жена рыжего ударника поставила барабаны подальше от Штанько из боязни, что тот начнет блевать или буянить. Когда все поднялись в автобус, Шлапак сказал водителю, что можно ехать. Автобус тронулся, запрыгал на ухабах и окутался облаком пыли. Штанько скатился на пол и начал издавать какие-то нечленораздельные звуки. Кажется, он пел. Все расселись почти в том же порядке что и раньше и приступили к обмену мнениями. Только пьяный саксофонист, развалившись на сидении, захрапел. А Шлапак, певец и трубач, склонив головы, полушепотом разрабатывали стратегию обороны. Культбригада возвращалась в свою штаб-квартиру.

Богема на Кузнечной.

(Рассказ для взрослых)

Поступив в новом городе на новую работу, я почувствовал себя как человек, вошедший ярким солнечным днем с улицы в темный зал кинотеатра. Первое время ничего нельзя было разобрать. Однако постепенно обстановка прояснилась, и я начал различать отдельные фигуры. Одним из первых выплыл из мрака некто по имени Вова. Заметил я его не потому, что он имел какие-то особые физические данные, а по другой причине. Вова привлек мое внимание своим необычным поведением. Длительные периоды сонливого безделья за кульманом сменялись у него короткими вспышками бешеной активности, ничего общего не имевшей с конструкторской деятельностью. То, сняв ботинки, он тщательно прилаживал недавно купленные ласты и очки для подводного плавания, то шумно возился с ящиками стола, пытаясь их починить, то яростно пробивал новую дырку в поясе, то бегал звонить по телефону, и не менее десяти раз в день выскакивал в коридор, чтобы выкурить пару сигарет и побалагурить. Позже я узнал, что, несмотря на то, что он целый день валял дурака на работе, Вова приходил после этого домой совершенно изможденным и, не раздеваясь, валился на тахту как куль соломы и тут же засыпал. Будила его жена часа через два когда, придя с работы, заканчивала приготовление ужина. С этого

момента Вова оживал и энергия начинала вливаться в него как у Антея от прикосновения к Матери – Земле, причем пик активности приходился примерно на час ночи.

Был Вова среднего роста, не очень крепкого физического сложения, приятной внешности и с ранней проседью на висках. На вид ему было лет тридцать. Когда мы познакомились, оказалось, что он живет недалеко от меня на Кузнечной улице и вскоре мы с женой были его гостями. Дом, в котором жил Вова, был добротным капитальным сооружением, построенным еще до революции, и как все дома того периода отличался высочайшими потолками, колоссальными дубовыми дверьми, огромными окнами, толстыми стенами и роскошным вестибюлем. В этом доме Вова с женой занимали одну из двух комнат в многолюдной коммунальной квартире. Во второй комнате, которая оказалась проходной, ютились родители жены и сестра тещи. Небольшая комната Вовы была заполнена до отказа. Почти половина ее была занята самодельной тахтой метра три шириной, от стенки до стенки, с узкими проходами с обеих сторон. В другой части комнаты господствовал огромный концертный рояль. И это, пожалуй, все, если не считать небольшого буфета, верхняя застекленная часть которого была занята посудой, а нижняя закрытая – бельем.

Не помню, что послужило поводом для нашего первого визита. Таких поводов, слава Богу, было предостаточно. В сумерках, войдя в темное парадное дома, мы обнаружили там троих обтрепанных, подозрительного вида мужичков, которые допивали «из горла» бутылку водки. В парадном стоял тяжелый дух испражнений. Прошмыгнув мимо занятых своим делом алкашей, мы поднялись на второй этаж и позвонили. При этом мы, кажется, ошиблись. Надо было два длинных и один короткий звонок, а мы сделали что-то не то. В коридоре зажглась лампочка и дверь нам открыла довольно бойкая старушка, которая в недоумении уставилась на нас и спросила что нам нужно. Мы сказали, что пришли в гости к Вове. Старушка вскипела и начала ругать Вову и нас, что потревожили ее неправильным звонком, и что из-за нас она должна жечь свое электричество. Все двери в коммунальной квартире приоткрылись и в образовавшиеся щели начали выглядывать любопытные соседи Вовы. Все еще ворча, старушка ушла к себе в комнату и выключила свет. Мы оказались в полной темноте в коридоре, заставленном шкафами и заваленном велосипедами, санками и тому подобным. Положение спас выскочивший на шум мальчик лет десяти, который подвел нас к квартире Вовы. Пришлось довольно долго стучать, пока нам открыли дверь. Это теща Вовы услышала наш стук, несмотря на невероятный шум в соседней комнате.

А там было полно гостей, многие валялись на тахте, другие столпились возле рояля. Вова представил нас своей жене Тамаре. Она оказалась довольно крупной, широкоплечей с длинным прямоугольным туловищем и непропорционально короткими несколько изогнутыми ногами. Черты лица, однако, были красивыми, библейскими. Шея высокая, волосы редкие, прямые и стрижены «под мальчика». В общем, внешность была неординарной. Тамара оказалась хорошей пианисткой, профессиональным музыкантом, преподавателем в консерватории. Вова тоже немного играл на пианино, но это была любительская игра, ни в какое сравнение не шедшая с мастерством жены.

Несмотря на тесноту, в комнате царил разгул. Все говорили одновременно, пили вино и кофе, пели, играли, слушали новые пластинки, затевали любовные интрижки и даже танцевали в узком проходе между тахтой и роялем. Вова был необычайно возбужден, играл, пел и ухитрялся одновременно участвовать во всех разговорах. Тамара наоборот больше молчала, слушала и величественно выполняла роль хозяйки. Для нас такая вакханалия явилась неожиданностью. Поэтому мы побыли немного для приличия, а потом откланялись.

Когда я ближе познакомился с Вовой, он поразил меня своим широким кругом интересов: от Хемингуэя до «сердитых молодых людей», от Родена до Эрнста Неизвестного, от Гарсия Лорки до Андрея Вознесенского и от «Голубой рапсодии» Джорджа Гершвина до песенок Френка Синатры. Кстати, Вова довольно удачно имитировал голос и манеру последнего. Однако мне кажется, что выше всех Вова ставил творчество своего неординарного приятеля Юры, стихи которого знал наизусть и часто декламировал его поэму о любви, которая начиналась словами: «Ты во время акта закроешь глаза», а также поэму о милиционере. По словам Вовы, этот Юра, который работал в «Укрконцерте» то ли аккомпаниатором, то ли литератором, был настоящим универсалом и полиглотом. Это он снабжал многих певцов, любителей и профессионалов, популярными зарубежными новинками, а также своими переводами. Так мексиканскую песню «Be same mucho», что значит «Целуй меня крепче» он перевел как «Гордый мой, люди несмело», а песенку одной из стран Народной демократии «Девойку мале», что значит «маленькая девочка» он перевел как «Парнишка робкий». Этому же Юре долго приписывали авторство песни «Четыре неразлучных таракана и сверчок» пока не обнаружилось, что до него эту песню уже кто-то один раз сочинил в Италии.

Как-то Юра снабдил одного своего приятеля по его просьбе новой мексиканской песней, которую никто еще в стране не знал.

– Ты будешь первым исполнителем в СССР, – уверенно сказал своему приятелю Юра. Это было именно то, что хотелось певцу, а,

кроме того, ему нравилось, что текст был оригинальным, не перевод. И хотя, как большинство певцов, приятель Юры был не «семи пядей во лбу» и никогда не учил испанского языка, познакомившись с текстом, он выразил недоумение по поводу одной фразы:

– Слушай, Юра, ты же сказал, что это песня про любовь. При чем же здесь революционное «No passaran!»

– «Ну, как ты не поймешь, – снисходительно поучал его Юра, – «No passaran!» – это не революционное. Такую фразу применяли во время войны в Испании, и значит она: «Не пройдет». В этой песне влюбленный парень предлагает своей девушке пойти с ним в постель, а она ему отвечает: «No passaran!», то есть: до свадьбы этот номер у тебя «не пройдет!»

Певец был удовлетворен разъяснением, выучил текст и мелодию, а потом много раз с большим успехом исполнял эту песню, пока не пришел черед выступить на концерте в Институте иностранных языков, который особенно славился своим испанским факультетом. Когда было объявлено, что песня исполняется на испанском языке, публика в зале оживилась. И приятель Юры запел. Но прошло всего несколько секунд, как по залу прокатился смешок. Потом смех начал нарастать и, в конце концов, превратился в гомерический хохот. Такой абракадабры в стенах института еще не слышали. Когда после концерта выяснилось, в чем дело, опозоренный певец смертельно обиделся на Юру и потом долго с ним не разговаривал. А Юра несколько позже вынужден был со смехом признаться, что этой фразой «No passaran» ограничивалось его знание испанского языка.

Как я уже сказал, Вова боготворил Юру, а вот как Юра относился к Вове, не могу сказать, так как ко времени нашего знакомства Юра не появлялся в их квартире. По крайней мере, я его ни разу там не видел. Но если не Юра, то много других знаменитых людей посещало квартиру Вовы. И среди тех, кто часто наносил им визиты, было несколько сотрудников «Мосфильма», которые появлялись у Вовы каждый раз, когда их приглашали на съемки в киностудию имени Довженко. Однажды я застал в гостях у Вовы актера «Мосфильма» некоего Мишу, исполнителя главной роли в кинофильме «Капитан первого ранга». Этот Миша оказался крупным, холеным, породистым красавцем, очень спокойным и мало разговорчивым. Тем не менее, он поведал несколько любопытных историй, одна из которых касалась известной актрисы Марченко, исполнительницы главной роли в кинофильме «Мой младший брат» по произведению Василия Аксенова «Звездный билет».

– Мы с ней сразу снюхались, – рассказывал Миша, – и по ее предложению решили провести эксперимент в парадном, тем более, что другие варианты на данном этапе не представлялись возможными.

– Для первого знакомства и парадное хорошо, – сказала она.

-Когда я к ней вошел, – неторопливо продолжал Миша, – она удивленно воскликнула: «Ого! Как у Пырьева!» Короче говоря, эксперимент прошел весьма успешно и закончился к обоюдному удовлетворению. И, в общем, так состоялось наше первое знакомство, – закончил свой короткий рассказ Миша.

Примерно в это же время Вова представил нас другому сотруднику Мосфильма. Это был молодой человек по фамилии Яровой, оператор хроникально – документальных фильмов, сын знаменитого оператора художественных фильмов народного артиста Ярового. Вначале новый знакомый не произвел на нас особого впечатления. Был он молчалив, много ел, мало пил и все время как бы присматривался и прислушивался. Несколько позже выяснилось, что Яровой недавно вернулся из командировки на запад Украины, где отснял фильм о прославленном свиноводе, Герое Социалистического Труда Чиже. Кто-то попросил Ярового рассказать об этом и он, слегка ухмыляясь, поведал следующую историю.

Когда он прибыл в район, на вокзале его встретил представитель райкома, который приветствовал его от имени Первого секретаря и отвез в местную гостиницу под названием «Дом колхозника». Он предложил Яровому отдохнуть немного и сказал, что скоро придет машина и его отвезут в колхоз. Яровой уже довольно много ездил по стране и поэтому, войдя в номер, не запрыгал от восторга и не впал в уныние. Как он и ожидал, в номере стояла железная кровать с матрасом и одеялом, тумбочка и стул. Стола не было. Зато в номере была раковина умывальника. Был ли там туалет и душ, Яровой предложил домыслить самим слушателям. Оставшись один в номере, он сел на кровать и стал ждать. Прошло довольно много времени, а машина не появлялась. Позже выяснилось, что председатель колхоза выигрывал время, чтобы приготовиться к съемке. Весь колхоз занимался очисткой свинарника Чижа, кроме того, туда провели электричество, приодели свинарок и самого Чижа, а заодно привели в порядок его хату. Только после этого послали машину за оператором. Яровой не стал выражать недовольство задержкой, а добросовестно накрутил целый час пленки, где были и свинарник без Чижа, и свиньи с Чижом, и сам Чиж без свиней в домашней обстановке, и Чиж, читающий по бумажке о том, как ему удалось вырастить такое количество свиней. После съемок Яровой был приглашен на обед к председателю колхоза. Обед, как говорится, прошел в теплой и дружеской обстановке с большим количеством спиртного. После обеда Ярового отвезли на машине в районный центр, в гостиницу. На прощание он подарил водителю бутылку «Московской», которую извлек из чемодана. Тот немедленно ее открыл и тут же наполовину опорожнил. После этого водитель сразу подобрел, полез лобызаться и у него развязался язык. Из его сбивчивого рассказа на ломаном русско-украинском языке с применением большого количества матерных слов, Яровой составил себе картину получения Чижом звания Героя Социалистического Труда.

Кому-то из начальства, то ли Первому секретарю райкома, то ли Первому секретарю обкома, показалось обидным, что в соседнем районе есть Герой социалистического труда, а у них нет. Вот он и решил сделать у себя героя. Провели быстрое обследование, выявили кандидатов и выбор пал на свиновода Чижа. Почему на него? Ходят разные слухи. В общем – началось. Стали одалживать поросят из частных хозяйств колхозников и посылать их Чижу. Одновременно посыпались сводки в министерства республики и Союза. В результате Чиж получил звание Героя, много денег и к нему стали ездить люди со всей страны. Слушая сбивчивую речь пьяного водителя, Яровой заметил, что лейтмотивом его исповеди было возмущение тем, что звание Героя дали не лучшей свинарке колхоза, его жене, а этому пустозвону Чижу. Ярового не очень поразил рассказ водителя. Он уже имел некоторый опыт и был знаком с техникой строительства «Потемкинских деревень» в стране.

Несмотря на то, что Яровой был весьма практичным человеком, иногда казалось что он «не от мира сего». Так он мог неожиданно явиться в третьем часу ночи в квартиру Вовы и, когда заспанные хозяева в ночных пижамах открывали ему дверь, Яровой удивленно восклицал:

– Как?! Вы уже спите?! А я вам замечательную селедку принес. Можно замариновать, а можно и так есть, только немножко приправить.

В другой раз он мог среди ночи притащить свежую баранью ногу, и опять хозяева лишались сна. Как обычно Яровой, войдя в дом и обменявшись с Вовой несколькими фразами, быстро надевал передник Тамары и зажигал плиту на общей кухне. После этого он начинал теребить хозяев:

– Вова, нужен лимон.

– Тамара, у тебя не найдется несколько маслин?

И так далее. И это притом, что лимоны появлялись в городе раз в году, а о маслинах давно уже никто не слыхал. Ярового совершенно не смущало то, что надо было топать по проходной комнате и будить стариков и что соседи непременно будут жаловаться на шум. Однако надо сказать, что готовил он превосходно. Вова как-то сказал мне, что кто-то из тех, кто давно знает Ярового, утверждал, что раньше он работал шеф – поваром в Кремле. Только раз мне удалось попробовать одно из экзотических блюд Ярового, после чего я готов был поверить, что он работал шеф – поваром где угодно.

На одном из буйных приемов у Вовы мы встретили актрису «Мосфильма» Наташу, одну из тех, с кем Олег Стриженов танцует в фильме «Белые ночи» по произведению Достоевского. Она сразу же привлекла наше внимание. Была она высокой, стройной, с хорошей фигурой, а также с густо накрашенным лицом, наклеенными ресницами, выщипанными бровями, темными фиолетовыми тенями вокруг неопределенного цвета глаз и копной взбитых волос песочного цвета. Ноги были хорошей формы. Но что особенно приковывало – это ее походка. От этого покачивания бедрами веяло чем-то эротическим, зовущим, вульгарным. Когда Наташа вышла прогуляться на Крещатик, не было ни одного молодого человека и даже ни одного пожилого мужчины, который не вперил бы в нее свой взгляд. Словно притянутые магнитом поволоклись за ней мужчины, пытаясь завязать знакомство. А Наташа шла по Крещатику как богиня, высокомерно и презрительно оглядывая тянувшуюся за ней толпу поклонников и никак не реагируя на их заигрывания. Вернувшись с прогулки, она заявила Тамаре, что ей не понравились киевские мальчики и что она хотела бы вызвать из Москвы своего приятеля. Тамара не возражала, но предупредила, что если он будет ночевать у них, то чтобы не было никаких фокусов, так как у них одна комната и постель общая. Наташа обещала, что все будет пристойно и позвонила в Москву. Через день в квартире у Вовы появился Наташин ухажер. Он оказался не актером, а подающим большие надежды спортсменом. Это был здоровый, мускулистый, рослый парень с квадратным лицом и слабо развитым интеллектом. Говорить с ним можно было только о спорте и выпивке. Весь вечер он просидел на тахте и вставал лишь затем, чтобы взять что-нибудь с крышки рояля, которая выполняла функцию стола. Он игнорировал музицирующих на фортепиано, презрительно смотрел на группу, затеявшую спор о Гогене и открывал рот лишь для того, чтобы поглотить очередную рюмку водки. Только один раз, когда кто-то заговорил о киевском «Динамо», он вставил фразу: «У Войнова здоровая колотуха».

Когда гости разошлись, те, кто остался, улеглись спать на тахту. Это были Наташа со спортсменом и, разумеется, Вова с Тамарой, которые изрядно устали и довольно быстро уснули. Проснулись они от какого-то зловещего шепота. Что-то происходило между гостями. Прислушавшись, Вова понял, о чем идет речь. Это спортсмен требовал от кинозвезды, чтобы она сделала ему то, что много лет спустя предложил некоей Пауле Джонс бывший губернатор Арканзаса, вызвав ее в номер, спустив штаны и направив на нее свой искривленный аппарат.

Наташа слабо сопротивлялась:

– Ты же знаешь, что мне это не нравится, – жалобно шептала она, – мне это не доставляет удовольствия.

– Бери, сука! – рявкнул спортсмен, и «богиня» покорно зачавкала.

Утром после завтрака Тамара отозвала актрису в сторону и сказала, что против нее они ничего не имеют и что она может приезжать к ним когда угодно и будет всегда у них желанным гостем, но его они не хотят больше видеть в своем доме. Это, пожалуй, был единственный раз, когда Вова с Тамарой остались недовольны кем-то из гостей. А вообще их «ассамблеи» в течение нескольких лет были очень успешными. Но как правильно сказал поэт: «В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань». Слишком уж разными были Тамара и Вова. И детей у них не было. На чем держался их союз – трудно сказать. Но вот пришел момент, когда этот союз распался. И когда это случилось, богема на Кузнечной перестала существовать.

НЕРАВЕНСТВО РАВНЫХ.

Ничего удивительного, что я, как почти все советские граждане, не читал в России книг Орвелла и даже не знал о их существовании. Думаю, что если бы Органы Безопасности обнаружили у кого-нибудь в те времена эти книги, то расстреляли бы такого человека на месте без суда и следствия. Ведь то, что там написано, было страшнее водородной бомбы. Однако я и без этих книг сам пришел к заключению, что провозглашенный в СССР закон о равноправии всех граждан имеет неписанное дополнение: «Некоторые граждане более равны, чем другие». Кроме того, я скоро начал подозревать, что основной принцип социализма: «От каждого по способностям, каждому по труду», на практике не соблюдается. От моего внимания не ускользнуло, что начальник отдела, который целый день валяет дурака, получает в полтора раза больше старшего инженера, работающего с утра до вечера в поте лица за кульманом. А директор института, который вообще ни хрена не делает, получает астрономическую сумму в 350 рублей в месяц. Иногда мне в голову даже заползала мысль о том, что может быть те, кто стоят еще выше, получают еще больше, но я отгонял эту мысль как крамольную. И только случайное знакомство позволило мне заглянуть в мир высших сфер и внести ясность в этот вопрос.

В те годы в нашем институте был так называемый ускоренный факультет, где учились всего два с половиной года вместо пяти. Туда принимали не со школьной скамьи, а тех, кто уже работал несколько лет на инженерных должностях, но не имел высшего образования. На этом факультете учились прорабы, начальники участков и даже главные инженеры. При этом возраст этих студентов в

среднем приближался к тридцати годам, и у многих, естественно, были семьи.

Однажды почти в середине учебного года на этом факультете появился новый студент. Это был хорошо сбитый плотный парень лет двадцати пяти или немного старше. Чуть выше среднего роста с довольно правильными чертами лица. Одет во все импортное и причесан по последней моде. Нельзя было не обратить на него внимание. Как-то он появился в зале, где проходила репетиция самодеятельного эстрадного оркестра института, которым я руководил, и просидел там до конца репетиции. Потом новоприбывший студент поднялся на сцену, протянул мне руку и сказал:

– Давайте познакомимся. Меня зовут Владимир, а для друзей я просто Володя или даже Вова.

После этого он сказал, что у него есть саксофон, что он очень любит этот инструмент и хотел бы хоть в малой степени овладеть им. Не могу ли я помочь ему в этом деле, разумеется, за определенное вознаграждение. Я ответил, что попробую помочь ему, но ни о каком вознаграждении не может быть и речи. Вова кивнул головой и сказал, что он не хотел бы остаться в долгу. На что я ответил, что пусть это его не беспокоит.

На следующую репетицию Вова принес свой инструмент. Это оказался новенький французский тенор-саксофон фирмы Selmer, признанный лучшим в мире, страшно дорогой и в те годы совершенно недоступный советским музыкантам. Я удивился и спросил у Вовы, каким образом этот инструмент попал к нему в руки, на что Вова дал какой-то уклончивый ответ. Я понял, что не стоит касаться этой темы и больше не спрашивал об этом. Только много позже я разобрался, что к чему. Поскольку в институте было неудобно заниматься, то Вова предложил пойти к нему в общежитие. В нашем институте тогда было три общежития: женское и мужское для студентов, где в каждой из комнат проживало от трех до шести человек, а также общежитие для преподавателей, в котором каждый занимал отдельную комнату и где жили также два или три привилегированных студента, таких, например, как секретарь комитета комсомола института, впоследствии ставший секретарем обкома партии. Так вот, Вова неизвестно каким образом оказался в этом общежитии и занимал отдельную комнату размером порядка десяти квадратных метров. Комната показалась мне шикарной, несмотря на то, что обстановка в ней была «спартанской». Здесь стояли раскладная кровать, небольшой платяной шкаф, стол с двумя стульями и кульман. Рядом с кроватью валялись два огромных кожаных чемодана и больше в комнате ничего не было. Зато стены были сплошь увешаны большими портретами джазовых музыкантов и кинозвезд. Здесь

висел огромный портрет играющего на трубе Луи Армстронга, у которого от напряжения выступили на лбу капельки пота. Тут было несколько портретов саксофонистов и среди них портрет играющего Чарли Паркера, затем Глен Миллер со своим оркестром, Бени Гудман и еще кто-то. А что касается кинозвезд, то все они были в купальных костюмах. В общем, было на что посмотреть.

Вот здесь я начал давать Вове небольшие уроки игры на саксофоне и сказал, что добиться успехов можно лишь в том случае, если заниматься самостоятельно. Он принялся за дело с большим энтузиазмом. Несколько позже я узнал, что на Вову начали жаловаться соседи по общежитию. Оказалось, что он по ночам ревел на своем саксофоне, особенно после выпивки. А пил он довольно часто. И меня вовлекал в это дело. Выглядело это так. Каждое наше занятие заканчивалось тем, что Вова упрашивал меня поужинать с ним. Я соглашался и приходил к нему вечером. Меню неизменно состояло из бутылки вина или какого-нибудь «Зверобоя», крабов и печени трески, которых тогда было навалом в магазинах, а также из неизвестно откуда взявшихся зернистой икры и экзотических маслин. После «ужина» я плелся в свое общежитие, а Вова, как выяснилось, начинал упражняться на саксофоне. Соседям его пришлось довольно долго воевать, пока Вова не прекратил свои ночные занятия. При этом кажется, какие-то высшие силы были вовлечены в эту тяжбу. Прошло немного времени, и Вова вошел в круг моих институтских друзей, состоявший почти из одних евреев. Вова нравился всем. Был он прост в обращении, молчалив, скрытен и умел внимательно слушать. А после одного эпизода к Вове стали относится с особым уважением. Это произошло незадолго до смерти Сталина в разгар антисемитской кампании «Дела врачей». Мы шли по дороге к трамвайной остановке с намерением поехать в кино. В одном месте на противоположной стороне улицы какой-то пьяный орал не своим голосом. Подойдя поближе, мы услышали, что он призывал к расправе с евреями.

– Жиды – убийцы наших вождей! Бей жидов! Гитлер их не дорезал!

Мы опустили головы и притворились, что не слышим этой скотины. Так поступали почти все евреи. Мы были пришиблены, унижены, беззащитны. А когда мы поравнялись с новоявленным погромщиком, Вова неожиданно отделился от нашей группы, подошел к этому мерзавцу, который был намного крупнее Вовы, настоящий бугай, и одним коротким ударом в челюсть отправил того в нокдаун. Удар был профессиональным. После этого Вова вернулся к нам, не сказав ни слова. Мы чувствовали себя неловко и сделали вид, что ничего не произошло, но с тех пор авторитет Вовы вырос в наших глазах неимоверно.

К учебе в институте Вова не проявлял особого рвения. Доминирующей отметкой в его зачетке было «удовлетворительно». Только по черчению у него было «отлично». И, кроме того, он замечательно рисовал. Будучи по натуре очень скрытным, Вова в пьяном виде все же иногда случайно проговаривался, и я узнал, что он до этого учился несколько лет в Московском Архитектурном институте, но был исключен из него за какую-то провинность. Затем он какое-то время учился в Московском Строительном институте, откуда был изгнан за что-то в середине учебного года, и лишь после этого оказался на ускоренном факультете нашего захолустного института. Даже зная, что Вова довольно легкомысленно относится к своей учебе в институте, я все же не допускал мысли, что эти изгнания были результатом его академической неуспеваемости. Скорее всего, здесь было что-то другое.

А вот к занятиям на саксофоне Вова относился очень прилежно. Уже через полгода я включил его в состав нашего эстрадного оркестра, где кроме советских студентов, были студенты из Чехословакии, Венгрии, ГДР и даже из Китая. Под влиянием Вовы репертуар оркестра начал меняться. Вместо песен Дунаевского и Блантера появились песенки типа «You belong to me», песни Джорджа Гершвина, «Караван» Дюка Элингтона и тому подобное. Иногда Вова приносил ноты, иногда напевал мелодию, и я расписывал ее для оркестра. Студенты института с восторгом приветствовали изменение нашего репертуара. Наступили летние каникулы. Все начали разъезжаться по домам, и Вова пригласил меня к себе в гости. Жил он на Фрунзенской набережной. В прежние годы я часто проезжал мимо этого района и помню, какие здесь были трущобы, застроенные одноэтажными халупами, и помню когда началась реконструкция этого района. Теперь же вместо халуп весь район был застроен огромными многоэтажными домами. В одном из них жил Вова. В назначенное время он встретил меня у станции метро, и мы поехали к нему домой. В роскошном лифте мы поднялись на восьмой этаж, и достаточно было Вове открыть обитую кожей входную дверь, как я впал в состояние, которое можно назвать одним словом «обалдел». Уже один размер прихожей и ее оборудование показались мне фантастическими. Здесь, как в хорошем музее, мне пришлось снять обувь и надеть прокатные тапочки. И дальше я понял для чего это делается. Почти во всех комнатах полы были покрыты дорогими коврами. Так в гостиной размером порядка сорока квадратных метров, если не больше, лежал роскошный белый в цветах ковер, который был несколько великоват, так что его края отгибались на стены. Позже я узнал, что это был индийский ковер ручной вязки. А в первый мой визит я был просто озадачен. Оказалось что в этой квартире, состоящей из семи комнат, живет всего пять человек: ро-

дители Вовы, он сам, его сестра и домработница, которая все делает в доме. Внутреннее убранство этой квартиры напоминало царские покои во дворце Петергофа. Все стало проясняться лишь после того как я узнал, что отец Вовы раньше был министром строительства и только недавно был смещен с этого поста и назначен главным инженером по строительству за рубежом. Одним из его объектов был Бхелайский металлургический комбинат в Индии, где он находился в настоящее время вместе со своей женой. Оттуда и еще откуда-то отец Вовы присылал дорогие ковры, мраморные скульптуры, фарфоровые и хрустальные изделия. Между прочим, он прислал дочери Лене, которая училась в Московской консерватории, белый рояль фирмы Steinway and Sons. Этот инструмент стоял в гостиной и сливался по цвету с ковром. Святослав Рихтер, который был вхож в их дом, увидя этот рояль и поиграв на нем немного, чуть ли не на коленях умолял Лену и ее родителей продать ему этот инструмент. Рихтер был готов заплатить за него любые деньги, но Лена отказалась, сказав, что это подарок отца, а подарки она не продает.

После первого визита я был еще несколько раз в гостях у Вовы. Один визит оказался особым. Накануне Вова мне сказал, что его родители прилетели из Индии, что завтра у них собираются гости, и отец, наверное, будет рассказывать об этой стране. В общем, если мне это интересно, то он просит меня приехать к шести часам. Я, конечно, не отказался, и в назначенное время был у них дома. Гостей собралось довольно много. В огромной столовой творились чудеса. Вышколенные официанты сновали между гостями и на подносах разносили напитки и маленькие бутерброды. А на длинном столе было красиво расставлено множество разнообразных блюд. Вова представил меня своим родителям, которые небрежно кивнули мне, а также познакомил со своей довольно привлекательной сестрой. Она не проявила особого интереса и безразлично протянула мне руку.

Отец Вовы рассказывал много интересного о кастах, йогах, священных коровах, обычаях, а также об отношении к советским специалистам. Однако больше всего меня поразили некоторые цифры. Так, например, отец Вовы сказал, что неквалифицированный рабочий на строительстве комбината получает всего одну рупию в день. Этого едва хватает на то, чтобы купить связку бананов и хоть как-то накормить семью. Рис едят только по праздникам. А жилье ничего не стоит, так как эти рабочие живут в самодельных хижинах, сделанных из бамбука и разных веток. Затем, отвечая на вопросы гостей, отец Вовы назвал еще одну цифру, которая меня буквально ошеломила. Оказалось что он помимо своей умопомрачительной зарплаты, равной то ли шестистам, то ли восьмистам рублей в месяц, получает от индийского правительства триста рупий в день. В триста раз больше

чем простой рабочий! Вот откуда эти ковры, рояли и тому подобное! Тут у меня окончательно пропали всякие сомнения насчет того, что в СССР «некоторые граждане равны больше чем другие». И я ушел с этого вечера в довольно подавленном состоянии.

После окончания института, отправляясь по распределению на Кавказ, я встретился на площади Маяковского с Вовой, который, как и все студенты ускоренного факультета не был распределен, а должен был вернуться на свою прежнюю работу. Вова был в компании нескольких друзей, с которыми познакомил меня, после чего мы по его инициативе «завалились» в бар ресторана «Пекин». Ребята начали заказывать разные коктейли: «Огни Москвы», «Маяк»,» Северное сияние» и еще какие-то. В общем, мы довольно скоро как говорится «набрались», и пошли воспоминания о студенческих похождениях. И тут я узнал много интересного. У всех этих ребят были дачи в Подмосковье. Вот на этих дачах творились чудеса. Любой праздник, даже самый незначительный, отмечали на какой-нибудь из этих дач. Предварительно запасались продуктами, спиртным и набирали девиц. В основном, это были проститутки. Не те шикарные дамы, которые дефилировали перед гостиницей «Метрополь», платили отступного милиционерам и обслуживали иностранных туристов и высокопоставленных советских чиновников, а местные шлюхи не очень высокого пошиба. Количество их должно было соответствовать количеству ребят. Набиралось до десяти пар. Сначала устраивали застолье, на котором больше пили чем ели, а потом начинались игры. Играли на бильярде, в настольный теннис, в карты. Танцевали и пели. Кульминацией праздника был изощренный групповой и индивидуальный секс, после которого делали передышку и подкреплялись, а затем возвращались в город и развозили девушек по домам. Разумеется, не обходилось и без скандала. После одного из таких веселых вечеров хозяин дачи обнаружил пропажу из своего кошелька довольно крупной суммы денег. Успели задержать гостей и сделать обыск. Деньги нашлись в потайном месте у одной из проституток, которая нагло заявила, что это ее деньги. Рассвирепевший хозяин дачи отобрал деньги и жестоко избил воровку, будучи уверенным, что никаких последствий не будет. Однако он ошибся. Пострадавшая оказалась «крепким орешком». Она сняла побои и заявила в милицию. Заварилась каша. Дело каким-то образом замяли, но после этого ребята стали осторожнее с проститутками.

В другой раз на вечер были приглашены подружки ребят, и все было более благопристойно. При этом Вова пригласил свою новую знакомую, студентку из другого института. И тут произошло то, чего он не ожидал. Новая знакомая Вовы наотрез оказалась совокупляться с ним. Пьяный Вова взбесился и грубо ее изнасиловал. Последствия

этого были довольно серьезными. Отец пострадавшей оказался одного калибра с Вовиным отцом. В результате, Вову изгнали из института, а может быть, даже судили, но об этом ребята не рассказали.

Больше ничего я не запомнил из множества рассказов, услышанных в баре ресторана «Пекин», но даже это удивительно, так как после нескольких коктейлей я почти ничего не соображал, и тем не менее, все же получил представление о том, как развлекаются те граждане СССР, которые более равны.

Прошло лет пять. За это время я успел отработать положенное мне по распределению, после чего женился и поселился в Киеве. С Вовой я потерял всякую связь. И вот однажды, будучи в командировке, я столкнулся с ним в Москве у метро на площади Дзержинского. Я был рад встрече. Мы поздоровались. На первый взгляд Вова мало изменился, но стал каким-то беспокойным. После короткого обмена сведениями и адресами (причем он больше спрашивал, а я отвечал) Вова предложил зайти в кафе – автомат, расположенном рядом со станцией метро и известным своим Жигулевским пивом и вкусными сосисками с капустой. Там Вова вкратце поведал мне свою историю. Он женился, детей пока нет. На работе недавно случилась неприятность, и ему пришлось уйти. Он уже нашел другую работу и на следующей неделе должен приступить. А пока он получит первую зарплату, у него есть небольшая денежная проблема. Знакомой девушке нужно сделать аборт. Не могу ли я ему одолжить на короткое время рублей пятьсот. Я сказал, что у меня есть всего двести рублей, на которые я должен кое-что купить. Вова попросил дать ему эти деньги и список вещей, которые я намерен был приобрести. Он пришлет в ближайшее время все это в посылке и даже с лихвой. Так что мне не о чем беспокоиться. Я ведь знаю, что он не любит оставаться в долгу.

Признаться, я не без колебаний одолжил ему эти деньги. Было здесь что-то сомнительное. К тому же, когда мы вышли из кафе, Вова как-то поспешно распрощался и исчез.

Прошло месяца два. От Вовы – ни слуху, ни духу. Я написал ему коротенькое письмо и напомнил о долге. Не получив ответа, я через месяц написал еще одно письмо. На этот раз Вова откликнулся. Его письмо содержало всего несколько строчек. Вопреки моим ожиданиям, он не просил извинения за то, что до сих пор не выполнил своего обещания, и не объяснял этой задержки своей занятостью и тем, что не смог пока найти перечисленных в списке вещей. Напротив, в резких тонах Вова выразил свое возмущение тем, что я тревожу его по пустякам, проявляю такую мелочность и упрекаю его за какую-то ерунду. Разумеется, после этого я перестал его тревожить.

Да, некоторые граждане в СССР были более равны, чем другие.

ЕРАЛАШ

ОХЛАМОН.

От Рязани до Москвы около двухсот километров. На этом пути скорый поезд делает всего одну остановку, в Коломне. Все остальные поселки на этой дороге обслуживаются грязными и ободранными рабочими поездами. А между тем, среди этих поселков есть довольно любопытные места, заслуживающие внимания. Вот, например, Дягилево. Бывший тайный центр и рассадник баптизма в России, разгромленный в 1949 году после того, как два призывника из этого поселка, принимая присягу, отказались взять оружие в руки. Потом какие-то злопыхатели пустил слух, что якобы баптисты в Дягилево не столько молились сколько устраивали настоящие оргии, что собирались они, в основном, для беспорядочных половых общений. А вот другой поселок на этой дороге Луховицы всегда был известен своими поросятами. Что касается районного центра Рыбное, то он, видимо, славился когда-то большими уловами на Оке и отсюда получил свое название. Однако в описываемое нами время в этой реке уже почти не водилась рыба, и только браконьерам удавалось кое-что поймать ночью с помощью фонаря и остроги, как в доброе старое время. Зато поселок Рыбное стал теперь известен своими танцами в клубе под баян. В выходные дни по вечерам сюда съезжались парни и девушки со всех окрестных мест, включая Дягилево, Луховицы и даже далеко отстоящей от железной дороги Константиновки. Это были первые послевоенные годы, разруха, все обнищали, и можно себе представить в каких убогих нарядах танцевала молодежь, особенно парни. Баянист, по всей вероятности, самоучка, был не без способностей, но с очень ограниченным репертуаром. Однако никто на это не жаловался и это не снижало его большой популярности. Само собой разумеется, что скопление в одном месте молодых людей из разных поселков, часто незнакомых друг с другом, вызывало конфликтные ситуации. Драки носили групповой характер, но без применения холодного оружия. Только один раз я видел как пьяный участник драки вытащил финку, но в ход ее не пустил, удержанный своими же земляками. Обычно драки были скоротечными и прекращались с появлением милиционера. А после этого танцы продолжались как ни в чем не бывало. По окончании танцев многие разбредались по Рыбному, при этом некоторые из тех, кто прибыл из других поселков, уезжали уже на самой последней электричке.

Однажды после танцев, провожая своих подружек, мы с Васей Царьковым несколько задержались и опоздали на последний поезд. После этого случая мы еще несколько раз опаздывали, но лишь в первый раз мы по-настоящему досадовали на свою оплош-

ность. Пришлось коротать ночь на маленьком неказистом вокзале в Рыбном. Тут было два помещения: так называемый «зал ожиданий», маленькая комната, куда была встроена билетная касса и где стояло несколько грубых деревянных скамеек. Другим помещением был буфет. Это была совсем крошечная комната, в которой едва помещались небольшой грязный пластмассовый столик на металлических ножках и такие же четыре стула. За стойкой под стеклом лежало подозрительного вида печенье и несколько банок консервированных баклажан. А за спиной у буфетчицы на полке стояли бутылки Портвейна и Белого крепленого вина. Официально водка не продавалась. В выходные дни и по праздникам буфет работал допоздна. Когда мы пришли с Васей на вокзал, все скамейки в зале ожиданий были заняты какими-то забулдыгами, постоянной клиентурой вокзала. Устроиться на ночь на грязном полу нам не хотелось. Пришлось пойти в буфет и заказать себе по стакану вина – иначе не разрешили бы сидеть за столиком. Но только мы сели, как тут же к нам подковылял пьяненький мужичок средних лет, обтрепанный, грязный, заросший, в рваном пиджачке, к которому было приколото несколько боевых наград, и заученно нараспев попросил:

– Ребята, поднесите Христа ради участнику штурма Берлина.

Что-то в этом люмпен-пролетарии вызывало жалость, и мы с Васей начали рыться в карманах. Это, видимо, подбодрило попрошайку, и он решил закрепить свой успех, добавив:

– А я вам за это почитаю стихи моего земляка Сережи Есенина.

Мы с удивлением посмотрели на алкаша. Просто никак нельзя было себе представить, что этот человек знает какие-то стихи. Тем более – Есенина, о котором даже мы, любители поэзии, имели самое смутное представление. Ведь все что мы знали о Есенине – это стихотворение Маяковского, посвященное его смерти, и, кроме того, я, побывавший случайно на Ваганьковском кладбище, запомнил нацарапанное на могильной ограде предсмертное четверостишие поэта, которое не могло, разумеется, дать представления об уровне поэтического мастерства Есенина. Вообще в те годы почему-то считалось, что поэзия Есенина не заслуживает серьезного внимания, так как является социально чуждой советскому обществу, и сам поэт вроде бы не обладает особым талантом. Однако смеха ради мы с Васей решили послушать алкаша и купили ему стакан вина. Трясущимися руками он схватил этот стакан, чуть не пролив содержимое, и выпил все одним залпом. После этого мужичок привстал со стула, встряхнулся, откинул назад голову, закрыл глаза и начал читать. Следует заметить, что это не произвело на буфетчицу никакого впечатления. По всей вероятности, она уже видела подобные сцены.

– Не жалею, не зову, не плачу, – надрывно и с завыванием произнес первые фразы пьяный попрошайка.

Мы с Царьковым чуть не прыснули со смеху. Однако что-то удержало и словно заворожило нас, после чего мы перестали обращать внимание на манеру исполнения. Это были стихи. Душевные, простые, напевные. Ничего подобного нам до этого не приходилось слышать. После того как наш новый знакомый, чуть не всхлипывая, закончил декламировать, мы спросили, знает ли он еще какое-нибудь стихотворение Есенина. В ответ попрошайка выпрямился, принял важный вид и гордо заявил:

– Я знаю все стихи Есенина. Хотите, я вам прочту «Анну Снегину?»

– Конечно, конечно, – сказали мы, – хотя не знали ни строчки из этой поэмы и понятия не имели о чем она.

И земляк Есенина начал читать. Пока он это делал, люди заходили в буфет, что-то покупали, стоя пили или ели, никто не занимал единственного свободного места за столиком и никто не обращал на нас серьезного внимания. Удивительно что будучи совершенно пьяным, этот попрошайка ни разу не сбился. А мы с Васей от упоения стихами чуть не плакали. После того как он закончил, не сговариваясь, мы полезли в карманы. Все, что у нас оставалось, это деньги на обратную дорогу. Но тут Вася выразил общую тайную мысль, сказав: – На этом участке контролеры редко проверяют билеты. Особого риска нет. Попробуем проехать «зайцем».

В результате, мы сложили наши последние гроши и попросили у буфетчицы еще стакан вина для нашего нового знакомого, которого оказалось звали Андрей. Наливая нам вино в стакан, буфетчица сказала:

– Закругляйтесь, ребята! Через пять минут буфет закрывается. Я с семи часов утра на ногах. Я тоже человек и мне тоже надо отдохнуть, а еще требуется убрать помещение.

Дав нам посидеть еще немного, изможденная и словно высохшая буфетчица, которую звали Нюра, выдворила нас и закрыла дверь, после чего мы стали прощаться с нашим новым знакомым:

– Ну, Андрей, угодил, – сказал Царьков, – спасибо тебе большое.

– Мы рязанские – косопузые, – со смущенной гордостью ответил тот, а потом, почесав себе затылок, растроганно добавил:

– Слушайте, ребята, вам же некуда деваться, пойдемте со мной. Здесь недалеко есть сарай, в котором полно сена. Там можно отдохнуть до утра, а я вам тем временем еще почитаю стихи и расскажу про моего земляка Сережу Есенина.

До прихода первой электрички оставалось более трех часов, и мы с Васей без особых колебаний приняли приглашение захмелевшего Андрея. Этот сарай действительно оказался довольно близко. Когда мы подошли к нему, то увидели, что дверь сарая закрыта на засов, на котором висит большой амбарный замок. Андрей, несо-

мненно, был к этому готов. Он вынул из кармана какую-то отмычку и, повозившись немного, открыл замок, и мы вошли в сарай. Там было темно и пахло свежим сеном, что обещало нам, усталым и сонным, блаженный отдых. Мы не стали спрашивать у Андрея, чей это сарай и кому принадлежит сено, но быстро ощупью сделали себе постели из этого мягкого сена и улеглись. А наш новый знакомый, который едва держался на ногах, сразу плюхнулся на землю и поразил нас тем, что, несмотря на свое состояние, вспомнил что обещал рассказать о Есенине и тут же принялся за дело. Слов нет, это был очень путанный и сбивчивый рассказ, что не удивительно, если принять во внимание количество алкоголя, которое Андрей, вероятно, выпил в этот вечер. Но мы слушали с интересом и многое узнали. Оказалось что семья Есениных жила и продолжает жить по соседству с Андреем, и что сам Андрей хорошо помнит поэта.

– Мы все очень гордились, что из нашего села вышел такой знаменитый поэт, – рассказывал Андрей, – особенно мы, пацаны. Однажды, когда дядя Сережа приехал домой, ему сказали, что я выучил его стихи, так он подарил мне за это свою книжечку и подписал ее. Я так полюбил эти стихи, что в свободное время только тем и занимался, что учил их наизусть. Я много лет носился с этой книжечкой, и на фронте она была со мной, а вот недавно пропала. Я думал что ее кто-то спер, все допытывался, но не нашел и от этого сильно упал духом и запил. А потом узнал, что моя жена обменяла эту книжечку на бутылку самогона. Эта баба хлещет сивуху не хуже любого мужика. Я ее, конечно, отдубасил хорошенько, однако книги так и не нашел. А жаль! Я бы вам показал, что Сережа Есенин написал на этой книжечке: «Моему земляку и почитателю Андрюше Лебедеву». Да, а в Москве какие-то гады начали грызть Сережу как собаки. И он погрустнел, запил и наложил на себя руки. А какой человек был! Он и заграницей был, и весь мир его знал. Настоящий был мужик. И выпить мог как следует и к бабам был охоч. Он и нашими константиновскими не брезговал. У нас есть одна, которая его до сих пор помнит. А вообще люди стали его забывать. Конечно, мать и сестра его никогда не забудут. И Сережа мать свою любил и написал ей очень хорошие жалостливые стихи. Вот послушайте:

– Ты еще жива, моя старушка?

Андрей всхлипнул, высморкался и продолжил. После того как он закончил читать, Андрей помолчал немного, вытирая слезы, а потом вдруг предложил:

– Слушайте, ребята! Хотите, я познакомлю вас с матерью и сестрой Есенина. Они до сих пор живут в Константиновке. Утром сюда к первой электричке наших деревенских подвозят. Тех, кто работает или учится в Рязани, Коломне или даже в самой Москве. Потом эти

телеги возвращаются в Константиновку, и мы можем на них туда поехать. Здесь никому не отказывают. И вернетесь тем же путем.

– Ладно, утром решим, – сказал Царьков, – а сейчас давайте спать.

Проснулись мы от какого-то шума и возни возле сарая. И вдруг дверь открылась, и в проеме появился высокий, худой, сутулый старик с вилами. Увидев нас, он в сердцах вонзил вилы в землю и закричал:

– Опять ты, охламон, сюда залез и вдобавок еще других с собой притащил. А ну-ка выметайтесь отсюда, а не то собак на вас напущу! Небось все сено загадили – кони жрать не будут.

Мы не стали себя долго упрашивать, а быстренько, отряхивая с себя прилипшее сено, прошмыгнули мимо рассвирепевшего старика. Андрей же еще какое-то время унизительно успокаивал того и даже вроде что-то обещал старику, и лишь после этого присоединился к нам.

– Это конюх, – виновато начал оправдаться перед нами Андрей, – кричит так, как будто это его сено, а сено-то колхозное.

– Ерунда, – сказал Царьков, – отдохнули – и ладно, а конюх пусть там кричит себе на здоровье.

Все же мы чувствовали себя неловко и далее шли молча, а когда подходили к вокзалу, Андрей поднял голову и, показав пальцем на стоявшие там две упряжки, с напускной бодростью воскликнул:

– А вот и наши телеги! Ну, что – поедем?

Я был решительно против, но авантюрист Царьков загорелся:

– А что? Давай махнем. Бог не выдаст – свинья не съест. Нам у себя все равно сегодня делать нечего. Поехали!

Я пробовал возражать, но Вася меня довольно легко уговорил, и мы направились к ближайшей к нам телеге, на которой сидел очень старый на вид мужик небольшого роста с морщинистым лицом кирпичного цвета и военной фуражкой на голове. После обмена взаимными приветствиями старик ухмыльнулся и сказал Андрею:

– Ну, охламон, ты даешь. Небось, опять всю ночь здесь дурака валял. Вот баба твоя накостыляет тебе на похмелье.

– Да нет. Это я ребят здесь вчера встретил. Интересуются нашим земляком Сергеем Есениным, – поспешил оправдаться Андрей, – собираюсь их к Есениным сводить. Пусть познакомятся с матерью и сестрой. Может, они чего интересного там узнают. Подвезешь?

– Чего ж не подвезти. Подвезти можно. Только шуганут они вас как пить дать, – качая головой, сказал старик, – к ним нынче повадились разные из Москвы. Не любят они этого.

– Нас, небось, не шуганут, – не очень уверенно произнес Андрей.

– Ну, смотрите, – сказал старик, – ваше дело. Усаживайтесь.

На телеге были две лавочки, сделанные из привязанных поперек досок, мы уселись на них и поехали.

По дороге Андрей и старик, которого звали Семен, затеяли разговор о колхозных делах в Константиновке. Мы, естественно, не принимали участия. Но вот Семен постарался вовлечь и нас:

– Вы откуда, ребята? – спросил он.

– Из Москвы, – ответил я.

– Из самой Москвы! Вот это да! – то ли в насмешку, то ли всерьез запричитал старик, – а что в наших краях делаете?

– Военная тайна, – подняв указательный палец вверх, – сказал Царьков.

– Ну, не хотите говорить – не надо, – сердито сказал Семен, – ваше дело. Вот мы тут с Андрюхой жалуемся друг дружке. Работать у нас в колхозе некому. Одни бабы. С фронта то почти никто не вернулся. Вот Андрей да еще парочка таких инвалидов. А молодежь вся подалась в большие города. Кто на учебу, а кто на стройки, где рабочих рук не хватает. Там принимают беспаспортных колхозников вроде как на временную работу, чтобы не нарушить закон, и наши молодые ребята и девки, поработав там немного, получает потом жилье, паспорта и остаются в городе. А что с нашим колхозом будет – один Бог знает.

Мы не стали поддерживать разговор на эту скользкую тему, а вскоре Семен и Андрей тоже замолчали. Так и въехали в Константиновку. Мы с Васей начали смотреть по сторонам. Деревня была как деревня. Нищета и коммунистическое однообразие. Дома отличались друг от друга только формой и покраской наличников на окнах.

– Ну, приехали, выгружайтесь! Вон дом Есениных, – сказал старик, показывая кнутом на стоявшую невдалеке избу, которая тоже ничем не отличалась от остальных, – Андрюха вас доведет.

Мы соскочили с телеги, поблагодарили Семена и потопали за Андреем. Еще издали мы увидели, что у дома на крыльце сидит старушка.

– Это мать Сережи, – кивнув головой в ее сторону, тихо сказал Андрей. Я сейчас с ней поговорю, а вы пока постойте здесь.

Мы стояли довольно близко от крыльца и слышали как Андрей обменялся с матерью Есенина несколькими фразами, после чего он дал нам знак подойти поближе. Когда мы подошли и поздоровались, Андрей сказал: – Вот эти ребята.

– Кто это там? – неожиданно раздался женский голос из глубины дома.

– Это Андрей Лебедев, – ответила старушка, – привел каких-то ребят. Интересуются стихами Сережи и хотят заглянуть в дом.

– Гони их! – решительно скомандовал тот же голос из глубины дома. Нечего здесь смотреть. Это не музей.

Вероятно, это была сестра поэта. Мы ожидали, что вслед за этим она выйдет и мы попробуем с ней поговорить и, может быть, нам удастся уломать ее, но она так и не вышла.

– Видите ли, ребята, – обратилась к нам мать Сергея Есенина, – ничего интересного в нашей избе нет. И от Сережи мало что осталось. Так что вы уж не обессудьте. Зря Андрей притащил вас сюда.

Мы сделали слабую попытку уговорить старушку, но, увидев что это бесполезно, стали прощаться. Мать Есенина снова извинилась за отказ впустить нас в дом и поблагодарила за интерес, проявленный к поэзии ее покойного сына. Потом, вздохнув, сказала нам: «Идите с Богом». Мы повернулись и, опустив головы, ушли. При этом один лишь Царьков казалось не был обескуражен.

– А все-таки мы видели мать замечательного поэта Сергея Есенина, – восторженно сказал он, – и видели дом, где он родился и жил. Я уверен, что когда-нибудь на этой избе будет висеть мемориальная доска и не исключено, что здесь даже будет музей. Не может быть, чтобы имя автора таких замечательных стихов кануло в небытие.

Андрей, который все это время чувствовал себя неловко оттого, что втянул нас в эту затею, не сулившую успеха, о чем предупреждал его старик Семен, от заявления Царькова воспрянул духом.

– Это верно! Вот уже из Москвы стали приезжать к Есениным какие-то в шляпах и с портфелями. Так что скоро, может, снова загремит на всю Россию имя Сергея Есенина из Константиновки. И значит, не зря вы прокатились к нам в деревню. Будет что вспомнить.

– Ладно, – сказал я, – все это хорошо, а вот как насчет того, чтобы помочь нам добраться домой?

О, это я сейчас устрою, – бодро заявил Андрей, – подождите меня здесь, я зайду в правление и узнаю, кто собирается сейчас в Рыбное.

Через несколько минут он вернулся в сопровождении какой-то женщины неопределенного возраста и радостно сообщил:

– Вовремя пришли! Вот она сейчас повезет молоко в город. Это наша прежняя первая красавица. Поедете с ней.

У женщины оказалось несколько необычное для этих мест имя: Лариса. Присмотревшись, можно было увидеть что Лариса не потеряла былой красоты, да и осанкой она была хороша. Но все это затушевывалось грубой одеждой, отсутствием каких бы то ни было украшений или помады и унылым выражением лица. Позже мы узнали, что за несколько лет до войны она вышла замуж за «самого красивого парня на свете», который был баянистом – «не нынешнему чета», что они очень любили друг друга, что муж погиб на фронте смертью героя, и с тех пор многие к ней сватались, приезжали из Рыбного и даже из Рязани, но она сохранила верность своему погибшему мужу и осталась вдовой.

Между тем, мы подошли к длинному сараю, возле которого стояла худая серая лошадь, запряженная в телегу с установленными на ней помятыми бидонами с молоком.

Ну, что ж, садитесь, поехали, – сказала Лариса.

Мы начали прощаться. Андрей напоследок сказал:

– Слушайте, ребята. У вас там в Москве все есть. Может, найдется и книжечка стихов Есенина. Пришлите, Христа ради. Сделайте милость. А я вам за это отслужу верой и правдой. Адрес у меня простой: Рязанская область, деревня Константиновка, Андрею Лебедеву.

Мы, конечно, обещали поискать и прислать, если найдется такая книга. Однако мало верили, что сможем выполнить это обещание. Поскольку на телеге была только одна поперечная доска для сидения, то мы с Васей поместились рядом с Ларисой. Она дернула вожжи, и мы поехали. Когда мы отъехали уже довольно далеко, я случайно обернулся назад. Андрей стоял на том же месте и махал нам рукой.

ГОЛУБАЯ КРОВЬ.

Когда собаку или лошадь называют породистой, то имеют в виду, что эти животные обладают определенными качествами, унаследованными от известных предков. А как быть, если речь идет о людях? Правда, раньше существовали такие понятия как человек «знатного рода» или «благородного происхождения». Однако теперь эти понятия устарели и потеряли смысл. А между тем, и в наши дни встречаются люди, которых можно было бы назвать породистыми.

К числу таких людей я хотел бы отнести моего бывшего хорошего приятеля. Признаться, я был поражен, познакомившись всего лишь с небольшой частью его генеалогического дерева. Вот что я узнал:

Отец – бывший секретарь ЦК КПСС республики. Расстрелян в 1938 году вместе с другими видными деятелями партии по обвинению в «правом уклоне».

Мать – известный окулист, профессор, счастливо избежавшая репрессий после ареста мужа.

Родная сестра – заведующая кафедрой в институте Иностранных языков.

Дядя, родной брат отца, – генерал и начальник Военно-инженерной академии, чудом уцелевший во время сталинских процессов.

Однажды мы оказались вместе с моим приятелем, которого зовут Наум, в Москве, и он позвонил своему дяде. Во время короткого телефонного разговора мы были приглашены к этому дяде на обед. Тот жил в знаменитом доме на набережной. Когда мы вошли в парадное, нас встретил вооруженный охранник и, узнав к кому мы пришли, позвонил наверх. Потребовалось некоторое время, пока нам разрешили войти в лифт. Но тут я струсил и пошел на попятную. Наум пытался меня уговорить, но безуспешно. Так что я не имею представления о том как выглядели внутренние покои начальника Военно-инженерной Академии. К сожалению, я не узнал

ничего о более далеких предках моего друга, но думаю, что и они были «не лыком шиты».

Мое знакомство с Наумом состоялось в институте, где я продолжил свое высшее образование после более чем трехлетнего перерыва. Это был другой институт и другой город. И это была «вынужденная посадка». В этот институт я был переведен из Университета в середине учебного года, и на первой же лекции познакомился со своим будущим приятелем.

Здесь надо сделать небольшое «лирическое отступление». Дело в том, что в молодости у меня была неплохая память, можно даже сказать – хорошая. Но это была больше слуховая чем зрительная память. То, что я слышал, я запоминал лучше, чем то, что читал. Поэтому на лекциях я не делал никаких записей, а старался внимательно слушать. Кроме того, я знал, что, торопясь записать лекцию, студенты часто теряют нить и дальше ведут запись, ничего не понимая. А потом им надо все штудировать сначала. Короче говоря, попав на первую лекцию, я по привычке не положил на стол ни ручки, ни тетради, а сидел и слушал, в то время как все остальные, склонив головы, лихорадочно записывали то, что читал профессор. И вдруг на моем столе появился блокнот и шариковая ручка. Я удивленно посмотрел по сторонам и успел заметить того, кто положил эти предметы на мой стол. Это был небольшого роста паренек, аккуратно сложенный с мягкими приятными чертами лица. В перерыве я поблагодарил его за услугу и сказал, что, как правило, не веду записей и объяснил почему. Тогда мой новый знакомый кивнул головой и заявил, что большинство студентов в аудитории тоже только слушают, но при этом делают вид что записывают. Оказалось что профессор, читавший лекцию, человек требовательный, злой и мстительный, и если заметит, что кто-то из студентов не ведет записей, то на экзамене или зачете постарается «угробить» того. Я поблагодарил за полезную информацию, и это было началом нашей дружбы.

Лермонтовский Печорин считал, что в мужской дружбе один всегда раб другого, а это значит, что он подчиняется ему и во всем с ним согласен. У нас же с моим новым приятелем все было не так. Мы почти всегда расходились во мнениях по тому или иному вопросу. Я был болтлив, он – немногословен. Я не любил участвовать в борьбе, а еще меньше – наблюдать ее. Частично это можно объяснить тем, что я почти никогда не выигрывал. Он же был по натуре удачливым игроком и по-настоящему упивался всякого рода соревнованиями, независимо от того, был ли он зрителем или участником. Кроме того, оказалось что мы с ним «болеем» за разные футбольные команды: он за московское «Динамо», которое у нас называли презрительно «милицией», я же болел за московский «Спартак»,

имевший презрительную кличку «лавочников».

Один эпизод, связанный с футболом и характеризующий удачливость моего друга, запомнился мне почему-то больше остальных. Это произошло после того, как мужская группа студентов нашего института закончила практику по линии военной кафедры, наведя понтонный мост на быстрой Десне. На обратном пути мы с Наумом решили заехать в Киев на денек чтобы посмотреть футбольный матч местного Динамо с любимой командой моего приятеля. Не без труда достали мы билеты, и на стадионе попали в гущу шумных и страстных болельщиков киевского Динамо. Моим соседом слева оказался здорово подвыпивший паренек, который непрерывно грыз семечки подсолнуха. Знаками он дал мне понять что желает поделиться. Я подставил ладони, и он насыпал мне горсть, при этом добрая половина разлетелась по стадиону. Затем паренек отвернул полу дождевой куртки и показал мне торчащую из внутреннего кармана бутылку водки.

– Это потом, – сказал он заплетающимся языком и подмигнул мне.

Начался матч. С трибуны посыпались реплики и замечания:

– Голубев сегодня в ударе – принял стакан водки перед игрой.

– Пашу на поле!

– Рыжий не водись!

– Биба стал интеллигентом – живет с певицей оперного театра.

– Смотрите куда он помчался! Это же всадник без головы!

– Сабо хотят забрать в сборную Венгрии.

– Чего они сюда приехали? Они же играть не умеют!

В самом деле, игра шла с явным перевесом хозяев поля. На первых же минутах они забили гол и были близки к тому чтобы забить еще несколько. Гости были заперты в своей зоне и чудом спасались от разгрома. Все это время мой приятель, сцепив зубы, напряженно следил за игрой и время от времени нервно кусал суставы пальцев на правой руке. Так прошел первый тайм. В перерыве на стадионе царил еще больший ажиотаж, а мой друг сидел насупившись, продолжая кусать суставы пальцев, и проронил только одну фразу:

– Рано они веселятся. Есть еще второй тайм.

Что касается нашего соседа слева, то, несмотря на свое состояние, он, кажется, заметил что я не разделяю его симпатий и изменил свое намерение дать мне глоток водки из бутылки, а обратился с этим к соседу с другой стороны.

Начался второй тайм. И тут команды поменялись не только воротами, но и ролями. Теперь гости непрерывно атаковали, а хозяева поля беспорядочно и бестолково отбивались. Возглавляемое кривоногим Соловьевым московское Динамо начало забивать один гол за другим. К концу матча их набралось целых четыре. Мой друг уже

не кусал суставы пальцев, а с улыбкой, подняв голову, торжествующе следил за ходом игры. Когда же прозвучал финальный свисток судьи Латышева, Наум в азарте повернулся к сидящему в следующем ряду здоровому мордатому парню, который с пренебрежением отозвался о московском Динамо и, показав ему скрученную фигу, ехидно спросил:

– Ну, так кто не умеет играть?

Такая дерзость в стане озверевших от поражения болельщиков киевского Динамо не могла пройти безнаказанной. Я испугался и съежился. Расправа казалась неминуемой. Не было сомнения, что мордатый парень и его компания сейчас сделают из нас отбивные котлеты. Но происходило что-то странное. Те почему-то продолжали сидеть на своих местах и не предпринимали никаких акций. И тут я заметил, что вдоль нашего ряда движутся два милиционера. Оказалось что сидевший слева от нас алкаш, выпив всю водку, бросил наугад пустую бутылку в нижний ярус и разбил кому-то голову. Милиционеры потащили виновника в участок, а мы тем временем благополучно скрылись в толпе. Таким образом, моему другу и на этот раз повезло.

Я уверен, что если бы тогда играла команда, за которую я болею, то она наверняка бы проиграла. Только в одном случае московский Спартак мог бы выиграть, это если бы меня не было на стадионе и если бы я не слушал репортаж о проходящем матче. В общем, как я уже сказал, я почти никогда не выигрываю, в том числе ни в лотереях, ни в казино, ни в тотализаторах.

Но вернемся к моему другу. Учился он легко и все время получал повышенную стипендию. По натуре был отзывчивым и щедрым и делился со мной чем только мог. Довольно часто Наум получал посылки из дому, и я помню это толщиной в пять пальцев с корочкой и без единой прожилки сало, которое выглядело и резалось как большая хорошая дыня, и помню банки сгущенного молока, а также плитки шоколада. На студенческих вечерах мой приятель был более чем сдержан: очень мало пил, почти не танцевал и никаких любовных интрижек не заводил. Только после окончания института я узнал, что ему нравилась одна студентка с параллельной группы. Однако он никогда ничем это не проявил, и она, возможно, даже не догадалась об этом.

Но вот окончилась наша учеба в институте, однако наша дружба на этом не прервалась. По распределению мы попросились в одно и тоже место, и нас обоих послали на Северный Кавказ в распоряжение треста «Кавказсвинецстрой». Однако там нас разлучили: моего друга оставили в тресте, а меня направили механиком на рудники. По выходным дням я приезжал в Орджоникидзе, и мы отправ-

лялись в загул. Пили желтоватую чачу в маленьких подвальчиках, которые он называл «кульдюмами», и закусывали ломтиками горьковатой репы. А иногда позволяли себе роскошь покутить в ресторане. Лишь поздно ночью мы возвращались в его квартиру и часто, не раздеваясь, заваливались спать. А рано утром я отправлялся на автобусе в Мизур. Так шло время. Пока я оставался механиком рудоуправления, мой друг рос как на дрожжах. Через два года он уже был заместителем начальника отдела и перебрался в двухкомнатную квартиру. Кроме того, под конец моей работы в Садонском рудоуправлении Наум без особого энтузиазма сообщил мне, что у него появилась невеста. И так получилось, что до самого моего отъезда мы с ним не встречались. А на вокзале он проводил меня, мы тепло распрощались и обещали поддерживать связь. После этого, помотавшись немного по стране, я поселился в Киеве.

Прошло несколько лет, мы с Наумом вели нерегулярную переписку, в которой он очень скупо рассказывал о себе, так что я не был хорошо осведомлен о его делах. Но вот, наконец, мой друг посетил меня, и тогда только я узнал подробности его жизни. Я немало удивился, узнав что он уже главный инженер треста. Такой быстрый взлет не укладывался у меня в голове. До некоторой степени это можно было объяснить, приняв во внимание местные условия, где существовали два не писанных принципа: выдвижение национальных кадров на руководящие посты и правило смешанных дуэтов для обеспечения нормальной работы предприятия. Это значило, что если директором назначен осетин, то главным инженером должен быть еврей. А если директором является еврей, то главным инженером должен быть осетин. Кроме того, как я уже сказал, мой друг был везучим. Однако все это казалось мне недостаточным для объяснения столь головокружительной карьеры. И только через несколько лет, побывав у Наума в гостях, я получил информацию, которая могла послужить объяснению этого феномена. А во время нашего разговора Наум преподнес мне еще один сюрприз, вскользь заметив, что у него бывают заграничные командировки и что недавно он вернулся с Кубы. На мой вопрос, что он там делал, мой друг махнул рукой, дескать, мол, не стоит об этом говорить, пустяки, что он там следил за внедрением комбайна по уборке сахарного тростника. Что-то удержало меня от вопроса, какое он к этому имеет отношение. У меня мелькнула неприятная мысль, не втянули ли моего друга в сети органов безопасности. И хотя я видел, что Наум не до конца откровенен и что этот разговор ему неприятен, я все же отбросил эту мысль как абсурдную. Поэтому мы перешли на темы быта и здесь тоже была новость. Мой приятель сообщил, что у них родился ребенок.

Время шло, и в конце шестидесятых годов я получил редкую в нашем институте командировку на Северный Кавказ. Там мне удалось быстро управиться со своими делами и выкроить два дня чтобы поехать и повидать своего приятеля. Он тепло встретил меня на вокзале, и мы отправились к нему домой. Однако теперь это был уже другой вид транспорта. Если в начале нашей трудовой деятельности мы пользовались автобусом или такси и лишь в конце моего пребывания на Кавказе Наум приобрел мотоцикл «Ява», и мы ездили на его мотоцикле, то теперь он повез меня на собственном шикарном автомобиле «Волга». Я был ошеломлен. При моей тогдашней зарплате нужно было экономить решительно на всем чтобы в течение лет двадцати собрать необходимую сумму для покупки машины такого класса. И вообще в этот мой приезд я не переставал удивляться образу жизни моего друга. Так по дороге он вспомнил, что у них кончается минеральная вода, и остановился у магазина, торгующего этим товаром. Когда он стал загружать в багажник третий ящик с минеральной водой, я спросил, зачем так много.

– А чтобы лишний раз не ездить, – сказал он, – вода у нас сохраняется не хуже чем в магазине.

Дома тоже было чему удивляться. Они жили в центре города в особняке из пяти комнат, обставленном импортной мебелью, с гаражом на две машины и приусадебным участком. Наум представил меня своей жене и ее родителям. Сразу надо сказать, что здесь не было мезальянса. Была та же элита, та же «голубая кровь». Очень молоденькая и хорошенькая жена уже заведовала отделением в клинике, теща преподавала в институте, а тесть, бывший полковник СМЕРШ, был управляющим трестом Курорторг Северного Кавказа. Тесть и теща были еще далеко не старыми людьми, на вид не старше пятидесяти лет. Он – среднего роста, упитанный с полной головой темных волос и кавказскими усами на круглом лице. Она – подвижная, худенькая, стройная, кареглазая, светловолосая.

Когда мне стали показывать дом, я, между прочим, обратил внимание на стопку мацы, лежавшей в столовой на шикарно накрытом праздничном столе, и спросил об этом своего приятеля.

– Чему здесь удивляться? – ответил он, – евреи празднуют Пейсах.

После осмотра дома тесть Наума пригласил всех к столу:

– Заправимся немного, – сказал он, – а потом собираемся поехать и показать вам наши края. Хотя вы жили здесь какое-то время, когда работали на рудниках, и немного познакомились с Северным Кавказом, вам все же может быть интересно то, что мы вам покажем. А я заодно проделаю небольшую инспекцию в подведомственных предприятиях. Готовьтесь провести в пути целый день.

Пока я мыл руки, на столе среди разных пикантных напитков и

блюд появились два вертикально стоящих пятилитровых керамических бочонка, наполненных почти до краев: один красной, другой черной зернистой икрой. Я не удержался и спросил, откуда такая роскошь. Последний раз я видел икру в таком количестве в середине пятидесятых годов в гастрономе на Смоленской площади, когда нарушился товарообмен с Америкой, в результате чего некоторые дефицитные товары были «выброшены» на внутренний рынок.

На мой вопрос ответил, ухмыльнувшись, тесть Наума:

– Видите ли, – сказал он, – нашему тресту Курорторг Северного Кавказа часто приходится встречать иностранных гостей. Для этой цели нам, между прочим, прислали две бочки икры: одну с Дальнего Востока, другую из Астрахани. В результате, небольшое количество этого продукта осело у нас в доме.

Теща, протестуя, замахала руками, и это вызвало смех у сидящих за столом. Наум встал и предложил короткий тост, который закончил традиционным: Ле Хаим!

После того, как мы опорожнили свои бокалы и приступили к еде, мой друг заботливо сказал мне:

– Закусывай икрой без хлеба – больше съешь! И не забудь оставить место. Мы в дороге еще будем заправляться.

После легкого, если можно так выразиться, завтрака мы отправились в путешествие. Поехали на машине тестя, у которого оказалась такая же «Волга» как и у Наума. Жену и тещу моего друга оставили дома. Жена собиралась поехать в поликлинику с ребенком, а теща должна была возиться на кухне. Ехали с остановками, из которых мне запомнился Пятигорск с его горой Машук и лермонтовскими местами, а также «благоухающими» сероводородными источниками, несколько меньше запомнились Ессентуки, но самое больше впечатление на меня произвел Кисловодск, несмотря на то, что я лет двадцать тому назад, когда был музыкантом правительственного оркестра, отдыхал там. Но об этом несколько ниже. Между прочим, в дороге я узнал кое-что о тесте Наума и почему он не получил звание генерала, а вместо этого был уволен в запас и назначен управляющим трестом Курорторг Северного Кавказа. Кроме того, я узнал что он состоит то ли членом обкома, то ли райкома. И здесь я подумал, не явилось ли это бустером в молниеносной карьере Наума. Впрочем, ничего удивительного в этом бы не было. Тут же в машине я впервые услышал о том, что местные евреи, особено грузинские, делают все чтобы покинуть страну победившего социализма и выехать в молодое еврейское государство Израиль. Впрочем, об одной из первых таких попыток мне много раньше рассказал мой старый друг, юрист по образованию.

Это произошло в конце сороковых годов чуть ли не сразу же

после образования государства Израиль. В Москве по различным юридическим учреждениям забегал странный человек по фамилии Левитин. Был он среднего роста, сутуловат, узкоплеч. На вид ему было лет сорок. Лицо Левитина было бледным, а волосы рыжими. Привлекали внимание его водянисто-голубые глаза, которые казалось принадлежат пророку или безумцу. Говорил он быстро, нечленораздельно, слегка картавя. В каждом из учреждений, где появлялся Левитин и где ему нужно было получить какую-то справку или заверить у нотариуса какой-то документ, он вынимал из обшарпанного портфеля пачку бумаг, которую называл заявлением. Это был совершенно уникальный документ на двадцати страницах. И везде, куда заходил Левитин, он умолял, чтобы ознакомились с этим его заявлением, в котором он доказывал, что является сионистом, и на этом основании просил разрешения на выезд в Израиль, свою историческую родину. Даже после беглого знакомства с просителем никто бы не удивился, если бы заявление начиналось с сотворения мира или от Адама. Но оно начиналось от Авраама, Исаака и Иакова. Себя автор заявления называл потомком Моисея и Аарона, так как они были левитами и он левит, о чем говорит его фамилия. Далее Левитин довольно подробно излагал историю еврейского народа с упоминанием всех героев вплоть до Герцля, Жаботинского и доктора Пинскера. Заканчивалось заявление убедительной просьбой разрешить ему как сионисту выехать на историческую родину.

И каждый раз, когда Левитина выдворяли из очередной конторы, он кричал:

– Так вы убедились, что я сионист?!

– Да не сионист вы, не сионист, – уговаривали его.

– Не говорите глупостей, я сионист, – кричал, удаляясь, Левитин. В то время это слово, кажется, было только нарицательным и лишь несколько лет спустя стало проклятием, сопряженным со смертельной опасностью. Впрочем, и на сей раз никто не знал чем закончились хлопоты Левитина, так как он вскоре исчез.

Во время нашего путешествия я не мог не обратить внимание на любопытную закономерность. Стоило тестю моего друга появиться в каком-нибудь ресторане, как там немедленно поднималась паника. Официанты бежали за директором, который тут же испуганно выскакивал и уводил нас к себе в кабинет и просил минутку подождать, а в это время официанты лихорадочно накрывали стол в отдельном кабинете всякими деликатесами, а затем нас приглашали за стол перекусить. И пока мы «заправлялись» разными вкусными блюдами, кто-нибудь из официантов просил у Управляющего трестом Курорторг ключи от машины. И я видел через окно как они загружают в багажник какие-то ящики и коробки. Надо честно при-

знаться, что в этот день мы все трое здорово объелись.

Я на всю жизнь запомнил это путешествие. Может быть, еще и потому, что я тогда в последний раз видел своего «породистого» друга, а после нашего отъезда и вовсе потерял его из виду.

Вообще я не люблю возвращаться после долгого отсутствия в некогда любимые мною места. Всегда остается тягостное чувство от произошедших изменений, говорящих о том, что жизнь здесь продолжается и без тебя, и оттого, что не встретишь ни одного знакомого лица и никому ты здесь не нужен, а вот в Кисловодск я бы все же поехал. Мне хотелось бы еще раз побродить по парку и чтобы какая-нибудь хорошенькая молоденькая девушка подала мне стакан Нарзана из источника, посидеть на лавочке и послушать музыку у концертной эстрады, на которой я когда-то играл и о которой говорили, что ее построили итальянские мастера в каком-то веке и что она обладает самой лучшей акустикой в мире, так что на ней можно говорить шепотом и слышно за версту, и еще хотелось бы пройтись по красным терренкурам и посидеть на вершине горы в ресторане «Шестигранник» и чтобы облака проплывали мимо окон, и открывался вид на ущелье под проплывающими облаками. И чтобы напротив меня за столом сидел мой старый друг, человек «голубой крови», и в стаканах у нас искрилось Цинандали, и чтобы мы рассказывали друг другу о прошедших годах.

НА РАСПУТЬИ.

Отработав свои положенные три года в местах «не столь отдаленных» и отдав таким образом, долг государству за бесплатное высшее образование, я должен был решить что делать дальше. Идея продолжать работу здесь мне даже не приходила в голову, хотя я уже несколько привык к этим местам. А в начале казалось, что я тут не выдержу. Жара, скорпионы, незнакомый язык, чужие нравы. Летом чтобы уснуть заворачивался в мокрую простыню, но она тут же высыхала. Приходилось снова мочить ее в ледяной воде арыка и опять обволакивать себя холодной простыней. После нескольких таких попыток наконец удавалось попасть в «объятия Морфея». Однако ближе к утру температура понижалась настолько, что я просыпался от холода и натягивал на себя заранее припасенное одеяло. Но спал после этого недолго, так как надо было очень рано вставать и идти на работу.

С мая по сентябрь работали с шести часов утра до полудня и делали перерыв. К этому времени жара уже становилась невыносимой. Этот обеденный перерыв или «сиеста по- среднеазиатски» длился до четырех часов вечера. Надо сказать что это было просто необходимо. Ведь даже вентиляторов, а тем более кондиционеров

там, конечно, не было. Я ужасно страдал на первых порах, коротая эти четыре часа в тени и, время от времени, обливая себя холодной арычной водой. Потом я нашел более рациональный способ спасения от жары. Под навесом, где хранились всякие строительные материалы: цемент, песок, гравий и тому подобное, я обнаружил большую пустую металлическую бочку. Я поставил ее в укромное место под навесом, и в обеденный перерыв наполнял ее водой из арыка, после чего, подождав немного пока вода нагреется, раздевался как на пляже и с наслаждением погружался в прохладную воду. Однако меньше чем через час вода в бочке нагревалась настолько, что приходилось ее выливать и наполнять бочку свежей водой. Так продолжалось некоторое время.

Но вот однажды меня неожиданно застал в таком положении один из сотрудников, который случайно заглянул в укрытие, где стояла бочка. В тот момент я, как говорится, исполнял роль Диогена в костюме Адама. К моему удивлению он не поднял меня на смех и даже не пожал плечами, в то время как а я от смущения готов был провалиться сквозь землю.

– Так вот где ты прячешься в обеденный перерыв, – сказал он, и только теперь ухмыльнулся, – способ, надо сказать, не очень оригинальный. Однако здесь народ этим не пользуется. Многие века проживания тут научили людей «клин выбивать клином». Если хочешь, я тебе завтра покажу как это делается.

Это был работник отдела снабжения, который забрел под навес в поисках то ли олифы, то ли какой-то краски. Я до этого встречал его несколько раз. По работе мы не были связаны. Я решил что уж вовсе неприлично показаться нагишом перед мало знакомым человеком, поэтому, продолжая сидеть в бочке с водой, я попытался пошутить, сказав, что забыл правило, в незнакомой игре не делать первого хода. Потом поспешил добавить что охотно пойду завтра с ним.

Он кивнул головой и ушел. Кажется, он так и не нашел того что искал, а я после его ухода быстро вылез из бочки и с тех пор больше туда не залезал. На следующий день, за несколько минут до обеденного перерыва, я пошел в отдел снабжения и там нашел Виктора. Так звали моего вчерашнего неожиданного гостя. Под палящим солнцем мы потопали по толстому слою желтой пыли в сторону города. Я вскоре стал изнывать от жары, а вот мой спутник шел как ни в чем не бывало. Минут через десять Виктор прервал наше молчание и, показав пальцем на что-то похожее на оазис на окраине города, сказал:

– Вот мы у цели.

Это было райское место. По обеим сторонам узкого пруда росли высокие деревья, кажется, платаны, и покрывали сплошной тенью

пруд. Над поверхностью пруда в нескольких сантиметрах от ледяной воды, стекающей с гор, на сваях почти вплотную друг к другу были уложены доски и покрыты коврами. Люди полулежали или, скрестив ноги, сидели на коврах и пили в эту страшную жару из пиал горячий зеленый чай. Рабочий люд был в тенниских, а местное население в ватных халатах с папахами на голове и в мягких сапожках, называемых «ичигами». Многие старики курили в полудреме гашиш. Половые приносили новые чайники чая и уносили опорожненные. Почти никто не разговаривал. Это была «нирвана». Вот здесь я отныне и до самого последнего дня работы проводил свою «сиесту».

А буквально через день после того, как я рассчитался со строительной организацией, в которой работал, и готовился отправиться в Москву (где меня, между прочим, никто не ждал) произошло событие, которое послужило причиной неожиданного зигзага на моем жизненном пути. Этим событием был приезд на гастроли в город, который я собирался покинуть, Государственного эстрадного оркестра Узбекской СССР. Надо сказать, что этот город не очень жаловали гастролеры. Раньше, правда, сюда часто приезжала местная знаменитость, эстрадная певица Тамара Ханум (что значит по-узбекски «девушка» Тамара). Это была пожилая еврейка, которая переодевалась в национальные костюмы и, приплясывая, исполняла довольно слабым голосом песни «всех народов мира», в том числе даже еврейские. Но во время войны она как-то потонула в массе певцов, актеров и музыкантов, понаехавших сюда в эвакуацию. После войны все вернулись по домам, и больше никто уже не заглядывал в этот уголок. Поэтому неудивительно что все без исключения сотрудники организации, где я раньше работал, отправились в культпоход на концерт и прихватили меня с собой. Что и говорить – зал был переполнен. Это, конечно, был не Большой Кремлевский Дворец, но «на безрыбье и рак – рыба». В общем, жаловаться было грех, тем более что нам достались хорошие места. Концерт прошел с большим успехом. Особый восторг вызвало выступление певицы Эльвиры Урузбаевой, крупной и привлекательной, в репертуаре которой был такой «шлягер» как «В Намангане яблоки». В антракте я заглянул за кулисы и познакомился с несколькими музыкантами. Я сразу же сказал им, что был когда-то музыкантом и даже, можно сказать, почти профессионалом. Это оживило нашу беседу. Подошел дирижер, и когда музыканты представили меня, спросил на каком инструменте я играл и чем сейчас занимаюсь. Я сказал, что играл на кларнете и саксофоне, что закончил здесь работу и собираюсь уехать. После этого моего сообщения дирижер стал явно проявлять интерес к моей особе, выяснил где я играл и что играл, а затем пригласил меня прийти к ним завтра утром на репетицию.

Оказалось что им до зарезу нужен саксофонист, потому что их музыкант серьезно заболел. Я охотно принял это приглашение, и на следующий день был вовремя на месте. К моему приходу был приготовлен саксофон, новый мундштук, завернутый в целлофан, (у музыкантов не принято пользоваться чужими мундштуками, это все равно что пользоваться чужой зубной щеткой) и несколько тростей. В начале я не мог издать ни одного приличного звука, что не удивительно, если учесть что я после института не держал инструмент в руках. Но потом я как-то приспособился и начал потихоньку играть. Мне положили на пульт ноты нескольких вещей из их репертуара, и я начал читать их «с листа», как говорят музыканты. Кажется, это произвело на дирижера впечатление. В результате, он предложил мне заменить их заболевшего музыканта на время гастрольной поездки по городам Ферганской долины. Я, не задумываясь, принял это предложение, и потом был рад такому повороту судьбы. Во-первых, было интересно поиграть в этом оркестре. Во-вторых, я подработал немного, что впоследствии мне очень пригодилось. (Поскольку работа была временной, то мне платили за каждую репетицию и вдвойне за концерты). А в-третьих, я посмотрел города Средней Азии. Все они мало отличались от того города, где я работал, но все же было интересно. В оркестре я подружился со многими музыкантами, но особенно хорошие приятельские отношения у меня сложились с трубачом, смуглым жгучим брюнетом с большими черными глазами. По национальности он оказался ассирийцем. Я был уверен, что этот народ давно исчез с лица земли. Поэтому с удивлением смотрел на пятую графу его паспорта, где черным по белому было написано «ассириец». Тут я вспомнил, что у Ильф и Петров в одном из своих произведений, между прочим, упоминали чистильщика обуви в Москве, ассирийца. Я был еще больше удивлен, когда узнал, что в Средней Азии в те времена была даже небольшая община ассирийцев. Предметом гордости моего нового приятеля была его помповая труба, очень редкая в СССР в те годы, которая звучала у него как у американцев. В репертуаре оркестра был его сольный номер «Песня золотой трубы», который неизменно вызывал восторг в зале.

Когда мы приехали в Ташкент, оказалось что состояние здоровья у заболевшего саксофониста ухудшается и нет надежды, что он вернется в оркестр. Тогда дирижер предложил мне постоянную работу или хотя бы поиграть у них до конца сезона. Я дал согласие на второе предложение, а что касается постоянной работы, то я заколебался и попросил дать мне время подумать. Это был действительно неожиданный поворот. Что-то мне не очень хотелось оставаться в Средней Азии. Но пока я продолжал играть в оркестре. До

конца сезона оставалось недели две, и это потом оказался самым интересным периодом моего пребывания в этих краях. В свободные дни и после репетиций музыканты оркестра отправлялись на Комсомольское озеро. Там в тени деревьев стояли жаровни, и повара готовили восточные кушанья. Музыканты заказывали у знакомого повара по имени Юлдаш традиционное блюдо – плов и покупали тут же рядом в этой непьющей стране теплую водку. Пока готовился плов, водку в авоськах погружали в холодную воду озера. Вкус этого плова трудно забыть. На большом подносе Юлдаш приносил его, выполненного в виде большого золотистого конуса, обложенного нарезанными помидорами и целыми головками чеснока. И мы в эту жуткую жару пили еще не остывшую водку и, орудуя тремя пальцами, без ложек и вилок с жадностью поглощали жирный и вкусный плов. Потом по очереди надевали маску и ласты и прыгали в ледяную воду озера. Что и говорить, это было настоящим развлечением.

В один из таких дней ко мне подошел мой приятель трубач и сказал:

– Есть возможность немного подработать. Как ты к этому относишься?

Я ответил, что от таких предложений никогда не отказывался, тем более сейчас, и спросил: – А что нужно делать?

– Надо поиграть на корейской свадьбе. Ты когда-нибудь играл на корейских свадьбах? – спросил он.

– Не приходилось, – признался я.

-Ну, это совсем просто, – уверенно сказал трубач, – надо знать всего лишь две свадебные мелодии. Я тебе напишу их, а ты до вечера постарайся выучить. Играть надо сегодня и желательно без нот, так как будет темно. Мелодии, в общем, были несложными, хотя и несколько необычными. Я довольно быстро их выучил.

А вечером мы отправились на свадьбу. Нас было трое: трубач, ударник и я. Мы пришли в какой-то парк, и я увидел бесконечные ряды скамеек и накрытых столов. Оказалось, что на эту свадьбу съехались корейцы со всей Средней Азии даже из каких-то отдаленных мест, и всего ожидалось около тысячи человек гостей. Что они там ели, не могу сказать. Ударник уверял, что они едят собачье мясо, а трубач при этом улыбался, но не отрицал, поэтому я за всю ночь ни к чему не притронулся. Надо сказать, что играть нам пришлось почти без перерыва до самого утра, но и заработали мы в эту ночь целую кучу денег. Это было результатом очень интересного свадебного обряда, который заключался в следующем. Один за другим гости по очереди надевали шапку-ушанку, закладывали за отворот денежную купюру и отправлялись в пляс. Танцевали одни мужчины. Движения были довольно своеобразные: то напоминали верховую езду на лошади, то стрельбу из лука, то танец шамана. Надо сказать, что это было как бы веселым поединком между музыкантами и танцором. Дескать, мол, кто – кого! Мы должны были играть, не останавливаясь, пока танцор пляшет, и, в конце концов, наступал момент, когда тот выбивался из сил, тогда он начинал показывать гостям, что не может больше продолжать. Это было сигналом к тому чтобы кто-нибудь из гостей доставал из кошелька денежную бумажку и засовывал ее за отворот шапки уставшего танцора. И это как бы вливало новые силы в плясуна, и он снова начинал выделывать свои кренделя. Так повторялось до тех пор, пока танцующий не сдавался, то есть снимал шапку и бросал ее нам. Наш ударник быстро вытаскивал деньги из-за отворотов шапки и ссыпал их в пустой барабан, а шапку бросал назад танцору. И тут же на смену уставшему плясуну выходил другой, и все повторялось сначала.

Когда утром все закончилось, и мы подсчитали выручку, то оказалось, что каждый из нас троих заработал на этой свадьбе больше, чем я получал в месяц, будучи инженером. Теперь у меня было достаточно денег чтобы позволить себе роскошь поболтаться немного в поисках счастья, и я сказал дирижеру что намерен уехать.

Через несколько дней я очень тепло распрощался с оркестром, приютившим меня, и отправился на вокзал чтобы купить билет в Москву. К этому времени уже был найден саксофонист на постоянную работу. Так что все были довольны.

И вот я в плацкартном вагоне. Конечно, я бы мог бы купить билет в купейный вагон, но как-то постеснялся. Не привык к такой роскоши. В общем, можно сказать, прекрасно устроился: вторая боковая полка, взял себе постель и положил над головой на третью полку среднего размера видавший виды фибровый чемодан, в котором поместилось все мое состояние, накопленное за тридцать лет жизни: два костюма, две рубашки, выходные туфли, белье, две пары носков, готовальня и чертежные принадлежности. В общем, ничего лишнего. Теперь можно перевести дыхание. Моими попутчиками оказались специалисты не то в хлопковой, не то в шелковой промышленности, которые ехали на какую-то конференцию и всю дорогу были заняты составлением отчета, а также два солдата, которые разместились на полках вдоль прохода и которым тоже было не до меня. Так что я был предоставлен самому себе и занялся чтением недавно приобретенных книг. Здесь были «Десять дней, которые потрясли мир» Рида и «Россия во мгле» Уэлса, с которых я и начал чтение, веря что эти авторы более правдиво описали события того смутного времени. Я лежал и читал, прерываясь только для того, чтобы выпить стакан чая и поесть за столиком, пойти в туалет или просто прогуляться. В Куйбышеве солдаты сошли, появились новые пассажиры, и одно из их мест было занято молодым человеком примерно моего возраста или, может быть, немного старше. Он

оказался очень общительным и сразу же перезнакомился со всеми в вагоне. Это был довольно рослый худощавый парень в костюме с галстуком и в очках. Явный интеллигент. Походив по вагону и поговорив со всеми, он вернулся на свое место и поинтересовался тем, что я читаю. Одобрительно кивнув головой, Миша (так звали нового пассажира) спросил откуда и куда я еду. После этого он, убедившись что с другими пассажирами не особенно поговоришь, стал то и дело отвлекать меня от чтения. А вечером потащил меня в тамбур, где мы оказались одни, и там сказал:

– Ты занимался строительством и знаешь, какие там фокусы бывают. Я тоже строитель. Хочу рассказать тебе интересную историю из нашей практики. Но это так – между нами.

И далее он тихо, а иногда почти шепотом, поведал мне следующее. Оказалось, что он участник строительства Куйбышевской ГЭС. И там, как обычно, чтобы построить плотину прорыли обводной канал, а русло реки перекрыли огромными бетонными блоками. Так вот, по какому-то головотяпству этих блоков заказали вдвое больше, чем надо было. После того, как перекрыли русло реки, осталась настоящая гора этих блоков. Что с ними делать? Позвонили администрации строительства Сталинградской ГЭС и спросили, не нужны ли им такие блоки. А те говорят, что у них самих есть много лишних. Дело осложнялось тем, что скоро должна была приехать комиссия из Министерства, и если не решить эту проблему, то будут большие неприятности. После недолгих раздумий выход был найден. Срочно заказали шагающий экскаватор с емкостью ковша 75 кубических метров, с помощью которого вырыли огромный котлован, туда завалили эти блоки и присыпали их землей. А вырытую землю распланировали грейферами и бульдозерами по всей территории. Вся эта операция стоила кошмарных денег, но зато комиссия ничего не заметила и даже не поинтересовалась происхождением свежевырытой земли на всем участке строительства. Впрочем, ответ на этот вопрос был заготовлен. Однако на этом история не закончилась. Спустя какое-то время после того, как комиссия отбыла в Москву, выяснилось что по проекту какие-то коммуникации должны проходить как раз по тому месту, где зарыли бетонные блоки. Конечно, началась свистопляска. Почему не посмотрели в проект?! Кто предложил это место?! И так далее. Но ничего придумать нельзя было, и опять решили арендовать шагающий экскаватор, вырыть новый котлован, вытащить зарытые блоки и закопать их на новом месте, а старый котлован засыпать вырытой землей. Эта операция стоила не меньше чем первая. Можно себе представить, к каким фантастическим трюкам пришлось прибегнуть чтобы прикрыть эти расходы в финансовом отчете, но все, вроде бы, обошлось без последствий.

Я в свою очередь рассказал Мише об аналогичных случаях из моей практики, правда, все они были далеко не такого масштаба. А потом мы незаметно перешли на другие темы. Мой попутчик оказался интересным собеседником, особенно когда дело касалось литературы. Это он мне сказал, что Сейерс и Кан наворочали кучу вранья в своих «Тайная война против…» и т. п. и что Фейхтвангер был одурачен. Впрочем, я и сам подозревал, что там не все чисто. Между прочим Миша спросил у меня:

– Ты не обратил внимания на странного пассажира в соседнем купе? Я несколько раз пытался заговорить с ним, но он не только не ответил, но даже головы не повернул в мою сторону.

Я сказал, что мне тоже показалось, что с этим человеком что-то неладное творится. Это был парень лет двадцати пяти, ниже среднего роста, круглоголовый и коротко стриженный, одетый в военную форму, но без погон и петлиц. Он сидел у столика на проходе, часами не меняя положения, как истукан. Напротив него сидел деревенского типа мужик, который как няня ухаживал за ним.

– Это его брат, – сказал Миша, – просил его не беспокоить.

Так бы это и осталось для нас загадкой, однако буквально через несколько минут к нам подошел этот его брат и попросил не то прикурить, не то закурить, а затем, обращаясь больше к Мише чем ко мне, стал изливать душу.

– Видишь какая история приключилась, – сказал он. Беда и только. Вот уже третий раз ездим с ним на эти самые курорты. Бесплатно. Лечат его и там и здесь. А что толку. Вот так сидит целыми днями и слова не вымолвит. Без меня не будет есть, хоть целый день не корми его. Какой-то боязливый стал. Недоверчивый. А какой парень был! Веселый. Работящий.

– А с чего это он стал таким? – спросил Миша брата.

– А кто его знает, – ответил тот, – вот пошел служить – нормальным был, а списали его вот таким.

– А где же он служил? – спросили мы оба почти в один голос.

– Да в этих самых Органах, – ответил брат и запнулся.

На этом наш разговор оборвался. Я только сказал «О!», а Миша «А!». После этого наш собеседник как-то поспешно заявил, что ему надо пойти поухаживать за братом, и так получилось, что мы даже не узнали, как их зовут. А ночью эти братья сошли на какой-то станции. На следующее утро в вагоне наступило оживление. Уже во время утреннего чаепития пассажиры начали упаковывать чемоданы. Замелькали знакомые названия: Серпухов, Раменское, Малаховка, Люберцы, Перово. Мы приближались к Москве. Начинался новый период в моей жизни.

КВАРТИРНЫЕ СТРАСТИ.

Что и говорить – природа не слишком щедро обошлась с Мишей Дудко, наделив его очень маленьким ростом и чрезвычайно хлипким телосложением. Не думаю, чтобы он весил более сорока пяти килограммов. В добавок ко всему он еще ухитрился косо оттяпать несколько пальцев на левой руке из тех пяти, что дала ему природа. И, в общем, это был не Самсон. Миша был тихий незаметный деревенский паренек, окончивший какое-то техническое учебное заведение и благодаря этому перекочевавший в Киев, устроившись на работу в строительную организацию. Там ему удалось получить небольшую комнату в общей квартире и киевскую прописку. После этого Миша расстался со строительной организацией, перебрался в наш институт и зажил как король. Когда Миша навещал своих родственников в деревне, где у всех туалет был во дворе, вода в колодце, а уголь и дрова для печки на государственном складе, к нему, инженеру и обладателю киевской квартиры с центральным отоплением, туалетом и водопроводом, все невесты села слетались как мухи на мед. И наш застенчивый Миша растерялся, не зная кому отдать предпочтение, но, в конце концов, одна из них по имени Оксана покорила маленькое сердце нашего героя и стала его невестой.

Вот говорят: «Слабый пол, слабый пол». Вы бы посмотрели на нее. Настоящая Статуя Свободы! Крупная, рослая, сильная, кровь с молоком! Такая не только «коня остановит». Такая слона может остановить. Вот она и стала подругой жизни нашего Миши. Сыграли веселую хмельную свадьбу в деревне и Оксана переехала к своему суженому. Ну, понятно, прописалась в Киеве и молодые зажили на славу. Первое время в их комнате слышны были только шорохи по причине хорошей звукоизоляции, но потом появились новые звуки: глухие удары, стоны, звуки падающего тела, плач. Миша стал приходить на работу с подбитым глазом и в кровоподтеках. Потом как будто немного успокоилось. Жена забеременела и вовремя родила. Жильцы дома все это время судачили, пытаясь выяснить вопрос, кто же в действительности является биологическим отцом ребенка, но так и не пришли к единому мнению. Слишком много было вариантов.

После рождения ребенка Оксана решила, что пора добиваться изолированной квартиры и начала науськивать Мишу на борьбу за улучшение жилищных условий. Понукаемый женой Миша начал сражение. Прежде всего, подал заявление в местком, где его после обследования комнаты включили в список на улучшение. Перед обследованием Оксана подлила воды по углам комнаты и потребовала, чтобы в протокол записали, что они живут в сыром полуподвале. А в списке на улучшение Миша оказался тридцать седьмым, и поскольку институту выделяли по две-три квартиры в год, то у Миши

был шанс лет через пятнадцать переселиться в изолированную квартиру. Это, конечно, при условии, что его не передвинут дальше в списке. Но здесь никаких гарантий быть не могло. Распределением квартир в институте занималась какая-то темная конспиративная организация. Все было шито-крыто. Одних по непонятным причинам двигали вверх, других без всяких обоснований – вниз. А председатель месткома, бывший армейский старшина, а ныне начальник отдела, сохранивший армейские повадки и нехитрый солдатский юмор, сумел за короткий период времени несколько раз улучшить свои жилищные условия, получив, в конце концов, прекрасную трехкомнатную изолированную квартиру в центре города.

Разобравшись что к чему, Оксана махнула рукой на месткомовский список и начала с помощью Миши таранить все эти Райкомы, Обкомы, Исполкомы, ЦК партии и еще черт знает что. Но, к сожалению, это не принесло ожидаемого результата. Каким-то странным образом все разыгрывалось по абсолютно одинаковому сценарию. Пролетев по нескольким кабинетам бюрократов, заявление как бумеранг возвращалось в местком института с резолюцией: «Разобраться и доложить». А там знали, что делать с такой резолюцией. Положение казалось безнадежным. Но Оксана была не из тех, кто легко сдается. И она кое-что придумала.

Наш институт, как и другие подобные заведения, принимал активное участие в общественной жизни города. Ежедневно очередная дюжина сотрудников института превращалась в «добровольную» народную дружину по охране общественного порядка и по вечерам, надев красные повязки на рукава и спрятавшись от хулиганов и бандитов в небольшой деревянной будке, записывала «полукопеечные пули» на заранее разлинованных листах бумаги. Затем, когда наступал сезон, сотрудники института вплоть до главных специалистов и начальников отделов месяцами жили в грязных бараках подшефного колхоза, убирая с заросших сорняками полей помидоры и что попадется или, засыпая на зиму грязную подгнившую картошку в бурты. Когда эти бурты открывали весной, то даже голодные свиньи наотрез отказывались есть это гниющее месиво. А еще институт принимал активное участие в демонстрациях во время праздников и когда надо было выразить народное возмущение империалистической политикой США. Кроме того, каждый раз когда в город приезжал Хрущев, Фидель Кастро или еще кто-нибудь в этом роде, институт становился частью сплошной полосы ликующих граждан вдоль всей трассы движения Высоких Гостей. Правда, эта часть общественной деятельности института с какого-то момента пошла по убывающей то ли арифметической, то ли геометрической прогрессии. Так раньше весь институт прекращал работу и

все должны были ехать из Святошино к бульвару Шевченко, где у ботанического сада сотрудники института подвергались учету и занимали определенный участок трассы. Потом кому-то показалось, что при этом теряется уйма рабочего времени и стали посылать только часть сотрудников, потом того хуже – только активистов, и кончилось тем, что в момент описываемых событий наш институт вообще был исключен из списка участников массового ликования в силу своей удаленности от трассы автопробега.

Это было уже то время, когда в институте стали внедрять жесткие порядки. Наняли бывшего милиционера Ломако, который ревностно проверял удостоверения личностей у входящих и следил за тем, чтобы ни одна собака не проникла в институт после семи тридцати утра, не попав при этом в черный список, для чего закрывал входную дверь на засов и фиксировал каждого опоздавшего. Точно также Ломако держал закрытой дверь после обеденного перерыва, чтобы ни один сотрудник не ушел раньше четырех тридцати.

В этот день город торжественно встречал нашего дорогого Никиту Сергеевича. И все эти лентяи из близлежащих к центру институтов и предприятий уже выстроились вдоль трассы движения правительственной кавалькады и дышали свежим воздухом и покупали мороженое, а мы сидели в затхлом помещении и вкалывали.

Миша как всегда вовремя явился на работу и отметился в журнале. После этого он не пошел как другие на час в курилку или в туалет и не стал прогуливаться по коридорам, делясь с приятелями новостями. Один из немногих он пошел к своему кульману, взял в руки карандаш и стал чертить. Однако, поработав минут сорок, он положил карандаш, оглянулся и незаметно вышел из отдела. Потом быстро прошел по коридору, продолжая оглядываться, спустился по лестнице на первый этаж и вышел во двор. Крадучись прошел вдоль стенки к огромным стальным воротам для проезда грузовиков и воровато огляделся по сторонам. В одном месте ворота неплотно подходили к земле, поскольку там был приямок, через который в случае необходимости могла бы пролезть кошка или небольшая собака. Еще раз посмотрев во все стороны и убедившись, что его никто не видит, Миша сжался в комок и бросился в приямок. Через несколько секунд он уже был на той стороне. Там он отряхнулся, бросил трусливый взгляд назад и быстро пошел вдоль забора к станции метро. Примерно через полчаса Миша вышел из метро «Ботанический сад» и направился к бульвару Шевченко. Там, пробившись сквозь плотную толпу зевак, он оказался в первом ряду за спиной милиционера. По-видимому, Миша решил пожертвовать своим рабочим днем, чтобы еще раз увидеть нашего дорогого Никиту Сергеевича.

В массе ожидающих царил порядок. Люди разбились на небольшие группы, обменивались новостями, шутками, что-то жевали, кого-то искали. На Мишу никто не обращал внимание. А он почему-то дергался, нервничал и вытягивал шею, стараясь вероятно первым увидеть нашего вождя.

Но вот в толпе произошло волнение и все обратились лицом к дороге, замахав детскими флажками. Несколько минут ничего не было видно, но потом на трассе живописного бульвара Шевченко с его стройной каштановой аллеей посредине, густыми зарослями ботанического сада с одной стороны и красочным Владимирским собором с другой стороны, появились гарцующие мотоциклисты в милицейской форме. Они двигались от конной статуи вверх по бульвару. За ними на некотором расстоянии шли черные лимузины с занавешенными окнами. Был ли там Хрущев или кто-то другой – трудно сказать.

Миша весь напрягся и побледнел. И вдруг он нырнул под руками милиционеров, сдерживающих толпу, и выскочил на дорогу в просвет между мотоциклами и автомобилями прямо напротив флагманского лимузина. Миша поднял руки высоко вверх как будто сдавался в плен. В правой руке, на которой были все пять пальцев, он держал большой белый конверт. Это явно была не бомба. Столкновение казалось неминуемым. До передней машины было не более десяти метров и шла она со скоростью порядка сорока километров в час. Однако флагманский лимузин ухитрился вильнуть в сторону от Миши, как тореадор от быка, и, не снижая скорости, пошел вперед. Следовавший за ним лимузин тоже вильнул, но, поравнявшись с Мишей, резко затормозил, мгновенно открылась правая задняя дверь, сильные и цепкие руки схватили Мишу и рывком втащили его внутрь, после чего дверь молниеносно закрылась и машина пошла догонять впереди идущую. Порядок был восстановлен.

В машине Миша оказался практически на коленях у трех дюжих молодцов, одинаково одетых. Как впоследствии рассказывал сам Миша:

«Сначала, конечно, хорошенько дали». Сидевший слева зажал Мише рот, а крайний справа придавил ему ноги. Били молча, бесстрастно, беззлобно, профессионально. Били по ребрам, по внутренним органам. По лицу не били. Удары были страшные. От каждого из них Миша стонал и чуть не терял сознание. Но, правда, били недолго. Затем Мише дали немного отдышаться, потом отобрали документы и конверт и задали несколько вопросов. После этого ехали молча.

Когда машины остановились сидевший справа вышел и закрыл дверь. Спустя какое-то время он вернулся, Мишу вытащили из машины и перегрузили в подъехавший милицейский «воронок», кото-

рый тут же тронулся и Мишу куда-то повезли. Минут через двадцать «воронок» стал, дверь открыли, Мишу выволокли и повели в здание, где его заперли в камере. Впрочем, это место не было похоже на тюрьму. Миша впал в прострацию. Такого поворота событий он не ожидал. Когда в камеру вошел следователь, Миша был весь в слезах. После заполнения анкеты: имя, фамилия, национальность, партийность и так далее Миша рассказал следователю, что он, жена и пятимесячный ребенок живут в ужасных условиях, в маленьком сыром полуподвале, что они обращались в местком, райком, исполком и так далее, что никто не хочет им помочь и что в отчаянии они решили обратиться к Никите Сергеевичу Хрущеву, зная его доброе сердце. А поскольку они не были уверены, что письмо дойдет до него, то Миша решил передать письмо лично в руки нашего вождя и вот что из этого получилось.

Через полчаса в приемной директора института зазвонил телефон.

«Говорит работник госбезопасности майор такой-то. Соедините меня с директором института».

Узнав, кто его спрашивает, директор не на шутку испугался – у него всегда рыльце было в пуху.

«Нас интересует Ваш сотрудник Михаил Дудко, – сказал майор такой-то, – чем он у Вас сейчас занимается?»

Директор облегченно вздохнул.

«Дайте нам пять минут, пожалуйста, и мы дадим Вам интересующую Вас информацию», – услужливо произнес директор.

« Хорошо, – сухо отреагировал майор госбезопасности, – мы будем ждать Вашего звонка в течение ближайших пятнадцати минут».

«Конечно, конечно, – сказал директор, – сейчас же выполним Вашу просьбу».

После того, как директор положил трубку, тон его резко изменился.

«Узнайте, в каком отделе работает этот Михаил Дудко, и немедленно вызовите его сюда вместе с начальником отдела!» – скомандовал он. Быстро отыскав в списке сотрудников фамилию Миши, секретарша позвонила начальнику отдела, в котором он работал. Начались поиски Дудко. В отделе его было. Проверили все курилки, хотя было известно, что Миша не курит. Облазили все туалеты и там его не обнаружили. Послали гонца к буфету. Приближалось время обеда и у буфета выстроилась очередь. Но и здесь не было следов Миши. Начали искать его во дворе и в цехе. Все безрезультатно. Любопытно, что все видели Дудко: утром его видел сам начальник отдела, заведующий сектором видел его совсем недавно, ведущий инженер клялся, что прошло не более получаса как он давал указания Мише, а старший инженер разговаривал с ним всего минут десять тому назад. Но вот он как в воду канул. В результате

начальник отдела явился к директору смертельно бледный и весь в мыле. Директор начал орать на него и топать ногами. Но делать было нечего и директор позвонил майору госбезопасности и, заикаясь, сообщил, что пока Дудко не могут найти, но поиски продолжаются, и он обещает, что как только Дудко найдется, сразу же сообщить об этом майору.

«Не трудитесь, – насмешливо сказал майор, – Михаил Дудко арестован час тому назад в районе ботанического сада за дерзкую и опасную вылазку и нарушение общественного порядка. Пока будет вестись расследование, Вы можете прислать своего представителя на улицу Короленко 15 и забрать Вашего сотрудника Дудко на поруки».

Услышав такое, директор побагровел и после разговора с майором впал в бешенство.

«Как Вы говорите, – орал он на растерянного и покрасневшего начальника отдела, – что видели Дудко десять минут тому назад, если он уже час как арестован у ботанического сада? Немедленно езжайте и заберите этого Дудко на поруки, а вопрос с дисциплиной в Вашем отделе мы разберем потом».

Узнав о том, что произошло, весь институт всполошился. Когда Мишу привезли, со всех отделов прибегали сотрудники посмотреть на него, как на коалу в зоопарке. И сразу заварилась каша. Тут же было назначено собрание с повесткой дня: «Персональное дело конструктора третьей категории Дудко». Миша обвинялся в самовольном уходе с работы и политической провокации. Ему, между прочим, припомнили и опоздания на работу, и некачественное выполнение чертежей, и технические ошибки, и уклонение от выполнения общественных нагрузок. Долбали Мишу по всем линиям: производственной, общественной и административной. Кроме того, он нажил себе несколько врагов в лице своих начальников, которым досталось за укрывательство и ложь. В результате было принято решение: «Осудить! Лишить квартальной премии! Просить руководство института об … вплоть до…» В общем, судьба Миши была решена. Оставалось несколько пустых формальностей.

Когда Миша в пришибленном виде и полном отчаянии пришел домой и рассказал жене о своих хождениях по мукам, она спокойно отреагировала на это и даже приласкала Мишу, чего не делала уже давно. Она успокоила своего мужа сказав, что если ему не дали квартиру в этом институте, то ему там нечего делать, так как платят они мало. Оксана заверила Мишу, что он найдет работу получше с более высокой зарплатой. И Миша успокоился. На следующий день он пришел в институт, опустив глаза и вобрав голову в плечи, тихо прошел на свое место и стал за кульман. Никто с ним не заговаривал и никакого задания ему не выдавали. Все знали, что вот-вот

должны позвонить из отдела кадров и выдать Мише «бегунок». Но время шло, а его не вызывали. Происходило что-то непонятное. День прошел в томительном нервном ожидании, но ничего не случилось. За ним второй день. И тут взорвалась бомба. По институту поползли слухи, что директор получил сверху очень неприятную бумагу, текст которой заканчивался убийственной фразой: «Предлагается обеспечить сотрудника института Михаила Дудко квартирой из числа выделенных на этот год институту».

Боже мой! Какая заварилась каша! Словно разворошили осиное гнездо. Заинтересованные лица стали жрать друг друга как пауки в банке, особенно те, кто должен был получить квартиру в этом году. Пошли склоки, скандалы, подметные письма. И все кандидаты на получение жилья единодушно возненавидели Мишу Дудко.

А Миша с женой ликовали, особенно после того что они получили прекрасную изолированную двухкомнатную квартиру в Березняках на шестом этаже, с ванной, балконом и лифтом. Теперь у Миши не было нужды продолжать работать в институте, в котором он зарабатывал всего 120 рублей в месяц. Тем более, что отношение к нему начальства и некоторых сотрудников стало весьма недружелюбным. Поэтому он начал поиски другой работы и направляемый Оксаной легко устроился конструктором первой категории с окладом 160 рублей в месяц, после чего без особых осложнений и шума уволился из института. Теперь Миша с женой и сыном зажили как в раю.

Правда, не очень долго. У них в квартире стал появляться здоровый белобрысый парень. Вначале он приходил под разными предлогами, но потом – вообще без предлогов. Когда Миша попробовал вякнуть, этот непрошенный гость дал ему хорошего тумака и чуть не выбросил его из собственной квартиры. После этого визиты белобрысого участились, так что Миша, в конце концов, преодолев стыд, обратился в милицию. Как и следовало ожидать, это ничего не дало. Оксана навешала милиционерам лапшу на уши, в результате чего они решили, что это обычный семейный скандал и не приняли никаких мер. Но обстановка в их доме накалялась и в конце концов разрешилась тем, что Оксаны подала в суд. Это был весьма скандальный процесс, который, в конце концов, к обоюдному согласию закончился разводом. Оксана с ребенком получили большую комнату, а Миша маленькую. Мебель тоже разделили пропорционально. Однако Мише после этого не стало лучше. Белобрысый издевался над ним, на кухню его не пускали, душевая всегда была занята. Поэтому Миша облегченно вздохнул, когда был найден обмен на изолированную однокомнатную квартиру и отдельно комнату в коммунальной квартире. Миша, конечно, получил коммуналку. Эта комната была, пожалуй, поменьше той, в которой он жил раньше и по

настоящему сырой. Так что Миша опять оказался в «ветхой землянке с разбитым корытом». И даже реальная зарплата стала такой же, как раньше, так как двадцать пять процентов уходило на алименты.

НЕСГИБАЕМАЯ.

Осенью 1952 года я вернулся в Москву из своего вынужденного турне по Дальнему Востоку и в тот же день решил посетить своего друга, с которым вместе когда-то служил в оркестре. За время моего более чем трехлетнего пребывания в местах Дерсу Узала и Сергея Лазо я регулярно переписывался со своим другом и был в курсе его дел. Я знал, что он весьма успешно учится на юридическом факультете МГУ, что он женился, что жену зовут Галя и что они ожидают ребенка. У меня был их адрес, и я без труда нашел квартиру своего приятеля, которая находилась на задворках Елисейского гастронома, что на бывшей улице Горького. Дом, в котором жил мой друг, оказался частью мрачного каменного колодца, грязного и дурно пахнущего. Трудно было себе представить, как в таком дворе могут играть дети. Я был поражен разницей между театральным фасадом гастронома и его задворками. Квартира моего приятеля оказалась на третьем этаже. Лифта, конечно, не было. Я поднялся и позвонил. Приятель открыл дверь, ведущую в длинный коридор коммуналки, мы обнялись и он ввел меня в комнату, похожую на загроможденный мебелью высокий чулан площадью не более десяти квадратных метров. Комната была разделена ширмой на две части, в каждой из которых стояли допотопные шкаф, кровать и тумбочка. У входа в углу был непокрытый стол. Пройти по комнате можно было только боком. Мой друг представил меня своей жене, высокой, светловолосой и голубоглазой. Как и следовало ожидать, она оказалась значительно выше его ростом, что не удивительно, так как мой приятель «наполеоновского» роста. Затем была представлена мать Гали, Марья Моисеевна Малкова, крохотная женщина, почти карлик, с неулыбчивым одутловатым лицом и редеющими с проседью волосами. Малкова передвигалась как-то странно, по-обезьяньи, как шимпанзе: на широко расставленных не разгибающихся ногах, наклонившись вперед, расставив руки и медленно переваливаясь с ноги на ногу. Было ли это результатом какой-то болезни или травмы, я никогда так и не решился спросить. Полагаю, что тогда ей было лет шестьдесят. Марья Моисеевна посмотрела на меня испытующим недоверчивым взглядом и протянула маленькую руку с узловатыми суставами пальцев. Мы обменялись несколькими общими фразами, после чего Малкова по-утиному поковыляла на «свою половину». Одета она была во что-то серое и широкое. На тумбочке возле кровати лежал журнал «Коммунист» и

свежий номер газеты «Правда».

В первый мой визит я кое-что узнал о Марье Моисеевне. Впоследствии мой приятель дополнил картину. Трудно было поверить, что эта маленькая неуклюжая больная еврейская женщина когда-то активно участвовала в революционном движении и даже была сослана за это. Там в ссылке она познакомилась со своим будущим мужем, Малковым, который был большевиком более крупного масштаба. Он даже был делегатом каких-то съездов РСДРП, о чем свидетельствовали несколько фотографий, показанных мне Марьей Моисеевной. Хотя брак их был недолговечным и у Малкова была другая семья, Марья Моисеевна носила фамилию своего бывшего мужа и говорила о нем с обожанием.

Самого Малкова я видел всего один раз во время его чрезвычайно редкого визита к дочери и бывшей жене. Он оказался довольно высоким, подтянутым, моложавым, щеголеватым. Похоже было, что он еще в этом возрасте старался нравиться женщинам. А что творилось, когда он был молодым – могу себе представить! На это намекала сама Марья Моисеевна. Не знаю как в годы молодости, но в этом возрасте она была ему явно не парой. Как мне показалось, Малков был также не очень привязан к своей дочери и не очень заботился о ней. Хотя иногда, когда нужно было, помогал. В общем, Марья Моисеевна практически растила Галю сама.

Очень редко можно найти семью, в которой теща с зятем не ссорятся. У моего же приятеля это носило характер баталий. Он не только не сошелся характером с Малковой, но и во всех вопросах, касающихся политики, стоял с ней на диаметрально противоположных позициях. Марья Моисеевна неуклонно следовала генеральной линии партии, и какие бы встряски, крутые повороты и зигзаги не происходили «наверху», всегда стояла на стороне победителя. После смерти Сталина она надела траур и не снимала его до выступления Хрущева на XX съезде КПСС. Приход Маленкова к власти она приветствовала следующим образом:

«Он единственный, кто хоть как-то может заменить Сталина. Я с ним встречалась. Образованный. Культурный. Большой опыт партийного руководства. Инженер. Хорошо разбирается в народном хозяйстве, особенно в промышленности. Работал в кадрах. Руководил обороной. Лучшего кандидата не найти».

Когда Маленков был смещен, Малкова выразила свое удовлетворение:

«Одному человеку не под силу выполнять работу, которую делал Сталин. Кроме того, Маленков стоял на неправильной позиции в вопросе развития промышленности. Он пытался сделать упор на развитие производства предметов потребления и снизить производство средств производства. За это Сталин называл его «тряпичником». Жданов не любил Маленкова за это и за другие его слабости. Правильно сделали, что его сняли. А Хрущев с Булганиным лучше справятся с руководством страной. Я знаю обоих. Хрущев, хоть и не хватает с неба звезд, очень хорошо разбирается в партийной работе, сильный руководитель и хозяйственник, лучше других знает сельское хозяйство и имеет большой опыт в работе с кадрами. А Булганин является хорошим ему дополнением. Он прекрасно знает промышленность, много лет занимался обороной и безопасностью страны».

Мой приятель, пользуясь своим юридическим образованием, ловил свою тещу на противоречиях и спорил с ней как с личным врагом, и надо признаться, что он не всегда был справедлив. В конце концов, если бы не Марья Моисеевна, они бы с Галей померли с голоду. Ведь весь семейный бюджет в сущности держался на персональной пенсии Малковой и на талонах в закрытый распределитель для старых большевиков. Раза два-три я сопровождал моего друга, когда он шел отовариваться. Этот закрытый распределитель находился в полуподвале дома на набережной, где помещался кинотеатр «Ударник» только со стороны внутреннего двора. На первый взгляд это был обыкновенный вход. За первой дверью шло несколько ступенек вниз, а дальше была вторая дверь. Вот за этой второй дверью стоял или сидел вооруженный охранник, который проверял пропуска. По совету приятеля я никогда не заходил даже за первую дверь. Там в распределителе мой друг набивал сумки и корзины (по инструкции ничего нельзя было выносить открыто), а я помогал ему тащить все это домой. Хотя я слышал до этого кое-что о системе закрытого распределения в стране, в первый раз я был поражен дешевизной и высоким качеством товаров там. Полнотелые красивые куры стоили в распределителе 60 копеек за килограмм, в то время как синие костлявые «дохлики», продаваемые в обычных магазинах под названием «куры», стоили 1 рубль 60 копеек за килограмм. То же самое относилось и к другим продуктам. Например, ароматные крупные вкусные яблоки стоили 20 копеек за 1 кг., а их жалкие прототипы для широкого потребителя продавались по 1 руб. за кг. Это наводило на некоторые размышления.

Между прочим, там в закрытом распределителе мой друг покупал также за бесценок красную и черную икру, крабов, печень трески и другие деликатесы, хотя у них в семье никто этого есть не хотел.

Позже, когда мой приятель жил уже на другой квартире, у них на кухне образовались целые пирамиды этого дефицита, и каждый раз, когда я приходил к ним в гости, мой друг упрашивал меня взять хотя бы несколько банок, так как они все равно лежали без дела.

Как я уже сказал, пока мой приятель учился, а его жена была в декрете, Марья Моисеевна держала его и Галю на своих больше-

вистских плечах. Естественно предполагалось, что как только мой друг получит диплом и начнет работать, он приобретет независимость и взвалит на себя все бремя забот о жене и будущем ребенке. Но здесь его ожидал неприятный сюрприз. Дело в том, что мой приятель заканчивал учебу в МГУ весной 1953 года. Начались распределения. И тут произошло непредвиденное. Все выпускники юридического факультета, кроме двух, были распределены в московские учреждения. Причем, очень хорошее место в Москве получил даже тот студент, который на экзамене на вопрос, что он может сказать о Законах Хамураппи, после секундного замешательства решительно ответил:

«Они были отменены Октябрьской революцией».

Мой же друг, который получил диплом с отличием, и еще один выпускник еврейской национальности по фамилии Фельдман вообще не были распределены. Вначале оба растерялись, начали бестолково тыкаться во все инстанции, пока, наконец, не добились аудиенции у ректора МГУ Петровского. Тот их очень мило принял и объяснил ситуацию.

«Видите ли, – говорил он, – в системе высшего образования, а именно в области юриспруденции, не учли одного фактора. Дело в том, что преступность в социалистическом обществе, как и следовало ожидать, резко идет на убыль, и нам вместо того, чтобы увеличивать количество юридических факультетов, надо было их сокращать. В результате произошло, так сказать, перепроизводство специалистов с юридическим образованием, и мы не знаем, что с ними делать».

«Но почему именно нас? – с надрывом спросил мой приятель, – я, например, учился лучше тех, кого распределили, и остался за бортом. Как это понять?».

Ректор мило улыбнулся и добавил:

«Это имеет второстепенное значение. Хорошие студенты не всегда становятся хорошими специалистами. Скорее – наоборот. Так что мы сделали что-то вроде лотереи и вам, к сожалению, не повезло. Но я уверен, что вы устроитесь. Желаю успеха!»

На этом аудиенция закончилась. Выпускник юридического факультета МГУ рыжеволосый Фельдман сразу понял что к чему, спрятал свой диплом в сундук и пошел сдавать экзамены в Рыбный техникум. А у моего приятеля начались хождения по мукам. В течение нескольких месяцев он систематически прочесывал Москву, ища работу где только можно было. Но, куда бы он не обращался, все разыгрывалось по абсолютно идентичному сценарию. Первый этап: бодрый, обнадеживающий, оптимистичный разговор по телефону с приглашением немедленно приехать и заполнить анкету, так

как «до зарезу» нужны специалисты с высшим юридическим образованием. Второй этап: беглый просмотр анкеты, замешательство и нескрываемое удивление при виде свободного диплома. Третий этап: скорбное выражение лиц, неуклюжие объяснения и приглашение позвонить недельки через две-три.

И каждый раз, когда мой друг возвращался со своей «охоты» с пустыми руками, он, прежде всего, набрасывался на тещу:

«Зачем вы заварили эту кашу? – кричал он, имея в виду Октябрьскую революцию, – Сталин сдох, а дискриминация евреев продолжается. Значит, это и есть политика партии в национальном вопросе. Что из того, что врачей оправдали? Двух все-таки успели укокошить».

Вначале Малкова придерживалась агрессивной позиции.

«Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива! – атаковала она моего друга, – все устраиваются, а он не может. При чем здесь национальная политика партии? Если ростом не вышел, то надо как-то по- другому произвести впечатление, надо добиваться, бороться, а не нюни распускать!»

Ссоры ухудшали и без того плохое положение. Вдобавок появились новые трудности, связанные с рождением ребенка. Роды были тяжелыми и не обошлись без осложнений. После рождения мальчика у Гали отнялись ноги, она вынуждена была оставаться в постели и нуждалась в уходе. Только спустя несколько месяцев она начала ходить, но до конца так никогда и не поправилась.

Учитывая, что моего приятеля зовут Илья, Марья Моисеевна настояла, чтобы мальчика назвали Владимир. Получилось красиво: Владимир Ильич, что очень нравилось Малковой. Кстати, когда у моего друга появился второй сын, та же Марья Моисеевна потребовала, чтобы его назвали Дмитрий. Таким образом, у них в семье оказались сразу Владимир Ильич и Дмитрий Ильич. Уверен, что если бы родилась дочь, Малкова настояла бы, чтобы ее назвали Мария. И была бы у них еще и Мария Ильинична.

С рождением сына в крохотной комнате моего друга возникла ситуация, хорошо известная по притче о еврее с козой. Чтобы поставить детскую кроватку, пришлось убрать стол, и все равно пройти по комнате было трудно. И жил бы мой друг в этих условиях неизвестно как долго, ожидая пока не подойдет его очередь на улучшение, если бы не чрезвычайно редкий визит Малкова, который после долгих упрашиваний Гали пришел посмотреть на новорожденного внука. Визит, как и прежде, оказался коротким, но на этот раз имел положительный результат. Малков обещал прислать дочери врача-специалиста, который поможет поставить ее на ноги. Кроме того, он обещал помочь с квартирой, о чем его шепотом попросила Галя, чтобы Марья Моисеевна не слышала (она принципиально

была против личных просьб). И, наконец, Малков сообщил своей бывшей жене какие-то секретные партийные новости, от чего она пришла в необыкновенное возбуждение.

Некоторое время спустя квартиру Ильи посетили какие-то представители не то райкома, не то обкома, потоптались немного в узком проходе, посчитали жильцов и буркнув «до свидания» ушли. Вскоре после этого семья Марьи Моисеевны Малковой переехала на новую квартиру. Здесь были две светлые комнаты приличного размера и коммунальная кухня. Квартира была в большом высоком доме на Гоголевском бульваре недалеко от бывшего храма Христа Спасителя и несостоявшегося Дворца Советов. В те годы там был огромный круглый котлован, заполненный мусором и лужами. По периметру котлована были установлены огромные железобетонные «быки» – основание помпезного Дворца Советов. Проект этой советской «Вавилонской башни» был разработан до войны. В школьных учебниках тех лет были картинки этого «восьмого чуда света», имеющего форму гигантского усеченного конуса, на вершине которого громоздился колоссальный монумент Ленина с протянутой рукой. Общая высота этого сооружения должна была превысить 300 метров. Как писали тогда, длина указательного пальца была равна 6 метрам. Представляете, каким должен был быть размер головы?

Как-то наш класс повезли на экскурсию в мастерскую знаменитого скульптора Меркурова. В центре мастерской, которая по размеру превышала самолетный ангар, стояла почти готовая эта самая голова, что живо напомнило нам картину из сказки Пушкина «Руслан и Людмила». Не думаю, что это была отливка, так как она, безусловно, в несколько раз превышала по размеру конную скульптуру Петра Первого работы Фальконе. Пока мы были в мастерской, Меркуров стоял наверху огромной лестницы и ковырялся где-то в районе глаза бронзового Владимира Ильича. Интересно, куда делась эта голова?

Где стол был яств, там нынче гроб стоит. На месте взорванного храма Христа Спасителя в конце концов, построили плавательный бассейн «Москва».

Я был всего несколько раз в новой квартире своего друга. И каждый раз, когда я приходил, Марья Моисеевна, которая к этому времени прониклась ко мне доверием, жаловалась на своего зятя, какой он неприспособленный и непрактичный и предсказывала, что он плохо кончит. А еще она рассказывала о своей жизни, о необыкновенных трудностях, которые им пришлось преодолевать, и о своей работе после революции. Много лет Малкова работала в промышленном секторе ЦК партии под началом Серго Орджоникидзе, которого хвалила без меры, какой он был чуткий и внимательный, как он хорошо относился к женщинам, какой он был выдающийся

руководитель и большой друг Сталина.

Между тем мой приятель продолжал безрезультатные поиски работы и, в конце концов, с отчаяния уцепился за первую попавшуюся работу. Для нее не нужен был диплом юридического факультета МГУ. Для нее вообще не нужен был никакой диплом. Это была работа судебного исполнителя. Для этой работы нужна была только большая физическая сила и полное отсутствие чувства жалости. Ничем этим мой друг похвастаться не мог. Когда он приходил описывать имущество в дома, где люди переживали тяжелые времена и были в отчаянии, моего приятеля часто спускали с лестницы и даже били. Вскоре Илья убедился, что эта работа ему не под силу. Тогда мой друг «посыпал голову пеплом и пошел в Каноссу», то есть попросил Малкову помочь ему найти работу по специальности. Она видела, как он несколько раз приходил с работы побитый, и знала, что происходит. Поэтому Марья Моисеевна решила несколько смягчить свою партийную принципиальность и позвонила куда-то. Это сработало, и моего приятеля вызвали в соответствующее учреждение. Полный надежд, в хорошем настроении он пришел раньше назначенного срока. Долго ждал в приемной, пока его наконец не принял какой-то мелкий, серый партийный чиновник, который взял в руки анкету и углубился в ее изучение.

«Так, так», – время от времени приговаривал он. Потом поднял голову и обратился к моему вспотевшему от напряжения другу:

«Значит, Вы ищете работу юриста? Гм, хорошо, к счастью, у нас появилась одна такая вакансия. Поедете в Коми АССР».

«Куда?» – в недоумении спросил мой ошарашенный друг.

«В Сыктывкар, – пояснил чиновник, – там нужен юрист».

От неожиданности Илья потерял дар речи.

«Но помилуйте, – начал он, заикаясь, – как же я туда поеду? У меня жена прикована к постели и грудной ребенок!» – взмолился он.

«Не знаю, не знаю, – сухо ответил ему кадровик, – это все, что мы можем Вам предложить. Не хотите – не надо».

И все это говорилось именно в тот период, когда в Москве ощущалась особо острая нехватка специалистов с юридическим образованием и когда по сведениям, полученным позже моим другом, в большинстве юридических учреждений Москвы штатные расписания были заполнены меньше чем на две трети.

Но вернемся к моему приятелю. Чуть не плача, он вышел из кабинета и поплелся домой. Там он набросился на тещу:

«Это же форменное издевательство!» – кричал он, подытоживая результат своей беседы с партийным чиновником.

«В наше время, – веско заявила Марья Моисеевна, – мы не были такими переборчивыми. Куда посылали – туда мы шли».

«А Вы подумали, – кричал Илья, – что если я уеду, то некому будет ухаживать за Вашей больной дочерью и Вашим новорожденным внуком Владимиром Ильичом?! Если Вы не хотите помочь, то мне ничего не остается, как обратиться к Малкову».

«Он не станет этим заниматься», – сухо заметила Марья Моисеевна и замолчала. Но она ошиблась. Малков оказался более сговорчивым и куда-то позвонил. Через несколько дней моего приятеля вызвали в то же учреждение. На этот раз с ним беседовал другой чиновник и все прошло значительно быстрее.

«Принимая во внимание Ваши семейные обстоятельства, – с участием сказал чиновник, – мы подыскали Вам работу поближе к дому. Работа интересная – следователь по уголовным делам в одном из районов Тулы».

Мой приятель сдержался. Он понимал, что если сейчас откажется, то это – конец. А, кроме того, до Тулы всего несколько часов езды. Не так страшно. Но здесь Илья ошибался. Он не знал главного. Он не знал Тулы. А Тула в то время была особым городом.

Еще со времен Петра Первого там были сосредоточены знаменитые оружейные заводы и там жили всякие умельцы, которые могли подковать не только блоху. В те годы жители Тулы были вооружены не хуже банд Лос-Анжелоса. Все было просто. Тульские умельцы выносили с заводов отдельные детали, а дома собирали пистолеты «ТТ», автоматы Дегтярева, винтовки, охотничьи ружья и другое. Вооружали семью, устраивали домашние арсеналы, а излишки продавали. На Тульском вокзале по перрону сновали шустрые пареньки в кепочках-восьмиклинках и доверительно предлагали избранным пассажирам проходящих поездов по дешевке пистолеты. Знаменитый «ТТ» можно было купить всего за 20 рублей. По количеству вооруженных грабежей и убийств Тула оставила далеко позади все остальные города страны. Местная милиция была совершенно беспомощной. В силу этого она придерживалась толстовского принципа «непротивления злу насилием». Это и не удивительно – ведь Ясная Поляна Л.Н.Толстого находится вблизи Тулы, всего 14 километров.

Во время войны под Тулой размещалась французская авиационная эскадрилья «Нормандия – Неман». Летчики эскадрильи в поисках развлечений время от времени отправлялись в Тулу. Там они знакомились с местными девушками и поскольку в гостиницу они не могли пойти, то они отправлялись в единственное подходящее для момента место – тульский Кремль, который выполнял функцию парка культуры и отдыха. Здесь в кустах и зарослях можно было закончить свидание. Но часто конец был трагическим.

Работники следственных органов Тулы рассказали моему другу, что от рук тульских бандитов погибло больше летчиков французской эскадрильи, чем в воздушных боях с немецкими ассами. Конечно, ни в литературе, ни в фильмах «Беспокойное хозяйство» и «Нормандия – Неман» на это нет даже намека.

Когда в Тулу привозили на ремонт баяны и другие музыкальные инструменты, шустрые пареньки в кепочках-восьмиклинках появлялись как из-под земли, прикидываясь простачками, пытались выяснить, какой мастер будет заниматься ремонтом. Однако ни в коем случае нельзя было выдавать имя мастера, так как после получения денег он будет ограблен и возможно даже убит.

Вот в этот город был направлен мой приятель на место убитого бандитами следователя, который пытался бороться с преступностью в Туле. На следующий день после приезда Ильи в Тулу он получил анонимное письмо, в котором его поздравляли с новой должностью и предлагали немедленно вернуться в Москву. Анонимный автор был до удивления осведомлен о личных делах моего друга.

«У тебя больная жена и грудной ребенок, – писал заботливый аноним, – подумай о них. Твой предшественник погиб, потому что пытался ковыряться в наших делах. Тебя прислали сюда заниматься тем же самым. Если ты не хочешь, чтобы Галя стала вдовой, а сын Володя – сиротой, езжай домой. Мы знаем, что у тебя нет денег, поэтому просим принять наш скромный подарок».

В конверте лежал железнодорожный билет Тула-Москва.

Поговорив немного с работниками прокуратуры и убедившись, что работа в Туле не сулит ему ничего хорошего, Илья решил воспользоваться советом анонима и вернулся в Москву, чем еще более ухудшил свои взаимоотношения с тещей. Здесь он сделал поворот на 180 градусов, то есть спрятал свой диплом юриста в сундук и вернулся в музыку, где отношение к евреям было чуть-чуть более благоприятным. Правда, мой приятель через несколько лет опять занялся юриспруденцией, но это были уже другие времена.

Это было тогда, когда Марья Моисеевна, наконец, получила изолированную квартиру в одном из двух колоссальных домов, построенных в конце Кутузовского проспекта. Между домами находится Триумфальная Арка, воздвигнутая в честь победы России над Наполеоном в 1812 году. Там же неподалеку находится Панорама Бородинской битвы.

Кроме Марьи Моисеевны в доме на Кутузовском проспекте поселили и других оставшихся в живых старых большевиков – москвичей, включая почти столетнего Петрова. Теперь у Малковой была довольно большая отдельная комната, где свободно помещались кровать, шкаф, стол, тумбочка и даже книжный шкаф, на котором красовались тома полного собрания сочинений Ленина, История КПСС и журналы «Коммунист». Переехав на новую квартиру, Марья

Моисеевна сделала капитальное приобретение – она купила телевизор «Темп». К этой покупке Малкова относилась чрезвычайно бережно. Никому не разрешалось его трогать, а когда Марья Моисеевна включала его, то выжидала минут 10 пока телевизор нагреется.

Илья с женой и двумя детьми разместились в другой комнате, несколько поменьше и с окном, выходящим на шумный Кутузовский проспект. Жили нормально, даже собаку завели, огромного дога. Это было после того, как в Москве начал орудовать какой-то актер с армянской фамилией и его белокурая наложница. Они грабили днем дома, когда все были на работе, а если дома оказывались дети, то их убивали. Чтобы защитить детей и имущество, москвичи начали лихорадочно приобретать сторожевых собак. В конце концов, преступников поймали и казнили, но мой друг уже не мог жить без собаки.

Чтобы удовлетворить нужды старых большевиков, возле дома на Кутузовском проспекте постоянно дежурили машины скорой помощи и представитель похоронного бюро. Редкий день обходился без сирены скорой помощи или без скорбной музыки Шопеновского марша.

В том же доме по какой-то иронии поселили работников Московского цирка, включая известного клоуна Олега Попова.

Здесь Марья Моисеевна жила до конца своих дней, и когда раздавались звуки похоронного марша, Малкова ковыляла к окну и, узнав, кто умер, делилась своими воспоминаниями и рассказывала, каким настоящим преданным большевиком был усопший. Я несколько раз слышал ее рассказы. Идеалом Малковой была Розалия Самойловна Землячка, умершая, кажется, в 1946 году. Марья Моисеевна говорила о ней с гордостью. Я знал, что Малкова тщательно избегает скользких тем. Однако я ее как-то спросил, почему почти все руководители ГПУ – МГБ оказались врагами народа. Немного помолчав, она сказала: «Это очень сложная работа. Нужен тонкий баланс. Трудно удержаться от злоупотребления властью».

Когда я видел Марью Моисеевну в последний раз, она была уже серьезно больна. Лицо было серым, глаза потухшими, в комнате сильно пахло лекарствами. Малкова полулежала в постели, подложив под спину несколько подушек, и читала «Прометей» Серебряковой.

Спустя некоторое время я получил сообщение от моего друга, что Марья Моисеевна умерла. Похоронили ее без особых почестей.

ДАМОКЛОВ МЕЧ.

В конце тридцатых годов во время печально знаменитых процессов появился замечательный анекдот такого содержания:

В большой московской коммунальной квартире среди ночи раздается громкий и настойчивый стук в дверь. Смертельный ужас охватывает жильцов. Никто не может отважиться открыть дверь.

Решают бросить жребий, который выпадает на долю замухрышки Рабиновича. Смертельно бледный на подкашивающихся ногах он идет открывать. Дрожащими руками отодвигает засовы и в полуобморочном состоянии выходит из квартиры. Через минуту, которая показалась жильцам вечностью, Рабинович влетает в коридор, сияя от счастья.

«Дорогие товарищи! – кричит он в радостном возбуждении, – не надо волноваться! Все в порядке! Нам просто пришли сказать, что у нас горит дом!»

Вот это чувство обреченности, страха и беззащитности, которое испытывали жители коммунальной квартиры до возвращения замухрышки Рабиновича, не покидало меня в течение нескольких последних лет жизни в России. Это не было навязчивой идеей и я не страдал от мании преследования. У меня действительно были очень серьезные основания бояться за свою судьбу.

В этот период я сблизился с одним очень интересным и довольно странным человеком, который тайно снабжал меня подпольной литературой. Звали его Тимофей Антонович Шептенко. Это был настоящий энтузиаст зимнего купания в проруби, закоренелый «морж», который втянул в это дело даже свою дочь. Шептенко никогда не носил теплой одежды и в любую стужу прогуливался без головного убора с расстегнутым воротом рубашки, в легком пиджачке. Выглядел он лет на двадцать моложе своих шестидесяти пяти лет. Худощавый, подтянутый, с юношеской стройной фигурой и ежиком еще не седых волос, он производил очень приятное впечатление. По натуре Шептенко был изобретателем. И как результат у него оказалось довольно много авторских свидетельств, но странное дело – ни одно из них не было внедрено, несмотря на все усилия автора. Видимо, на этой почве у него появилась фантастическая идея, которой он по секрету поделился со мной. Шептенко утверждал, что советское правительство пронизано густой сетью немецкого шпионажа, настоящим засильем, и что эти немецкие шпионы искусственно тормозят прогресс в стране, препятствуя внедрению полезных изобретений.

Вообще говоря, Тимофей Антонович начал раскрываться передо мной только после того, как хорошенько присмотрелся ко мне, проникся ко мне доверием и взял с меня слово, что я не буду болтать. Первая книга, которую он мне принес, была «Автоэмансипация» доктора Пинскера. Потом еще несколько книг, касающихся вопросов сионизма и диаспоры. Передо мной открылся новый мир, и это, в конце концов, привело к тому, что я стал потенциальным эмигрантом. Спустя какое-то время оказалось, что Шептенко – скрытый украинский националист, но без каких бы то ни было признаков антисемитизма. Он, между прочим, утверждал, что украинцы – это

единственный народ, сохранивший внешние черты древних славян. В качестве доказательства он приводил описание славян Геродотом, относящееся к пятому веку до нашей эры, где говорилось, что славяне темноволосы, узколицы и кареглазы, что живут они в лесах, одеты в шкуры убитых ими животных и питаются их мясом. В своей основной массе украинцы действительно темноволосы, узколицы и кареглазы. Так что здесь трудно было спорить.

«А русские, – говорил Тимофей Антонович, – похожи либо на татар, либо на прибалтийские народы, либо одновременно на тех и других. Даже Достоевский заметил, что если хорошенько потереть русского, то окажется татарин».

Между прочим Шептенко дал мне почитать «Историю Украины» академика Покровского, в которой декабриста Пестеля называют антисемитом за то, что он в обнаруженном после его смерти дневнике предлагал России избавиться от евреев, отвоевав у Турции Палестину и отправив их всех туда. В той же книге имя Богдана Хмельницкого к моему удивлению было снабжено сноской, где его называли палачом украинского народа, душителем крестьянских восстаний и ярым антисемитом, уничтожившим сотни тысяч евреев. В общем, Тимофей Антонович способствовал моему просвещению, и я был чрезвычайно благодарен ему за это.

Наши конспиративные разговоры почти всегда носили случайный характер и происходили во время прогулок в парке, где сотрудники института проводили обеденный перерыв. Но вот однажды Шептенко неожиданно зашел в наш отдел и вызвал меня в коридор. Он был явно встревожен. Убедившись, что за нами никто не следит, он шепотом сказал мне: «Будь осторожен, парень! КГБ ковыряется в твоих бумагах. Алексеев сказал мне по секрету». (Алексеев был заместителем начальника отдела кадров и каким-то непонятным образом был в приятельских отношениях с Шептенко). И вот с тех пор надо мной повис Дамоклов меч. Правда, он и до этого висел, но не так близко к шее. Я начал готовиться к судьбе своего отца, но время шло, а меня не трогали. И только примерно за год до нашего отъезда тот же Шептенко принес мне тревожную весть. Он вызвал меня во двор института и там сказал:

«Кто-то написал анонимку. Тебя назвали руководителем сионистского гнезда. КГБ отреагировало на сигнал и сейчас проверяет полученную информацию».

Я не на шутку испугался и подумал, что это конец. Однако несколько дней спустя Тимофей Антонович неожиданно явился к нам в отдел, отозвал меня в сторону и сказал:

«Ты родился под счастливой звездой, парень. Они не нашли состава преступления и укатили, – а потом добавил, – болтай поменьше и остерегайся Ф.К. – он стучит».

Я побледнел. В действительности дело обстояло таким образом. У нас, как и во всех других институтах по утрам происходил обмен информацией между сотрудниками еврейского происхождения. Ф.К. встречая меня утром, как правило, спрашивал:

«Ну, какие новости? Что передавали?» И я добросовестно как идиот рассказывал ему о комментариях Гольберга из «БИ-БИ-СИ», сравнивал информацию, переданную «Голосом Америки», с тем, что сообщали «Немецкая волна» и «Голос Израиля». А он, по-видимому, мотал на ус. На следующий день после того, как Шептенко предостерег меня, Ф.К. встретил меня традиционным вопросом. Однако на этот раз вместо того, чтобы поспешно и возбужденно поделиться с ним новостями, я прикусил губу и пристально посмотрел ему в глаза. Лицо Ф.К. выразило недоумение. Выдержав довольно значительную паузу и стараясь изобразить на лице презрение, отчего он заметно смутился, я сказал:

«Слушай, я давно хотел тебя спросить, как это так получается – я зарабатываю больше тебя, моя жена – больше твоей, а у вас есть автомобиль, кооперативная квартира и дача, а у нас только приемник с короткими волнами. При твоих загадочных доходах ты бы мог позволить себе роскошь купить приемник и слушать интересующие тебя радиостанции «Свободная Европа» и другие, а не побираться. Наступила неловкая пауза.

«Ты что? Ты что?» – забеспокоился Ф.К.

Я повернулся и пошел. После этого наши беседы прекратились.

Ф.К. – он же Фима Котляркер – был большим активистом в профсоюзной организации института. Несколько раз он делал безуспешные попытки вступить в ряды Коммунистической партии СССР. И каждый раз получал формальный отказ по той, якобы, причине, что процент интеллигенции в рядах КПСС слишком высок. Недавно я узнал, что Фима долго держался, но, в конце концов, эмигрировал в Израиль, где трагически погиб, утонув в Средиземном море. Пусть вода ему будет пухом!

Что касается Дамоклова меча, то он продолжал висеть над моей головой. Одним из свидетельств того было отношение ко мне отдела кадров и Первого отдела. Из всех заведующих секторами и ГИПов в институте я был единственным, кому не могли оформить даже третью форму допуска к секретной документации, хотя мне часто приходилось иметь дело с «почтовыми ящиками». В таком случае мне выделяли сопровождающего, каким в основном был один из главных специалистов. Это было обременительно и неудобно, но допуска я так и не получил. В общем, моя лояльность была под сомнением.

За несколько месяцев до нашего отъезда я был послан в очередную командировку во время которой умер (вернее, погиб) Шептенко. А произошло это следующим образом. Сотрудники нашего института время от времени проходили медицинский осмотр. В основном проверяли давление крови, и у Тимофея Антоновича обнаружили необычайно низкое давление. Хотя он чувствовал себя вполне нормально, его положили в больницу и тут все началось. Шептенко наотрез отказался спать в палате, где кроме него находилось еще пять разного рода больных, и попросил, чтобы ему разрешили спать на балконе. Врачи не могли понять, о чем он говорит – ведь это был январь, шел снег и температура была минус пятнадцать градусов Цельсия. Но Тимофей Антонович настаивал и дошел до заведующего больницей. Вызвали дочь Шептенко. Оказалось, что он уже много лет не спит в помещении, будь то зима или лето. Однако администрация больницы не удовлетворила его просьбу, мотивируя это тем, что на балконе он непременно получит воспаление легких и что врачи будут нести за это ответственность. Тогда Шептенко написал заявление, в котором говорилось что, будучи в здравом уме и твердой памяти, он всю ответственность берет на себя и что если его положат в палате, то он умрет. Свое заявление Шептенко заверил у нотариуса, которого привезла дочь. Но и это не помогло. Врачи заставили Тимофея Антоновича лечь в палате и ночью он скончался. Всю эту историю мне рассказали сотрудники, которые были на похоронах и беседовали с дочерью Шептенко. Очень странная и печальная история. Я потерял интересного собеседника и доброжелателя. Что было потом – я не знаю. Дело замяли.

После подачи документов на выезд мое предчувствие беды еще более обострилось. Вдобавок ко всему мы еще допустили серьезную оплошность при сочинении «легенды» в силу нашей безграмотности и были уверены, что все пропало. Дело в том, что, получив приглашение из Израиля на английском языке от особы женского пола (миссис), мы, не разобравшись, написали, что желаем воссоединиться со своим дядей, братом отца. И тут произошло нечто странное. Та эмгебешница, которая оформляла наши документы, почему-то спустила это дело «на тормозах» и разрешила нам переделать «легенду». Этот факт так и остался для нас загадкой века.

Более двух месяцев я жил как в горячечном бреду, каждую минуту ожидая падения меча. И даже получив разрешение на выезд, я не успокоился, хотя, конечно, обрадовался. Прохождение таможенного досмотра в Чопе было кульминацией. После этого я постепенно начал приходить в себя. В Чехословакии стало немного легче, хотя мы отдавали себе отчет, что пока находимся в клетке. Но вот в Австрии, когда наш поезд оцепили тирольские стрелки, я, наконец,

вздохнул свободнее и почувствовал, что могу показать стране развитого социализма кукиш.

Однако, странное дело, даже много лет спустя здесь в Америке, когда я встречаю на улице полицейского, то чувствую себя неуютно и стараюсь его обойти.

ЗА ДЛИННЫМ РУБЛЕМ.

Поиски теплых мест и высоких доходов свойственны людям. Рыба ищет где глубже, а человек – где лучше. Однако во время строительства социализма возможности рядового советского гражданина в этом деле были весьма ограничены, учитывая законы, карающие попытки частного предпринимательства. Чтобы хоть немного улучшить свое материальное положение, у простого советского человека оставалась одна лазейка – халтуры. Под этим словом обычно понимали нерегулярную, часто подпольную, но всегда очень выгодную работу, или нечто сделанное наспех и не очень качественно. А еще халтурой называли нормальную деятельность электрика или водопроводчика из домоуправления, поскольку жильцы дома всегда старались умаслить их бутылкой водки или трешницей.

Все это были мелкие халтуры, с которыми люди сталкивались почти ежедневно. Однако наряду с ними в стране существовали и мало известные большие или так называемые «кровавые халтуры». О наличии таких настоящих советских «клондайков» я узнал впервые лишь после окончания института. По распределению меня вместе с моим приятелем, о котором расскажу в другом месте, направили в распоряжение треста «Кавказсвинецстрой», управление которого находилось в столице Северной Осетии городе Орджоникидзе, бывшем Дзауджикау, а еще бывшем Владикавказе. Когда мы прибыли на место, нас разлучили: моего приятеля оставили в тресте, а меня направили механиком в Садонское рудоуправление, поселок Мизур, расположенном на весьма опасной в те годы Военно-Осетинской дороге, идущей от Алагира к центру Южной Осетии бывшему городу Сталинири, под некоторым углом к известной Военно-Грузинской дороге. Расстояние от Орджоникидзе до Мизура равно примерно семидесяти километрам. Повторяю: эта была очень опасная дорога и, возможно, такой и осталась. Она нависает узким уступом над глубоким ущельем, по которому протекает мелкая, но бурная, пенистая и грохочущая река Ардон, часто покрытая пеленой тумана. Аварии на этой дороге случались почти каждый день. На всем пути, особенно на виражах, можно было видеть останки грохнувшихся в Ардон автомобилей. Другой опасностью было то, что над дорогой во многих местах нависали скалы с глубокими трещинами, и это вызывало серьезное беспокойство. Когда случались

аварии, милиция закрывала дорогу, и тогда надо было ждать, пока ее снова откроют. Никаких объездных путей не было. Впрочем, не совсем так. Случалось иногда весной во время сильных дождей и от таяния снегов на горах река Ардон выходила из берегов и заливала отдельные участки Военно-Осетинской дороги. Тогда движение по ней приостанавливалось не на часы, а на дни, а то и на недели. В этой ситуации объявлялось чрезвычайное положение, и доставка продуктов, а также необходимых материалов в рудничные поселки осуществлялась посредством подвесной канатной дороги, что в нормальных условиях строго запрещалось делать. Дело в том, что эта канатная дорога, предназначенная исключительно для перевозки руды, была в очень плачевном состоянии. Канаты износились и часто обрывались, в результате чего все тележки с оборванного участка со страшным грохотом падали на землю иногда с очень большой высоты. Так вот, во время весеннего половодья в этих грязных и побитых тележках иногда возили не только продукты и остро необходимые материалы, но случалось, что некоторые отчаянные рудничные рабочие, которым крайне необходимо было выбраться в город, рискуя собственной жизнью и нарушая все правила, садились в эти тележки, молились всем богам и отправлялись в город. Что и говорить – не все из них благополучно добирались к месту назначения.

Однажды мне пришлось отложить свою поездку в город по причине очередной аварии на дороге. Однако на этот раз это была не обычная авария. Оказалось, что на грузовик, водитель которого взялся подвезти в Орджоникидзе беременную женщину, свалился отколовшийся от скалы тысячетонный обломок гранита. Этот кусок горы скатился в реку, а на дороге осталась лежать полностью расплющенная машина. Разумеется, похороны водителя и женщины были чисто символическими. В общем, Военно-Осетинская дорога имела плохую репутацию. Возможно, поэтому у въезда в горы со стороны Алагира была сооружена стоянка возле большой пещеры в скале, выполнявшей роль часовни. Здесь висела икона святого Георгия, покровителя путников, и горели свечи. Почти каждый, кто направлялся по этой дороге в горы, делал здесь остановку, заходил в пещеру, зажигал одну или несколько свечей и молился, чтобы благополучно добраться к месту назначения. Интересно, что в пещере на полу лежал ковер и стоял покрытый чистой скатертью стол, на котором всегда были хлеб и вино для нуждающихся.

Надо сказать, что, направляясь к своей первой работе, я в основном любовался красотой горных пейзажей и мало обращал внимания на опасности, подстерегавшие нас на этой дороге. Двигались мы медленно и только часа через два прибыли в Мизур, где я сошел

с автобуса, который, постояв здесь несколько минут, ушел дальше на перевал. Автобусная остановка находилась на небольшой площади, украшенной памятником национальному герою Осетии Коста Хетагурову. Весь поселок расположился террасами на близлежащих горах, а несколько одноэтажных домиков выстроилось вдоль Ардона. Позже я узнал, что в поселке обитает около пяти тысяч жителей. Не без труда я нашел управление и после некоторых мытарств был поселен в общежитие ИТР, состоявшее из одной большой комнаты, в которой находилось десятка полтора железных кроватей. В этом же здании было еще несколько больших комнат, в каждой из которых стояло до сорока таких же кроватей. Здесь жили рудничные рабочие. Это были либо холостяки, либо те, кто приехал сюда без семьи.

На следующий день я вышел на работу. Меня представили небольшой группе сотрудников, оказавшихся у меня в подчинении. Здесь были слесари, электрик, сантехник и подсобники. Я бегло ознакомился с обстановкой, и с этого момента начались мои трудовые будни. Не сразу я понял, что попал в район «золотой лихорадки». Правда, получив первую зарплату, я одновременно обрадовался и был несколько озадачен – сумма значительно превышала то, что я предполагал получить. Я был уверен, что бухгалтерия ошиблась, но решил не поднимать шума, полагая, что позже все выяснится само собой. Однако когда моя следующая зарплата оказалась такой же, я решил провести расследование. К этому моменту я сблизился с инженером ОКСа неким Эдиком Притулой из Запорожья. Он был до некоторой степени ветераном рудоуправления, и вот что он мне поведал.

Все работники рудоуправления, живущие в Мизуре, расположенном на отметке 1800 метров над уровнем мирового океана, а тем более те, кто жил выше, в поселках Холст, Верхний Згид и других, получали надбавку за высокогорность. Кроме того, те, кто был непосредственно связан с добычей руды, и те, кому приходилось по роду службы появляться в забое, получали надбавку за вредность. Дело в том, что добываемая здесь руда содержала медь, олово, свинец, а в некоторых забоях, где работали в основном заключенные, – уран. Это объяснило мою повешенную зарплату. Но настоящая «лафа», как сказал мне Эдик, была у забойщиков руды. Эти работали по контракту. Минимальный срок контракта два года с условием, что при выполнении плана гарантированная зарплата забойщика пятьсот рублей в месяц. А в случае перевыполнения плана получаемая сумма прогрессивно растет. Это в то время, когда средней квалификации токарь на заводе получал порядка ста двадцати рублей в месяц, а металлург, работавший в ужасных условиях, не более двухсот рублей. Разумеется, у тех, кто подписывал контракт

на работу в рудничном забое, были радужные надежды. Ведь за два года работы можно было собрать более десяти тысяч рублей. А этого бы хватило на покупку любого советского автомобиля тех лет от «Запорожца» до «Волги», на приобретение хорошей квартиры, мебели и всего остального. Но на деле все было далеко не так! Большинство подписавших контракт покупало машины при первой же возможности. И поскольку не меньше литра вина приходилось на каждую трапезу рудничного рабочего, а, также учитывая низкий класс вождения начинающих и состояние дорог, то нечего удивляться, что вскоре после покупки машины забойщик рудника разбивал ее и получал травму или хуже того – погибал. О том, чтобы починить разбитую машину, не могло быть и речи – никаких запасных частей и никакого оборудования для рихтовки здесь не было. Таким образом, в конце срока, оговоренного в контракте, у забойщика не было ни машины, ни денег. Приходилось подписывать новый контракт и все повторялось сначала. Следует сказать несколько слов о том, почему забойщикам давали такую высокую зарплату. Разумеется, это была отнюдь не синекура. Свинцовая, медная или оловянная пыль значительно вреднее угольной. В качестве респираторов забойщикам выдавали марлевые повязки, которые во время работы скоро забивались пылью, и их вынуждены были сбрасывать, так как становилось трудно дышать. Правда, в зону, где велась добыча руды, предусматривалась подача воды для осадки пыли. Но часто из-за поломок того или иного оборудования подача воды прекращалась. В этой ситуации забойщику полагалось прекратить работу. Но ведь надо было выполнять план! Иначе не получишь минимальной зарплаты. И забойщики продолжали орудовать отбойными молотками в сплошном облаке смертоносной пыли, не дожидаясь пока восстановят подачу воды. Поэтому неудивительно, что многие из них не доживали до сорока лет. А в забоях, где была урановая руда, даже те, кто был осторожен, не спасались. Они погибали от радиации. Довольно большое мизурское кладбище было заполнено до предела. Там насчитывалось в несколько раз больше могил, чем жителей городка. Мне пришлось по роду службы появляться в забое, и я наблюдал работу забойщиков. Слов нет, это был каторжный труд. Единственное удобство было то, что заболевшего или потерявшего сознание забойщика можно было быстро вывезти из рудника. В отличие от угольных шахт здесь была горизонтальная выработка. Электровозы по рельсам прямо вывозили руду наружу, откуда на грузовиках ее доставляли к подвесной канатной дороге, связывающей рудник с обогатительной фабрикой, на которой флотационным методом отделяли «грешное» от «праведного». Последним звеном в процессе был завод «Электроцинк», откуда готовая

продукция отправлялась в основном на военные заводы.

Почти в конце моей трудовой деятельности в Садонском рудоуправлении начался очередной уголовный процесс: какой-то обиженный забойщик написал анонимный донос на руководителя бригады, очень худого, болезненного вида человека, по национальности армянина с почти русской фамилией Степанян. Здесь, надо сказать, что на руднике было намешано всех, кого хотите: кроме осетин, составляющих большинство, здесь были грузины, армяне, ингуши, чеченцы, русские, татары, кабардинцы, черкесы и даже один горский еврей – сапожник. Не удивительно, что трения возникали на каждом шагу. Здесь была и кровная месть, и кража невест, и побоища, и кляузы. Вот и на этот раз кто-то донес, и органы ОБХСС занялись расследованием дела, в котором армянин – бригадир обвинялся в том, что якобы добывал себе значительно больше денег, чем ему полагалось. Такая возможность представлялась в силу того, что почти никто в забое не выполнял норм. Поэтому бригадирам, как правило, приходилось «натягивать» в нарядах, чтобы все было гладко, в результате чего забойщики получали свои пятьсот рублей в месяц, а бригадиру за это полагалась бутылка водки. То был известный прием, которым широко пользовались прорабы на стройках. Там, закрывая наряды, в тот месяц, когда, например, никто кроме экскаваторщика ничего не делал, прораб писал, что из-за поломки экскаватора земляные работы велись вручную, что копали лопатами, и что грунты оказались скальными.

А Степанян, как говорилось в анонимке, вроде бы организовал все по-другому. Он якобы с самого начала договаривался с каждым забойщиком примерно следующим образом:

– Когда ты не сможешь выполнить нормы, сколько бы ты хотел получить денег? – спрашивал Степанян.

– Ну, конечно, хотелось бы получить сполна пятьсот рублей, – обычно отвечал забойщик.

– Так вот. Выполнишь ты норму или нет, а я буду тебе каждый месяц закрывать наряд на семьсот рублей, – говорил Степанян, – как я это буду делать – не твоя забота. Но вот из этих денег сто рублей ты отдаешь мне. Договорились? Ты, конечно, понимаешь, что это в наших общих интересах. Так что держи язык за зубами и никому ни в трезвом, ни в пьяном виде, ни гугу.

На суде прокурор сделал заключение, что при таком положении дел Степанян должен был помимо своей очень высокой зарплаты воровать у государства не менее двух тысяч рублей в месяц, из которых половину забирал себе. Однако обвиняемый все это начисто отрицал, утверждая, что ничего подобного не было, что просто кто-то имеет на него «зуб», может быть из-за того, что он был требова-

тельным бригадиром. А так как Степанян договаривался с каждым забойщиком в отдельности без свидетелей, и, кроме того, почти все члены его бригады отрицали предъявленное Степаняну обвинение, то прижать его к стенке не смогли. Да и вещественных доказательств не было: никаких лишних денег у него не обнаружили ни в общежитии, ни в его денежных переводах, ни в семье, которая жила в Ереване. И, несмотря на это, Степаняна все же осудили. Если бы он ограбил десяток частных квартир, то в соответствии с советским законодательством получил бы не более пяти лет лагерей простого режима, но тут дело касалось государственной собственности, где даже за пустяк можно было схлопотать «вышку». Степаняна присудили к пятнадцати годам трудовых исправительных лагерей особо строгого режима. Когда судья огласил приговор, Армен Степанян печально улыбнулся и сказал:

– Спасибо. Вы очень щедры. Я думал, что только бог может это сделать. Ведь врачи дают мне не больше года.

Позже я понял смысл фразы, сказанной Степаняном, и узнал подробности этого дела все от того же проныры Эдика. Оказалось, что Степанян был смертельно болен и скрывал это от всех. У него было что-то с легкими: то ли силикоз, то ли рак, то ли еще что-то. Он сказал на суде правду – ему оставалось жить не более года. Поскольку сотрудники не проходили никаких медицинских комиссий на руднике, то Степанян продолжал работать. Зная, что он обречен, Армен делал все, чтобы обеспечить благополучие своей семьи: жены и троих детей, которых он обожал. Степанян предвидел, что кто-то может на него донести, поэтому не пересылал незаконно полученные деньги, а отвозил их и прятал у дальнего родственника, который жил в другом городе. Всезнайка Притула сказал мне, что там накопилось не менее ста тысяч рублей. После суда Степаняна отправили на ртутные рудники, что было равносильно смертному приговору. Так закончилась эта печальная «кровавая халтура» и погоня за «длинным рублем». Позже я узнал о наличии подобных крупных халтур на крайнем севере и в других удаленных местах, где дикие бригады студентов и прочих ухитрялись зарабатывать «бешеные деньги».

Участники бригад потом рассказывали о кошмарных барачных условиях, в которых они жили, о том, что месяцами не были в бане, о смрадных болотах и гигантских комарах размером со стрекозу, от которых не было спасения, и о прочих неприятностях. Такой была почти всегда цена халтурного «длинного рубля».

Однажды я ехал в поезде, возвращаясь из очередной командировки. В купе было сильно накурено, и я вышел в коридор немного отдышаться. Там никого не было кроме одного довольно обтрепанного и по виду не совсем трезвого пожилого человека, который

непрерывно кашлял, как говорят, «собачим кашлем». Я отошел подальше к последнему окну вагона, чтобы не мешать старику кашлять. Но он, видимо, искал собеседника и подошел ко мне.

– Откуда и куда? – начал он в промежутках между кашлем обычный дорожный разговор.

Я ответил, что возвращаюсь домой из командировки.

– Домой, – повторил он, как бы задумавшись, – а вот у меня нет дома, – добавил он горько.

Говорил он как-то нечленораздельно. Во рту не хватало многих зубов да и пьян он был прилично.

– Как нет дома? – спросил я, сразу же подумав, что этот человек, скорее всего, долго находился в трудовых исправительных лагерях.

«Это грустная и поучительная история, – сказал он, – конечно, у меня когда-то был дом и был отец с матерью. Жаль, что не было ни сестер, ни братьев. И были мы, надо сказать, весьма благополучны.

Он закашлялся. И то ли от кашля, то ли от воспоминаний, у него появились слезы на глазах. Вообще весь его рассказ то и дело прерывался, как я уже сказал, хриплым и лающим «собачьим кашлем».

– Да, хорошее было время, – продолжил он, откашлявшись, – отец неплохо зарабатывал, мать была примерной хозяйкой, а я прилично учился и не доставлял им лишних хлопот.

– Хочу тебя спросить, – неожиданно прервал он свой рассказ, – сколько ты думаешь мне лет?

– Не знаю, – ответил я, – в этом деле я плохо разбираюсь.

– А все же, – не отставал он, – на сколько я выгляжу?

– Ну, лет на шестьдесят, – сказал я неуверенно.

– Вот видишь, – сказал он и печально покачал головой, – а ведь мне нет еще и сорока. Вот как меня наказала жизнь.

Он замолчал, выбил из пачки сигарету, достал коробок спичек и прикурил. Затем несколько раз затянулся, отчего кашель почему-то прекратился, и продолжил свой рассказ.

– Отец не вернулся с фронта, как многие отцы, и стали мы с матерью перебиваться с хлеба на воду. Чем только мать не занималась, чтобы я не голодал: была она и уборщицей, и подсобницей, и белье стирала для других, пока не устроилась на хлебозавод. С этого момента мы перестали голодать. Потом я стал подрабатывать после школы. И стало еще лучше. Потом я поступил в институт и стал получать стипендию. Жизнь была нормальной. Но вот я окончил институт, и здесь все началось. По распределению мне предложили поехать на крайний север. Мог отказаться, сославшись, что оставляю одной больную мать. Она все плакала и уговаривала меня остаться, но черт меня дернул погнаться за «длинным рублем» – и я поехал. Ведь тут тебе все: и подъемные, и северные, и два месяца

отпуска в году. А мне двадцать три года! Сначала пробовал держаться. Почти не пил, посылал матери деньги и себе клал на книжку. Но хватило меня ненадолго. Как говорят: «С волками жить – по-волчьи выть». И стал я вести себя как все остальные. Все же после года работы хотел поехать в домой, но меня уговорили остаться, дескать мол, чего ты будешь мотаться туда-сюда, а так еще через полтора года отработаешь свое – и валяй себе на полгода в отпуск. Захочешь – вернешься сюда, а не захочешь – тебя любая организация после службы здесь обязана принять на работу. И то была правда, выбраться оттуда было нелегко – никаких поездов, самолетов, автобусов там поблизости не было. Вот я и остался, а мать от этого сильно переживала и еще больше заболела. И вот когда я, наконец, приехал домой, она уже не могла поднялась с постели, хотя от радости пыталась это сделать. А я, бессовестная тварь, вместо того, чтобы побыть с матерью, которая была почти при смерти, укатил гулять в Сочи. Оправдывался тем, что она меня уговорила поехать отдохнуть. А в Сочи меня быстро поймали на крючок местные и залетные шлюхи. Нюх у них на таких как я отработан. Вот и началось: рестораны, гостиницы, озеро Рица, Пицунда. Хотя денег я привез порядочно, выдоили меня довольно быстро. А тут телеграмма пришла, что мать умерла. Сразу протрезвел. Еле успел на похороны, и только там понял, что из жизни ушел единственный родной и близкий мне человек. И я от горя запил на оставшиеся деньги. К тому же я, правду сказать, уже здорово пристрастился к этому делу. А через несколько дней, когда деньги почти кончились, пошел искать работу. Везде меня встречали с распростертыми объятиями, но больше ста пятидесяти рублей в месяц никто не давал. А я уже привык к большим деньгам, и такая зарплата казалась мне смешной. Кончилось тем, что я опять потянулся за «длинным рублем» и отправился на мою старую работу, снова получил подъемные и все вернулось на круги своя. Что было дальше – горько и стыдно вспоминать, а результат ты видишь сам. Мотай себе на ус!

Он опять надолго закашлялся, а я воспользовался этим и ушел в купе, придумав какую-то причину и извинившись на ходу. Мне тяжело было слушать этого человека. И жалко его, и вместе с тем неприятно.

Об этом эпизоде я вспомнил много лет спустя, когда один из моих сотрудников, бывший участник строительства нефтепровода на Аляске, рассказал мне о тяжелых условиях, в которых они там работали. Он был завербован вместе с такими же, как он охотниками за «длинным рублем». Этот американский «большой халтурщик» был удивлен, что его рассказ развеселил меня. Все завербованные там жили в передвижных отапливаемых домиках с холодной и горячей водой, туалетом, душем и спальней для каждого сотрудника. Тогда

я ему сказал, что в аналогичных условиях в России в тех местах, где зима не менее суровая, завербованные жили не в передвижных домиках, а в бараках, по несколько десятков человек в каждом, что там вместо кроватей были нары, не было воды и, конечно, не было ни душа, ни туалета, который находился на приличном расстоянии от барака. Еще я сказал, что в тех местах вместе с жуткими морозами были еще страшной силы ветры. Поэтому охотники за «длинным рублем» обычно протягивали два каната между бараком и уборной, чтобы сильный ветер не унес тех, кто отправлялся в туалет. Мой собеседник сделал большие глаза, поднял брови, покачал головой, но не думаю, чтобы он мне не поверил.

В одном из рассказов еврейского писателя Хейблума мудрый слепой скрипач говорит:

– Сначала мы тратим много здоровья, чтобы добыть немного денег, а потом мы тратим все деньги, чтобы добыть немного здоровья.

ДОЛГ.

На днях, перекладывая книги на полке, я обнаружил маленькую тоненькую белую книжицу, почти брошюру, посмотрел на титульный лист и почувствовал угрызение совести. Как мог я спрятать ее так далеко и как мог забыть о ней?! Ведь если бы мы были христианами, то портрет автора этой книжечки должен был бы висеть у нас вместо иконы. Я сразу вспомнил, при каких обстоятельствах приобрел эту книжечку. Это было более двенадцати лет тому назад. На дверях русского магазина, который тогда, кажется, был единственным, мы увидели скромное объявление о том, что такого-то числа в таком-то часу в находящемся рядом русском ресторане, который тоже, кажется, был тогда единственным, состоится встреча с писателем Виктором Некрасовым. Мы взволновались и чрезвычайно обрадовались возможности еще раз встретиться с этим удивительным человеком.

Когда-то много лет тому назад моя жена со своими родителями и сестрой проживали по соседству с Виктором Платоновичем Некрасовым. Это было в Киеве на Кузнечной улице, правда, по разные стороны от улицы Саксаганского. Конечно, встречались и на улице, и в магазинах, и в парках. Разумеется, здоровались, но познакомиться по-настоящему так, к сожалению, и не пришлось.

Когда появилась книга Некрасова «В окопах Сталинграда», мой тесть, большой книголюб, сразу же приобрел ее, с большим интересом прочел и поставил на самое почетное место в шкафу, рядом с книгами Паустовского, Шолом-Алейхема и Эренбурга. И в доме моего будущего тестя возник культ Некрасова.

Я в это время находился в других краях и появление книги «В окопах Сталинграда» воспринял как великое знамение. Книга про-

извела на меня почти такое же впечатление как впоследствии «Один день Ивана Денисовича» Солженицына. Мой же приятель, глубокий знаток литературы и человек мнительный, отнесся к этому по другому.

«Не могу понять, как пропустили эту книгу, – заявил он, – ведь это же чистейшей воды натурализм, который с самого начала был отвергнут и оплеван в советской литературе. Не сомневаюсь, что кое-кто получит по шапке, и вообще это может плохо кончиться».

Мой приятель слыл пророком и почти всегда заканчивал свои заявления этой фразой. Да и то, правда, что не конформистские произведения Ахматовой и Зощенко вызвали литературные и другие погромы, последовавшие за Ждановскими выступлениями, и не так уж далек был 1953-ий год. Но на этот раз мой приятель ошибся – книге Некрасова была присуждена Сталинская премия третьей степени, что было большим сюрпризом для всех нас.

Когда после женитьбы я поселился в Киеве, тетя Некрасова еще жила в доме на Кузнечной, а Виктор Платонович к тому времени уже имел квартиру в Пассаже на Крещатике. Он довольно часто навещал свою тетю, и я несколько раз встречал его на улице. Однажды это было холодным зимним днем. Шедший по улице Саксаганского Некрасов со своей копной черных, не стриженных волос и усами, в пальто нараспашку, без головного убора и с расстегнутым воротом показался мне похожим на цыгана. Думаю, что он был тогда слегка навеселе. Я набрался смелости, подошел к нему и сказал:

«Извините, Виктор Платонович, но боюсь, что Вы можете так простудиться».

«Э, дудки, – с улыбкой сказал Некрасов, – нас таким морозцем не возьмешь!»

В другой раз мы оказались рядом в кинотеатре им. Ватутина, где шел фильм Марлена Хуциева «Июльский дождь». Некрасов был в компании со своей мамой и тетей, а также с одним громадным детиной лет пятидесяти. Мы поздоровались, и Некрасов предложил нам обратить внимание на своеобразие фильма. Я воспользовался ситуацией и поблагодарил Виктора Платоновича за поддержку другого фильма Хуциева «Застава Ильича». За эту поддержку его безжалостно долбали все подряд, включая Хрущева.

«Да, новое пробивается с трудом», – коротко резюмировал Некрасов.

Как я уже сказал, к Виктору Платоновичу мы относились с глубочайшим уважением, старались не пропускать ничего из тех произведений Некрасова, которые были опубликованы: «Кира Георгиевна», «Дедушка и внучек» и другое, однако в категорию святых Некрасов попал лишь после того, как в «Литературной газете» появилась его подвальная статья о Бабьем Яре. До этого никто об этой трагедии не заикался. Конечно, многие жители Киева и его окрестностей знали,

что там произошло, но предпочитали об этом не распространяться. Разве что, показывая знакомым семейные фотографии, скорбно качали головами и говорили: «Эти ушли в Бабий Яр».

Можно понять и до известной степени оправдать такую позицию. Для этого надо, прежде всего, учесть, что к тем, кто не эвакуировался и оказался в оккупированной зоне, официальное отношение в стране было почти таким же, как к изменникам родины. Это касалось всех: и евреев, и не евреев. А еще тот факт, что евреи, которых гнали в Бабий Яр, как скот на бойню, не оказывали никакого сопротивления, считался до некоторой степени позорным (хотя в этих колоннах, шедших на смерть, были в основном старики, женщины и дети). Поэтому родственники и друзья погибших считали за лучшее молчать об этом. А властям это было на руку, особенно украинским. Ведь многие люди знали, что убивали несчастных евреев в Бабьем Яре в основном украинские добровольцы – полицаи. И еще надо учесть, что вообще отношение к евреям в стране в эти годы было особенно враждебным. Подобно Гитлеру, проводившему в Германии и оккупированных странах политику поголовного физического уничтожения евреев, Сталин в СССР проводил политику духовного геноцида одновременно с избирательным физическим уничтожением выдающихся представителей этого народа. Во время войны искусно подогревалась инсинуация, что якобы евреи не воюют, а прячутся в Ташкенте, в то время как русские и другие народы погибают за них на фронте. Эта ложь не была опровергнута даже после того, как оказалось, что более ста воинов еврейской национальности получили во время войны звания Героев Советского Союза, что в процентном отношении выводило их на второе место среди всех народов, населявших страну. После войны отношение к евреям в СССР не улучшилось. Началось уничтожение цвета еврейской культуры. Джойнт. Космополитизм. Раскрытие псевдонимов. Подготовка массовой репатриации и всесоюзного погрома. Редкая газета в эти годы выходила без антисемитского фельетона со смакованием еврейских имен и фамилий.

В этой ситуации идея стереть память о погибших ста тысячах евреев в Бабьем Яре, казалось, не может встретить никакого сопротивления. Вот и решили построить спортивный комплекс на костях несчастных жертв войны. Чтобы построить стадион в Бабьем Яре, надо было спланировать местность. Яр – это овраг. Его надо было чем-то заполнить поверх безымянной братской могилы десятков тысяч евреев. Вот и решили качать пульпу со дна Днепра земснарядами. Построили бетонные заграждения, чтобы удержать пульпу в овраге, пока вода не просочится в землю, и приступили. Вначале все шло по плану, пока не случилось нечто такое, в чем верующие

евреи усмотрели вмешательство их Бога. Произошла Куреневская катастрофа. Вода в пульпе плохо просачивалась в почву и от ее давления появились трещины в бетоне. В конце концов, бетонную стенку прорвало и мощный поток грязи, настоящая грязевая река хлынула и затопила Куреневку: жилые дома, учреждения, людей. Спасение было невозможным. Сотни если не тысячи людей погибли. Войска оцепили место трагедии. Ни в газетах, ни по радио не было никаких сообщений об этом. Позже, когда пульпа высохла, этот район откапывали как когда-то Помпеи и Гекуланум, погребенные от извержения Везувия.

Примерно в это время появилась ошеломляющая статья В.П.Некрасова. Как говорится: не стоит село без праведника. В своей публицистически острой статье Некрасов писал, что даже где-нибудь у дороги, где покоятся останки одного человека, погибшего во время войны, всегда есть холмик с крестом, звездой или просто столбик. Это акт элементарной гуманности, долг живущих перед жертвами войны. А здесь погибли десятки тысяч людей от рук фашистов и вместо того, чтобы построить мемориальный комплекс и памятник погибшим, куда люди могли бы придти и поклониться праху невинных жертв нацизма, кто-то пытается провести варварскую идею строительства увеселительного парка на костях убитых еврейских детей, женщин и стариков.

Статья Некрасова получила небывалый резонанс не только в стране, но и за ее пределами. Началось брожение и под давлением определенных кругов на Западе властям пришлось отказаться от запланированного строительства спортивного комплекса. Наступило временное затишье. Надо было ликвидировать последствия Куреневской катастрофы. Однако Виктор Некрасов, как показали дальнейшие события, продолжал свою неравную борьбу с мощной советской антисемитской бюрократией и каким-то чудесным образом выигрывал сражение. Что-то делалось подспудно и вдруг мы узнаем, что в Доме Архитектора на Прорезной улице состоится выставка конкурсных работ на мемориальный памятник жертвам фашизма в Бабьем Яре. Нет нужды говорить, что это нигде не было объявлено. Мы немедленно помчались к Дому Архитектора, но войти не смогли – дверь была закрыта. Мы походили кругом, потоптались немного и уже собирались уходить, как вдруг увидели, что дверь открылась, и на пороге появился человек. От него мы получили подтверждение, что действительно в этом здании будут выставлены конкурсные работы проектов мемориального комплекса в Бабьем Яре и что выставка будет открытой. Кроме того, мы узнали время открытия и часы работы.

Нам удалось дважды посетить эту выставку. И оба раза в центре

внимания был Виктор Платонович Некрасов. Он был душой выставки, ее стержнем. Всегда окруженный посетителями, архитекторами – участниками выставки, друзьями, знакомыми. Мы еле пробились к нему и поблагодарили его, русского человека, за самоотверженную благородную деятельность в защиту несчастных евреев. Некрасов слегка поклонился и просто сказал:

«Кому-то надо было это сделать».

Там в окружении Виктора Платоновича мы кое-что узнали. Для нас не было сюрпризом то, что все усилия Некрасова и тех, кто его поддерживал, натыкались на глухое сопротивление властей. Это был Сизифов труд. Однако, в конце концов, властям пришлось дать свое согласие на установку памятника жертвам фашизма в Бабьем Яре, правда, со всякими оговорками. Было принято решение о проведении конкурса на лучший проект памятника жертвам войны. Но и после этого власти не отказались от своей политики обструкции. Всем зарубежным фирмам, желавшим принять участие в конкурсе даже без всякого вознаграждения, было отказано. Для отвода глаз провели что-то вроде ограниченного закрытого конкурса. То есть предложили нескольким архитектурным мастерским в Киеве и, кажется, в двух других городах представить конкурсные работы в смехотворно короткий срок. Было ясно, что это издевательский трюк, но несколько мастерских приняли этот вызов и, работая буквально круглосуточно, успели сделать проекты к сроку. Разумеется, если бы им дали побольше времени, проекты были бы лучше. Но и то, что было представлено, было довольно интересно. Все это мы услышали из уст самого Некрасова.

Большинство проектов отражало тот факт, что Бабий Яр – место гибели евреев. Здесь были шестиконечные звезды, талесы, кипы и тому подобное. Эти проекты сразу были отвергнуты на том основании, что якобы Бабий Яр был местом расстрела не только евреев. Было также несколько нейтральных проектов. В одном из них было множество отпечатков босых ног, детских и взрослых, которые обрывались у пропасти. В другом проекте была стена с проломом, как будто сквозь нее прошел человек и ушел в небытие. Были и другие проекты. Но как выяснилось позже, власти и не собирались всерьез заниматься строительством мемориального комплекса, расстрелянным евреям в Бабьем Яре. Все это делалось для отвода глаз. Поэтому все проекты были отвергнуты. И опять наступило затишье. Что происходило в это время – трудно сказать. Но вот появилось нашумевшее стихотворение Евтушенко. И снова заговорили о Бабьем Яре. Вышла также книга Кузнецова.

Время шло. Виктор Некрасов оказался во Франции, а мы – в США.

И вот у нас праздник – встреча с Некрасовым, большим гума-

нистом и замечательным писателем. И пусть это не Колонный зал Дома Союзов и не Большой Кремлевский дворец, а маленький захудалый ресторан, в котором его подпольный хозяин лысый уголовник Алик в коротеньких штанишках и гольфиках болтается перед глазами и усердно мешает Виктору Платоновичу, мы все равно получаем большое удовольствие от встречи. Некрасов рассказывает очень интересно и прихлебывает из стакана напиток похожий на чай. Но мы догадываемся, что это не чай. Потом мы просто беседуем, фотографируемся и, наконец, тепло прощаемся в уверенности, что увидимся еще не раз.

Я открываю беленькую книжицу Некрасова. На первой странице автограф писателя:

«Беллочке, соседке по Кузнечной». И подпись.

А внизу номер: 638-73-33. Это парижский телефон Некрасова.

«Будете в Париже – обязательно позвоните, – сердечно сказал Виктор Платонович, – буду очень рад встрече».

Но когда мы, наконец, оказались в Париже, Виктора Платоновича Некрасова, к великому прискорбию, уже не было в живых. И некому было звонить и не с кем поговорить по душам после рюмки-другой и лично поблагодарить за все, что он сделал в литературе и в жизни.

В конце концов, над Бабьим Яром все же поставили памятник, бездарную бессмысленную бесформенную глыбу, в которой нет и намека на то, что она поставлена в память о ста тысячах еврейских женщин, детей и стариков, погибших от рук нацистов. Что ж, гора родила мышь. Но и на том спасибо. Как говорится – с паршивой овцы хоть шерсти клок. Правда, когда наступили новые времена, над Бабьим Яром добрые люди воздвигли соответствующий памятник в виде миноры.

Однако я глубоко уверен, что если бы не Виктор Платонович Некрасов, – то не только миноры, но и этого бессмысленного скульптурного булыжника бы не было.

САМОУБИЙЦЫ.

Самоубийство всегда было для меня явлением непонятным, но в отличие от других непонятных явлений, скорее пугало, чем вызывало мой интерес. Единственным исключением можно считать самоубийство Маяковского, поэта, увлекавшего нас в юности. Его самоубийство явно не вязалось с боевым оптимизмом его стихов и с осуждением им Есенина, наложившего на себя руки. Здесь действительно была загадка, и я время от времени пытался докопаться до причин, заставивших Маяковского написать: «Как говорится: инцидент исперчен…» и пустить себе пулю в лоб. Однако так и не разобрался в истинных причинах его самоубийства.

Инстинкт самосохранения, который заложен природой во все живое, отрицает самоубийство. Правда, в детстве я верил легенде, что скорпион, оказавшись в кольце огня и не найдя выхода, убивает себя, ужалив хвостом в затылок. Несколько раз мы проводили эксперимент, который казалось полностью соответствовал этой легенде. И лишь много позже я узнал, что кожа на спине и животе скорпиона реагирует по-разному на высокую температуру наподобие биметаллической пластинки, так что скорпион от высокой температуры изгибается в дугу до того, что касается хвостом затылка, но не жалит себя, а погибает от жары.

Где-то я вычитал, что в момент самоубийства человек, можно сказать, находится в состоянии невменяемости. Но, конечно, бывают исключения. Тот же Маяковский, похоже, не сошел с ума перед выстрелом, оставив записку полную здравого смысла. Или измученный болезнью известный писатель и публицист Артур Кестлер покончил собой, будучи, несомненно, в здравом уме и твердой памяти. Ведь перед тем как уйти в лучший мир он стал членом Общества за право умереть с достоинством.

А вот наш бывший сосед Коля был явно не в своем уме, когда наложил на себя руки. Это был молчаливый, скрытный, необщительный человек, который служил в каких-то органах. Чем он занимался – трудно сказать, но его сухощавую невысокую фигуру можно было увидеть и на стадионе, и в гастрономе, и в других местах скопления людей, где его совершенно невозможно было выделить из толпы – такой он был незаметный. Правда, лицо было каким-то болезненным, золотушным, но это не бросалось в глаза. Встретив Колю где-нибудь в общественном месте, нельзя было поймать его взгляд, а тем более – поздороваться. Заметив знакомого, Коля как-то мгновенно растворялся в толпе. Поэтому я старался не смотреть в его сторону, если приходилось встретиться. Почти все свободное от службы время Коля проводил в компании нескольких жуликоватых братьев еврейского происхождения, что в какой-то мере свидетельствовало, что он не был антисемитом. Со своими корешами Коля играл в преферанс иногда у нас во дворе, а чаще в соседнем, где жили жуликоватые братья; вместе они ездили на рыбную ловлю и очень часто выпивали.

Вообще говоря, этот Коля меня совершенно не интересовал, но как-то краем уха я услышал, что он ужасно ревнует свою жену Мусю, которая работала диспетчером на одном из сверхсекретных почтовых ящиков. Подруга Муси, которая знала все обо всех и любила посплетничать, как-то по большому секрету рассказала, что Коля постоянно преследует свою жену, и каждый раз появляется совершенно неожиданно где бы она ни была: на работе, на рынке,

у подруги и так далее. Причем такие пугающие сюрпризы стали повторяться все чаще и чаще. Разумеется, у них в доме были постоянные скандалы, сопровождаемые побоями, эхо которых доносилось и до нас. Но мы, конечно, не вмешивались. Во-первых, боялись связываться с Колей, а во-вторых, чужие дела – потемки.

Но в этот день пришлось вмешаться. Накануне был мой день рождения, но поскольку он пришелся не на выходной, мы решили перенести празднование на 9-ое мая, праздник Победы. В этот день у Коли было особенно плохое настроение. Утром он сильно поругался с женой, после чего поехал с корешами на рыбалку, предварительно, конечно, хорошо «набравшись». Рыба, вероятно, плохо ловилась в этот день, так как Коля вернулся домой с пустыми руками, сильно пьяный и в кошмарном настроении.

«Жрать давай!» – скомандовал он жене.

К своему ужасу Муся обнаружила, что у нее нет каких-то ингредиентов. Поэтому, получив несколько оплеух, она выскочила из квартиры и помчалась в гастроном. Вернувшись с покупками, Муся начала жарить яичницу и картошку на сале. В доме было тихо и она решила, что Коля уснул во второй комнате, которая была их спальней. Приготовив еду, Муся поставила все на стол и пошла звать мужа.

В это время к нам начали собираться гости, которых я встречал в общем коридоре. Вдруг мы услышали душераздирающий вопль, а затем звук падающего тела. Это Муся катилась по лестнице вниз (они жили этажом выше нас), продолжая кричать: «Коля! Коля!»

Вначале я подумал, что это обычная для них семейная ссора, но здесь, видимо, было что-то другое. Поэтому, изменив своему обычному нейтралитету, я побежал вверх по лестнице. Рядом со мной оказался сосед, алкаш Володька, прибежавший на шум. Когда мы заскочили в комнату, я остановился в недоумении, пытаясь осмыслить увиденное. Коля сидел или вернее почти сидел на полу возле кровати, вытянув ноги. Чтобы полностью сесть на пол ему не хватало примерно пяти сантиметров. На спинке кровати был укреплен армейский ремень, другой конец которого был затянут на Колиной шее.

Я до сих пор не понимаю, каким образом можно так повеситься, но у Коли в этой области был опыт, несомненно, побогаче моего. Судя по виду Коли, можно было предположить, что он висел уже довольно долго. Лицо было синим и в пятнах. Володька быстро схватил столовый нож и перерезал ремень. Коля окончательно сел на пол и склонил голову набок. Пока я стоял как завороженный, Володька начал делать яростные и безнадежные попытки оживить Колю. Но все было напрасно. Коля ушел в лучший мир. На тумбочке возле кровати была обнаружена предсмертная записка Коли, которая при ближайшем рассмотрении оказалась лишенной здравого

смысла. Вот что было на ней нацарапано пьяными каракулями:

«Чтоб День Победы был твоим последним днем». И это все.

Минут через двадцать примчалась скорая помощь, которую вызвал кто-то из наших гостей. Потом прибыла милиция. Начались допросы. В общем, мой день рождения был испорчен. Или как сказал бы Сатин из горьковского «На дне»: «…испортил песню, дурак!»

Через день на второй странице «Вечернего Киева» появился большой некролог, под которым стояло десятка два подписей, в том числе подписи министров Внутренних Дел СССР и Украины. Некролог был снабжен большой фотографией Коли в форме не то майора, не то подполковника с множеством боевых орденов на груди. Похоронили Колю по первому классу, торжественно и с салютом.

Конечно, есть много приемов, с помощью которых можно оборвать свою жизнь. Можно, например, повеситься как Марина Цветаева, или отравиться как Артур Кестлер, или броситься в пролет лестничной клетки как Гаршин, или застрелиться как Маяковский, или утопиться и так далее. Однако утопиться не так просто, особенно если умеешь плавать, что очень хорошо описано в книге Джека Лондона «Мартин Иден». Застрелиться тоже не так легко. Из револьвера, конечно, это пара пустяков. А вот из винтовки довольно сложно. Мой знакомый, тихий и добрый еврейский мальчик, которого в Советской армии совершенно затравили грубые антисемиты сослуживцы, чтобы застрелиться, выждал пока его назначат на пост и выдадут заряженную винтовку, и там привязал кусок шпагата к спусковому крючку русской трехлинейки образца 1899/1930 года, снял правый сапог и надел на большой палец ноги петлю из шпагата, затем этот несчастный ребенок прижал ствол винтовки к подбородку и потянул ногой шпагат.

Другой еврейский мальчик в аналогичной ситуации, не имея доступа к огнестрельному оружию, вынужден был сделать его сам. Для этого он в мастерской отрезал кусок медной трубы, сплющил и запаял один конец, заполнил трубку порохом и забил туда шарик. После этого он пропилил маленькую щель у запаянного конца, вставил трубку в рот и поднес зажженную спичку к щели. Этот мальчик не сразу погиб, он был изувечен и очень долго и страшно мучился.

К категории самоубийц можно в известной мере отнести тех, кто любит играть со смертью в «рашен рулэт» или как его в отместку назвали в России – «американскую рулетку». Тех, кто играет и проигрывает. Одним из таких гусарствующих фаталистов, получающих удовольствие от хождения по краю пропасти, был Герой Советского Союза майор Лошак, командир авиационного полка, для которого мы строили аэродром. По рассказам сослуживцев это был самый отчаянный летчик на всем Юго-Западном фронте. Он постоянно лез

в самое пекло, но что любопытно, что даже царапины не получил. А в мирное время он на спор и в поисках острых ощущений мог пролететь под мостом как Чкалов или того хуже. Был он вспыльчив, задирист, а в пьяном виде – абсолютно неуправляем. Играл под интерес, где только можно было: на бильярде, в карты, на мотоциклетных гонках. Однако настоящей его страстью были боевые самолеты.

В это время шла Корейская война и с нашего аэродрома по ночам взлетали бомбардировщики ТУ-4 без опознавательных знаков бомбить американские позиции. Майор Лошак, которому запрещено было участвовать в этих авантюрах, откровенно завидовал тем, кто улетал на операции, хотя некоторые из них не возвращались с полетов.

Однако стоило только появиться на аэродроме новой модели истребителя, как Лошак немедленно садился за штурвал и весь он сразу преображался, и после полета его лицо еще долго сохраняло восторженное выражение. Как-то к нам пригнали несколько новых реактивных истребителей типа МИГ. Самолеты, как положено, прошли полный курс испытаний, но нуждались в инспекции. В этот вечер у летного начальства шла пирушка по какому-то поводу и майор Лошак был здорово накачан. Узнав о прибытии новых реактивных самолетов, которых он ждал с нетерпением, Лошак решил немедленно испытать это чудо авиационной техники. Собутыльники, сохранившие некоторую ясность ума, пытались отговорить его, аргументируя не тем, что Лошак еле стоит на ногах, зная характер своего командира, а тем, что дескать, уже темно. Но все было бесполезно. Лошак поднялся и вместе со своим замполитом шатаясь, пошел к «виллису». Вызвали механиков, которые проверили истребитель и доложили, что вроде все в порядке. Лошак с замполитом натянули на себя летные костюмы и влезли в МИГ. Кажется, это был двухместный тренировочный вариант самолета. Истребитель со страшным ревом промчался по слабо освещенной взлетно-посадочной полосе и скрылся во мраке ночи. Радиосвязь была хорошей и заключалась в основном в том, что Лошак, не переставая, восторгался машиной. И вдруг радио замолкло. Радисты забеспокоились и связались с соседними армейскими частями. Включились другие службы и радарные установки пытались запеленговать замолкнувший самолет. Однако все эти усилия не дали положительного результата. Самолет исчез. Интенсивные поиски, продолжавшиеся почти две недели, ни к чему не привели. И только несколько дней спустя, после того как были исчерпаны все возможности, и поиски были приостановлены, летчик маленького патрульного самолета типа У-2 случайно увидел в болоте торчащий почти вертикально хвост самолета. Понадобились немалые усилия, чтобы вытащить из болота упавший истребитель и доставить его вместе с останками майора Лошака и его замполита в расположение авиационной части. Самолет оказался почти неповрежденным и те, кто проводил расследование, долго не могли понять причин аварии. Единственное, что приковало внимание инспекторов, это то, что альтиметр почему-то показывал высоту 1500 метров, хотя самолет лежал на земле. Было решено, что эта неисправность альтиметра, скорее всего, и была причиной аварии. При дневном полете этого, конечно бы не случилось. Механиков тоже нельзя было обвинить, поскольку самолет, в общем, был в порядке. Так покончил собой Герой Советского Союза летчик – истребитель майор Лошак.

А еще самоубийцами называли курсантов парашютно-десантной школы, находившейся в нашем районе недалеко от Рязани. Действительно, это была жуткая школа с кошмарным количеством несчастных случаев. Каждый раз, когда у них проходили практические занятия, злые шутники устраивали тотализатор, в котором надо было угадать, какой парашют не раскроется. И редкие занятия проходили без того, чтобы кто-нибудь из курсантов не пролетел камнем до земли со скоростью порядка 60 метров в секунду под идиотские радостные вопли победителя в тотализаторе.

Здесь же в Рязани оказался и самоубийца очень крупного масштаба. Им был Ларионов, Первый секретарь Рязанского обкома партии, очень энергичный и деятельный человек, к которому в Рязани относились не только с уважением, но даже можно сказать – с любовью. Многое было сделано благодаря настойчивости и влиянию Ларионова. Город и область начали благоустраиваться. В Рязани был пущен первый троллейбус, построен станкостроительный завод, в Рязань был переведен 3-ий Московский медицинский институт, началось интенсивное строительство жилья и дорог, а также многое другое. По слухам Ларионов был очень хорошим семьянином и отзывчивым, добрым человеком. Он быстро делал карьеру и казалось, что его ждет блестящее будущее. Но вот однажды поползли слухи, что Ларионов застрелился. Разумеется, в прессе не было об этом ни слова, и вся эта история была покрыта густым туманом. А когда туман несколько рассеялся, оказалось, что в общепринятой в Советском Союзе системе очковтирательства Ларионов чуть-чуть перегнул палку. Тогда от многих областей, включая Рязанскую, требовались несуразно большие, абсолютно невыполнимые поставки мяса, зерна и других сельскохозяйственных продуктов. В то время как остальные руководители областей просто манипулировали цифрами, Ларионов решил обеспечить физическую поставку требуемых товаров, для чего, например, анонимно скупал мясо на рынке и отправлял государству, а потом опять скупал и отправлял. В результате создавалось впечатление, что мяса втрое больше, чем его

было на самом деле. Каким образом это обнаружилось, я не знаю. Но Сталин не любил гласности. Поэтому Ларионов, зная характер нашего вождя, застрелился. Так что здесь, можно сказать, было вынужденное самоубийство.

Но кто меня действительно ошарашил так это мой приятель Юра Лебедев. Он был художником и, по мнению знатоков, подавал большие надежды. Это был среднего роста, угловатый, кряжистый, темноволосый и скуластый парень. Был он неулыбчив и малоразговорчив и при первом знакомстве никак нельзя было угадать в нем человека отзывчивого, доброго и щедрого. Юра работал художником в какой-то военной типографии и в отличие от нас у него водились деньги, которые он охотно тратил. Лебедев платил за нас, где только представлялась возможность. Чаще всего он устраивал нам за свой счет поездки в Москву с посещением Третьяковской галереи или Пушкинского музея. Левитан был идолом Юры Лебедева. В Третьяковке Юра мог буквально часами смотреть на полотна своего кумира, при этом все время, меняя позицию: то, удаляясь, то, подходя ближе, то, смотря на картину сбоку. При этом он полностью погружался в созерцание, совершенно абстрагируясь от внешнего мира. Если в этот момент к нему обращались, он никак не реагировал, а если проявляли настойчивость и отрывали его от созерцания картины, он раздражался. Зная это, мы оставляли Юру у картин Левитана, а сами уходили в другие залы и возвращались только тогда, когда чувствовали, что Лебедев уже насмотрелся на сегодня. Еще ему почему-то нравилась «Сирень» Кончаловского и это его пристрастие нам было уж совершенно непонятно. «Мазня какая-то», – считали мы между собой.

В этот весенний день у Лебедева было особенно плохое настроение, которое усугубилось еще тем, что ветер сорвал с мольберта почти законченную его картину и она в полном соответствии с «законом падающего бутерброда» ляпнулась лицом прямо в грязь. Мы бросились, чтобы поднять картину и вернуть ее на мольберт, но Юра остановил нас. Он с досадой махнул рукой и сказал:

«Не надо! Левитан из меня все равно не получится».

Затем Юра помрачнел и его плохое настроение передалось нам всем. Мы замолчали и уже собирались расходиться, как вдруг он словно очнулся и, тряхнув головой сказал:

«Знаете что, ребята, у меня есть охапка лишних денег. Пошли – зальем костер». Мы немедленно и без всяких колебаний согласились. Это были голодные годы, и Юрины угощения скрашивали унылость нашей повседневной полуголодной диеты. Лебедев повел нас в ресторан «Ока», где мы уже были раза два. Это, кажется, был самый лучший, а может быть, единственный ресторан в Рязани.

Столик наш оказался у окна, откуда открывался чудесный вид, так что на ум приходили всякие полузабытые стихи. Лебедев угостил нас на этот раз по-купечески. На столе оказался коньяк, икра, балык, Шампанское и закуски, каких мы в жизни не видели. Юра пил много, но оставался хмурым, а когда мы делали попытки произнести тосты, он нас останавливал. Тем временем мы развеселились и начали рассказывать анекдоты. Вдруг Юра спросил:

«Ребята, вы знаете, какие стихи написал Есенин своей кровью перед смертью?» Никто из нас не имел об этом никакого понятия. Тогда Юра начал читать почти со слезами на глазах:

«Милый друг, ни вздоха и ни слова…»

Мы уже были здорово «под мухой» и стихи не произвели на нас особого впечатления. Выслушав Юру, мы поспешили вернуться к анекдотам. Лебедев, который и до этого не принимал участия в наших анекдотах, махнул рукой и налил себе очередную рюмку коньяка. Спустя какое-то время он вынул из кармана туго набитый кошелек, положил его на стол и сказал:

«Здесь более чем достаточно, а я пойду в туалет».

Пока мы как завороженные смотрели на эту кучу денег, Юра встал и, лавируя между столиками, нетвердой поступью пошел в вестибюль, где находился туалет. Мы не поняли, почему Лебедев положил кошелек на стол, да и не пытались понять, так как к этому моменту вообще плохо соображали. Прошло, наверное, полчаса, если не больше. Мы продолжали пить, есть и веселиться. Когда тарелки опустели, к нам подошел официант и спросил, готовы ли мы к десерту. Оказалось, что Юра заказал даже сладкое. Тут кто-то из нас обратил внимание на то, что Лебедева давно уже нет за столом.

«Пойду, посмотрю, что он там делает», – сказал ближайший приятель Юры, которого звали Вася и который тоже немного рисовал. Хотя Вася выпил довольно много, он легко встал, осторожно пропетлял между столиками, вышел в коридор и, открыв дверь туалета, вошел в его предбанник. В этом предбаннике всегда сидел низкорослый горбатый балагур, чистильщик обуви. Этот знал почти всех завсегдатаев ресторана и когда Вася спросил его, не заходил ли сюда Юра, горбун кивнул своей непомерно большой головой, потом на секунду задумался и наморщил лоб.

«Да, заходить то он заходил, – сказал он своим писклявым голосом, – но я не видел, чтобы он выходил. Должно быть, уснул на толчке».

Васе, который очень хорошо знал Юру, это заявление не понравилось.

«Есть там еще кто-то?» – хрипло спросил он.

«Нет, – сказал чистильщик обуви, – давно никто не заходил».

Тогда приятель Юры вошел в туалет и начал открывать двери ка-

бинок. Одна дверь не поддалась. Вася подергал ее. Никакой реакции. Подождав немного, он начал стучать и сильнее дергать дверь, но крючок держал крепко. Тогда Вася взял у чистильщика обуви высокий табурет, подтащил его к кабинке, не без труда влез на него и заглянул поверх двери. Юра Лебедев был в кабинке. Он висел на широком армейском ремне, свободный конец которого был укреплен на верхнем бачке, а петля затянута на шее. Если бы Юра был повыше ростом, то его ноги могли бы коснуться пола. Но Лебедев был среднего роста. Поднялся шум. Крючок сорвали. Юру вынули из петли. Он был мертв. Прибыла милиция и врач, который констатировал смерть. На следующий день нас всех вызвали к следователю и долго допрашивали. Причем один из вопросов был довольно странным. Нас спрашивали, были ли мы с Лебедевым на толкучках и покупал ли он там облигации. Мы подтвердили, что Юра, как впрочем, и многие другие скупал за бесценок на рынках облигации всех этих займов Восстановления и Развития Народного Хозяйства и часто выигрывал. В процессе допроса стало ясно, что следователи ищут преступника, который подделывал номера облигаций, на которые выпадали выигрыши до пятисот рублей и которые не требовали предварительной экспертизы. Реализация этих облигаций производилась в разных сберкассах Москвы и близлежащих городов и преступника не могли поймать. Между прочим, следователь сказал, что у Лебедева обнаружили инструменты и химикаты, необходимые для подделки номеров на облигациях. Несмотря на давление и уловки следователя, никто из нас не сказал ничего в пользу его подозрений. Наоборот, мы придерживались той позиции, что по нашему мнению Юра Лебедев был порядочным человеком, не способным на жульничество.

После этого нас оставили в покое. И тут началась какая-то фантасмагория. Все наши попытки выяснить, где и когда будут хоронить Лебедева, натыкались на непонятную глухую стену. Даже мать и сестра Юры ничего не могли добиться. Это были годы, когда самоубийство считалось преступлением похлеще даже убийства, особенно когда дело касалось военнослужащих. Оказалось, что существовала какая-то секретная инструкция, по которой никаких церемоний нельзя было проводить для самоубийц и что хоронить их надо было секретно на пустырях, а не на кладбищах. В результате, ни мы, ни родственники Юры так и не узнали, где и когда похоронили Лебедева. Никаких следов. Так что, самоубийство самоубийству рознь.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

ИНТЕРВЬЮ.

Во время печально знаменитого государственного погрома в Польше, руководимого Гомулкой, в квартире наших соседей появились гости из Кракова. Это была семья дальнего родственника хозяйки, который по пути в Израиль решил навестить свою кузину. Нам было интересно получить из первых рук сведения о том, что происходит в Польше. Поэтому мы попросили нашу соседку познакомить нас со своими зарубежными гостями. К моему удивлению глава семьи был настроен отнюдь не оптимистически и казался совершенно растерянным. Он сказал, что их практически вынудили эмигрировать и что поскольку большинство его знакомых отправилось в Израиль, то и он решил туда последовать, хотя ему очень не хотелось этого делать. В общем, это был не сионист. Из его грустного повествования (а он довольно сносно говорил по-русски, не перегружая свою речь польскими словами), я запомнил одну фразу, которая показалась мне откровением. Он сказал примерно следующее:

– Даже когда вам приходится переезжать из одной квартиры в другую в том же самом городе, вы беспокоитесь: хорошие ли там соседи, нет ли в доме тараканов, удобный ли транспорт и так далее. А здесь же мы направляемся на постоянное жительство в страну, в которой другой язык, другие обычаи, другие порядки и, кроме того, эта страна находится все время в состоянии войны со своими соседями. Как же нам не волноваться и не нервничать!

Вот этот разговор я почему-то вспомнил несколько лет спустя, когда ехал в автобусе на мое первое интервью в небольшой городок на севере Америки. И мне тогда тоже было от чего волноваться и нервничать. Английского языка я не знал – так всего несколько слов, если не считать технических терминов. И даже те слова, которые были мне знакомы, я плохо воспринимал на слух. А что касается моего произношения, то тут дело обстояло еще хуже. Кроме того, я плохо представлял себе, что такое «интервью». У меня были серьезные опасения, что я не пойму, что от меня требуется и что меня не поймут, и что я буду выглядеть смешным, тупым и безграмотным. В общем, я был почти уверен, что зря туда еду и что меня не примут на работу. Но бесконечно нервничать я не мог. Монотонное движение автобуса по гладкой дороге несколько приглушило мои опасения. Я начал смотреть по сторонам. В автобусе были удобные сидения и какой-то свежий прохладный воздух. Я не мог понять, как это получается. Ведь был конец мая, и стояла довольно жаркая погода. Только некоторое время спустя я узнал, что автобусы здесь оборудованы кондиционерами, о которых мы, новоприбывшие, имели тогда самое смутное представление. Наш

автобус легко катил по гладкому асфальту, я смотрел по сторонам и обратил внимание на странное явление. Глядя далеко вперед, я увидел большие блестящие лужи на дороге, хотя никакого дождя не было, и стояла ясная солнечная погода. Однако, удивительное дело, по мере приближения к ним лужи исчезали и вновь появлялись где-то далеко впереди. Поразмыслив, я догадался, что это был оптический обман, своего рода мираж. Я до сих пор не знаю, каким образом это получается.

На автобусной станции меня никто не встретил. А иначе и быть не могло. Ведь в этом городке у меня не было ни родственников, ни знакомых, а маленькая компания, пригласившая меня на интервью, не видела необходимости в такой услуге и ограничилась тем, что сообщила мне свой адрес.

Надо сразу сказать, что в этот день мне по-настоящему везло, что вообще случается довольно редко. Не секрет, что везение является главной предпосылкой успеха в любом деле. Как бы вы там ни боролись, какие бы героические усилия ни предпринимали, но если вам не везет, то ничего хорошего из этого не выйдет. А здесь у меня все пошло как по маслу. На маленьком автовокзале мне дали карту города и показали направление, куда идти. Причем компания, которая пригласила меня на интервью, оказалась довольно близко к станции. Так что, в такси не было необходимости. Впрочем, никаких такси на автобусной станции не было. Их вообще в городке было раз-два и обчелся. Ходьбы до компании было всего минут десять, так что я пришел туда намного раньше назначенного времени. Пришлось пойти поболтаться по неказистому городку. Это была типичная «одноэтажная Америка». Городок пересекала почти высохшая грязная речушка в довольно глубокой и широкой лощине. Больше ничего достопримечательного.

И тут я опять начал нервничать. А зря! Но я ведь не знал, что мне в этот день будет здорово везти. Оказалось, что компании до зарезу нужен инженер-дизайнер, что никаких конкурентов у меня нет и что главным инженером компании, проводившим интервью, был датчанин, выходец из Европы, добрый и порядочный человек. Он сразу понял, что со мной особенно не побеседуешь. Поэтому разложил передо мной чертежи, а я начал тыкать пальцем и называть имена деталей и узлов. Затем главный инженер дал мне чертежик, на котором были изображены две проекции детали. Как-то интуитивно я понял, что от меня требуется, и тут же быстро начертил третью проекцию, что положило конец моему интервью. После этого мне было задано несколько общих вопросов, из которых я сумел ответить на два: о зарплате, на которую я рассчитываю, и о том, когда могу приступить к работе. Я назвал цифру 15,000 (это я выучил заранее), на

что проводивший интервью утвердительно кивнул головой. А еще я сказал, что могу приступить к работе хоть завтра. Главный инженер улыбнулся и предложил мне начать работу с понедельника, потом пожал мне руку и пожелал успеха. Я был взволнован, растерян, потрясен. Я не мог поверить, что произошло чудо, что я принят на работу в Америке инженером.

Между тем главный инженер вызвал к себе в кабинет одного сотрудника и, как потом оказалось, попросил его помочь мне с устройством.

– This is Tom, – сказал он мне, а потом попробовал произнести мою фамилию. Таким образом, мы были представлены друг другу.

Этот Том как-то мне сразу понравился. Это был на вид крепкий, физически сильный парень лет двадцати пяти, а может, тридцати. Был он выше среднего роста, плотного телосложения, лицо круглое и привлекательное, несмотря на массивный подбородок, волосы светлые, но не золотистые, а с каким-то платиновым отливом, какие бывают у скандинавов, глаза небольшие серо-голубые. Том сразу же взял опеку надо мной.

– Russian! Amazing! – сказал он восторженно, после чего мы вышли и сели в его jeep. Поняв, что у меня нет пока автомобиля и мало денег (No car! No money! – сказал я, разведя руками, Том помог мне забронировать номер в самой дешевой, как потом оказалось, и очень близко расположенной трехэтажной гостинице. Выходя, я прочел название гостиницы – «YMCA». После этого Том отвез меня на автобусную станцию, и мы распрощались.

В этот день и в течение нескольких следующих дней у нас дома был настоящий праздник. Наши знакомые и покровители поздравляли меня с успехом, а я ходил гордо как петух.

ФИНАНСОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ.

Чтобы не опоздать в понедельник на работу, я выехал из дому накануне в воскресенье на самом последнем автобусе и прибыл на место почти в полночь. Такси на вокзале не было, да я бы и не стал тратиться, поэтому пошел в гостиницу пешком. О том, что в Америке опасно по ночам ходить по городу, я узнал несколько позже. Впрочем, в маленьких городках тогда, возможно, этой опасности еще не было. Я прошел по темным пустынным улицам до гостиницы, не встретив на своем пути ни одного прохожего, только несколько автомашин промчалось мимо меня. Я и после этого продолжал возвращаться после выходных дней на последнем автобусе, и только один раз встретил прохожего. Это был небольшого роста плотный мужик лет сорока, довольно пьяный, в несколько обтрепанном пиджаке поверх ковбойки и в джинсах. Когда я приблизился к нему, он перекрыл мне дорогу и, окинув меня осоловелым

взглядом, пробубнил:

– Could you spare a quarter for a cup o'cofee?

Кажется, тогда действительно чашка кофе стоила 25 центов. Я понял вопрос и, разведя руками, ответил:

– No!

Я не отдавал себе отчета в том, насколько опасной была эта ситуация, и узнал об этом спустя какое-то время. А тогда я почему-то не испугался. Все разрешилось, как мне казалось, нормально. Прохожий уронил голову, потом не без труда поднял ее и бессмысленно уставился на меня, затем сделал два неверных шага в сторону и поковылял своей дорогой. Что меня удивило в этой ситуации – это только то, что просьба денег была на чашку кофе. В России алкаши обычно просили на проезд в автобусе или метро.

Кстати, с монетой достоинством в 25 центов у меня связана другая история. Это было уже в другом городе, когда я приступил к своей третьей работе в США. В тот короткий период я жил как в России – от аванса до зарплаты, с той лишь разницей, что не у кого было занять недостающих нескольких монет до получки. Это было в пятницу. Получив свой чек, я с нетерпением ждал конца рабочего дня, чтобы, наконец, обменять этот чек на деньги в банке, так как в кармане у меня оставалась всего лишь одна монета в 25 центов. Ровно столько, сколько нужно было для проезда в городском транспорте до нашего банка, расположенного в центре города. (Машины у меня тогда еще не было). Но вот, наконец, стрелки часов показали долгожданное время, я быстро сложил свои вещи и почти бегом направился к автобусу. Однако когда я приехал на место, меня там ждала большая неприятность – банк оказался закрытым. Обычно он работал до пяти часов, а в этот день почему-то закрылся на два часа раньше. Положение было отчаянным. Я, конечно, мог бы пойти в свою гостиницу пешком (туда было не больше часа ходьбы) и сидеть там голодным до понедельника в ожидании пока откроется банк. Но это была мрачная перспектива. Я стоял как пришибленный, как вдруг увидел, что из закрытого банка вышел какой-то человек. Я лихорадочно бросился к нему и начал что-то жалко лепетать, показывая ему чек. Этот человек вначале вроде бы испугался немного, но, посмотрев внимательно на чек, вынул из чемоданчика ручку и на листике бумаги написал мне адрес и телефон. Потом стал настойчиво что-то объяснять мне. Наконец я понял. Оказалось, что есть еще один банк, расположенный на окраине города у последней остановки метро, который может принять мой чек и который работает сегодня до пяти часов вечера. Поняв, что я еще могу сегодня получить деньги, я начал страстно благодарить своего спасителя. Он улыбнулся и сказал: Good buy! и поспешил по своим делам.

И тут я вдруг осознал, что отнюдь не спасен. До закрытия того второго банка оставалось немногим более получаса, а у меня уже нет необходимых 25 центов для проезда в метро и, если я даже побегу туда, а не пойду пешком, то все равно не успею. Я был как в лихорадке. Не зная, что делать, я обратился к стоявшему недалеко от меня полицейскому. Это был высокого роста красивый могучий негр не старше тридцати лет. В течение нескольких минут мы абсолютно не понимали друг друга, пока я, наконец, не показал ему листик бумаги с адресом и телефоном, который мне дал служащий банка. Полицейский понял в чем дело и почему я вывернул свои карманы. Тогда он достал двадцатипятицентовую монету, сунул мне ее в ладонь, показал направление к станции метро и, подтолкнув меня, скомандовал: Hurry up!

Я оказался последним клиентом в этом банке. Там уже начали уборку. Но деньги я все же получил и сразу поехал к центру города, чтобы отдать полицейскому долг. Но его там не оказалось. Я походил какое-то время вокруг, но так его и не встретил. Позже я несколько раз приезжал на это место, чтобы вернуть долг моему спасителю, но каждый раз там были другие полицейские, а этот так и не появился. Я до сих пор у него в долгу.

СРЕДИ ТУЗЕМЦЕВ.

Теперь вернусь в городок, где мне предоставили первую работу. Мой номер в гостинице оказался на втором этаже. Он мне очень понравился. Это было значительно лучше того, в чем мне удавалось устроиться в России в моих многочисленных командировках. Прекрасная кровать, прикроватная тумба, встроенный шкаф, стол, кресло, душевая, туалет, телефон. На столе библия и телефонный справочник. Что еще человеку нужно?! Я был возбужден и долго не мог уснуть.

На работе меня встретили очень дружелюбно. Это, вероятно, Том подготовил обстановку и сотрудников. Все старались помочь мне. Появились карандаши, циркули, справочники. Я не знал, как выразить свою благодарность. Конструкторский отдел, в котором работало около десяти человек, был маленьким и тесным, но работать было удобно – все было под руками. Рядом с отделом было еще одно небольшое помещение, где стояли автоматы, из которых за 25 центов можно было получить разные упакованные закуски и сигареты, а, кроме того, там стояла мельница для зерен кофе и кофе варка. Я обратил внимание, что почти все сотрудники довольно часто ходят, чтобы взять себе очередную чашку кофе. Меня сразу начали приглашать за компанию, но я отказывался, боясь потратить лишний цент. Однако вскоре я сделал удивительное открытие. Оказалось, что кофе бесплатный и что администрация заинтересована в том, чтобы сотрудники пили побольше кофе. Я никак не мог этого понять. И только позже мне объяснили, что у тех, кто выпивает чашку кофе, повышается производительность труда. Все стало на свои места и укрепило мое убеждение, что капиталистический мир рационален.

Подошло время обеда. У меня был припасен бутерброд, но Том стал уговаривать меня поехать с ним на ленч и я, скрепя сердце, согласился, чтобы он не счел меня скрягой. Мы приехали в какой-то бар, и Том, прежде всего, начал заказывать выпивку. Это в середине рабочего дня! Здесь я наотрез отказался, зная, что выпивка стоит дорого, но Тому показал знаками, что мне нельзя пить. Он удивленно покачал головой, но больше настаивать не стал. Себе же он заказал два «бурбона на льду», а также каждому из нас по одной «подводной лодке». Это был огромный бутерброд, и я с ужасом подумал, что это влетит мне в копеечку и даже усомнился, хватит ли у меня денег, после чего начал осторожно ощупывать свои гроши в кармане. Я боялся, что Том закажет еще что-то и стал поглядывать на часы, но он заметил это и показал знаками, что нечего беспокоиться. Когда принесли счет, я с замиранием сердца протянул руку, чтобы посмотреть на него, но Том перехватил счет и начал мне что-то объяснять. Наконец я понял и сразу обмяк. Том платил за нас обоих. Раз он пригласил, то он угощает. Так положено! От нервной разрядки и избытка благодарности у меня началась путаница в голове и я сказал ему сначала:

– Спасибо! Потом спохватился и поправился:

– Danke schon! И только потом вспомнил английское:

– Thank you!

Том от души смеялся. Лицо его от выпивки раскраснелось. Он был явно в хорошем настроении.

– Don’t mension! – весело сказал он.

С ленча мы опоздали минут на пятнадцать. Я очень нервничал, но тут же заметил, что некоторые сотрудники пришли еще позже. Обстановка в компании оказалась довольно либеральной. Этот либерализм исходил по-видимому от хозяина компании, ее президента. Это был небольшого роста старичок лет семидесяти пяти, крепкий, плотный, подвижный, со старомодным пробором густых седых волос на голове и розовато-белым лицом. Одет он всегда был «с иголочки», обязательно тройка-костюм и галстук-бабочка, белоснежная рубашка и начищенные до зеркального блеска туфли. По образованию президент компании был юристом и, кажется, очень этим гордился, так как всегда выговаривал секретарше, если она забывала на официальных документах после его фамилии поставить «Esq». На вид президент был строгим, но никогда не повышал

своего голоса даже в самой нервной обстановке. В свои семьдесят с хвостиком лет он еще пилотировал собственный самолет и часто летал в Вирджинию, где училась его младшая дочь. Ветераны компании (а некоторые проработали в ней более двадцати лет) рассказывали, что как бы плохо ни шли дела в компании, хозяин никогда никого не увольнял. А были случаи, когда в течение чуть ли не двух лет не удавалось получить ни одного заказа, и тогда чтобы занять сотрудников, президент находил какие-то благотворительные работы для профсоюзов или еще для кого-то, а сотрудникам платил из специально созданного им фонда. И еще у президента была одна замечательная черта – патриотизм, национальная гордость. Только этим можно объяснить, что всегда к празднику Дня Независимости (4 июля) он на целую неделю закрывал компанию и давал всем сотрудникам оплаченный отпуск. И сотрудники платили ему за его доброту преданностью, лояльностью и делали все необходимое и возможное, чтобы президент был доволен. Работали сверхурочно, не требуя за это никакой платы, не увольнялись из компании, хотя могли в другом месте получить более высокую ставку, и делали перекрестную проверку, чтобы обеспечить качественную документацию. Поэтому, возможно, администрация смотрела сквозь пальцы, если кто-то из сотрудников опаздывал утром или после ленча на работу или уходил до окончания рабочего дня по каким-то делам.

Вот так началась моя трудовая жизнь в Америке. В гостинице я преимущественно занимался тем, что учил английский язык. Между прочим, я обратил внимание, что в этой гостинице проживали почему-то только молодые ребята и, как правило, по двое в каждом номере. В первый же день я познакомился с двумя из них, которые жили в номере напротив. Одного из них звали Джим. Я запомнил это имя, потому что так звали собаку Качалова в известном стихотворении Есенина. Когда я представился, Джим, видимо, обратил внимание на мой акцент и спросил:

– Where are you from?

– Russia, – ответил я.

– Hey, Skip, – весело позвал он своего приятеля, – the guy is from Russia!

Вообще у меня плохая память на имена, но это я тоже запомнил, потому что в России имел дело с подъемниками, которые называются «скиповыми».)

– How come? – спросил Скип, подойдя ко мне и протянув руку.

Я догадался по выражению его лица, что его интересует, и машинально ответил почему-то на идиш:

– Арбет, – сказал я, однако, увидев недоуменные выражения лиц у своих соседей, понял свою оплошность, смутился и, вспомнив

нужное слово, поправился:

– Job, – произнес я неуверенно.

– Good, – одобрительно покачав головами, сказали мои соседи. Потом добавили:

– See you later! – повернулись и ушли.

Позже я познакомился со многими обитателями гостиницы, но все их имена перепутались у меня в голове. Все эти Джоны, Билы, Дики… В общем, мои контакты с соседями по этажу ограничивались тем, что мы говорили друг другу: «Hi!» и «Take care!» Каждый был занят своими делами и никто не обращал на меня особого внимания.

А между тем Том продолжал таскать меня на ленчи и не давал мне возможности платить даже после того, как я получил первую зарплату. И при этом ни один ленч не обходился без того, чтобы Том не заказал себе два-три «бурбона» или «виски-сода», и я заметил, что это не всегда повышало его настроения. Я также заметил (другие сотрудники знали это давно), что Том иногда приходил утром на работу «слегка под мухой», но работал хорошо, почти без ошибок, поэтому администрация смотрела на эту слабость Тома сквозь пальцы.

Свое опекунство Том не ограничил тем, что пичкал меня ленчами. Вскоре он пригласил меня на обед к своим родителям, сказав, что хочет представить меня и что он уже рассказывал им обо мне, и они выразили желание со мной познакомиться.

Надо сказать, что сам Том жил в отдельной квартире, и как объяснили мне сотрудники:

– He shares the apartment with his girl friend.

Я не мог понять, что это значит. Им пришлось довольно подробно объяснить мне это положение. В те времена у меня в голове еще не укладывалось, как может девушка жить с парнем в одной квартире, не будучи его женой. К тому же я еще верил в необходимость прописки.

На первом же обеде я познакомился с родителями Тома и его братом, который был несколькими годами моложе Тома, а также с подружкой Тома, очень молоденькой, хорошенькой, стройной, улыбчивой. Родители Тома были похожи друг на друга. Оба высокие, худощавые, с узкими строгими лицами. Однако на поверку оказались добрыми, приветливыми, внимательными. Надо сказать, что чувствовал я себя весь этот вечер довольно скованно, хотя все относились ко мне очень внимательно и дружелюбно. Мне задавали множество вопросов о жизни в России, которых я не понимал и наугад кивал головой, улыбался или невпопад отвечал: «Yes». И только через несколько месяцев я сумел более или менее вразумительно ответить на некоторые из этих вопросов. Следует заметить, что я уже был немного знаком с американским обычаем пить не во время обеда, а до него. Здесь Том приготовил для меня сюрприз – бутылку

Смирновской водки. Все остальные пили только Виски. Я постарался не ударить в грязь лицом и выпил «straight», отказавшись от содовой и льда. Все, даже Том, восхищенно покачали головами. Когда мы уселись за стол, отец Тома начал читать молитву и все склонили головы, в том числе и я. Все дальнейшее прошло более или менее нормально. За обедом я вел себя прилично и поел все до конца. Я уже знал разницу обычаев в поведении за столом между Россией и Америкой. Там доминировал количественный фактор, здесь – качественный. Там благодарность за гостеприимство выражалось тем, что гость оставлял на тарелке немного еды, показывая тем самым, что он насытился и что количества еды было более чем достаточно. Кстати, у некоторых северных народов это идет еще дальше и довольство угощением выражается еще тем, что гость начинает за столом громко отрыгиваться, чтобы хозяева были довольны. Здесь же в Америке, поев все, я тем самым как бы давал высокую оценку качеству еды, хотя с моей точки зрения обед был скверным: салат без соли из каких-то огромных листьев, которые только корове жевать, говядина steak жесткая как подошва, а торт какой-то химический, разноцветный и сильно переслащенный. Однако, разумеется, я притворялся, что все это мне очень нравится.

Подружка Тома, которую звали Джейн (как героиню из кинофильма «Тарзан»), заведовала городской библиотекой. Узнав, что я из России и знаю русский язык, Джейн вспомнила, что у них в библиотеке есть несколько русских книг, которых никто никогда не запрашивал и не брал, так как во всем городе нет, вероятно, ни одного человека, который владеет русским языком. Она пригласила меня зайти в библиотеку и, если меня это интересует, то посмотреть, что это за книги. Конечно, мне было любопытно узнать, какие русские книги попали к ним в библиотеку. На этой же неделе я пошел после работы туда. К моему удивлению библиотека оказалась довольно большой и хорошо организованной. Джейн встретила меня очень приветливо и тут же подвела к полке, на которой стояли русские книги. Это были собрания сочинений Пушкина и Гоголя. Достаточно было взглянуть на эти книги, чтобы убедиться, что их никто никогда не открывал. Когда я спросил (больше знаками) Джейн, могу ли я взять почитать одну из них, она ошарашила меня тем, что предложила вообще все их забрать, так как они наверняка никогда никому не понадобятся. Я, конечно, очень обрадовался такой возможности, но из приличия начал настаивать на платеже. Тогда Джейн сказала, что уж если мне так хочется заплатить, то я могу дать символический доллар, который она внесет в фонд каких-то пожертвований. Сняв книги с полки, Джейн сложила их в коробку и сказала, что подвезет их к гостинице, в которой я жил. Однако я запротестовал и,

показав знаками, что книги не тяжелые и что я их легко донесу, произнес на тарабарском английском языке:

– Don't warry!

Взяв мой символический доллар, Джейн сложила его вдвое и опустила в щель большой копилки, после чего сказала, что поскольку я – бывший музыкант, то она хочет подарить мне одну вещь, которую тоже никто никогда не запрашивал в библиотеке, но эту вещь я уже точно не буду тащить, она подвезет ее после работы к гостинице. Я и так был полон благодарности, а тут еще какой-то подарок с доставкой на дом. Я смутился и пытался отказаться, но Джейн сказала коротко:

– It's fine. No problem.

В библиотеке к тому моменту уже собралось несколько посетителей, и Джейн, сказав мне:

– See you later! – поспешила к ним.

А я, радостно возбужденный, взял в руки коробку с книгами и потопал в свою гостиницу, гадая, что это за тяжелый подарок Джейн собирается привезти мне из библиотеки. Когда вечером машина Джейн подъехала к гостинице, я ожидал ее на улице. Джейн открыла багажник, там лежала не очень большая и хорошо упакованная коробка. Не без труда я вытащил ее из багажника и начал рассыпаться в благодарности на разных языках, все еще не зная, что там находится.

– Enjoy it! – сказала Джейн, помахала мне рукой и укатила.

Когда я втащил коробку в номер и открыл ее, там оказался полный комплект пластинок оперы Вагнера «Кольцо Нибелунгов», записанной со скоростью 78 оборотов в минуту. Этот подарок до сих пор у меня есть и, к своему стыду должен признаться, что я так никогда им не воспользовался.

ГУРМАН.

Пока жена не работала, моей небольшой, даже по тем временам, зарплаты едва хватало, чтобы покрывать самые необходимые расходы: квартирную ренту, коммунальные услуги, транспорт, покупку продуктов питания и обновление одежды. Поэтому я старался экономить и, когда один из сотрудников показал мне самую дешевую в городке харчевню под названием «Ponderosa», я стал посещать только ее. Это было фантастическое заведение. За три доллара, получив две тарелки – одну глубокую и одну мелкую – я мог набирать себе из длинного двойного ряда нержавеющих прямоугольных судков все что угодно и сколько угодно. Что и говорить, я старался отработать свои драгоценные три доллара. Однако скоро у меня появились неприятные явления: изжоги, колики в животе и тому подобное. Пришлось с болью в душе оставить это райское заведение

и перейти в более дорогую харчевню.

Это случилось в тот день, когда мне повысили зарплату. На радостях я завалился в итальянский ресторан, интерьер которого показался мне шикарным. И вдобавок меня поразили приглушенные огни, белоснежные скатерти, цветы на столе и множество ножей, вилок и ложек, завернутых в голубые крахмальные салфетки. Это было даже лучше чем «Лидо» на Рижском взморье, самого шикарного из ресторанов в которых я побывал в России. Правда, позже я понял, что это был скромный провинциальный ресторанчик. А тогда! Я просто испугался и хотел бежать, но было поздно. Ко мне бесшумно подошел молодой вышколенный официант, наряженный как принц, и сказал мне что-то приятное, после чего протянул мне похожее на альбом меню. Я оказался в западне. Что было делать? Я начал нервно листать это меню и вдруг увидел знакомое слово «Chicken». Курица! И против нее стояла не такая уж страшная цифра – 6 долларов. Когда официант вторично подошел ко мне, я ткнул пальцем в это место. Он сделал пометку в блокнотике, а потом стал меня о чем-то спрашивать, перевернув страницу меню. Я был озадачен и в недоумении пожал плечами. Официант улыбнулся и сделал еще одну пометку в блокнотике, а потом подал другое меню с меньшим количеством страниц и сказал «Drink». Я энергично и отрицательно замотал головой. Это слово я уже знал. Официант кивнул и удалился. От нечего делать я стал пить ледяную воду из стакана, стоявшего на столе. Через несколько минут официант поставил на стол небольшую плетеную корзинку с круглыми чесночными булочками, которые оказались очень вкусными. А еще чуть позже официант принес тарелку какой-то смеси с черными вкраплениями и пиалу супа неизвестного происхождения. Я растерялся и хотел сказать, что это не мой заказ, что я заказывал курицу, но от врожденной застенчивости и боязни, что не смогу объясниться, решил: «А, ладно! Не отравимся! В следующий раз буду умнее. Не спросивши броду, не лезь в воду. А, кроме того, не может быть, чтобы это стоило дороже курицы». Немного успокоившись, я приступил к еде и довольно быстро поел булочки с супом и эту смесь, которая на вкус оказалась очень пикантной. Между тем официант как-то незаметно поставил на стол другую корзинку с булочками, забрав пустую. Я хотел попросить счет, но он как будто испарился, а потом очень долго не появлялся. От нечего делать я томился, ел чесночные булочки, запивая их ледяной водой, и был почти сыт, как вдруг перед моим столом снова появился этот официант. В руках он держал поднос, на котором стояли две большие неглубокие тарелки. Официант снял их с подноса и поставил мне на стол. На одной из тарелок была настоящая гора вермишели, а на другой лежала почти целая зажаренная курица. Я опешил. Этой еды было бы достаточно для среднего размера семьи. А тут я один. Как быть? Но не пропадать же добру! Надо отработать по мере возможности, сколько оно там будет стоить. Все равно придется платить. И я вначале довольно бодро, а потом все медленней и медленней, стал разделываться с этой массой еды, жалея о том, что набил себе живот булочками. Я ел, делал паузы и опять ел, а в конце так насытился, что почувствовал отвращение и к этой курице и к этой вермишели. С болью в душе я вынужден был прекратить самоистязание, и отодвинул далеко не опустошенные тарелки. Подошел официант и, по-моему, издевательски, спросил:

– Dessert?

Я испуганно взглянул на него, замотал головой и поспешно произнес:

– No! Check!

Официант поставил на поднос то, что я недоел, и унес. Вскоре он вернулся и положил на стол чек. К моему удивлению там было всего три строчки. На первой из них было написано «Chicken» и еще что-то, и стояла первоначальная цифра – 6 долларов. На второй строчке было напечатано только одно слово «Gratitude» и больше ничего. Я подумал, что так называется эта пикантная смесь и суп. Но почему не указано, сколько это стоит? А на третьей строчке тоже было только одно слово «Total» и тоже никакой цифры. Когда официант снова появился, я с замиранием сердца протянул ему десять долларов, не будучи уверенным, что этого хватит. Кроме того мне сказали, что надо дать официанту один доллар чаевых. Он взял мою десятку и ушел. И тут меня охватило беспокойство. А может я переплатил и пропали мои денежки? «Что делать?» – как говорил Чернышевский. Спросить не у кого. Ну, ладно, бывает, подумал я, собираясь уходить, и только поднялся со стула, как ко мне подошел официант и протянул мне четыре доллара сдачи, ничего не взяв ни за суп, ни за эту смесь, ни за дополнительную корзинку булочек. Я чуть не задохнулся от радости и со счастливой улыбкой поспешил дать ему доллар. Он поклонился, сказал: «Thank you!» и удалился.

В эту ночь я спал плохо. У меня были кошмары. Мне снилось, что я как Прометей прикован животом к скале, сделанной из вермишели, и что мою печень клюет огромная курица величиной со страуса.

КРЕЩЕНИЕ.

Примерно через месяц после того, как я приступил к работе, я не смог поехать на выходные дни домой, так как надо было выполнить срочный заказ. Суббота прошла нормально, а вот в воскресенье у меня было маленькое приключение. Я уже был готов отправиться в компанию на работу, как в дверь кто-то постучал. Я был уверен, что

это один из моих соседей, так как до сих пор никто больше меня не беспокоил. Однако когда я открыл дверь, то был несколько озадачен. В дверях стоял незнакомый мне пожилой человек во всем черном и с маленьким белым квадратиком на воротнике. Незнакомец стал что-то говорить. Я не понимал ни слова.

– I don't understand, – пытался я несколько раз перебить незнакомца, но он продолжал что-то говорить пока не остановился и буквально сунул мне в рот что-то вроде большой белой таблетки глюкозы. Я механически проглотил. Незнакомец неожиданно перекрестил меня, повернулся и вышел. Я стоял как в столбняке, но заметил, что мой странный посетитель постучал в соседний номер и там начал проделывать ту же процедуру, что и со мной. Я не совсем понимал, что происходит, хотя заподозрил, что меня приняли за христианина. Решив проигнорировать этот инцидент, я поспешил на работу. Вскоре происшедшее объяснилось. Оказалось, что Том поселил меня не в гостинице, а в общежитии молодых христиан и что название YMCA означает «Ассоциация молодых христиан», а также что священники местного собора постоянно посещают это общежитие и проделывают вышеописанную процедуру с каждым его обитателем. Поскольку я уезжал на выходные дни, то ранее не сталкивался с этим явлением. Но и после этого мне больше не пришлось глотать облатки и выслушивать непонятные проповеди, так как я вскоре съехал с общежития YMCA и поселился в нормальной гостинице, где меня никто не тревожил даже по выходным дням. Впрочем, не совсем так. Но об этом потом.

УБИЙЦЫ СРЕДИ НАС.

Накануне моего переселения из YMCA ночью я проснулся от какого-то шума. Раздавались крики, и была слышна непонятная возня. Потом все замолкло, и я снова уснул. Вообще я не придал особого значению этому событию, так как и раньше по ночам случались стычки между обитателями гостиницы. Поэтому, встав утром и проделав необходимые процедуры, я никого не стал расспрашивать о ночном происшествии и пошел на работу. А там я сразу заметил, что сотрудники возбужденно о чем-то переговариваются. Вдруг один из них, взглянув на меня, воскликнул:

– Hey! You stay in YMCA! Don't you? Do you know the guys?

Я не мог понять, о чем они говорят и что от меня требуется. Однако в результате перекрестного допроса и моего почти непрерывного подглядывания в английский словарик картина прояснилась. Оказалось, что прошлой ночью было совершено вооруженное ограбление ликероводочного магазина и что владелец магазина при этом был убит. Кроме того, стало известно, что по подозрению в

совершенном преступлении арестованы два обитателя гостиницы для молодых христиан, мои соседи Джим и Скип. Я признался, что знаком с ними, хотя фамилий их никогда не знал. Большего от меня сотрудники не могли добиться. Спустя какое-то время стали известны подробности этой истории. Вышеупомянутый ликероводочный магазин находился почти напротив дома, где жили его владельцы, муж с женой, которые также были и продавцами в этом магазине. В эту ночь жена как обычно приготовила поздний ужин и около полуночи начала выглядывать в окно, ожидая, что муж вот-вот закроет магазин и придет домой. Вдруг она увидела, что из магазина выскочило двое молодых ребят и, пробежав почти квартал, скрылись в подъезде YMCA. Ей это показалось подозрительным. Поэтому, подождав еще немного и видя, что муж не закрывает магазин, несмотря на отсутствие покупателей и поздний час, жена пошла туда и, войдя, чуть не лишилась чувств. К своему ужасу она увидела, что муж ее лежит на полу весь в крови и бездыханный. В полуобморочном состоянии она выскочила на улицу и начала истерически кричать, но никто не пришел на помощь. И тогда жена собралась с силами и позвонила в полицию. Спустя несколько минут она в перерывах между рыданиями как могла уже давала показания полиции. Она сумела достаточно подробно описать внешность последних посетителей ликероводочного магазина, так как встречала их несколько раз до этого. Между тем прибыла машина скорой помощи, и врач установил смерть владельца магазина от нескольких ножевых ран в грудь и полость живота. Покойника уложили в карету и увезли в морг. Оставив жену покойного с кем-то из родственников, полиция направилась в YMCA. Там у портье, как положено, оказалась цепкая память, и он сообщил полиции имена двух обитателей гостиницы, которые явились в полночь в несколько возбужденном состоянии. Дальнейшее было делом техники. При аресте оба молодца оказали некоторое сопротивление, отголоски чего я услышал этой ночью.

КАК ВАЖНО БЫТЬ ДЕСЯТЫМ.

Вскоре после того, как я переселился из YMCA в нормальную гостиницу, ко мне в гости неожиданно пришел незнакомец. Это был среднего роста пожилой человек лет шестидесяти, а может быть и старше, немного похожий на великого физика Эйнштейна в старости, с такой же копной седых волос, с таким же морщинистым лицом и такими же мудрыми глазами. Он представился мне как президент местной синагоги. В России я несколько раз был третьим, впрочем, не в гастрономах, а в любовных треугольниках – третьим лишним, а здесь в Америке гость после небольшой преамбулы попросил меня быть десятым. Президент синагоги объяснил мне, что у них

в городке проживает всего семьдесят еврейских семей и для того, чтобы провести утреннюю молитву в синагоге необходимо, чтобы там собралось не менее десяти взрослых евреев мужчин (миньен). К сожалению, один из тех, кто должен был придти сегодня в синагогу, заболел, и президент попросил меня заменить его на некоторое время, заверив, что скоро должен придти другой «десятый» и тогда я буду свободен. На мои попытки объяснить ему, что я ничего не смыслю в этом деле и не знаю молитв, президент сказал, что никакого участия мне не надо принимать, что нужно только мое присутствие. Он очень просил меня сделать эту мицву. Я не мог отказать. Однако для меня было загадкой, каким образом меня нашли и откуда получили сведения, что я еврей. Впрочем, я не добивался ответа на эти вопросы и так никогда этого не узнал.

Я вспомнил об этом эпизоде года два спустя, когда жил в другом городе и зашел в небольшой итальянский магазин, чтобы купить хлеб. Я пристроился в конец небольшой очереди и стал смотреть по сторонам. Неожиданно ко мне подошел крохотный хасид во всем черном и тихо заискивающим голосом спросил меня:

– А ид?

Почему-то из всех, стоявших в очереди, он выбрал меня.

– А ид, – механически ответил я.

Тогда хасид на идиш вперемежку с английским попросил меня сделать такую же мицву, о которой просил ранее президент синагоги. Хасид так жалобно просил, что я не мог отказать и снова был «десятым». Этот же хасид несколько раз ловил меня и после этого. Так что я стал заправским «запасным игроком» в Любавической синагоге и до того поднаторел, что спустя какое-то время даже стал принимать некоторое участие в обсуждении отдельных эпизодов еврейской истории, проходившем на идиш.

Известно, что мицва – это не взятка, не услуга. За нее ничего не полагается. Это доброе дело, за которое человек не предполагает получить никакого вознаграждения. Однако президент синагоги, первый сделавший меня «десятым», по всей вероятности, думал, что я, прибывший из дикой, варварской страны, этого не знаю. Может быть, поэтому, а может быть, просто по доброте душевной, но он делал все, чтобы воздать мне сторицей за мою маленькую мицву «десятника».

Началось с того, что президент синагоги пригласил меня к себе домой. Жил он с женой в небольшом уютном двухэтажном домике с тремя спальнями, кухонькой, столовой, гостиной, общей комнатой и крохотной прихожей. Основным его занятием было не президентство, а торговля кухонным оборудованием. Несколько позже президент, которого звали Симон, показал мне свой бизнес, расположенный примерно в десяти минутах ходьбы от его дома. Этот магазин кухонного оборудования помещался вместе с двумя – тремя другими магазинами в одноэтажном вытянутом кирпичном здании с большими окнами. Секция, в которой находился магазин Симона, была довольно узкой и вся заставлена газовыми и электрическими плитами, посудомоечными машинами, холодильниками и тому подобным. Учитывая характер его бизнеса, не следует удивляться, что кухня Симона была оборудована по последнему слову техники, хотя как говорят, сапожник всегда ходит в рваной обуви. И в первый же мой визит Симон показал мне, дикарю из СССР, фокус. Он наполнил стакан холодной водой из крана и дал мне потрогать ее. Потом Симон открыл дверцу какого-то эмалированного металлического шкафчика и поставил во внутрь стакан с водой. Затем закрыл дверцу, нажал кнопку, что-то щелкнуло и в маленьком окошечке табло замелькали цифры. Примерно через минуту раздался еще один щелчок и табло погасло. Симон открыл дверцу и к моему изумлению в холодном стакане кипела вода. Я ничего не понимал, а Симон явно наслаждался произведенным эффектом. Так я познакомился с микроволновой плитой, о которой что-то слыхал до этого краем уха, но как большинство тогда в России не представлял себе, что это такое. Вообще Симон восхищался всякого рода техническими новинками, хотя сам, кажется, ничего не изобретал. Выше всех изобретений в мире он почему-то считал ручную косилку для травы, в которой вместо металлического лезвия изобретатель применил моток лески для рыбной ловли.

В наших разговорах Симон иногда касался религиозных тем и очень осторожно наставлял меня на путь истины. В результате я принял его приглашение придти в синагогу на регулярную службу. Когда я явился, то прихожанам было объявлено, кто я такой и откуда прибыл, после чего мне была оказана высокая честь держать и нести Тору. Вскоре я стал своим человеком в доме Симона. Мне предлагали всякие угощения, разрешали водить их машину и пригласили нашу семью на пикник. Мы явились в полном составе, и Симон с женой повезли нас на Великие и Пальцевидные озера. По дороге мы любовались красотой природы в этих краях. Она чем-то напоминала одновременно и Подмосковье и Карелию. Березовые рощи, сосны и множество больших и маленьких озер, от серых до голубых, и обширные фермерские поля, которые отличались, надо сказать, от колхозных своей картинностью. Проезжая мимо одного из озер, мы обратили внимание на густо заросший вековыми деревьями остров, на котором просматривался не то дворец, не то замок. Симон рассказал нам довольно интересную историю этого сооружения. Что-то об архитекторе и его трагически погибшей дочери. Вообще Симон с женой развлекали нас как могли, а также

угощали всякими деликатесами. Кроме того, когда мы вернулись, Симон повез нашу дочь в детский парк, а сыну разрешил управлять своим трактором. Все это делалось, конечно, не столько из благодарности за мое более чем скромное участие в миньенах, сколько просто по доброте душевной. Направляясь в Америку, я не думал, что здесь есть такие добрые люди. Об одном из них мне бы хотелось поведать особо.

ДЕЯНИЯ СВЯТОГО ЭДДИ.

Нельзя сказать, чтобы я очень хорошо знал этого удивительного человека, но и того, что мне удалось о нем узнать и тех нескольких эпизодов, в которых он проявил себя в моем присутствии, достаточно, чтобы представить себе, что это был за человек. Впервые я увидел его в аэропорту, где нас встречали представители общины, приславшей нам гарант. Пока нас приветствовали и пожимали руки, его голова с седой копной волос появлялась время от времени где-то сзади. Потом нас привезли в снятый для нас апартамент и, открыв двери, сказали: Welcome!

От нахлынувших чувств я не удержался и, используя весь свой запас английских слов плюс слово, которое я только что услышал, выпалил: Welcome back!

Я думал, что это значит: «И Вас тоже!»

Все с удивлением и как-то озадаченно посмотрели на меня, но потом, видимо, решили замять это дело и начали показывать то, что для нас приготовили. Это была замечательная трехкомнатная квартира на третьем этаже с балконом, камином и большим стеклянным окном на потолке. Посреди большой комнаты стоял роскошно накрытый стол. В то время как нам показывали набитый продуктами холодильник и объясняли что и как, этот человек стоял в углу и молча наблюдал происходящее. А после угощения, когда все стали разъезжаться, он незаметно подошел ко мне и сунул что-то в карман.

– This is your cash, – тихо сказал он, повернулся и ушел. Когда я позже проверил карман, там оказался конверт, в котором лежало сто долларов. Я чуть не подпрыгнул от восторга и хотел поблагодарить этого человека, но он уже уехал, а я не знал ни его телефона, ни его имени. И это было одно из множества его даяний.

Второй эпизод имел место месяца два спустя. Наш сын, попавший в середине учебного года в одиннадцатый класс американской школы после восьмого класса в России и никогда не учивший английского языка, должен был выполнять домашние задания на печатной машинке, которой у нас не было и к которой он никогда в жизни не прикасался. Мы не знали что делать. Положение спасла жившая на нашем этаже медсестра, у которой в чулане оказалась

допотопная ручная машинка. И вот как-то сидит наш сын вечером и выдавливает одним пальцем буквы из этой похожей на маленькое чугунное пианино пишущей машинки, как с неожиданным визитом к нам является этот человек, которого звали Эдди. Он поинтересовался, как у нас идут дела, пошутил, подбодрил нас, несколько минут смотрел на борьбу сына с печатной машинкой и уехал. На следующий день Эдди опять явился к нам со своими добрыми шуточками, назвал сына «какер», а дочь – «пишерка», а потом как бы, между прочим, спрашивает меня, как я себя чувствую. Не: «How are you?», а «How do you feel?»

Я удивился вопросу и ответил стереотипной фразой:

– I am fine!

Тогда Эдди спросил, можно ли мне поднимать тяжести.

– Why not? – сказал я и попытался рассказать нашему гостю, что в молодости я занимался штангой и выжимал более семидесяти килограммов.

– Good! – одобрительно с улыбкой сказал мой собеседник, – could you try to lift and carry upstairs this box?

При этом он открыл багажник машины, где лежала довольно большая, красивая и хорошо упакованная коробка. Я поднатужился, ожидая, что она будет очень тяжелой, но это было лишним. Коробка оказалась совсем не тяжелой.

– No problem! – уверенно ответил я, не понимая, что это за игра, и понес коробку по лестнице вверх. Когда мы вошли в апартамент, Эдди показал мне, куда ее положить, а сам, спросив у детей, хотят ли они мороженого, посадил дочь в машину и укатил. В коробке, которую он нам привез, оказалась новенькая с магазина электрическая пишущая машинка «Smith Corona» последней модели. Когда мы принялись благодарить Эдди за этот подарок, он с досадой отмахнулся и поспешил уехать.

Третий эпизод относится к периоду, когда я уже был принят на работу. Чтобы хоть как-то более или менее прилично выглядеть в компании, мне нужен был пиджак. Узнав об этом, Эдди повез нас с женой в какой-то большой и красивый магазин, где были сотни, если не тысячи, пиджаков, но все очень дорогие. Я уныло бродил по рядам и уже хотел попросить нашего покровителя повезти нас в более скромный магазин, как вдруг увидел коричневый вельветовый пиджак, на котором стояла вполне приемлемая цена. К моему удивлению, он оказался румынского производства. Когда я примерял его, подошел Эдди, посмотрел на ярлык, пощупал этот пиджак, назвал его «Junk» и стал нас отговаривать. Мы с женой, исходя из бюджетных соображений, стали уверить Эдди, что собирались купить именно такой вельветовый пиджак. Тогда Эдди, взяв меня

за руку, потащил нас в другой конец магазина, где висели пиджаки очень похожие на тот, что я только что примерял, но не румынские, а американские, и стоили они чуть ли не вдвое дороже. Увидев такое, мы с женой стали энергично возражать, сказав, что тот пиджак нам нравится больше. Но Эдди был неумолим, продолжая настаивать на своем и приводя какие-то доводы. В результате мы с женой, не желая с ним спорить, вынуждены были, скрепя сердце, согласиться. Когда я примерял американский пиджак, Эдди сделал мне комплимент, сказав, что я в нем хорошо выгляжу, хотя внешне никакой разницы между пиджаками не было. Пока пиджак заворачивали, я в расстроенных чувствах пошел к кассе, чтобы заплатить за него. Но тут меня ожидал сюрприз. Поняв, что я собираюсь делать, кассирша отрицательно замахала руками и сказала:

– No! No! This gentleman has already paid.

Когда я попробовал возразить, Эдди обрезал меня, сказав:

– It's not your business!

Между прочим, я узнал, что Эдди буквально осыпал подарками молодую семью из России, которая появилась в городе раньше нас и покинула город незадолго до нашего приезда. Эдди очень привязался к ним. И когда глава семьи, получивший в СССР какой-то диплом, но не получивший знаний, сказал, что он вряд ли сможет устроиться здесь инженером и выразил желание войти в какой-нибудь бизнес, Эдди дал ему большую сумму денег на покупку мясного кошерного магазина. Эти деньги были извлечены из бизнеса, в котором Эдди был партнером. Он был совладельцем компании по электрооборудованию административных зданий, учебных заведений, госпиталей и т.п. Партнеру своему Эдди сказал, что эти деньги будут им постепенно возвращены в течение нескольких лет. Однако оказалось, что у молодого эмигранта из России, которого Эдди снабдил деньгами на приобретение бизнеса, жадность превалировала над здравым смыслом. Он был настолько скупым и мелочным, что вскоре растерял всех своих клиентов, и бизнес пошел прахом. Эдди и глазом не моргнул, и это никак не повлияло на его большую привязанность к этой семье. Как Эдди оправдался перед своим компаньоном, не знаю, но могу сказать, что последнему, который был значительно старше Эдди, грех был бы жаловаться на своего партнера. В тот период партнеру Эдди было уже за восемьдесят лет. Он терял зрение и не мог передвигаться без посторонней помощи. Эдди ежедневно приезжал за ним утром, помогал ему одеваться, сажал в машину и привозил в компанию, и неизменно возил на ленчи и обеды. А когда компаньон Эдди полностью ослеп и не мог стать на ноги, Эдди ухаживал за ним как за маленьким ребенком. И хотя Эдди давно уже делал все сам в компании, он уверял

своего партнера, что без него не может обойтись, ничего не может решить и вовлекал его, слепого и беспомощного, во все дела и таким образом поддерживал в этом больном старике интерес к жизни, без чего тот бы наверняка быстро угас. А когда мы только приехали, компаньон Эдди, которого звали Саул, был еще довольно активным. Это он помог мне составить резюме для поисков работы. И надо сказать, что человек это был незаурядный. Родом из Китая, где его родители были видными деятелями в довольно большой еврейской общине Харбина. И хотя Саул был чистокровным семитом, внешне его никак нельзя было отличить от китайца. Когда Саул достиг юношеского возраста, их семья перекочевала в Америку, где он продолжил свою учебу, получил высшее образование и стал работать инженером. Но тут нагрянула Великая Депрессия, и Саул потерял работу. В это время молодая Советская Россия обратилась за помощью к иностранным специалистам. Саул, воодушевленный коммунистическими идеями, с готовностью поехал на строительство Днепрогэса. Как он избежал сталинских лагерей, одному Богу известно. Из России Саул вернулся без копейки денег, но зато с хорошим знанием русского языка в придачу к английскому и китайскому. И в глубокой старости он с восторгом читал наизусть отрывки из пушкинского «Евгения Онегина» и лермонтовского «Мцыри».

Когда Саул окончательно слег, Эдди буквально не отходил от его постели и был с ним до самого конца. Смерть Саула сильно потрясла Эдди, он был неутешен, и все хлопоты, связанные с похоронами, взял на себя, а потом трогательно заботился о старенькой и хрупкой вдове своего друга Саула.

Нельзя сказать, чтобы Эдди был слишком религиозным. Реформистскую синагогу, к которой он принадлежал, Эдди посещал довольно редко, только по большим праздникам, но всегда с удовольствием встречался там со знакомыми прихожанами, которые относились к нему с глубоким уважением. Однако что касается пожертвований в синагогу, то здесь Эдди был чрезвычайно щедрым, а, кроме того, каждый год посылал анонимно в Израиль через синагогу десять тысяч долларов, независимо от того, располагал ли он в данный момент этой суммой или нет. Иногда приходилось снимать с какого-нибудь вклада. Все эти сведения просачивались только от руководства синагоги и от компаньона Эдди. Сам же он никогда об этом не говорил.

А еще рассказывали, что однажды, когда Эдди привез в госпиталь своего напарника, он случайно узнал о судьбе молодой женщины, у которой ампутировали правую ногу то ли от гангрены, развившейся от диабета, то ли в результате несчастного случая на дороге. Эта женщина была в отчаянном положении. Ее несчастье

осложнялось тем, что пострадавшая была одинокой и чтобы жить, должна была работать. Но добраться к месту службы можно было только на машине. Потеряв правую ногу, несчастная не могла управлять автомобилем, подвозить ее было некому, а вызывать каждый раз такси было очень накладно и крайне неудобно. Узнав об этом, Эдди, не задумываясь, заказал и купил этой женщине автомобиль с ручным управлением и автоматической трансмиссией. После этого он старался не попадаться ей на глаза, чтобы избежать сцены благодарности.

А еще была у Эдди большая любовь. Она пришла к нему, когда Эдди было уже около сорока лет, а его возлюбленной не более двадцати пяти. Это была трагическая любовь, которая еще более усилилась чувством жалости. Дело в том, что возлюбленная Эдди была обречена. При ее болезни нельзя было рожать, и вообще, по мнению врачей, ей оставалось жить всего несколько месяцев. Эдди все это знал и, тем не менее, предложил ей выйти за него замуж. Несчастная девушка, которая боготворила Эдди, сказала ему, что не может принять такой жертвы, что им и так вдвоем будет хорошо, но Эдди настоял и они поженились. Все дальнейшее было бесконечным свадебным путешествием. Эта история любви Эдди оказалась как бы реальным воплощением сюжета известной повести русского писателя. Эдди побывал со своей молодой женой почти во всех уголках земли. Они останавливались в лучших гостиницах Парижа и Токио, Иерусалима и Рио-де-Жанейро, Дели и Рима, Кейптауна и Венеции. Они больше месяца провели на Гавайских островах. И все это время Эдди не переставал обращаться за советом к самым лучшим врачам мира. Надо сказать, что Эдди был до некоторой степени вознагражден за все, что делал. Он прожил с женой счастливо не несколько месяцев, а несколько лет. Это было расценено врачами как чудо. Это был подарок небес.

Я был всего один раз в доме Эдди. Этот дом показался мне как будто нежилым и скорее напоминал музей своей холодностью, чистотой и порядком, и еще обилием акварелей и картин, написанных маслом, и развешанных по всем стенам. Кроме того, много картин в рамках и без рамок оказалось в подвальном помещении, стоящими пакетами вдоль стен. Все это были работы Эдди. Я успел рассмотреть только то, что было в первых двух комнатах, и эти полотна произвели на меня большое впечатление своей одухотворенностью, колоритом и красками.

Только в одной комнате дома показалось, будто хозяйка только что вышла из нее. Там стоял небольшой белый рояль с поднятой крышкой. На пюпитре рояля лежали открытыми ноты «Экспромт» Шопена. В этой же комнате стояло кресло-качалка, покрытое пледом, а рядом был мраморный журнальный столик, на котором лежала раскрытая книга. Был еще мягкий диван и книжный шкаф. На стенах висело несколько крупных полотен, на которых была изображена одна и та же молодая красивая женщина с бледным тонким лицом, большими черными глазами и высоким лбом. Вообще дом у Эдди убирали приходящие женщины, но эту комнату он убирал сам.

ГИБЕЛЬ ПРИЯТЕЛЯ.

Примерно после месяца работы я достаточно освоился со спецификой проектирования подвесных канатных дорог и почувствовал себя уверенней. К этому времени Эрвин, так звали главного инженера, уже имел некоторое представление об уровне моих профессиональных знаний и начал подбрасывать мне задания посложнее. Однажды он показал мне чертежи подъемника для горнолыжного курорта в Буффало, выполненные западногерманской фирмой. Показывая чертежи, Эрвин рассказал, что с этим подъемником для горнолыжников ужасная морока, каждую неделю он ломается. Его чинят, и он опять ломается. Нам дали эту работу в надежде, что мы найдем кардинальное решение проблемы. Эрвин попросил меня разобраться, может быть, я найду корень зла. Через два часа после нашего разговора я зашел в кабинет главного инженера и сказал, что нашел в чем причина аварий. Он никак не ожидал такой скорости и скептически улыбнулся. Однако согласился выслушать меня. Вначале он был не очень внимательным и ухмылялся, но вскоре стал серьезным. Пока я талдычил слово «wrong» в потоке каких-то невразумительных бормотаний, Эрвин был безучастен, но после того как я несколько раз повторил слово «upside down», на лице его выразился интерес и он стал внимательно смотреть на ту часть чертежа, которую я ему показывал. Потом он на минуту задумался и, как бы размышляя вслух, удивленно произнес:

– It make sense!

После этого он спросил меня, могу ли я описать последовательность операций, необходимых для ремонта подъемника. Я ответил утвердительно. Писать мне было немного легче, чем разговаривать. Кроме того, под рукой был технический словарь.

Через несколько дней, когда начались работы по модификации подъемника, главный инженер, проходя мимо моего кульмана, незаметно положил мне на стол клочок бумаги и тихо сказал:

– Read and destroy. This is confidential.

Я развернул бумажку. Там ничего не было кроме одной пятизначной цифры. Больше ничего. Вначале я был несколько озадачен, но тут же сообразил, что это должно быть моя новая зарплата. Цифра значительно превышала стартовую. Когда я понял, что означает эта цифра, я чуть не лопнул от восторга. Мне бы хотелось еще долго

любоваться на эту бумажку, но я уже знал правила игры и поэтому быстро порвал ее на клочки и бросил в корзину из опасения, что кто-то подойдет к моему столу и проявит любопытство. Позже мне стало известно, что своим предложением я сэкономил компании более ста тысяч долларов.

В этот понедельник начало рабочего дня ничем не отличалось от других понедельников. Придя, сотрудники сразу же начали делиться впечатлениями о проведенном уикенде. Кто-то ездил на рыбалку и увлеченно рассказывал об успехе этого предприятия не без того, чтобы несколько преувеличивать размеры и количество пойманной рыбы. Другой аппетитно повествовал об устроенном им пикнике, о необычайно вкусных стейках и холодном пиве. Третий ездил в соседний город, где попал на рок-концерт Тэда Нуджента, был полон впечатлений и восторженно рассказывал о помешательстве толпы.

Все сотрудники были на своих местах за исключением Тома. Но это было в порядке вещей, так как Том частенько опаздывал в понедельник с воскресного перепоя. Иногда на полчаса, иногда на целый час. Но здесь прошло уже более двух часов, а он все еще не появился. И тут я заметил, что сотрудники стали о чем-то нервно перешептываться. Обычно в таких случаях я проявлял индифферентность, но здесь мне показалось, что случилось что-то из ряда вон выходящее. Изменив своему обычному нейтралитету, я обратился с вопросом к своему соседу Грегу, самому старому конструктору в отделе, который относился ко мне особенно благожелательно. Он ответил не сразу. Вначале Грег печально покачал головой, а потом, вздохнув, произнес:

– Tom is dead!

Меня как обухом ударили по голове. Я стал спрашивать, как это случилось, но в этот день мало что узнал. Только позже стали известны подробности этой трагедии.

Так получилось, что у Тома три дня подряд были гулянки. В пятницу вечером была традиционная Friday night party, с которой Том в третьем часу ночи в состоянии «немыслящей колоды» был доставлен в квартиру его подружкой. Очнувшись после полудня и похмелившись, Том начал собираться на свадьбу к своему приятелю, где он должен был выполнять роль первого друга. На этой свадьбе Том опять накачался до потери сознания, и снова Джейн с помощью нескольких дюжих мужичков загрузила его на заднее сидение «Джипа», а потом с их же помощью выгрузила его, втащила в апартамент и оставила на полу, где он проспал до полудня. А теперь надо было собираться в гости к подружке Джейн, у которой был день рождения. Том поднялся, похмелился холодной банкой пива, принял душ и возродился как Феникс из пепла. Поскольку на следующий день

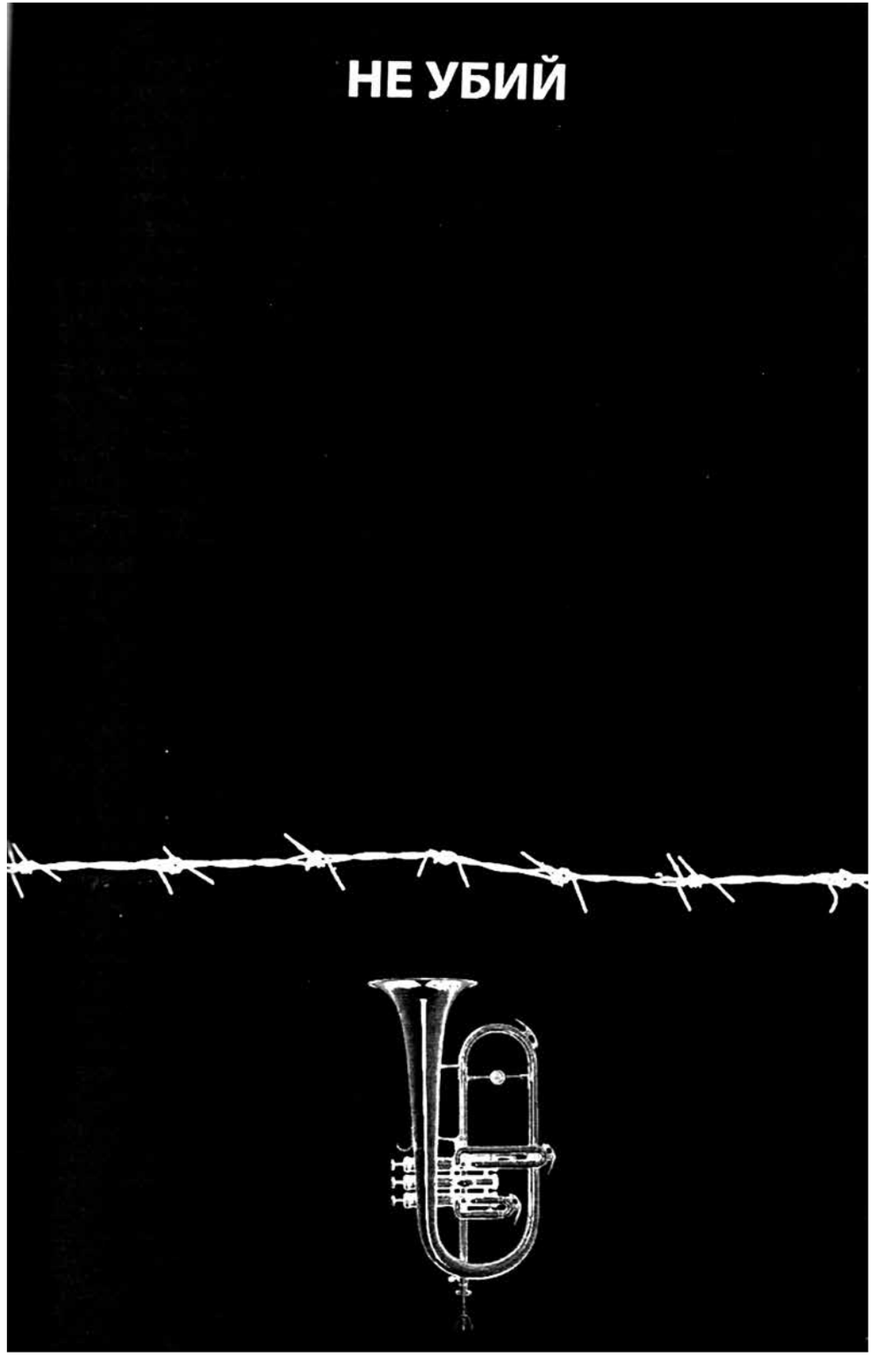
надо было идти на работу, Тому на этом вечере пришлось несколько умерить свой пыл. В результате он немного недобрал, что сказалось на его настроении. Когда подошло время ехать домой, он был угрюм, раздражен и вспыльчив. Зная его характер, Джейн не стала спорить, и Том сел за руль. По дороге он чуть не задавил вышедшего из бара пьяного, несколько раз наезжал на тротуар и задел крылом столб. Джейн молчала. В квартире Том сразу открыл холодильник и вытащил бутылку пива. Джейн осторожно заметила, что может быть на сегодня хватит. Том взорвался как пороховая бочка. Он заорал и начал оскорблять свою подружку. Джейн не выдержала и что-то ответила. Тогда Том бросился на нее и начал зверски избивать, при этом разбил ей голову пивной бутылкой. Кровь потекла по лицу Джейн. Улучшив момент, она вырвалась, выскочила в спальню и повернула защелку. Том зарычал как зверь и начал неистово дергать дверь. Она не поддавалась. Тогда он схватил топорик у камина и начал рубить дверь. Джейн в ужасе заметалась по комнате. Они жили на третьем этаже и убежать через окно не было никакой возможности. Тут ее взгляд упал на застекленный шкаф, в котором хранилось огнестрельное оружие Тома. Он был членом Народной Милиции и время от времени участвовал в групповых стрельбах. Джейн лихорадочно открыла дверь шкафа и схватила первую попавшуюся винтовку. В этот момент Том ворвался в спальню с поднятым топориком и Джейн панически направила винтовку на Тома и дернула спусковой крючок. Раздался выстрел и Том упал, уронив топор, который чуть не задел Джейн. Она окаменела. Она понятия не имела, что винтовка заряжена. Далее произошло такое, во что я не мог поверить. Джейн вытащила истекающего кровью Тома из квартиры и поволокла его вниз по лестнице. Потом подогнала машину к подъезду и, напрягая последние силы, сумела втащить Тома в багажник. Трясущимися руками завела мотор и помчалась по безлюдным улицам городка. По каким-то необъяснимым причинам она поехала не в госпиталь, а к дому родителей Тома. Было уже за полночь. Джейн долго звонила, пока заспанный отец Тома не открыл дверь. В ответ на его озабоченный вопрос, что случилось, она ответила коротко:

– Take away your son!

Том был мертв. И без всяких объяснений, оставив труп Тома у ног пораженного отца, она поехала в полицию признаваться в совершенном преступлении.

Обо всем этом я узнал года полтора спустя, когда работал уже в другом городе на своей третьей работе в Америке. Наш бывший главный инженер Эрвин, любивший ездить по ночам, когда на дорогах почти никого не было, оказался по делам службы в наших краях

и нанес мне визит. Вот за бутылкой вина он и рассказал мне эту историю. А во время работы там я узнал лишь кое-какие подробности о прошлом Тома от сотрудников и самой Джейн, которую до суда выпустили под залог всего лишь в пять тысяч долларов. Вообще-то я старался избегать встречи с Джейн, убийцы моего покровителя и друга, но она как-то сама меня остановила и попыталась оправдаться. Оказалось, что Том был участником Вьетнамской войны и вернулся оттуда с расстроенной психикой. Он принимал какие-то лекарства, потому что был подвержен неспровоцированным припадкам бешенства, чаще всего под влиянием алкоголя. Это знали близкие Тома и это было известно в полиции. Две предыдущие подружки Тома чудом уцелели, и его родителям, которые пользовались в городке определенным влиянием и уважением, потребовались немалые усилия, чтобы замять эти происшествия. Приятели Тома и его собутыльники, которые знали о его прошлом, делали все, чтобы нейтрализовать его во время этих вспышек. Что же касается Джейн, то надо сказать, что Том боготворил ее и никогда не обижал. Это она не хотела связывать свою судьбу с Томом, боясь, что он рано или поздно сорвется. Так и случилось. Когда наш бывший главный инженер посетил меня во второй раз, он дополнил историю, сказав о том, что на суде защитник привлек несколько свидетелей и предъявил такие факты, что убийство Тома было признано актом самообороны и Джейн оправдали.



ЗЮНЬКА.

Зюнька хорошо помнил своих рано умерших родителей. Отца, очень доброго и не слишком религиозного еврея небольшого роста с широкими покатыми плечами, высоким лбом и карими навыкате глазами. И мать, воинственную, рослую с большой рыжеватой косой, завязанной узлом на голове, бледным лицом и голубыми несколько раскосыми глазами. Жили они в трущобной квартире, состоявшей из крохотной кухни и одной маленькой комнаты, загроможденной неказистой мебелью: старым платяным шкафом, железной кроватью с никелированными набалдашниками, на которой спали родители, так называемым буфетом, в котором хранилась посуда, скатерти и какие-то семейные реликвии. Еще в комнате были кроватка Зюньки и небольшой деревянный столик с двумя стульями, стоявшие у единственного маленького окошка. Что касается кухни, то половину ее занимала русская печь, на которой могли поместиться двое детей или один взрослый. У миниатюрного окошка стоял самодельный деревянный стол и табуретка. Кроме того, на кухне помещалась еще небольшая самодельная лавочка и помойное ведро. Больше ничего поставить было невозможно. Был еще в доме тамбур – небольшая деревянная пристройка к кухне, в которой зимой хранились дрова, а летом всякое барахло. Пол квартиры был несколько приподнят над уровнем земли и поэтому к тамбуру были пристроены две-три ступеньки.

Отец был участником Русско-японской войны, вернулся домой живым и невредимым, вскоре после этого женился, и вместе с несколькими приятелями, не имевшими, как и он никакого образования и никакой специальности, работал грузчиком на складе мукомольного завода. Мать же хозяйничала в доме, возилась с огородом и занималась зюнькиным воспитанием, то есть лупила его за малейшую провинность. А лупить было за что. Зюнька был, как говорится, «тяжелым ребенком»: упрямым, драчливым, непослушным и к тому же не хотел учиться. Справедливости ради надо сказать, что Зюньке иногда доставалось и за чужую провинность, чего он никогда не мог простить или забыть.

Так было и на этот раз. На их улице жила другая еврейская семья, в которой был мальчик года на два старше Зюньки. После своего рождения этот мальчик в течение двух месяцев непрерывно кричал, и поэтому родители дали ему имя «Ревунчик». Этот Ревунчик потом вырос в крупного упитанного мальчика (семья была не из бедных) и все сверстники его немного побаивались. Однажды зимой, когда Зюнька катал соседского щенка на саночках, сделанных его отцом из разбитой деревянной бочки, подошел Ревунчик, сбросил щенка

и уселся на саночки.

– Слезь, – решительно сказал Зюнька, насупившись.

Ревунчик засмеялся и уселся поудобнее. Как все драчливые дети, Зюнька был не робкого десятка и знал что делать. Его не смущало, что Ревунчик был почти на голову выше его и значительно крупнее. Он резко рванулся и спихнул Ревунчика на снег. Тот на мгновение опешил, но сразу же вскочил и бросился на Зюньку. Однако маленький Зюнька увернулся и, изловчившись, ударил Ревунчика ногой в живот. Тот от удара согнулся и присел. И в это же мгновение Зюнька нанес несколько ударов Ревунчику в лицо своими жесткими кулачками. Из носа у того пошла кровь. Это означало победу. Ревунчик заплакал, прижал горсть снега к носу и побежал домой. Зюнька же подобрал щенка, посадил его на саночки и тоже ушел домой. У него пропало желание кататься. А вечером дородная и сварливая мать Ревунчика пришла жаловаться на Зюньку его матери за то, что он до крови избил ее дорогого сыночка, и назвала Зюньку «фулюганом» и «бандитом». Несмотря на то, что Зюнька был меньше и не был зачинщиком драки, о чем он сказал матери в ответ на ее пристрастный короткий допрос, и она знала, что он не врет, Зюнька все же получил несколько оплеух в присутствии матери Ревунчика. А в тот же вечер отец, который никогда не бил Зюньку, подозвал его к себе, погладил по голове и похвалил, сказав, что это хорошо, что он может постоять за себя.

Зюнька любил отца и старался ему угодить. Он с удовольствием носил ему обед на работу. Мальчику нравилось как его отец, который хотя был ниже ростом других грузчиков, легче всех снимал с подводы двухпудовые мешки с мукой, взваливал их себе на плечи и без видимых усилий тащил их по ступенькам вверх на склад. Зюнька мог долго любоваться работой грузчиков, обсыпанных с ног до головы мукой и похожих на привидения, но отец всегда отсылал его домой, говоря, что здесь ему нечего делать. Только один раз в жизни отец побил Зюньку, но тут уж, несомненно, было за что. А произошло следующее. У Зюньки появился новый знакомый мальчик по имени Шика, который жил довольно далеко. И с первого же момента между ними возник дух соперничества. Зюнька старался не уступать, но Шика, который был одного возраста с Зюнькой, но несколько выше ростом, почти во всем выигривал. Он и боролся лучше, и бегал быстрее, и прыгал дальше, и мог поднять больше. Несколько раз в присутствии ребят он срамил Зюньку, который злился и надеялся отыграться когда-нибудь. И такой случай представился.

В местечке, где жил Зюнька с родителями, «насчет канализации и прочих удобств», как говорил Остап Бендер, были одни выгребные ямы. Одна из них, над которой стояло примитивное дощатое

сооружение с дверью, находилась на небольшом холме за Зюнькиным домом. Время от времени, когда выгребная яма наполнялась, жильцы дома начинали копать новую яму на некотором расстоянии от нее, переносили туда надстройку, а старую яму присыпали временно землей, пока золотари ассенизаторы не приезжали и не выгребали ее. И тогда эту яму засыпали доверху свежо выкопанной землей и утрамбовывали. Так было и на этот раз. Яму присыпали, и в ближайшие дни должны были явиться ассенизаторы. Вот этой обстановкой Зюнька и решил воспользоваться, чтобы отомстить Шике. При этом он хотел застать его одного. Зюньке повезло. Обычно Шика всегда был окружен ребятами, которыми он верховодил, но в этот день Шика помогал матери рвать яблоки с дерева, которое росло возле их дома, и никого из ребят здесь не было. Зюнька подошел поближе и крикнул:

– Эй, Шика, а я могу лазить по деревьям лучше, чем ты!

– Ничего ты не можешь делать лучше, чем я, – спокойно возразил Шика.

– И по горам я могу бегать быстрее, чем ты, – заявил Зюнька.

– По каким горам? – удивился Шика, – здесь нет никаких гор.

– Ты не знаешь, а возле нашего дома есть гора, и я там могу быстрее тебя побежать.

– Глупости, – сказал Шика, – вот подожди, сейчас я закончу рвать яблоки, и мы пойдем посмотрим вашу гору.

Через несколько минут мать отпустила Шику, и они с Зюнькой направились к дому последнего. По дороге оба почему-то молчали, а когда пришли на место, Шика осмотрелся и сказал:

– Так вот где ты живешь. А где же ваша гора?

– А вот она, – сказал Зюнька, показав на холмик, на котором стояла уборная.

– Разве это гора? – презрительно сказал Шика, – это же просто неровное место. И здесь ты собираешься меня обогнать?

– А вот посмотришь, – сказал Зюнька.

– Может быть, мы позовем кого-нибудь из ребят, – предложил Шика, – чтобы он видел, кто быстрее бегает.

– Нет, не надо, – запротестовал Зюнька, испугавшись, что весь его план может рухнуть – мы честно побежим вот с этого места до того дерева.

– Ну, ладно, – согласился Шика. Ты считай до трех.

Мальчики стали прямо напротив недавно присыпанной ямы. Трудно объяснить, почему смышленый мальчик Шика не придал значения куче свежо вырытой земли, насыпанной возле уборной.

– Раз! Два! Три! – крикнул Зюнька, и соперники побежали.

Зюнька отстал немного, а за несколько шагов до ямы повернул

в сторону и пробежал мимо. А Шика, вступив в яму и не почувствовав опоры, от неожиданности крикнул «Ой!» и начал погружаться. Он успел однако схватиться одной рукой за край ямы, что замедлило его погружение. Зюнька не ожидал такого поворота событий. Он почему-то думал, что Шика только вступит в яму и выскочит оттуда. Однако, увидев, что мальчик погружается, он испугался и убежал. Еще несколько минут, и все закончилось бы трагически, но в этот момент из сарая, принадлежавшего соседям Зюньки, выскочил мужик, кормивший козу. Он заметил через щель, что к дому подошли мальчики и что они что-то затевают. Поэтому, услышав крик, он сразу сообразил, что случилось, схватил доску и побежал к яме. Шика сумел схватиться за край доски, и мужик осторожно вытащил его из выгребной ямы. Потом он несколько раз обливал мальчика водой из ведра, доставая воду из колодца. Затем повел Шику к реке, заставил раздеться, искупаться и постирать одежду. Мальчик был спасен. Но Зюньке потом досталось. Даже отец не выдержал и побил его ремнем, чего никогда раньше не делал. Потом он долго говорил с Зюнькой, и тот обещал, что никогда больше не будет делать ничего подобного.

Позже, когда Зюнька осиротел и стал беспризорным, бродяжничал и попадал в милицию, и даже много лет спустя он всегда вспоминал то время, когда жил с родителями, с каким-то щемящим чувством. И пустырь за сараем, где росли лопухи и сладко пахнущие ромашки, на которых Зюнька любил валяться, и дерево, на котором росли маленькие терпкие груши, и заброшенный недостроенный дом, где мальчики любили играть в прятки, и пухленькую беленькую девочку, которая жила возле пустыря за железной оградой в военном городке, и которая почти все время ела что-то вкусное: то пирожные, то булку с вареньем. Зюньке она казалась высшим существом, он пялил на нее глаза, но она отворачивалась и пряталась за дом. Еще Зюнька помнил соседей: бездетных Ивана и Надю Магер и стариков Вишневских. Иван Магер часто напивался и бил свою миловидную, высокую и очень худую жену. А у стариков Вишневских был сын горбун, который вместе с отцом молился, надев на голову белую полосатую накидку, а на лоб коробочку с ремнем, который он наматывал себе на руку. У Вишневских за печкой лежали стопкой огромные книги, в которых были напечатаны непонятные загадочные буквы.

Многих, кто жил на их улице, Зюнька помнил: и сумасшедшую Пеську с ее придурковатым Бурахом, и бандитскую семью Жежелей, и извозчика Нюсю, и богатых интеллигентов Лозовских.

После смерти родителей все это кончилось. Никаких близких родственников, готовых принять Зюньку, у них не было, и он оказался в приюте для сирот. Здесь он пробыл недолго, бежал и стал беспризорным.

За несколько лет до войны Зюнька, который до этого поменял множество профессий, устроился работать на местной бойне, находившейся на окраине городка. Это был большой вытянутый деревянный сарай, покрытый соломой. Внутри бойни был довольно гладкий бетонный пол с небольшим уклоном к середине, где было сделано заглубление для стока крови, которая, вытекая наружу, попадала в большую закрытую яму недалеко от бойни. После работы всякие отходы и засохшую кровь смывали в ту же яму. Уже на дальних подходах к бойне чувствовался неприятный смрад, исходивший из этого места. Зюнька довольно быстро освоился со своей новой профессией и мог спокойно срезать шкуру с убитых животных острым и блестящим ножом. Правда, в начале было немного не по себе. От вида кровавого ручья, текущего по сделанному в полу желобу, от крика убиваемых животных и от густого запаха крови. Но Зюнька скоро привык. Однако он еще долго не мог смотреть как некоторые «бойцы» пьют теплую кровь убитых животных, но и к этому он привык, и даже сам иногда выпивал стакан крови. У «бойцов» это считалось очень полезным для здоровья. Зюньке перестало казаться странным, что кролика можно убить одним легким ударом палки, что коровы и даже огромные быки после первого же удара замолкали и переставали сопротивляться, а вот свиньи оказались сильно живучими и даже когда длинный и как бритва острый нож вонзался им в сердце, свиньи дико и долго визжали и отчаянно сопротивлялись.

Вскоре после устройства на работу Зюнька женился на здоровой еврейской девушке из многодетной бедной семьи и у них пошли дети. Теперь в доме у Зюньки всегда было полно мяса. Он приносил из бойни почки, печенку, сало и еще что-то дурно пахнущее, что он называл «кутницей». Детям не очень нравился запах в доме, особенно когда жена Зюньки готовила так называемую «украинскую колбасу», промывая кишки и набивая их молотым мясом и крупными кусками сала.

Жены редко приходили на бойню. Это дети носили обеды «бойцам» на работу. Старший сын Зюньки, когда подрос, тоже стал это делать. Он носил отцу полный обед: первое, второе и компот или кисель. Жена Зюньки очень хорошо готовила, еда замечательно пахла и старший сын по дороге останавливался, ставил кошелку с кастрюлей или горшком на землю, а потом, оглянувшись по сторонам, вынимал из посуды кусочек мяса или что-нибудь другое, съедал и шел дальше. Почти всегда по дороге встречались знакомые ребята, которые несли обед своим отцам. Дальше шли вместе, и было веселей. Придя на бойню, дети заходили в контору, оставляли там еду и шли звать родителей. Встретив детей, «бойцы» улыбались, снимали передники, умывались и шли обедать. Пока они ели,

дети бродили по пустырю возле бойни, играли в «пятнашки» или ловили кузнечиков в траве. Увидев выходящих из конторы «бойцов», дети бежали, чтобы забрать посуду. По дороге они получали от отцов какие-нибудь указания и заходили в контору. Маленькая комната, где обедали «бойцы», была полна всяких запахов, но сильнее всего был запах спиртного. «Бойцы» редко обедали без водки. Часто они выпивали и после работы. Тогда Зюнька приходил домой поздно, когда дети уже спали. И каждый раз жена устраивала ему скандалы на кухне, и от шума просыпались дети и слышали грубый хриплый голос отца и резкие дикие крики матери. Случалось иногда что, напившись, Зюнька ходил к каким-то бабам и приходил домой очень поздно. Тогда жена не хотела пускать его в дом и кричала истерически:

– Ходишь к некейвам, шикер!

Работая на бойне, Зюнька хранил в доме набор разных ножей, которые острил чуть ли не каждый день. И вот однажды, когда пьяный Зюнька вернулся лишь под утро, жена в отчаянии бросилась на него с огромным ножом и нанесла ему несколько довольно глубоких порезов. Это была волевая и сильная женщина. Она легко таскала полные ведра с водой и вообще была неутомимой. Целыми днями она стирала, мыла полы, готовила еду, ходила на базар, рубила дрова, ухаживала за курами и козой, которая была у них в сарае, штопала и чинила одежду. Кроме того, разумеется, занималась детьми. Когда у Зюньки появился сын, он вначале не обращал на него внимание, но когда он подрос, стал к нему лучше относиться. Потом у них родилась еще девочка, а вслед за ней и мальчик. Когда грянула война, старшему сыну было уже восемь лет, а младшему три года.

МИТЯ.

Митя рос тихим деревенским мальчиком, послушным и трудолюбивым. Уже с раннего детства он помогал отцу и матери в хозяйственных работах. Семья была не то чтобы богатой, но не такой уж бедной. Были у них и корова, и свиньи, и куры, и два коня. Все было свое: и кукуруза, и мясо, и овощи, и фрукты. Излишки отец с матерью продавали на базаре в Богодухове. Так что были и деньги для покупки одежды, обуви, посуды и других необходимых вещей. Однако после революции все это пошло прахом. Отец погиб во время Гражданской войны то ли от рук белых, то ли от рук красных. Митя этого так никогда и не узнал. Однако позже, когда Митя вырос, при заполнении анкет он всегда благоразумно писал, что его отец погиб, служа в Красной армии. А в тот день, когда он застал мать плачущей, она сказала ему только: «Нету у нас больше отца, Митенька».

Митя любил отца, хоть и побаивался его, но здесь он почему-то

не заплакал. Он не мог представить себе, что действительно отца больше не будет. В его детском сознании смерть представлялась чем-то посторонним, не относящимся к ним. Однажды он видел, как выносили из соседней избы на простыне голого мертвого человека. Это было ужасное зрелище. Митя тогда испугался, увидев тощее безжизненное желтое тело, и убежал. Нет, он не мог даже допустить мысли, что его здоровый сильный отец может быть мертвым.

После смерти отца хозяйство пришло в упадок. Несмотря на героические усилия матери, которой Митя помогал всеми своими силами семья обнищала. Вскоре мать серьезно заболела и через год умерла, оставив Митю круглым сиротой. Ему было тогда всего тринадцать лет. Митю забрал к себе приехавший на похороны брат матери, который работал на железной дороге в Харькове. Он пристроил племянника учеником в какие-то мастерские, и Митя стал рабочим. Он оказался очень смекалистым ловким пареньком и быстро научился слесарничать. По соседству с ними жил еврей сапожник, и Митя также легко научился у него ремонтировать обувь, что впоследствии помогло ему выжить, когда он оказался в кошмарных условиях.

Но вот прошло совсем немного времени, и дядя получил на работе серьезное увечье, от которого так и не оправился. После смерти дяди его маленькую комнату отобрали, а Митю отправили в приют для сирот. Таким образом, он стал детдомовцем. В отличие от большинства ребят в этом заведении Митя не безобразничал, не дрался, не воровал, не хулиганил. Он оставался тем же трудолюбивым, спокойным и добрым пареньком каким был и раньше. Обычно в подобных заведениях таких детей делают «козлами отпущения». Однако с Митей этого не случилось. В самом начале пребывания в детдоме произошел инцидент, после которого его оставили в покое. А случилось вот что. Кто-то из ребят заметил у Мити нательный крестик, который ему дала перед смертью мать. И вот бывшие беспризорники, которым на все было наплевать, стали над Митей потешаться и всячески задирать его. Парень спокойно все это переносил. Но вот когда страсти разгорелись и один из самых неуправляемых воспитанников детдома затеял драку, повалил Митю и сорвал у него висевший на шее крестик, произошло неожиданное. Митя резко вывернулся и схватил своими жилистыми натруженными руками обидчика за горло. При этом он сжал его так сильно, что хулиган безжизненно обмяк. Казалось, что он умер. По всей вероятности, Митя зажал его сонную артерию. После этого он встал, взял свой крестик, и, не глядя на поверженного хулигана, ушел. Этот случай и еще несколько подобных убедили ребят, что Митя, хоть и не драчун, но не труслив и не слаб, и его перестали трогать. Кроме того, ребята убедились, что он не ябеда.

В этом детском доме было несколько кружков, в том числе и кружок духовых инструментов, в котором Митя стал заниматься. У него обнаружились хорошие музыкальные способности, так что он довольно быстро научился играть на трубе, и это впоследствии выручило его, когда он оказался в бедственном положении.

Между тем подошло время идти в Красную Армию. Это было в тот год, когда шел набор курсантов в военно-политическое училище, и Митю, который всегда был на самом лучшем счету в детдоме и в приюте, по рекомендации воспитателей направили туда.

И стал Митя курсантом. Надо сразу сказать, что это не было его призванием. Он внимательно слушал и добросовестно конспектировал все, что требовалось, читал нужную литературу, почти ничего не понимая и даже не пытаясь вникнуть в смысл прочитанного, однако механически зазубривал прочитанный материал и отвечал на вопросы слово в слово, по конспекту или по книге. И был на хорошем счету в училище.

В середине тридцатых годов закончился курс учебы, и Митя в чине лейтенанта – политрука был направлен в одну из войсковых частей, расквартированных на Украине. Это был готовый жених. У девушек в те годы была популярной песенка:

– Тебе мерещится
Шинель военная,
Петлицы красные,
Два кубаря.

«Выскочить» замуж за военного было мечтой большинства девушек в провинциальных городах, и они использовали любую возможность, чтобы познакомиться с красным командиром. Чаще всего знакомились в клубе на танцах. Но Митя не умел и не любил танцевать. Еще в училище его пытались привлечь к этому делу, но он сопротивлялся, и за это над ним подшучивали. Митя считал, что политруку неприлично ходить на танцы. В результате, он познакомился со своей будущей женой совсем по другой линии. Воинская часть, в которой он служил, взяла шефство над местным ОСОАВИАХИМом. Вот здесь он и встретил эту дородную привлекательную серьезную девушку. Они были похожи друг на друга: оба светловолосые, голубоглазые, круглолицые, крепкие. Они сразу понравились друг другу, и Митя не стал откладывать в долгий ящик свое решение, так что они буквально через месяц сыграли веселую скромную свадьбу. Дело в том, что их воинскую часть, как и другие, то и дело перебрасывали с места на место, очевидно, в расчете запутать потенциального противника. Это обстоятельство и заставило Митю поторопиться. На свадьбе со стороны жены были ее родители и подружки, а со стороны Мити только его сослуживцы.

Через год у Мити и Оли, так звали его жену, родилась дочь. И почти одновременно с этим произошла передислокация их воинской части. Так что Митя уехал, а жена осталась пока у родителей растить дочку. Когда Митя обосновался на новом месте, а дочь немного подросла, Оля с ней переехали к нему. Так было несколько раз. А накануне войны дивизию, в которой служил Митя, перебросили на Запад в зону границы с бывшей Польшей. Как и во время предыдущих переселений, жена с дочерью временно находились у ее родителей. Там их и застала война.

ВОЙНА.

О том, как Митя попал в плен, он не любил рассказывать и всячески избегал вопросов на эту тему. После войны и освобождения из лагеря на пристрастных допросах СМЕРШовцев он детально поведал о том, что тогда случилось. Память у него была хорошей. Но, разумеется, ему бы не поверили. И лишь благодаря тому, что эти показания подтвердили попавшие в плен сослуживцы, Митя отделался «легким испугом» – его не судили и не сослали в сибирский ГУЛАГ, как это делали с большинством советских командиров. Его только отказались восстановить в партии и не вернули ему звания и знаков отличия. Однако после этого Митя еще долго жил под страхом того, что его могут арестовать и, если не расстрелять, то, по меньшей мере, отправить в ГУЛАГ. Поэтому он долго молчал и лишь много лет спустя все еще боязливо рассказывал своей второй жене всю эту историю. А случилось вот что.

Войсковая часть, в которой служил Митя, попала в окружение в первые же дни войны. После неравного сражения дивизия, в которой служил Митя, понесла тяжелые потери, и остатки ее были рассеяны. Положение осложнялось еще тем, что в результате интенсивной бомбардировки и артиллерийского обстрела прервалась всякая связь с командованием. В результате, Митя с группой оставшихся в живых красноармейцев оказался в близлежащем лесу. Был потерян контакт со всеми его непосредственными начальниками. Тут надо было принимать какое-то решение. Митя по натуре не был рожден командовать. Подчиненные красноармейцы относились к нему хорошо, но Митя понимал, что если бы он попробовал приказать им снова вступить в бой, что было бы совершенным безумием, то чего доброго, его могли бы и пристрелить. Поэтому Митя обратился к ним с короткой речью. Он сказал, что надо пойти на соединение со своими войсками, что они могут взять с собой только легко раненых, которые сами могут идти. Что касается тяжело раненых, то их придется пока оставить на месте до прибытия медсанбата. После этой речи Митя с группой красноармейцев двинулся на Восток, высылая вперед разведчиков. Вскоре он стал замечать, что его отряд как-то тает. Ни один из разведчиков почему-то не вернулся. Кроме того, из тех, кто уходил по нужде в сторону, некоторые тоже исчезали. И вот однажды, когда Митя проснулся утром, он вдруг обнаружил что остался один. Все бойцы разбежались. Странно, но Митя почувствовал какое-то облегчение оттого, что не надо было командовать людьми и нести за них ответственность. Он как-то приободрился, отряхнул шинель, на которой спал, надел портупею с планшетом, проверил наган и пошел на Восток.

Постепенно лес стал редеть. Мите все сильнее хотелось есть. Последний сухарь он съел вчера утром. И когда он увидел на опушке разбомбленный обоз, то очень обрадовался. Крадучись, Митя подошел к одной из опрокинутых телег и обнаружил там тюк солдатского обмундирования, разбросанные ботинки и обмотки. Затем он проверил остальные телеги. Ничего съестного там не было. Еще не зная о том, что немцы расстреливают всех политруков наравне с евреями, Митя решил, что будет безопаснее, если он переоденется в солдатскую форму. Он быстро нашел подходящий размер обмундирования, ботинки и обмотки и скрылся в зарослях, чтобы переодеться. Вместе с тем, он понимал, что надо избавиться от документов. Как и все в жизни Митя сделал это весьма обстоятельно и в расчете на возможные изменения в будущем. Он нашел возле убитого красноармейца саперную лопатку и вырыл в зарослях небольшую глубокую яму. Затем он положил в алюминиевый котелок партийный билет и другие свои документы, а также наган, и плотно закрыл крышку. После этого он смазал две портянки дегтем, который соскреб с осей разбитых телег, и туго обмотал котелок, обвязав его шнурками от ботинок. Завершив эту операцию, Митя опустил котелок в яму и засыпал ее вынутой землей. В завершение он утрамбовал землю, разровнял поверхность и покрыл ее опавшей хвоей. Перед тем, как уйти с этого места Митя сделал саперной лопаткой несколько глубоких зарубок на рядом стоящих деревьях. Он надеялся найти это место, если понадобится в будущем. Закончив это дело, Митя двинулся в сторону чуть слышной артиллерийской канонады, стараясь не выходить из лесных зарослей. Только в сумерках он отважился выйти из лесу и вскоре увидел невдалеке небольшое селение. Никаких признаков присутствия немцев не было видно, и Митя отважился и тихо постучал в ставни ближайшей хаты. Это ничего не дало. Тогда Митя постучал сильнее, но и это не помогло. Было похоже, что в этой хате никто не живет. В это время где-то невдалеке залаяла собака, и он пошел на этот звук. Но не успел Митя сделать и нескольких шагов, как вдруг услышал позади себя резкое:

«Hende hoch!

В испуге он вскинул обе руки и обернулся. Позади него стояли два немца с автоматами. Один из них подошел к Мите, ощупал его и скомандовал: «Marsch!» Затем, подталкивая его автоматом, немец подвел его к сараю на окраине селения, возле которого стояли охранники с собаками, открыл дверь и посветил фонариком. Там на полу оказалось несколько пленных советских солдат. Митю впихнули в сарай, и он присоединился к ним. Никто не разговаривал, никто его ни о чем не спросил, и Митя молча лег на охапку сена. От нервного напряжения он долго не мог уснуть, но, в конце концов, усталость взяла свое, и Митя погрузился в тяжелый сон. А на рассвете всех окриком разбудили, вывели из сарая и погнали по проселочной дороге. Через некоторое время на их пути оказалась другая большая группа советских военнопленных, Митю с остальными присоединили к ней, и всю колонну погнали по дороге на Запад. Так Митя оказался в плену. Вначале он сильно боялся, что его могут узнать и выдать, но на счастье в колонне не оказалось никого из Митиного полка.

Потом была ужасная полная лишений дорога, которая, в конце концов, привела Митю в концентрационный лагерь для советских военнопленных. Тут были все атрибуты: колючая проволока, бараки, охранники, сторожевые собаки, вышки. Начался новый этап в жизни Мити.

ЗЮНЬКА МЕНЯЕТ ФАМИЛИЮ.

Зюнька одним из последних узнал о том, что началась война. Они жили на отшибе, радио у них не было, и, кроме того, Зюнька в этот и в последующий день не вышел на работу, так как накануне сильно порезал руку. Поэтому он сначала не поверил, когда один из «бойцов», у которого было радио, сказал о выступлении Молотова. Впрочем, когда это сообщение подтвердилось, Зюнька отнесся к нему довольно равнодушно. И также спокойно он воспринял повестку явиться на призывной пункт. Правда, у него мелькнула мысль об уклонении от призыва. Если бы он был один, он, пожалуй, так бы и сделал, но тут у него была семья и дети, которых он по-своему любил, и он решил подчиниться обстоятельствам. Будучи по натуре не сентиментальным, Зюнька отправился на войну по-спартански, взял котомку, которую приготовила жена, погладил по голове детей, а к плачущей в углу жене даже не подошел, так как они накануне сильно разругались. По дороге Зюнька зашел к тестю, чтобы попрощаться и взял с него слово, что тот позаботится о его семье.

На призывном пункте, которым оказалась местная школа, уже собралось несколько десятков человек и среди них двое зюнькиных приятелей с бойни. Прибывший сюда пожилой капитан выстроил новобранцев и обратился к ним с короткой речью, в которой сообщил о вероломном нападении фашистской Германии и сказал, что защита отечества это священный долг каждого гражданина СССС. После этого капитан сказал, что они отправятся по железной дороге в город, где расположена воинская часть и где они получат обмундирование и пройдут военную подготовку. Закончил свою речь капитан угрозой расстрелять любого, кто попытается улизнуть. Тут по его окрику из школы выскочил сержант, вооруженный учебной винтовкой образца 1899 года, принял от него командование, построил новобранцев по росту и повел колонну к маленькой железнодорожной станции. Капитан, вооруженный настоящим наганом, шел позади.

После прибытия на место новобранцам в ожидании поезда разрешили расположиться в небольшом палисаднике рядом со станцией. Надо сказать, что здесь не останавливались скорые поезда, а только местные и то довольно редко. Ждать пришлось более трех часов.

Постепенно возбуждение в группе призывников, вызванное тем, что дома почти каждый из них на прощание хорошенько набрался, сменилось угрюмым молчанием. Хмель и вместе с ним показная бравада улетучились. Все понимали, что ничего хорошего их не ждет. Однако захотелось есть и все начали развязывать узелки. Тут приятель Зюньки достал незаметно из котомки четвертинку. В повестке было указано, чтобы никакого спиртного с собой не брали. Поэтому друзья с бойни сгрудились и, стараясь чтобы никто не видел, распили по маленькой. Зюньке стало немного легче на душе.

Но вот, наконец, пришел поезд, на платформах которого стояли накрытые чехлами то ли пушки, то ли танки. Поезд сопровождали вооруженные охранники. Один из них проверил у капитана какие-то бумаги и открыл два пустых товарных вагона. Примерно половина призывников под командой капитана заняла один вагон, в другой вагон с призывниками сел сержант. Потом кто-то из охраны поезда подал машинисту сигнал, и поезд тронулся.

Новобранцы молча улеглись на полу, лишь некоторые из них изредка обменивались короткими фразами. Только Зюнька с приятелями, которые устроились в углу вагона, тихо разговорились. Зюнька спросил, что собираются делать их семьи. Один из «бойцов» сказал, что его родители намерены эвакуироваться и поедут вместе с соседями. Другой «боец» заявил, что его семья никуда не поедет, что им бояться нечего. Если сюда придут немцы, у которых можно иметь свое дело, то его отец займется изготовлением красок и они могут разбогатеть. А Зюнька сообщил своим приятелям, что оставил семью на попечении тестя. Как тот решит, так и будет.

К вечеру поезд подошел к первому железнодорожному узлу. И не успел он остановиться, как завыли сирены и налетели тучи немец-

ких бомбардировщиков. Одна из бомб угодила в паровоз, другая разорвалась где-то совсем рядом с вагоном. Поезд сошел с рельсов, вагоны перевернулись. Началась паника, все побежали в разные стороны. Зюнька бросился в направлении небольшой рощицы, но не успел пробежать и ста метров, как зацепился за какую-то корягу и упал в ложбину. Здесь он остался лежать и зажал уши, чтобы не слышать ужасного грохота и воя. Так он пролежал довольно долго. Когда же все утихло, Зюнька вылез из ложбины и подошел к вокзалу. Картина была страшной. От зданий остались одни руины, поезда были разбиты, вагоны горели. Двое санитаров, видимо, с другого поезда несли на носилках раненого, который непрерывно кричал. Но самое ужасное это был вид оторванной женской головы, которая висела на проводах, зацепившись волосами.

Зюнька посмотрел вокруг и не увидел никого из тех, с кем он ехал, здесь не было ни капитана, ни сержанта, ни его корешей. Они либо были убиты, либо разбежались.

Постояв немного, как в дурмане, он повернулся и пошел в сторону городка. Было уже довольно темно. По дороге он наткнулся на какой-то заброшенный шалаш. Зюнька залез туда и лег. Сон долго не приходил, все мерещилась эта оторванная голова. Кроме того, казалось, что где-то падают бомбы.

Утром, когда Зюнька встал, ему снова послышались разрывы бомб, но довольно глухие, и казалось что бомбили в разных местах. Он отряхнулся и пошел. Только теперь он заметил, что потерял котомку. Ему пришлось идти довольно долго, пока не увидел первого человека. Это была средних лет баба, которая возилась на огороде. Зюнька подошел к ней и попросил воды. Баба показала ему на колодец и сказала, что там есть ведро. После того, как Зюнька напился, она спросила:

– Звидкиля будэтэ?

Баба безошибочно угадала пришельца из других мест, хотя Зюнька говорил по-украински как истый хохол.

Зюнька понимал, что сказать правду не в его интересах. Поэтому уклонился от прямого ответа и на ходу начал сочинять историю, что вроде бы ехал к заболевшему брату, но вот попал здесь под бомбежку, и все пропало, и чемодан с вещами, и документы, и теперь он не знает что делать.

Баба покачала головой и сказала:

– Поганэ дило. Нимци блызько. Чуетэ, гарматы стрэляють?

Зюнька умел обращаться с женщинами. Так что результатом дальнейшего разговора было то, что ему было разрешено на день-два поселится в «клуне» пока обстановка не прояснится. И он тут же начал помогать бабе на огороде.

А через два дня местные жители хлебом-солью встречали немцев. Когда Зюнька был беспризорным и попадал то в один, то в другой приют, он всегда называл себя другим именем. Но вот однажды когда глуховатая старушка в приюте, регистрируя его, спросила:

– Як звать?

Он неожиданно для себя машинально ответил:

– Зюнька Кац.

– Як? Сенька Ткач? – переспросила регистраторша.

– Да, – подтвердил, опомнившись, Зюнька.

Вот теперь, учитывая ситуацию, он решил воспользоваться этим именем, которое звучало почти как его собственное и вполне к нему подходило. Надо сказать, что он не был похож на типичного еврея – светловолосый, глаза серые, нос короткий и прямой.

И вот когда в дом к этой женщине, которую звали Мария, пришел полицай из местных и два немца, один из которых был переводчиком, и учинили ему допрос, он назвал себя этим именем и сказал что он украинец. А на вопрос, каким образом он оказался в этом месте, Зюнька повторил придуманную им историю, которую вначале рассказал Марии. Немцы не поверили Зюньке, заподозрив что он один из тех красноармейцев, которые успели переодеться в гражданскую одежду, и увели его под конвоем. Потом его вели и везли и в конце концов, он попал в тот же самый лагерь, в котором оказался Митя.

Здесь Зюньке пришлось более подробно рассказать о себе. Инстинкт самосохранения и опыт, который он приобрел в последнее время, послужили тому, что он придумал самую лучшую версию, а именно: что якобы накануне войны был освобожден из тюрьмы, где сидел за мелкое воровство, и теперь ехал к своему единственному родственнику. После такого заявления Зюньке устроили две «очные ставки» с бывшими советскими уголовниками. Зюнька, побывавший в нескольких тюрьмах, помнил их устройство и даже имена двух или трех «паханов». Кроме того, он свободно пользовался блатным жаргоном. Так что, эту проверку он прошел без «сучка и задоринки».

– Цэ наш, – уверенно сказали уголовники после «собеседования» немцам, и Зюнька попал в категорию надсмотрщиков «капо», то есть привилегированных лагерников.

ЛАГЕРЬ.

Митя, вся жизнь которого была полна трудностей и лишений, довольно легко приспособился к лагерным условиям. Только страх, что кто-то может опознать его, не покидал Митю ни на минуту. И вот однажды ему показалось, что мелькнуло знакомое лицо. Но поскольку тот не проявил при встрече никакого интереса, то Митя решил что обознался.

Почти все лагерники с самого начала стали группироваться по разным признакам: национальным, земляческим и другим. Митя одним из немногих оставался одиночкой, и это делало его легкой мишенью, так что ему приходилось сносить всякого рода издевательства. В бараке ему выделили самые плохие нары рядом с «парашей» и заставляли ее выносить. Ему всегда доставалась самая маленькая пайка. И самые неприятные работы тоже доставались ему.

Но вот Митя пустил в ход свои «золотые руки», и положение его значительно улучшилось. Из рыбьей кости он сделал иголку, выменял у кладовщика нитки за пайку хлеба и стал подшивать одежду и класть заплаты. Сначала себе, а потом и другим, кто попросит. Потом Митя сделал себе шило из куска стальной проволоки, смастерил сапожную лапу из обломка лопаты и выстрогал колодку. После этого он стал ремонтировать обувь лагерникам. Теперь его уже никто не обижал и даже иногда давали ему кое-что из харчей.

Так было до тех пор, пока в лагере не появился новый «капо». Он прибыл вместе с очередной группой советских военнопленных и сразу же начал свирепствовать и выслуживаться перед немцами. До того, как он явился, обстановка была, конечно, кошмарной. Но теперь некоторым лагерникам от него совсем житья не стало. Нюх на слабых у нового «капо» был безошибочным, и на этих жертвах он демонстрировал свое усердие и преданность лагерному начальству. Особое пристрастие он проявил к Мите. Звали этого «капо» Сенька Ткач.

Однажды, когда никого рядом не было, он подошел к Мите и тихо сказал ему:

– Я щось знаю про тэбэ, падло. Мовчы. А то хана.

У Мити душа похолодела. Теперь, кажется, его жизнь была в руках этого подонка. И надо сказать, что тот в полной мере воспользовался этим положением. Каких только издевательств и побоев Митя не вытерпел от него за эти годы! И он, человек по натуре не злой и не мстительный, начал вынашивать в душе надежду отомстить когда-нибудь этому гаду, если они останутся живы.

Шли дни, месяцы, годы. Но всему бывает конец. Пришел конец и лагерным мучениям Мити. Слухи о приближении Советской армии каким-то образом просачивались в лагерь. Поэтому за несколько дней до освобождения, когда все явственнее стала слышна канонада, лагерники притаились и воспрянули духом. И вот, наконец, наступил день, когда немцы покинули лагерь, и вместе с ними исчез «капо» Сенька Ткач.

Что было дальше с ним покрыто мраком неизвестности. Вынырнул он под именем Зюнька Кац в лагере, который был освобожден союзниками. Позже его вместе с другими переправили в советскую

зону, где он, как положено, подвергся пристрастным допросам. Зюнька держался твердой линии и все время говорил одно и то же, что он, получив повестку, сразу же явился на призывной пункт, что оттуда его вместе с другими призывниками повезли на поезде в воинскую часть, где они должны были получить оружие и принять присягу, что по дороге на узловой станции их поезд разбомбили, и он, Зюнька, был там сильно контужен и, как оказалось, долго не мог прийти в себя, и очнулся только в каком-то лагере, из которого его перевезли в другой лагерь, позднее освобожденный союзники. Надо сказать, что с того момента, когда Зюнька вернул себе свое настоящее имя, он довольно ловко прикидывался несколько пришибленным. В таком виде он и держался перед следователями.

Странное дело, но всемогущий СМЕРШ не смог докопаться до истины и не нашел связи между Зюнькой Кац и Сенькой Ткач. А поскольку история, рассказанная Зюнькой, частично подтвердилось, а после бомбежки следы его пропали, то было решено, что он говорит правду. В пользу Зюньки говорило еще то, что он не принял присяги и поэтому не мог считаться военнопленным, а проходил по категории гражданских лиц, вывезенных в Германию. В результате, Зюнька Кац был отправлен домой.

ВОЗВРАЩЕНИЕ.

Митя ехал домой с тяжелым сердцем. Во-первых, он не был уверен в том, что его на самом деле отпустили и что его не вернут назад и не будут судить как других командиров, попавших в плен. Во-вторых, он ничего не знал о судьбе своей жены и дочери и боялся, что их уже нет в живых. Но все же надежда была, и Митя решил, что надо сначала попробовать найти родителей жены, если они не погибли. Он направился в районный центр, где перед войной жили его тесть с тещей и где он оставил жену с ребенком. Митя не без труда нашел этот домик и еле узнал его, в таком плачевном состоянии он находился. У дома была привязана собака, которая, увидев Митю, залаяла и бросилась на него. Митя отошел на безопасное расстояние и стал ждать. На лай собаки из дома вышла незнакомая женщина и спросила, что ему надо. Митя сказал, что ищет своих родственников, которые жили в этом доме, и назвал фамилию.

– Кудысь поихалы, – сказала женщина, и ничего больше от нее нельзя было добиться.

В это время из соседнего дома вышла старушка, подошла поближе, прислушалась к разговору и пристально посмотрела на Митю.

– Так вы жывый! – воскликнула она, – оцэ будэ дило!

И она рассказала Мите следующую историю. Еще до прихода немцев в их городок Оле сообщили, что ее муж пропал без вести.

И вторично такое же сообщение жена Мити получила после того, как их городок был освобожден Красной Армией. А поскольку от Мити все это время не было ни слуху, ни духу, и было известно, что фашисты расстреливают всех комиссаров наравне с евреями, то надежды на то, что он жив не осталось. А тут как раз к Оле начал свататься один приезжий, вроде бы старый ее знакомый, и Оля через некоторое время вышла за него замуж, а потом куда-то с ним уехала и забрала с собой мать и дочку. Отец Оли помер еще во время войны.

Внешне Митя довольно спокойно выслушал эту историю, но у него было такое чувство, как будто его обухом ударили по голове. И он решил, что нет никакого смысла сейчас искать свою бывшую жену, а надо как-то попробовать устроиться. Он спросил у старушки, не сможет ли она приютить его на день-два, пока он не разберется что к чему. Старушка согласилась, после чего он оставил у нее свою котомку и пошел устраиваться. И начались его хождения по мукам. Куда бы Митя ни обращался: в Исполком, Райсовет или Военкомат, везде ему давали «от ворот поворот». Все, побывавшие в плену у немцев, приравнивались тогда к изменникам родины, особенно командиры. Никакой помощи и никаких льгот им не полагалось. Так что, побывав во всех этих учреждениях, Митя убедился, что надеяться ему не на что. Однако он был не из тех, кто впадал в отчаяние. Во время его хождений он заметил на одной из маленьких улочек висевшую над подвалом бумажку с надписью «Ремонт обуви». Митя направился туда и, поискав немного, нашел это место. Он спустился в подвал, довольно темный и сырой, где на табурете сидел маленький старичок и при свете керосиновой лампы чинил сапоги. Митя поздоровался и спросил, не нужна ли здесь помощь.

– Вы спрашивайте у больного здоровье, – ответил старик, – видите, как я завален. Мы вдвоем еле справлялись, а месяц тому назад сапожник, который втянул меня в это дело и научил немного работать, умер, и теперь я остался один. Конечно, нужна помощь, а, кроме того, нужна кожа и дратва и гвозди.

Сапожник вздохнул и продолжил:

– Садитесь на этот стул и покажите, что Вы умеете делать, и, кстати, как Вас зовут?

Митя представился и осторожно присел на сломанный стул. Только теперь он разглядел в углу подвала большую кучу старой обуви. Он не спеша, вытащил из нее сапог с оторванной подошвой, внимательно осмотрел его, затем надел сапог на металлическую лапу, взял молоток и несколько гвоздей, и также не спеша, но быстро прибил подошву. Затем Митя вынул лапу и проверил, не торчат ли гвозди внутри сапога. После этого он протянул сапог старику.

Сапожник сразу увидел, что имеет дело с мастером.

– Что ж, – сказал он, – будем трудиться вдвоем, а всю работу и выручку делить пополам. Согласны?

В ответ Митя протянул руку и облегченно вздохнул. Здесь появился первый проблеск в его безнадежном положении. Старый сапожник оказался добрым человеком. После того, как он узнал кое-что о Мите, он предложил ему перебраться к нему в комнату, которую он снимал у хозяйки. Митя с благодарностью согласился и в этот же вечер перенес свою котомку в бедное жилище сапожника. И начались однообразные будни. С утра до вечера все дни недели Митя был занят починкой обуви. Работа и разговоры со старым сапожником немного отвлекали от горестных мыслей о бывшей жене и дочери. Ведь во все время пребывания в лагере Митя только и жил надеждой на встречу с ними. А теперь все это лопнуло.

С момента переселения в комнатку сапожника Митя все хозяйственные заботы взял на себя. Чем старик питался до этого неизвестно. Теперь Митя ходил на рынок, покупал картошку, мясо и овощи, какие были доступны. Дома он тщательно все это чистил, мыл и на примусе старика готовил еду. Тут были и борщ, и жаркое, и все очень вкусно.

Старый сапожник благодарил судьбу за то, что она послала ему Митю, и очень любил смотреть, как тот ест. Говорят: нет худа без добра. Постоянный голод в лагере научил Митю с любовью относится к каждой трапезе. Теперь он празднично готовился к столу, предвкушая удовольствие от еды, и ел очень медленно, тщательно пережевывая все и наслаждаясь каждым глотком.

Между тем старик поведал Мите свою историю, которая оказалась не менее печальной. Он был заместителем директора трикотажной фабрики и перед самой войной поехал в командировку в Среднюю Азию. Там его и застала война. Каких только усилий он не предпринимал, чтобы выбраться оттуда и спасти жену, но ничего не помогло, и она вместе с другими евреями в городке погибла от рук фашистов. А его единственный сын был всю войну на фронте, дважды был ранен, а за несколько дней до окончания войны погиб. И теперь старик остался один на белом свете и не знает для чего он живет.

Старый сапожник охотно беседовал с теми, кто приносил в починку обувь, и каждый раз изливал им свою душу, а вот Митя остерегался вступать в особые разговоры – он все еще боялся провокации. Но вот однажды к ним в подвал зашел молоденький старший лейтенант и принес в починку туфли своей жены. Он оказался дирижером военного оркестра, который входил в состав полка, недавно переброшенного в этот район. От него Митя узнал, что в оркестре не хватает музыкантов и особенно нужен трубач. Чтобы поддержать

разговор, Митя сказал, что когда-то играл на трубе в художественной самодеятельности. Это заявление вызвало интерес у военного дирижера, и он спросил, есть ли у Мити труба. Тот отрицательно покачал головой. Тогда старший лейтенант сказал, что если Митя хочет, он может принести ему трубу, чтобы он позанимался. Потом он проверит, можно ли принять Митю в оркестр в качестве сверхсрочника. Митя выразил сомнение в успехе этого мероприятия, но все же согласился попробовать.

На следующий день старший лейтенант пришел, чтобы забрать починенную обувь и принес с собой побитую старую педальную трубу и блокнотик с рукописными нотами. Мите пришлось немного повозиться, пока он привел трубу в порядок. Он почистил кроны, выпрямил и смазал клапаны. Только после этого он попробовал извлечь из трубы какой-то звук. Оказалось, что, несмотря на то, что после училища, то есть около десяти лет, Митя не брал трубу в руки, он не все забыл. Поощряемый старым сапожником он стал потихоньку упражняться на трубе, а чтобы соседям не было слышно, заткнул раструб полотенцем. Дней через пять явился военный дирижер, принес другую женскую пару обуви в починку и спросил у Мити:

– Ну, как? Есть прогресс? Можно послушать?

– Пока нет, – сказал Митя, пожав плечами, и попросил дать ему еще какое-то время.

– Хорошо, – сказал дирижер, – приду на следующей неделе. Надеюсь, что все будет в порядке. До зарезу нужен трубач.

Через несколько дней старший лейтенант пришел, чтобы послушать игру Мити. Тот сначала пробовал отказываться, но потом, смущаясь и краснея, сыграл не без греха «Встречный марш» и марш «Парад» Чернецкого. Митя никак не ожидал, что дирижер останется доволен его игрой, и очень удивился, когда тот попросил у него документы чтобы попытаться оформить Митю на должность сверхсрочника. Уходя, дирижер попросил Митю не прекращать занятий на трубе. Он сказал, что сделает все возможное, чтобы Митю приняли на работу. Как потом выяснилось, старший лейтенант наткнулся почти на непреодолимые препятствия, получал один отказ за другим, пока не добрался до командира дивизии. Ведь это был совершенно неординарный случай – надо было принять в качестве сверхсрочника бывшего политрука, который побывал в плену у немцев. Командир дивизии, который в начале войны сам со своим полком попал в окружение и чудом выбрался оттуда, не видел никакой вины Мити в том, что он оказался в плену, и не считал преступлением то, что тот спас свою жизнь, скрыв от немцев, что он политрук. Поэтому он не возражал, чтобы Митю приняли в качестве сверхсрочника в полковой оркестр. Так произошел новый поворот в

судьбе Мити. Он опять надел военную форму, но теперь это была уже не офицерская форма политрука, а простая солдатская. Митя очень тепло распрощался со старым сапожником, к которому успел привязаться всей душой. На прощанье он принес бутылку водки, хотя сам практически не употреблял алкогольных напитков, и они распили по рюмочке. Накануне он позаботился о старике и нашел ему подручного. Так что тот не остался одиноким.

В оркестре Митю приняли весьма дружелюбно, и он вскоре почувствовал себя как дома. Теперь ему был обеспечен паек, обмундирование и даже небольшая зарплата. Так что, не надо было беспокоиться о завтрашнем дне, и даже можно было подумать об устройстве своей личной жизни. Вскоре после того, как Митю приняли на работу, воинскую часть вместе с оркестром перебросили в соседний городок.

Прошло немного времени, они освоились на новом месте, и один из музыкантов, который тоже был сверхсрочником, пригласил Митю к себе домой. Там Митя познакомился с подругой жены музыканта, которая сразу ему понравилась. В разговоре он узнал, что она вдова, что муж погиб во время сталинских репрессий, что у нее есть дочь и что живет она вместе с матерью и сестрой, тоже молодой вдовой, у которой муж был матросом на военном корабле и погиб в самом начале войны. Митя начал искать встреч со своей новой знакомой, которая ему все больше и больше нравилась. Его не смущало, что она еврейка, а ей было безразлично, какой Митя национальности. Он ей нравился, и, кроме того, положение у нее было крайне тяжелым. Так что, вскоре они поженились.

До этого Митя подыскал заброшенную халупу, которую немцы во время оккупации использовали как хлев, получил разрешение на поселение в ней и начал приводить ее в порядок. Это был каторжный труд. Не было нужных материалов, не было инструмента. Мите пришлось изобретать и комбинировать. В конце концов, халупа стала похожа на жилье, и Митя поселился в ней со своей новой женой.

К БЕРЕГУ.

Зюнька Кац возвращался в СССР из зоны, оккупированной союзниками, вместе с группой, в которой не все добровольно ехали домой. Некоторые пытались остаться на Западе, но их насильственно отправляли на родину. Надо сказать, что Зюнька ехал домой не с пустыми руками. Где-то он приобрел две пары часов, патефонные иголки, гражданский костюм, сапоги и обмундирование немецкого солдата. Все это у него было уложено в крепкий деревянный чемодан и закрыто на замок. Мужчин в группе было немного. Основную часть ее составляли девушки, которых вывезли в Германию, что-

бы прислуживать немецким хозяевам. Все они несли чемоданчики с барахлом. Так что чемодан Зюньки не бросался в глаза. Ехали домой в товарных вагонах, в которых были устроены нары, а на полу насыпано сено. Женщин поместили в один вагон, а мужчин в другой. На узловых станциях их пересаживали в другие поезда с такими же товарными вагонами с тем, чтобы доставить каждого по назначению. Ехали довольно долго.

Но вот, наконец, Зюнька прибыл в городок, в котором оставил свою семью. Городок мало изменился, но Зюньке почему-то он показался чужим. И, кроме того, его ждала большая неприятность: домик, в котором они жили, сгорел почти дотла. Однако Зюнька был не из тех, кто впадает в отчаяние. Он пошел бродить по городку в надежде встретить кого-нибудь из знакомых. На улицах было мало людей, и никто не окликнул Зюньку, и он никого не узнал. Тогда он решил пойти на рынок, и тут сразу же столкнулся со стариком, отцом одного из «бойцов», который был мобилизован вместе с Зюнькой. Они узнали друг друга, оба обрадовались и обнялись. Посыпались вопросы. И тут старик заплакал. Оказалось что его единственный сын, который ехал на фронт вместе с Зюнькой, был ранен на той узловой станции, пролежал месяц в госпитале, потом был отправлен на фронт, воевал, получил медаль «За отвагу» и орден «Славы», а в 1943 году погиб. А Зюнька, конечно, сразу же спросил о своей семье, хотя не особенно надеялся получить от старика какую-то информацию. Но тут вдруг оказалось, что тот знает все, что Зюньке требовалось. Так получилось, что Дудя и Доба, так звали старика и его жену, эвакуировались в один и тот же городок в Узбекистане, куда выехала семья Зюньки. Дудя сразу же успокоил Зюньку сказав, что жена и дети его живы. Только тесть, который все отдавал внукам, опух от голода и умер. На дальнейшие расспросил Дудя ответил, что семья Зюньки, если ей не помочь, вряд ли сможет скоро выбраться оттуда, что это не так просто добиться разрешения на выезд. Ему же с Добой сразу разрешили вернуться домой, потому что их сын погиб на фронте. После разговора с Дудей Зюнька воспрянул духом. Его не смущали трудности, которые ему придется преодолеть. Идею написать письмо он сразу же отбросил как бесполезную. К тому же, Дудя и Доба не помнили адреса, по которому проживает его семья. Однако Зюнька не ожидал, что это дело окажется таким трудным. Все архивные документы пропали. Надо было найти, по крайней мере, двух свидетелей, которые бы подтвердили, что Зюнька действительно жил до войны со своей семьей по такому-то адресу и работал на бойне. Справку о том, что он попал в концлагерь после контузии, направляясь на фронт, он имел при себе.

Помотавшись немного, Зюнька уладил это, а потом решил подыскать жилье, чтобы привезти семью не на пустое место. В домике, где до войны жили его тесть с тещей, поселились какие-то темные личности. Сначала Зюнька их хорошенько припугнул, а потом в Исполкоме, подарив нужному человеку ручные часы, сумел выселить этих деляг и прописать свою семью по этому адресу.

Между тем, Зюнька успел дважды устроиться на работу. К сожалению, бойня была закрыта, и он не мог вернуться к своему довоенному ремеслу. Поэтому сначала он попробовал свои силы в артели, которая изготовляла колеса для разного рода телег. Профессия называлась «колесник». Не удивительно, что эта работа у Зюньки не пошла. Не было ни опыта, ни сноровки. Но вот второе дело ему пришлась по душе. Это старый знакомый помог ему устроиться мясником на базаре. Отсюда у Зюньки появились деньги. Вдобавок ему удалось продать кое-что из деревянного чемодана.

Теперь надо было как можно скорее достать билет на поезд. Несмотря на все его отчаянные попытки, Зюньке так и не удалось этого добиться, и он решил ехать на крыше вагона, как это делали многие тогда. Власти смотрели на этих безбилетных пассажиров сквозь пальцы. Езда на крыше вагона была не очень удобным и отнюдь не безопасным делом, особенно в ночное время. Бандиты группами забирались на крыши и грабили всех подряд, а тех, кто оказывал сопротивление, сбрасывали с поезда или даже убивали. Но у многих не было другого выхода, и они отправлялись в эти рискованные путешествия. Зюнька же был уверен, что сумеет постоять за себя. Он бывал в разных переделках и знал, как защититься. На крыше вагона он нашел себе подходящего кореша и договорился с ним о совместной обороне в случае необходимости. У Зюньки была финка, кастет и увесистый кусок цепи, а у его попутчика, кажется, даже был немецкий пистолет. Зная, что бандиты двигаются по крыше вагона навстречу друг другу, Зюнька и его новый кореш сели спина к спине и решили дремать по очереди. В общем, поездка оказалась довольно спокойной. Только дважды их пытались ограбить. Но оба раза Зюнька со своим напарником вставали навстречу любителям легкой наживы и, когда те говорили, что им надо пройти, требовали чтобы они проходили по одному и спиной к Зюньке с напарником. И оба раза бандиты, встретив сопротивление, оставляли их в покое.

Но вот, наконец, Зюнька прибыл в город, где жила его семья. Без особого труда, пользуясь указаниями Дуди, он нашел их жилище и вошел в эту маленькую глиняную халупу. Произошла полная драматизма встреча. Жена упала в обморок от нахлынувших чувств, дети испугались, а Зюнька смотрел и не узнавал своих детей. Боже, как они выросли и в каком они все были виде! Ободранные, то-

щие, грязные. После того, как первый шок прошел, Зюнька с женой пошли на базар. Там он купил огромную дыню, штук десять чуреков и маленького барашка. Дома он его аккуратно зарезал, снял шкуру и разделал. А до этого он немного покормил семью дыней и чуреками и, имея опыт жизни в концлагере, следил, чтобы дети не переелись. Потом он занялся приготовлением мяса. На дворе стояла жаровня с колосниками. Жена принесла дрова, и Зюнька развел огонь. Через некоторое время дети, с умилением глядя на Зюньку, жадно поглощали жирные куски мяса.

Между тем, жена рассказала, как удалось спасти детей и себя от голодной смерти. Ей повезло, что среди эвакуированных нашлись сердобольные люди, которые, видя в каком отчаянном и бедственном положении они находятся, помогли ей устроиться уборщицей в детдоме, где была столовая, и где ей в конце дня выделяли немного из сэкономленной похлебки и каши. Это было главное, чем кормилась семья. Тех жалких нескольких рублей, которые она зарабатывала, едва хватало на квартплату и на то, чтобы изредка купить детям чуреки. А потом она рассказала, как умер ее отец. Из той скудной еды, которую им удавалось добыть, он оставлял себе только крохи, все остальное отдавал внукам. И с каждым днем худел все больше и больше, а потом опух от голода и умер. Сказав это, жена Зюньки горько заплакала, и даже у него запершило в горле. Он любил тестя. О себе же Зюнька пока ничего не рассказывал. На все вопросы жены он отвечал:

– Потом! Потом!

На следующий день Зюнька пошел на вокзал в надежде достать билеты на поезд. О том, чтобы ехать на крыше вагона с детьми, разумеется, не могло быть и речи. С помощью мелких подачек ему удалось выйти на нужного человека. Здесь Зюньке пришлось дать большую взятку, так что после приобретения билетов у него почти не осталось денег. Пришлось продать почти последнее, что оставалось в чемодане. И через два дня, купив продукты на дорогу, Зюнька с семьей отправились домой.

Ехали долго, почти целую неделю. Еле хватило на дорогу еды, и, кроме того, в последние два дня все, что осталось, было либо черствым, либо испорченным. Однако при этом жена сказала, что все же это было лучше чем то, что они ели до приезда Зюньки. Но вот, наконец, прибыли в родной город и пошли пешком с вокзала к дому покойного тестя. Когда подошли, Зюнька не поверил своим глазам: доски, которыми он до отъезда заколотил окна и двери, сорваны, и кто-то уже успел поселиться в их доме. Оказалось, что это семья погибшего на фронте командира получила ордер на ту же квартиру. Начали копаться, каким образом Зюньке удалось получить ордер.

Ситуация была кошмарной. Хорошо еще, что отец приятеля Зюньки, с которым он работал на бойне, предложил им пока приютиться в его крохотной квартире. И начались хождения по мукам. Отвоевать квартиру тестя оказалось делом безнадежным. Все аргументы были не в пользу Зюньки. Тесть умер, Зюнька не жил в этой квартире и, кроме того, не мог считаться ветераном войны. А на новую взятку уже не было денег. Все же надо было найти какой-то выход из этого кошмарного положения, и Зюнька продолжал свои хлопоты, пока в конце концов не получил нечто наподобие жилища. Это была хижина, крытая соломой, и с глиняным полом. Внутри были, так сказать, две комнаты небольшого размера. В каждой по маленькому окошку с выбитыми стеклами. Входная дверь держалась, как говорится, «на соплях». Чтобы привести эту халупу в состояние, пригодное для жилья, пришлось нанять строительного рабочего и отдать ему последние деньги. Обстановка осложнялась еще тем, что Зюнька оказался безработным. А случилось то, что за время его поездки, в городе арестовали и посадили поставщиков мяса на базаре за «спекуляцию», то есть за то, что они выращивали скот и продавали мясо на рынке по ценам, которые были выше государственных. В результате, мясо там перестали продавать, и Зюнька лишился «теплого места». Он сразу же начал искать другую работу, но ничего подходящего нельзя было найти. Чтобы семья не умерла с голоду, пришлось заняться первым попавшимся делом, и Зюнька стал сторожем. Однако эта работа была ему не по душе, поэтому он вскоре ушел оттуда и стал тем, кем был его отец, то есть простым грузчиком.

ВСТРЕЧА.

Жизнь у Мити постепенно налаживалась. Благодаря усиленным занятиям он быстро вошел в форму и стал играть на трубе так, что ему нельзя было предъявить особых претензий. Этот его прогресс не остался незамеченным и получил свое отражение в том, что Митю назначили старшиной оркестра и присвоили ему соответствующее звание. Это немного улучшило материальное положение его семьи. А дома Митя все свободное время занимался хозяйством. Он изготовил и установил внутри дома дополнительные стены на небольшом расстоянии от существующих и этим самым избавился от сырости во всех углах. Затем он вынул маленькие старые окна, расширил проемы и поставил новые нормальные окна. В квартире стало светлее. Несколько позже, раздобыв строительный материал и газовую плиту, Митя сделал пристройку к дому, которая стала кухней. Здесь он установил плиту и приобрел газовый баллон. С тех пор приготовление еды перестало быть мучением. А до этого жена Мити пользовались сначала примусом, а потом керогазом. Кроме

того, Митя починил крышу и полы. Теперь это была уже не лачуга, теперь это был дом. Разумеется, жена ему помогала, как могла, особенно когда они купили кур и завели себе огород. Здесь они посадили картофель, свеклу, огурцы, подсолнухи и многое другое.

Тем временем Митя получил сведения о месте проживания его дочери и бывшей жены. Несмотря на боль, которую Оля ему причинила, Митя считал, что необходимо с ней встретиться, и конечно, ему очень хотелось увидеть свою дочь. После того, как он обсудил все со своей теперешней женой Лизой, Митя послал Оле письмо, в котором выразил желание приехать к ним и посмотреть на свою повзрослевшую дочь. Вскоре он получил ответ, в котором бывшая жена умоляла простить ее за то, что не дождалась его возвращения. Ведь они считали его погибшим. Она и дочь будут очень рады его видеть.

И Митя поехал. Всю дорогу он нервничал. Он не мог себе признаться, что боится этой встречи, что душевная рана, которую причинила ему бывшая жена, не совсем зажила. Приехав на место, Митя довольно легко нашел по адресу ее дом, так как хорошо помнил расположение улиц в Харькове. Тем более, что дом этот оказался близко к центру города. Это был новый многоэтажный дом с лифтом, но Митя не привык к такой роскоши, ему никогда в жизни не приходилось пользоваться лифтом, и он боялся там что-то напутать, поэтому пошел на третий этаж пешком. Дверь ему открыла Оля, и сердце у Мити упало. Она очень мало изменилась, только слегка пополнела, что делало ее еще более привлекательной. Оля была смущена не меньше Мити и стала как-то суетливо за ним ухаживать. Дочь не помнила отца и даже вроде бы немного его боялась, стараясь держаться подальше от него. Встреча с самого начала и до конца получилась чрезвычайно натянутой. Митя был смущен роскошной обстановкой в доме: три большие комнаты, прекрасная мебель, ковры, посуда. Зная о том, что муж Оли майор интендантской службы, Митя понимал, откуда взялось все это богатство. Его леденцы и кустарный Мишка, которые он привез в подарок дочери и от которых она отворачивалась, выглядели жалкими на фоне этой роскоши.

Вот и произошла встреча, о которой Митя мечтал все эти годы, когда находился в плену. Но как это было далеко оттого, что он рисовал в своем воображении! Не только жена, но и дочь стала для него совершенно чужой. И даже ожидаемого объяснения не произошло. Митя уже сомневался, нужно ли было ему сюда приехать. А Оля тем временем поставила на стол водку и угощение из каких-то незнакомых блюд, но он к ним даже не притронулся, сославшись на выдуманную язву желудка. И, кроме того, добавил, что ему надо поторопиться, так как он должен якобы встретиться с одним человеком и ему важно не опоздать. Оля из вежливости попросила Митю подождать немного, чтобы встретиться с ее мужем, который скоро должен прийти. Но эта встреча никак не входила в планы Мити, и он поспешно распрощался, обещав снова приехать к ним. А, попрощавшись, оба почувствовали облегчение. Уж очень неловкой была встреча. И хотя Митя обещал как-нибудь навестить их, оба прекрасно понимали, что никакой другой встречи не будет.

РАСПЛАТА.

Если не считать поездки в Харьков, то Митя только дважды уезжал ненадолго из дому. Первый раз это было, когда он решил поискать свои закопанные документы в надежде, что это поможет восстановлению его прежнего воинского звания и принадлежности к партии. Обычно такого рода поиски не сулили успеха. Ведь с тех пор, что Митя попал в плен, прошло более семи лет. Скорее всего, Митя вообще не нашел бы этого места, если бы случайно не запомнил название деревни, где его схватили. Это было довольно редкое название, поэтому он его запомнил и поэтому сравнительно легко нашел эту деревню. Однако дальше все оказалось не так просто. То ли все здесь изменилось с тех пор, что не удивительно, то ли еще что-то, но Мите это место показалось совершенно незнакомым. Он уже жалел, что затеял это дело и потратился на дорогу. Ведь сослуживцы говорили ему, что ничего это не даст, даже если он найдет документы, что пусть лучше скажет «спасибо», что его не отправили на десять лет в лагеря. Однако для очистки совести Митя все же решил, что раз уж он сюда приехал, то надо поискать. Он углубился в лес, походил немного в поисках какого-нибудь ориентира и вышел на лесную поляну, осмотрелся, а затем, не очень надеясь, что это та же поляна, возле которой он спрятал свои документы и наган, стал наугад бродить вокруг нее. Походив немного и не найдя деревьев, на которых он сделал зарубки, Митя решил, что это не та поляна и пошел искать другую. Он долго бродил вокруг, но никакой другой поляны не нашел и снова оказался на прежнем месте. Теперь он совершенно потерял надежду найти деревья, которые служили ему ориентирами, и двинулся домой. Сделав несколько шагов, Митя случайно посмотрел вверх и на одном из больших деревьев на высоте около трех метров увидел крестообразное заглубление в коре. У Мити замерло сердце. Неужели это его зарубки? Он восстановил в памяти сцену закапывания документов и сразу же нашел второе дерево со следами зарубок. Он уже не раз проходил мимо этих деревьев, но почему-то искал свои зарубки значительно ниже. Теперь, сделав нужное число шагов в направлении от одного дерева к другому, Митя определил место захоронения документов.

Он положил на это место сумку, которую взял из дому и которую жена набила съестными припасами: вареными яйцами, картошкой, хлебом, салом. Открыв сумку, Митя достал из нее маленькую лопатку, завернутую в мешковину, и начал копать. Он ошибся совсем немного. Минут через двадцать лопатка наткнулась на что-то металлическое. Алюминиевый котелок был здесь! Теперь Митя начал почему-то нервничать, ему не терпелось узнать сохранились ли все. Первое что он увидел это то, что портянки, которыми он обмотал котелок, погнили, а сам котелок почернел. Открыв его, Митя обнаружил комок слипшихся и покоробленных документов, в которых вряд ли можно было что-то прочесть. Да, вся эта его поездка была пустой затеей. Однако пистолет был в тавоте и ничуть не пострадал. И патроны тоже. Сначала Митя хотел все это оставить здесь. Документы были бесполезными, а за хранение огнестрельного оружия можно было схлопотать чуть ли не высшую меру наказания. Однако, поколебавшись немного, Митя все решился взять все с собой. Он не мог бы толком объяснить, зачем он это сделал. Вернувшись и перед тем как войти в дом, он вынул из котелка пистолет с патронами, завернул их в мешковину и спрятал в сарае за дровами.

Жена встретила Митю так, как будто он вернулся с войны. Она захлопотала, забегала по дому. Пока Митя приводил себя в порядок, Лиза нажарила картошки с салом, сделала большую яичницу и вскипятила чай. Как всегда Митя ел с большим удовольствием и очень медленно, тщательно пережевывая каждый кусочек. Во время еды он рассказал жене о своих дорожных приключениях, а лишь потом показал ей, во что превратились его документы. Разглядывая их, Лиза почему-то плакала. Она всегда плакала, когда Митя рассказывал о своей жизни в немецком плену. Так закончилась первая поездка Мити из дому.

Через некоторое время Митя совершил свою вторую поездку. На этот раз в городок, в котором он жил до войны и где, вернувшись, сапожничал до поступления музыкантом в армию. Митя поддерживал дружеские отношения со старым сапожником, приютившим его в трудное время, и довольно часто посылал ему коротенькие письма, написанные каллиграфическим почерком. В ответ Митя получал небольшие сообщения старика, написанные почти каракулями. Старый сапожник был в курсе митиных дел и радовался каждому его успеху. Митя знал, что в последнее время старик серьезно болеет и хотел проведать его, но по различным обстоятельствам откладывал свою поездку. Но вот он получил сообщение из больницы, что его старый друг при смерти и хотел бы его увидеть. Митя немедленно собрался и на попутном военном грузовике поехал к своему умирающему приятелю. Он застал его при сознании. Старик сказал,

что кроме Мити у него не осталось на земле ни одного близкого человека, и просил Митю позаботиться о его похоронах. Он уговорил Митю забрать его сапожный инструмент и подарил ему часы, сказав, что это будет память о нем. У Мити, привыкшему в лагере равнодушно смотреть на умирающих, на этот раз комок подкатил к горлу. Митя сказал, что он и так его никогда не забудет. В ответ старик заплакал. Потом он просил Митю взять все, что он хочет из его скудного имущества. Через два дня он умер.

Митя сделал все возможное. У покойного осталось немного денег, и Митя использовал их все, чтобы похороны были достойными. В городке почти не было евреев и, конечно, не было ни синагоги, ни раввина, ни отдельно еврейского кладбища. Однако был участок, где до войны хоронили евреев. Там Митя и похоронил своего приятеля. На кладбище можно было заказать только два вида памятников: деревянный и металлический, но Митя считал, что они оба не подходят. Использовав последние деньги покойного, Митя договорился с кладбищенскими работниками, и они привезли ему подходящий гранитный памятник, на котором он сделал соответствующую надпись.

Вернувшись с кладбища, Митя хотел раздать имущество покойного соседям, но оказалось, что они уже все заранее распределили между собой, и только шла борьба за ордер на вселение в коморку сапожника. С тяжелым сердцем Митя уехал домой.

Больше он никуда не выезжал. А вскоре у них родился сын, и забот в семье прибавилось. Теперь Мите приходилось довольно часто ходить на базар, чего раньше он почти не делал.

И вот однажды на базаре Митя обратил внимание на грузчиков, которые снимали с полуторки мешки с картошкой. Один из них показался ему знакомым. Этот грузчик был очень похож на Сеньку Ткача, который служил немцам и был надсмотрщиком в концентрационном лагере, где страшно издевался над Митей. Неужели это он? У Мити перехватило дыхание. Стараясь не попадаться этому грузчику на глаза, Митя через подставных лиц узнал, что зовут этого грузчика Зюнька Кац. Имя было другое, но подозрение почему-то не оставило Митю. Поэтому он продолжал интересоваться этой личностью и узнал, что тот был в плену у немцев и освобожден союзниками. Что-то здесь было не то. Чтобы рассеять всякие сомнения, Митя решил неожиданно показаться этому грузчику на глаза и посмотреть, какая будет реакция. Он так и сделал. Выбрав момент, когда никого рядом не было, Митя вышел из укрытия и стал в двух шагах от Зюньки Каца, глядя ему прямо в лицо. Когда Зюнька вдруг увидел Митю, он заметно побледнел.

– Так это ты, гад?! – закричал Митя, – теперь я с тобой расчитаюсь!

Нет, Зюнька был не «лыком шит». Он мгновенно взял себя в руки и накинулся на Митю:

– Я тебе дам: «гад»! Ты чего здесь орешь?! За что это ты со мной собираешься рассчитаться?

Митя не ожидал такой реакции и немного растерялся.

– Может, я обознался, – сказал он, – вы очень похожи на одного изверга, который издевался над нами в лагере.

Да? – так это каждого, кто похож, ты будешь обзывать гадом? – сказал Зюнька, повернулся и пошел грузить.

И в это время Митя заметил знакомый шрам на шее у грузчика. Нет, такого совпадения не могло быть! Это определенно был Сенька Ткач! Митя решил узнать, где живет этот мерзавец. А чтобы не спугнуть его, Митя не стал никого спрашивать, а начал тайком следить за ним. Пришлось потратить почти целый день. Митя знал, что жена будет волноваться, но не хотел упустить этого оборотня. А грузчики работали почти до закрытия рынка. Закончив работу, они сели и распили бутылку водки. Только после этого Зюнька отправился домой. Митя долго следовал за ним и наконец увидел, как тот вошел в довольно бедную старую лачугу. Митя постоял немного, размышляя, и пошел к себе. Он был немного растерян и не мог решить, что делать. Все же какая-то тень сомнения была. Можно, конечно, пойти и заявить в милицию, но вдруг это окажется не Сенька Ткач. Тогда могут быть неприятности. Он пришел домой и увидел заплаканную жену. Оказалось что она не только страшно волновалась, но и бегала на рынок спрашивать знакомых, не видели ли они там Митю. Чтобы успокоить жену, Митя рассказал ей всю историю. От его рассказа Лиза еще больше разволновалась. Митя еле успокоил ее, повторяя, что скорее всего он обознался.

Весь следующий день Митя думал как ему поступить и только вечером, придя со службы домой, принял решение. Он сказал жене, что ему надо пойти по делам в воинскую часть, где он служил, а сам зашел в сарай, разобрал дрова и достал спрятанный пистолет. Он хорошенько вытер его и машинально зарядил. Митя не собирался стрелять, но если это действительно окажется Сенька Ткач, то от него всего можно ожидать, и пистолет может понадобиться. Митя не представлял себе как отомстить этому гаду, все что он мог сделать это припугнуть его, а потом передать в карательные органы.

Тем временем Зюнька Кац рассказал своей жене, что встретил на базаре одного человека, с которым был в лагере и который «имеет на него зуб». Зюнька не стал особенно распространяться, только сказал что этот человек может ему навредить.

Когда Митя подошел к дому, где жил Зюнька Кац, было уже довольно темно. Похоже что в доме не было электричества, так как на

столе горела керосиновая лампа. Митя постучал в дверь, сначала тихо, а потом громче. Дверь открыла жена Зюньки и увидела пистолет в руках у Мити. Она упала на колени и, подняв руки к небу, закричала:

– Не убивайте его! Не убивайте! Я Вас умоляю! Если вы его убьете, дети помрут с голоду!

На этот крик из дому высыпала куча детей, мал мала меньше, все грязные, оборванные, испуганные, обхватили мать и начали вместе с ней плакать. Тут же в коридоре появился Зюнька и увидел Митю.

– А, это ты, – сказал он спокойно, – ну, что ж заходи, гостем будешь. А ты перестань валяться у него в ногах! – прикрикнул он на жену. Пусть он лучше скажет спасибо, что я не заложил его в лагере. Мне солдат из их дивизии рассказал, что он был политруком. Я этому солдату заткнул пасть. Иначе они бы там живьем сожгли этого политрука, и он бы не размахивал сейчас своим пистолетом. Он тогда спасал свою шкуру, и я спасал свою шкуру, но я при этом никого не закладывал.

Митя стоял как в столбняке. Он был в полном замешательстве. Действительно, ведь Сенька Ткач сказал тогда, что знает о нем кое-что. И тот человек, который показался ему знакомым, видимо, был солдат из их дивизии. Тут было о чем подумать. Наконец Митя пришел в себя и проговорил сквозь зубы:

– За то, что ты тогда издевался надо мной, собака, тебя надо было бы пристрелить, но скажи спасибо своей жене – я этого делать не буду.

И выдержав какую-то паузу, Митя добавил:

– И я никогда никого в жизни не закладывал.

Сказав это, он повернулся и ушел. Подойдя к дому, он завернул пистолет и патроны в мешковину, крепко завязал и бросил это в уборную, находившуюся за сараем. Потом постоял немного и, наконец, зашел в дом. Жене он ничего не рассказал.

А на следующее утро Митя зашел в уборную и посмотрел вниз. Никаких следов пистолета не было видно. Человеческие испражнения поглотили орудие убийства.

СОДЕРЖАНИЕ

ОЧЕРКИ МУЗЫКАЛЬНОЙ БУРСЫ

Утро ... 6
Зянятия ... 13
Пропал ишак ... 21
Кокандские развлечения ... 24
Месть ... 35
Малаховские страдания ... 40
Четыре эпизода из жизни Терпогосова ... 50

НАБЛЮДЕНИЯ ИЗ ЯМЫ

Парады ... 58
Торжества ... 60
Церемонии ... 75
Битва титанов ... 76
Отдых ... 80
Шпион ... 84
Имя ... 87
Закон Пядухова ... 90
Стоматит ... 93
Самородки ... 100
Часть 1. Скерцо ... 100
Часть 2. Адажио. Аджитато ... 101
Часть 3. Аллегро. Морендо ... 104
Часть 4. Анданте. Состенуто ... 109
Смурняк ... 113
Урень ... 116

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ ЗАРИСОВКИ

Дорога ... 124
АСП ... 126
Неожиданный взлет ... 129
Свадьба ... 140
Мои сослуживцы ... 143
Из рассказов танцора Быкова ... 151

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Экзамен ... 158
Сила привычки ... 165
В институте ... 171

ОТ ТРУДОВ ПРАВЕДНЫХ

Алкаш и другие ... 176
Командировка ... 181
Худ. самодеятельность ... 196
Репетиция ... 196
Свидание ... 199
Шефский концерт ... 202
Богема на Кузнечной (Рассказ для взрослых) ... 208
Неравенство равных ... 215

ЕРАЛАШ

Охламон ... 223
Голубая кровь ... 230
На распутьи ... 238
Квартирные страсти ... 246
Несгибаемая ... 253
Дамоклов меч ... 262
За длинным рублем ... 267
Долг ... 275
Самоубийцы ... 280

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Интервью ... 290
Финансовые проблемы ... 292
Среди туземцев ... 294
Гурман ... 299
Крещение ... 301
Убийцы среди нас ... 302
Как важно быть десятым ... 303
Деяния святого Эдди ... 306
Гибель приятеля ... 311

НЕ УБИЙ

Зюнька ... 316
Митя ... 321
Война ... 324
Зюнька меняет фамилию ... 326
Лагерь ... 329
Возвращение ... 331
К берегу ... 335
Встреча ... 339
Расплата ... 341